

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 5
СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ**

2022

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ОддАрне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), **Николаус Катцер** (Германия), **Доминик Ливен**
(Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия), **В.С. Мясников** (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция),
Дональд Рейли (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 5

SEPTEMBER–OCTOBER

2022

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY:
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL COUNCIL

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A

Web-site: <http://nni.jes.su>

e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

- Давыдов И.П., Фадеев И.А. Сравнительная литургика как историческая дисциплина: эпистемологический аспект 5

НОВОЕ ВРЕМЯ

- Хоменкова В.Ю. Изобретая Корнуолл: региональная автономия в раннестюартовской Англии 21
- Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы..... 34
- Ястребов А.О. О сотрудничестве высокопоставленного представителя Святого Престола с российскими дипломатами в Константинополе в реляции графа Саввы Рагузинского царю Петру 46
- Митрофанов А.А. «Альпийская Вандея». Трансформация народного протеста в Савоие 1793 года 60
- Стерхов Д.В. Протестантская церковь и военная мобилизация в Пруссии во время Освободительной войны 1813 года 74
- Матвеева А.Г. Вильгельм II и отставка О. фон Бисмарка 92

XX ВЕК

- Мирзаханов В.С., Ланник Л.В. Бакинский кризис в истории Батумской подсистемы: кульминация неудавшихся имперских проектов, август–сентябрь 1918 года 104
- Полякова Е.Ю. Ирландия в годы войны за независимость. От перемирия к мирному договору . 120
- Осинов Е.А. К вопросу о долгах царской России. Советско-французская конференция 1926–1927 годов по материалам архива МИД Франции 131
- Буранок С.О. Фильм «Остров Уэйк» 1942 года: особенности пропаганды и визуализации Второй мировой войны в США 142
- Токарева Е.С. Итальянские католические капелланы на Восточном фронте в годы Второй мировой войны 153
- Беглов А.Л. Религиозная жизнь в СССР и его отношения с союзниками в 1943 году глазами американского ассумпциониста..... 173
- Жданова Е.С. Помощь Ватикана советским военнопленным во время и после Второй мировой войны..... 185

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Пивовар Е.И., Гушин А.В., Левченков А.С. ОДКБ и проблемы региональной безопасности на евразийском пространстве (к 30-летию Договора о коллективной безопасности) .. 204

СООБЩЕНИЯ

- Рыбачёнок И.С. Патриарх российской дипломатии Егор Егорович Стааль (1822–1907) 217

РЕЦЕНЗИИ

- Филатов Г.А. Страницы истории Колумбии (История Колумбии с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред. А.А. Шелчков, З.В. Ивановский. М., 2022) 233
- Хавкин Б.Л. Леопольд фон Ранке: ключевая задача историка состоит в том, чтобы «показать, как это было на самом деле» (В.Л. Черноперов, С.М. Усманов. Леопольд фон Ранке — жизнь и творческое наследие: монография. Иваново, 2021) 236
- Филитов А.М. Как закончилась холодная война и что за этим последовало. Размышления в связи с новой книгой российских и зарубежных историков (Окончание холодной войны в восприятии современников и историков. 1985–1991 / под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М., 2021) 239

Памяти ушедших

- Шлыков В.И., Шлыков П.В. Судьба османита в России: памяти профессора М.С. Мейера (1936–2022) 247

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Davidov I.P., Fadeyev I.A. Comparative Liturgy as a Historical Discipline: An Epistemological Aspect 5

MODERN HISTORY

Khomenkova V.Yu. Inventing Cornwall: Regional Autonomy in Early Stuart England 21

Fyodorov S.E., Palamarchuk A.A. The British Composite Monarchy: Supreme Power and Ethnocultural Processes 34

Yastrebov A.O. On the Cooperation Between a High-Ranking Representative of the Holy See and Russian Diplomats in Constantinople in a Letter from Count Sava Raguzinsky to Tsar Peter 46

Mitrofanov A.A. “Alpine Vendée”. Transformation of the Popular Protest in Savoy, 1793 60

Sterkhov D.V. The Protestant Church and Military Mobilisation in Prussia During the Wars of Liberation in 1813 74

Matveeva A.G. Wilhelm II and the Resignation of Otto von Bismarck 92

20th CENTURY

Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. The Baku Crisis in the History of the Batum Subsystem: The Culmination of the Failed Imperial Projects, August–September 1918 104

Polyakova E.Yu. Ireland During the War of Independence. From the Truce to the Treaty 120

Osipov E.A. On the Question of the Debts of Czarist Russia. The Soviet-French conference of 1926–1927 ... 131

Buranok S.O. The 1942 Film “Wake Island”: Features of the Propaganda and Visualisation of World War II in the United States 142

Tokareva E.S. Italian Catholic Chaplains on the Eastern Front During World War II: Perception of Soviet Reality, Military Realities, and Apostolate in the Territories Occupied by Italy 153

Beglov A.L. Religious Life in the USSR and the Allied Policy of 1943: The Perspective of an American Assumptionist 173

Zhdanova E.S. Vatican Assistance to Soviet Prisoners of War During and After World War II 185

CONTEMPORARY HISTORY

Pivovar E.I., Guschin A.V., Levchenkov A.S. CSTO and Problems of Regional Security in the Eurasian Space (on the 30th Anniversary of the Collective Security Treaty) 204

MESSAGES

Rybachenok I.S. Patriarch of Russian Diplomacy Yegor Yegorovich Staal (1822–1907) 217

REVIEWS

Filatov G.A. Pages of Colombian History (History of Colombia from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century / eds A.A. Schelchkov, Z.V. Iwanowsky. Moscow, 2022) 233

Khavkin B.L. Leopold von Ranke: The Historian’s Key Task is to Show “How Things Actually Were” (V.L. Chernoperov, S.M. Usmanov. Leopold von Ranke – Life and Creative Heritage: Monograph. Ivanovo, 2021) 236

Filitov A.M. How the Cold War Ended and What Followed. Reflections on a New Book by Russian and International Historians (The End of the Cold War in the Perception of Contemporaries and Historians. 1985–1991 / eds O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. Moscow, 2021) 239

Memory of the Departed

Shlykov V.I., Shlykov P.V. The Destiny of an Ottoman Historian in Russia: In Memory of Professor Mikhail Meyer (1936–2022) 247

DOI: 10.31857/S013038640021043-5

© 2022 г. И.П. ДАВЫДОВ, И.А. ФАДЕЕВ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИТУРГИКА КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Давыдов Иван Павлович – доктор философских наук, философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: ioasaph@yandex.ru

Scopus Author ID: 57225032607; ORCID: 0000-0002-2512-0127; Researcher ID: AAR-3005-2020

Фадеев Иван Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

Scopus Author ID: 57195421011; ORCID: 0000-0003-2202-2246; Researcher ID: AAO-9571-2020

Аннотация. Объектом данного исследования является христианская литургия, а предметом – ее методология. Цель – уточнение места сравнительной литургии в ряду исторических дисциплин – определила постановку основных задач: 1) экспликацию методологических установок ведущих литургистов эпохи так называемого «литургического возрождения» XIX–XX вв., а также современных исследователей литургической истории (в лице Проспера Геранже, Фернана Каброля, А.П. Голубцова, Антона Баумштарка, Роберта Тафта, Фрица Уэста, Карла Х. Бирица и др.), к которому относится и католическое литургическое движение; 2) апробацию их методологии на конкретном историческом материале в контексте межконфессиональных теологических дискуссий вокруг вопросов пресуществления Св. Даров, по-разному решаемых в православии, католицизме, лютеранстве, кальвинизме и других конфессиях и церквях, в том числе Церкви Англии; 3) выявление специфики исторической компаративистики. Авторы приходят к выводу, что вышеназванные литургисты в своих штудиях использовали именно исторический сравнительный метод, а не теологический либо какой-то иной (юридический, социологический, политологический), тем самым создавая новую историческую дисциплину – сравнительную литургику как науку. Современный комплексный «литургический метод» относится к метатеоретической области литургиологии, поскольку включает в себя целый междисциплинарный арсенал конкретных методов и методик, таких как, например, каузальный анализ, анализ форм, структурно-функциональный анализ, методы классификации, экстраполяции и моделирования, требующих постоянной ревизии и обновления. Насколько такая ревизия важна, иллюстрируется примером обращения А. Баумштарка к организационной теории в русле эволюционизма. Относительная новизна предпринятого исследования видится его авторам (а) в переносе фокуса внимания с православно-католической полемики на внутриреформатскую, обычно редко освещаемую в трудах по литургии; (б) в попытке строгого эпистемологического разграничения литургии (частной теории) и литургиологии (общей теории) как близкородственных дисциплин по признаку тяготения одной к области ритуалистики (частной теории ритуала), а другой – к области ритуалогии (общей теории ритуала). Дополнительную актуальность исследованию придает необходимость учета тезауруса литургии при проведении искусствоведческих экспертиз современного церковного и секулярного художественного творчества.

Ключевые слова: история христианской церкви, евхаристия, историческая литургия, литургиология, литургическое движение, ритуалистика, «литургическая парадигма», «литургический метод», методология науки, философия религии.

I. P. Davidov, I. A. Fadeyev

Comparative Liturgy as a Historical Discipline: An Epistemological Aspect

Ivan Davidov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: ioasaph@yandex.ru

Scopus Author ID: 57225032607; ORCID: 0000-0002-2512-0127; Researcher ID: AAP-3005-2020

Ivan Fadeyev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

Scopus Author ID: 57195421011; ORCID: 0000-0003-2202-2246; Researcher ID: AAO-9571-2020

Abstract. The study focuses on Christian Liturgics and its methodology. The goal of clarifying the place of comparative liturgy among the historical disciplines has determined the main research tasks, namely: 1) to explicate the methodological approaches of leading liturgists of the so-called “liturgical renaissance” of the nineteenth and twentieth centuries, including the Catholic liturgical movement, as well as of contemporary scholars of liturgical history (Dom Prosper Guéranger, Dom Fernand Cabrol, Alexander Golubtsov, Anton Baumstark, Robert Taft, Fritz West, Carl H. Bieritz, Dom Alcuin Reid etc.); 2) to test their methodology on concrete historical material in the context of inter-confessional theological debates around the question of the transubstantiation of the Holy Eucharist, which are resolved differently in the Orthodox, Catholic, Lutheran, Reformed and other ecclesiastical bodies, including the Church of England; 3) to identify the distinctive features of historical comparative studies. The authors conclude that the aforementioned liturgists used the historical comparative method in their studies, not theological or any other (legal, sociological, political) method, thereby creating a new historical discipline – comparative liturgy. The modern complex “liturgical method” belongs to the metatheoretical field of liturgiology, as it comprises a whole interdisciplinary arsenal of specific methods and techniques, such as causal analysis, form analysis, structural and functional analysis, methods of classification, extrapolation and modelling, which require constant revision and updating. The importance of such revision is illustrated by the example of Anton Baumstark’s appeal to organicist theory in the mainstream of evolutionism.

Keywords: history of the Christian Church, Eucharist, history of the liturgy, liturgiology, liturgical movement, ritualism, “liturgical paradigm”, “liturgical method”, research methodology, philosophy of religion.

Любопытным культурным феноменом конца XIX – начала XXI в., отмеченным современным итальянским философом Джорджо Агамбеном, является пристальный «интерес к литургии со стороны искусства»¹. Хорошее знание истории литургического движения² (в его германском бенедиктинском изводе Лаахского монастыря св. Марии в Рейнской области 20-х годов прошлого столетия) позволяет ему утверждать наличие в гуманитаристике – истории, философии, искусствоведении, религиоведении, а не только

¹ «Художники и поэты ...начинают видеть в своих практиках отправление литургии – в самом прямом смысле термина, который охватывает как сотериологическое измерение, где в центре оказывается духовное спасение художника, так и измерение перформативное, в рамках которого творческая деятельность обретает форму ...ритуала ...действенного в силу самого факта своего отправления» // Агамбен Дж. Творение и анархия. Произведение в эпоху капиталистической религии / пер. с итал. под ред. М. Лепиловой. М., 2021. С. 24.

² Литургическое движение — это движение исследователей истории литургии и литургического богословия XIX и XX вв., ратовавших за возвращение литургического благочестия на его законное место в жизни церкви. Оно берет свое начало в католической церкви (отсчет можно вести от *motu proprio* папы Пия X *Tra le sollecitudini*, опубликованного 22 ноября 1903 г.), распространившись впоследствии на другие христианские конфессии, включая лютеранство и церкви англиканской традиции. См. подробнее: Reid A. The Organic Development of the Liturgy: The Principles of Liturgical Reform and Their Relation to the Twentieth-Century Liturgical Movement Prior to the Second Vatican Council. San Francisco, 2005. P. 73–301.

в теологии — «литургической парадигмы», в свете которой им объясняется (с опорой на взгляды Аристотеля, Фомы Аквинского, Эрвина Пановского и Ги Дебора) как схоластическое описание художественного творчества в терминах креационизма, так и существование нынешних «храмов абсурда», т.е. музеев, в которых консервируется и ретранслируется светская перформативная «авангардистская литургия»³, по своей сути ничем не уступающая, согласно мнению итальянского философа, древним религиозным практикам в силу собственной самодостаточности. Агамбен констатирует, что и здесь, и там дромональный (акциональный, поведенческий) процесс и духовный результат совпадают, ибо не возникает самого по себе ценного дополнительного материального воплощения творческих усилий, отчужденного от исполнителя: «В противовес <античному поэсису и архаичному праксису> (одинарными угловыми скобками здесь и далее отмечены пояснительные вставки в цитируемый текст. Курсив наш. — Авт.) литургия и перформанс порождают некий... гибрид, в котором само действие предстает в виде произведения»⁴. Современная эволюция христианского церковного и внеконфессионального секуляризованного религиозного искусства, требующая от искусствоведов и религиоведов навыка проведения соответствующих экспертиз, делает историческое обращение к истокам «науки о церковных древностях» особенно актуальным.

Оперирование понятиями «литургическая парадигма», «авангардистская литургия» заставляет вспомнить эпистемологически близкое им понятие «литургического метода»⁵, которым еще на заре XX в. пользовался (правда, не проясняя его смысла) первый аббат английского католического монастыря св. Михаила в Фарнбороу, ставшего одним из центров литургического возрождения в англоязычном мире⁶, бенедиктинец дом Фернан Каброль, ратовавший за укрепление позиций литургии как науки. Допустимо высказать осторожное предположение, что Ф. Каброль расценивал литургический метод как комплексный анализ древнего церковного предания в первую очередь богослужебного наследия, дошедшего до нас из глубины веков в гимнографической и обрядовой форме.

Современный историк литургического движения Оливье Руссо образно охарактеризовал вклад каждой из западноевропейских католических стран в «литургический ренессанс» так: «Германия внесла свою богатую и обширную экклесиологию, Англия — свой вкус к формам культа и к искусству, Италия — свой музыкальный инстинкт. ...Франции <литургическое движение> обязано тем, что <оно> ...ясно изложило существо своего предмета и впервые разработало свою теоретическую основу»⁷. Любопытно, что француз по рождению, но англичанин по долгу службы Ф. Каброль потрудились и на ниве теоретической литургии (литургиологии), и на ниве прикладной ритуалистики. Однако замечание О. Руссо, скорее, применимо к другому французскому и непререкаемому авторитету раннего литургического движения — аббату бенедиктинского Солема монастыря св. Петра дому Просперу Л.П. Геранже. Его до конца не реализованный литургиологический замысел включал исследования по: 1) семиотике литургии; 2) лингвистике и исторической поэтике литургии; 3) литургическому каноническому праву; 4) вероучительным — догматическим и нравственным — аспектам литургии и т.д. (в том числе музыковедению)⁸. Среди его заслуг — последовательное использование в своих трудах сравнительно-исторического метода⁹ и поощрение обращения к критическому анализу, заимствованному, помимо прочего, из лютеранского полемического богословия и философии Канта.

³ Там же. С. 26–27.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Руссо О. История литургического движения / пер. с франц. Н. Полторацкого. Киев, 2013. С. 105.

⁶ Научные и научно-популярные публикации монастыря по литургии заслужили ему название «книжной фабрики», наиболее выдающимся продуктом которой стал 30-томный «Словарь христианской археологии и литургии» (*Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*), издававшийся с 1924 года. См. подробнее: Reid A. Op. cit. P. 89–92.

⁷ Руссо О. Указ. соч. С. 6.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Там же. С. 92.

Интересно, что в то же самое время на рубеже веков в России профессор Московской духовной академии Александр Петрович Голубцов выступал за прояснение сциентистских основ археологии, в том числе церковной, и склонялся к мысли, что наукой ее делает метод, а церковной — в прикладном и институциональном аспектах — только предмет¹⁰. К слову, перу того же автора принадлежит цикл лекций, в которых обсуждается научность литургики как «учения о богослужении», инкорпорированном в «науку церковных древностей»¹¹. В них не содержится точной формулировки научного метода литургики. Звучит лишь критика в адрес предшественников-моралистов, которые не шли дальше мистики, экзегетики либо схоластики (т.е. буквалистского, типологического, аллегорического или анагогического/мистического прочтения и толкования литургической гимнографии¹²). Но все же им неоднократно подчеркивается обязательность исторического подхода, генетического анализа и анализа литургических форм¹³. Он признает, что на христианском Западе именно «со времен реформации начинается научная разработка литургики — собираются, издаются и комментируются памятники богослужебной письменности»¹⁴. И это дает нам повод в этой статье обратиться в сопоставительном ключе к исследованию анафор литургий западного обряда как католических, так и по преимуществу лютеранских и кальвинистских.

Более того, историко-литургическое исследование для А.П. Голубцова — это «вспомогательная» дисциплина, коренящаяся в (церковной) археологии, т.е. собственно «науки о церковных древностях», которую (в русле немецкой традиции второй половины XIX в.) он, несколько абсолютизируя, понимает очень широко: как историю христианского искусства, включающую в себя и историю иконографии, и историю гимнографии, и историю храмового зодчества и т.д.¹⁵ Его немецкие коллеги и старшие современники видели в археологии потенциал для изучения широкого спектра следов церковного прошлого как архаичного, так и средневекового: 1) древнего канонического права; 2) древнего обряда; 3) древнего повседневного быта; 4) древнего изобразительного искусства; 5) памятников письменной и устной речи. Сам же А.П. Голубцов ограничивал поле профессионального интереса археолога-литургиста 1) историей искусства (вкуче с эпиграфикой и нумизматикой); 2) топографией (не совсем ясно, можно ли это считать нынешней сакральной географией, иеротопией и иеротопикой¹⁶); 3) методологией исторических дисциплин (с их набором конкретных методик)¹⁷. Следуя дедуктивной логике А.П. Голубцова от общего к частному, можно сделать предварительный вывод, что место исторической литургики, локализованное на «кругах Эйлера», будет следующим: общая история — история христианства — история церкви — (церковная) археология — история древнего церковного искусства — ритуалистика — историческая литургика — сравнительно-историческая литургика¹⁸. (Примечательно, что Дж. Агамбен, предвосхищая нашу схему, рассуждает о вкладе одного из наиболее значимых представителей литургического движения Одо Казеля¹⁹, если так можно выразиться, в «литургический поворот» 20-х годов XX в. на страницах эссе «Археология произведения искусства»).

¹⁰ Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургики. СПб., 1995.

¹¹ Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургики. Ч. 2. М., 1996. С. 1–10.

¹² Руссо О. Указ соч. С. 108.

¹³ Голубцов А.П. Указ. соч. Ч. 2 (1996). С. 4.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Голубцов А.П. Указ. соч. (1995). С. 24.

¹⁶ См. подр.: Давыдов И.П. Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб., 2021. С. 293–384.

¹⁷ Голубцов А.П. Указ. соч. (1995). С. 24.

¹⁸ О непростых взаимоотношениях апологетов католического литургического возрождения и православия см.: Вукашинович Владимир, свящ. Литургическое возрождение в XX веке. История и богословские идеи литургического движения в Католической Церкви и их взаимоотношение с литургической жизнью Православной Церкви / пер. с серб. В. Белова. [М.], 2005.

¹⁹ См. подр.: Reid A. Op. cit. P. 119–122; Nichols A. Odo Casel Revisited // Antiphon. 1998. 3 (1). P. 12–20.

Принципиально важно, что историческая наука поныне включает в свой инструментарий историческую компаративистику, заложенную еще Марком Блоком на узнаваемом фундаменте лингвистики Фердинанда де Соссюра. Это касается и литургики, и литургиологии (в нашем понимании — «надстроечной» ритуалогической теории исторической литургики). Достаточно упомянуть, что современный американский литургист Фриц Уэст в своем предисловии к английскому переводу фундаментального труда авторитетнейшего немецкого литургиолога и литургиста-компаративиста прошлого столетия Карла Антона Й. М. Д. Баумштарка *Vom geschichtlichen Werden der Liturgie*²⁰ вспоминает оказавшуюся программной статью немецкого философа Эрнста Кассирера «Структурализм в современной лингвистике», в которой последний провозглашает лингвистику одной из «наук о духе», подчеркивая при этом, что его дух — это не метафизический гегелевский «дух», а «обобщающее название для всех тех функций, которые составляют ...мир человеческой культуры. Одной из первых и главных задач философии человеческой культуры является анализ этих различных функций»²¹.

Если же говорить о Э. Кассирере как о философе истории, то он остается верен своему кредо «человек есть существо символизирующее» (в смысле — все облакающее в символическую форму): «Историк ...живет в материальном мире. Однако то, с чем он имеет дело, — это символический универсум — мир символов... Любой исторический факт... должен ...определяться и пониматься в рамках этого предварительного анализа символов. Первые и непосредственные объекты нашего исторического познания — не вещи или события, а документы или памятники... То, чего взыскует историк, — это, пожалуй, материализация духа прошлого. Этот самый дух он открывает в законах и статуях... в религиозных ритуалах и церемониях»²². Таким образом, немецкий неокантианец фактически солидаризуется с апологетами литургического движения, в первую очередь с Проспером Геранже.

Как известно, Э. Кассирер симпатизировал лингвистическому структурализму²³, считая его интеллектуальным мейнстримом первой половины XX в. Его собственная философия символических форм опирается на структурный функционализм. Знаменательно, что в финале цитируемой статьи 1945 г. он обращается к евхаристической тематике, отраженной в стихах: «Хлеб и вино, форм этих две // Являют нам знаки присутствия // Сущности Божьей во всей полноте»²⁴, что заставляет задуматься о богословской сути спора касательно символического или «натурального» божественного присутствия в Св. Дарах (какие были версии ответа той или иной теологической доктрины — об этом мы скажем ниже).

Тонкости применения описанной выше компаративной эвристики могут служить своеобразным маркером идентичности самого ученого, поскольку в самом сравнительном анализе имеется множество операций, среди которых можно назвать, например: первичную корректную дескрипцию и атрибуцию; поиск векторов ретроспекции (с какой точки зрения следует оглядываться назад); синхронное и/или диахронное контрастное сопоставление (при этом учитываются либо временные, либо пространственные срезы, либо и те, и другие вместе взятые); наглядную демонстрацию параллелизма; отсев «ложных подобий» и т.д.²⁵

В данной публикации соавторы стремятся следовать вышеизложенному алгоритму операций и стараются выявить его эвристический потенциал применительно к предмету сравнительно-исторической литургики. К слову, А. Баумштарк, по свидетельству Ф. Уэста, учитывал как методологический, так и онтологический аспекты «органической модели» эволюции литургий, ибо «в то время как методологическое использование органической модели

²⁰ Baumstark A. On the Historical Development of the Liturgy / transl. by F. West; foreword by R.F. Taft. Collegeville (MN), 2011. P. 1–38.

²¹ Cassirer E.A. Structuralism in Modern Linguistics // Word. 1945. № 1/2. P. 114.

²² Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / пер. с нем. под ред. С.Я. Левит. М., 1998. С. 647, 650.

²³ Cassirer E.A. Op. cit. P. 120.

²⁴ Ibid. P. 118 (пер. с нем. яз. наш. — Авт.).

²⁵ См., например: Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: уч. пособие. СПб., 2015. С. 119–162.

подчеркивает структуру, ее онтологическое использование подчеркивает трансформацию»²⁶. Баумштарк в ходе применения своего основного сравнительного метода и дополнительных методов моделирования и классификации, о которых его комментаторы незаслуженно упоминают вскользь, под эгидой философии не просто эволюционизма, но именно органицизма (к тому времени уже одряхлевшего) предпринял попытку экспликации объективных «законов сравнительной литургии (как эмпирической дисциплины)», подобных по своей форме законам сравнительной филологии или структурной лингвистики, таких как, например: 1) «литургии эволюционируют от разнообразия к единообразию, а не наоборот; процесс шел к литургической унификации, а не диверсификации»; 2) «литургия – продолжающаяся живая деятельность, не подверженная окончению в конечной форме»; 3) «редко совершаемые литургические обряды более ригидны, остаются устойчивыми к внешним воздействиям и развиваются медленно, если вообще способны к развитию» и проч.²⁷ Она не увенчалась успехом, так как неполная индукция (тем паче в органицистской теории) не гарантирует 100% результат, но ее положительный эффект состоит в том, что она послужила уроком для последующих поколений литургистов (среди которых выдающимися специалистами стали Роберт Фрэнсис Тафт, Франц Уэст, дом Алкуин Рид) – обобщения, пусть и основанные на тщательном наблюдении, всестороннем анализе и аккуратном сравнении, еще не законы, а в лучшем случае закономерности или «фиксации устойчивых тенденций».

Попробуем и мы провести апробацию указанных методов на конкретном историческом материале, что позволит уточнить методологию исторической литургии как исторической (а не теологической) дисциплины и оправдать ее погружение в контекст ритуальности, а литургиологии – в контекст ритуалогии (общей теории ритуала²⁸) и нарождающейся на наших глазах культологии (общей теории культа)²⁹.

ЕВХАРИСТИЯ И АНАМНЕСИС

Существенным элементом, присутствующим во всех основных литургических традициях (восточно- и западно-сирийской, александрийской, западной католической и западной реформационных³⁰) и, следовательно, традициях евхаристического богословия, является анамнесис – воспоминание (коммеморация) спасения человечества Иисусом Христом в исторической ретроспективе и эсхатологической перспективе. «Анамнесис» обычно понимается как «технический термин для обозначения кульминации евхаристической молитвы, которая... следует за повествованием об учреждении Евхаристии и провозглашает исполнение повеления Господа в совершаемой Евхаристии»³¹, т.е. вслед за другой частью евхаристической молитвы (канон в западно-христианской традиции и анафора – в традиции восточно-христианской), называемой *institutio*. Практически во всех традициях он является одной из базовых частей евхаристической молитвы. Вне зависимости от литургической традиции анамнесис составляет неразрывное целое с *institutio*, особенно с установительными словами, имеющими евангельское происхождение и воспроизводящими слова благословения над хлебом и вином самого Христа во время Тайной Вечери (Мф. 26:26–28).

Следует, однако, отметить, что содержание анамнесиса и его положение по отношению к установительным словам варьируются от литургии к литургии, что наиболее характерно для до-реформационных литургических традиций. Так, греческая редакция анафоры Василия Великого (*ByzBAS*), используемая в византийском обряде и принадлежащая к

²⁶ Baumstark A. On the Historical Development... P. 6.

²⁷ Ibid. P. xv–xxiv.

²⁸ Научно-популярным введением в проблематику может послужить, например: The Oxford Handbook of Early Christian Ritual / eds R. Uro, J.J. Day, R.E. Demaris & R. Roitto. Oxford, 2019.

²⁹ Давыдов И.П. Указ. соч. С. 398.

³⁰ Их подробную классификацию см.: Аникьев И.И., Давыдов И.П., Фадеев И.А. Материалы научно-исследовательского семинара «Евхаристия и ритуальные механизмы процесса религиозной идентификации». М., 2022. С. 25–30. Непременным авторитетом в этом вопросе остается Карл Хайнрих Бириц: Bieritz K.H. Liturgik. Berlin, 2011. S. 32–36.

³¹ Bieritz K.H. Op. cit. S. 425.

западно-сирийской литургической традиции, помещает установительные слова в более широкий анамнестический нарратив, начиная с воспоминания ветхозаветных сотериологических провозвестий и обетований, исходной точкой для которых является грехопадение Адама и Евы³². В армянской анафоре Григория Просветителя (*ArmBAS*) и коптской редакции анафоры Василия Великого (*EgBAS*) установительные слова также оказываются инкорпорированы «внутри» анамнестического повествования. Коптская анафора св. Кирилла Александрийского и антиохийская анафора св. Иоанна Златоуста содержат краткую анамнестическую формулу. Римский канон также включает краткий анамнесис.

В реформационных традициях мы наблюдаем принципиально иную ситуацию. Во-первых, для лютеранской и реформатской ортопраксии характерно сведение анамнесиса исключительно к установительным словам. Основой для развития лютеранских литургических традиций стали два чинопоследования: латинское (*Formula Missae et Communionis*) и немецкое (*Deutsche Messe und Ordnung des Gottesdiensts*), составленные М. Лютером в 1523 и 1526 гг.³³ Названные чинопоследования, особенно латинское, сохраняют многие базовые элементы структуры мессы римского обряда, однако оба несут на себе следы заметных изменений. Наиболее значительным изменением является удаление оффертория³⁴ и радикальное сокращение канона до вступительного диалога, префации и установительных слов в латинском тексте³⁵, а также полное исчезновение евхаристической молитвы (за исключением установительных слов) в тексте немецком³⁶:

Formula Missae et Communionis pro Ecclesia Vuittembergensi, 1523

[Вступительный диалог]

«Господь с вами». Ответ: «И со духом твоим». «Вознесем сердца». Ответ: «Возносим ко Господу». «Возблагодарим Господа Бога нашего». Ответ: «Достойно это и праведно».

[Префация]

Воистину достойно и праведно, должно и спасительно нам всегда и везде благодарить Тебя, Господи Святой, Отче всемогущий, вечный Боже через Христа, Господа нашего.

[Повествование об установлении Евхаристии и установительные слова]

Далее: Который накануне Своих страданий взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое.

Также и чашу после вечери, и сказал: сие чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание.

Deutsche Messe und Ordnung des Gottesdiensts, 1526

[Установительные слова и раздача причастия]

Господь наш Иисус Христос в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб, возблагодарил, преломил, подал Своим ученикам и сказал: Примите, ядите, сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание.

Также и чашу после вечери и сказал: Примите и пейте из нее все; сие чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас изливается во оставление грехов. Творите сие, когда только будете пить в Мое воспоминание.

³² Все пространные цитаты из разнообразных богословских трактатов и сопоставляемых текстов литургий в переводе на русский язык см.: *Аникеев И.И., Давыдов И.П., Фадеев И.А.* Указ. соч. С. 31–56.

³³ *Formula Missae et Communionis pro Ecclesia Vuittembergensi* // D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe. 12. Bd. Weimer, 1891. S. 197–220; *Deutsche Messe und Ordnung des Gottesdiensts* // D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe. 19. Bd. Weimer, 1891. S. 72–113.

³⁴ Часть мессы, предшествующая канону, во время которой совершается предложение евхаристических даров.

³⁵ *Formula Missae et Communionis pro Ecclesia Vuittembergensi*. P. 212.

³⁶ *Deutsche Messe und Ordnung des Gottesdiensts*. S. 97–99.

Подобно М. Лютеру, У. Цвингли как один из основоположников реформатской традиции составил два литургических документа: латинский *De canone missae epichiresis*³⁷ (1523 г.), который не оказал какого бы то ни было влияния на дальнейшее развитие этой традиции³⁸, и более радикальный немецкий *Aktion oder Brauch des Nachtmahls*³⁹ (1525 г.). Латинское чинопоследование, являясь более консервативным, сохраняет многие традиционные элементы мессы римского обряда, однако У. Цвингли элиминирует офферторий, а также римский канон, заменяя последний четырьмя молитвами собственного сочинения, вслед за ними следуют установительные слова⁴⁰. Примечательно, что в латинском чинопоследовании он сохраняет (в первой из четырех молитв, *Te igitur*) воспоминание (анамнесис) истории спасения от сотворения мира до Христа⁴¹, которое завершается прошением о правильной молитве, оно полностью отделено от установительных слов. В *Aktion oder Brauch des Nachtmahls* представлен радикально переработанный и упрощенный литургический материал.

Здесь отсутствует какая-либо анamnестическая формула, а установительные слова перестают быть самостоятельной литургической единицей, будучи употребляемы дважды в рамках библейского нарратива (1 Кор. 11:20–29)⁴². Как и Лютер, Цвингли, по всей видимости, взял за образец для своего евхаристического обряда католическую церемонию причастия верных, сложившуюся в период позднего средневековья⁴³.

История развития литургической практики реформированной Церкви Англии можно проследить по основным редакциям Книги общей молитвы (1549, 1552, 1559, 1662 гг.). Первая Книга общей молитвы (1549 г.) представляла собой результат достаточно консервативной литургической реформы. Кроме того, здесь сохраняются, хотя и в сокращенной или урезанной форме, многие элементы римского канона: вступительный диалог, префация (с последующим *Sanctus* и *Benedictus*), *intercessio* (молитвы за Церковь, короля и «власть имущих под его началом», клир, всех нуждающихся, воспоминание святых и молитву за всех усопших верных), анамнесис – воспоминание о страстях Христовых, *institutio*, анамнесис – молитва приношения, финальная доксология⁴⁴.

Однако в этой и последующих версиях оной можно наблюдать целый ряд общих черт, среди них – исчезновение оффертория (в редакции 1552 г. даже как понятия) как предложения евхаристических даров, сопровождающегося молитвами, носящими ярко выраженный жертвенный характер, и эволюция его в сбор пожертвований (1552 г.) и приношение даров на алтарь (1559, 1662 гг.), а также сокращение молитвы анамнесиса – молитва приношения и сохранение лишь воспоминания страстей Христовых, которое теперь отделено от *institutio* новым элементом – эпиклезой, содержание которой также претерпело переход от призвания Святого Духа на евхаристические дары к прошению о том, чтобы через принятие даров причащающийся стал причастником Тела и Крови Христовых:

³⁷ De canone missae Huldrychi Zuingli epichiresis. Froschouer, 1523 (unpaginated).

³⁸ Bieritz K.H. Op. cit. S. 475.

³⁹ Aktion oder Brauch des Nachtmahls // Huldreich Zwinglis sämtliche Werke. Vol. IV. Leipzig, 1927. S. 13–24.

⁴⁰ Bieritz K.H. Op. cit. S. 475.

⁴¹ De canone missae Huldrychi Zuingli epichiresis; Bieritz K.H. Op. cit. S. 476.

⁴² Aktion oder Brauch des Nachtmahls. P. 17, 23–24.

⁴³ Bieritz K.H. Op. cit. S. 477.

⁴⁴ Book of Common Prayer: The Texts of 1549, 1559, and 1662. Oxford, 2011. P. 27–32.

**Анамнесис – воспоминание страстей Христовых
(1549, 1552, 1559, 1662 гг.):
Anamnesis - Remembrance of the Passion of Christ
(1549, 1552, 1559, 1662)**

Всемогущий Боже, Отец Наш Небесный, по своему сострадательному милосердию отдавший Сына Своего Единородного Иисуса Христа претерпеть смерть на кресте ради нашего искупления; Кто своей единственной жертвой Самого Себя, однажды предложенной («Своим единожды принесенным жертвоприношением» в чине 1549 г. – *Авт.*), совершил полную, совершенную и достаточную жертву, приношение и удовлетворение за грехи всего мира; и установил, и в Святом Своем Евангелии повелел нам продолжать («совершать» в чине 1549 г. – *Авт.*) вечное воспоминание о драгоценной Его смерти, до второго пришествия⁴⁵.

**Эпиклеза (1549 г.):
Epiclesis (1549 г.):**

Услышь нас, милосердный Отче, молим Тебя, и Святым Твоим Духом, и Словом благо+слови и освя+ти эти Твои дары и творения хлеба и вина, чтобы они были для нас Телом и Кровью Твоего возлюбленного Сына Иисуса Христа⁴⁶.

**Эпиклеза (1552, 1559, 1662 гг.):
Epiclesis (1552, 1559, 1662 гг.):**

Услышь нас, о милосердный Отче, молим Тебя, и даруй нам, чтобы мы, принимая сии Твои творения хлеба и вина, по святому установлению Сына Твоего, Спасителя нашего Иисуса Христа, в воспоминание Его смерти и страстей, были причастниками Его благословенного Тела и Крови⁴⁷.

Начиная с редакции 1552 г. чинопоследование Книги общей молитвы претерпевает значительные изменения как в общей структуре, так и в структуре евхаристической молитвы. Здесь мы отметим лишь некоторые текстуальные особенности: сохранение вступительного диалога и префации (с последующим *Sanctus*, но без *Benedictus*, что не только отличает ее от древней римской практики, но и от практики лютеранской), однако из вступительного диалога удалено *salutatio*; префация теперь отделяется от остальной части евхаристической молитвы «молитвой смиренного приступания» (*Prayer of Humble Access*); исключено *intercessio* из евхаристической молитвы, а также исчезло из текста данной молитвы поминовение святых; анамнестическая молитва приношения также исключена из евхаристической молитвы и перенесена ближе к концу литургии; исчезло финальное благословение.

Причину столь заметного отличия между до-реформационными и реформационными литургическими традициями, на наш взгляд, верно подметил А. Баумштарк⁴⁸. До XVI в. литургическое развитие было повсеместно органичным, однако в течение того столетия оно было нарушено на Западе произволом конкретных религиозных лидеров⁴⁹. Реформационные течения, таким образом, целенаправленно переформировывали литургию, создавая чинопоследования, которые (по сравнению с литургиями предыдущих столетий, являвшихся плодами органического развития) были «искусственными» по своей природе⁵⁰. Литургисты П. Брэдшоу и М. Джонсон также отмечали, что «если в предыдущие века,

⁴⁵ The Two Liturgies: A.D. 1549 and A.D. 1552, with other documents set forth by authority in the reign of King Edward VI. Cambridge, 1884. P. 279; Book of Common Prayer... P. 30, 138–137, 402.

⁴⁶ Book of Common Prayer... P. 30.

⁴⁷ The Two Liturgies... P. 279; Book of Common Prayer... P. 137, 402.

⁴⁸ Baumstark A. Vom Geschichtlichen Werden der Liturgie [Ecclesia Orans. X. Bändchen]. Freiburg, 1923. S. 2.

⁴⁹ Ibid. S. 132.

⁵⁰ В этом смысле создание в 1588 г. и последующая деятельность римской Священной конгрегации обрядов также, по мнению Баумштарка, представляли собой противоречащие естественной природе литургии вмешательства человеческой воли в процесс органического литургического развития: Baumstark A. Vom Geschichtlichen Werden der Liturgie. S. 132–133. Важно отметить, что Баумштарк не отвергает идею литургической реформы, но определяет ее позитивно, если она учитывает процесс органического развития. Реформа, которая игнорирует таковой процесс, носит разрушительный для литургической жизни характер. К первой он причисляет

и особенно в ранней церкви, богословские размышления и формулировки *lex credendi*, или “закона веры”, обычно следовали за опытом встречи с Богом в богослужении (т.е. за *lex orandi*, или “законом молитвы”), то начиная с XVI в. мы видим, что *lex credendi* формирует *lex orandi*, а не наоборот. Таким образом, хотя *lex orandi* и *lex credendi* всегда являются двумя взаимовлияющими сторонами одной монеты, в период реформации очевидно, что именно *lex credendi* становится основным катализатором литургической и церковной реформы»⁵¹.

В этом контексте представляется принципиально важным рассмотреть два неразрывно взаимосвязанных аспекта евхаристического богословия, которые были предметом дискуссий между представителями католической и православной церковью, с одной стороны, и представителями различных реформационных традиций — с другой: жертвенный характер евхаристии и вопрос о реальном присутствии Тела и Крови Христовых в евхаристии.

ЕВХАРИСТИЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Тенденция к восприятию литургии как акта жертвоприношения весьма раннего происхождения является общим местом патристической теологии⁵² и отмечается многими авторами⁵³. Тенденция эта была частью процесса все возрастающей институционализации церкви, которая, в частности, выразилась во все большей сакраментализации, регламентации и упорядочении стиля богослужения: так, руководство богослужением все более сосредотачивалось в руках узкого круга клира⁵⁴, выстраивалась связь между священством и таинством евхаристии, между учением о действительном присутствии и учением о евхаристической жертве. Вместе с этим процесс органического литургического развития, берущий начало уже во II—III вв., способствовал активному развитию в IV в. представлений о евхаристии как умиловительной жертве⁵⁵. Та часть литургии, которая предшествует анафоре и в латинской традиции именуется офферторием, а в византийской — преанафоральной частью (по определению Р. Тафта⁵⁶), наиболее ярко выражает жертвенный характер евхаристического действия.

Резюмируя, следует сказать, что в латинской и восточных литургико-богословских традициях евхаристия оказывается репрезентацией и аутентификацией исторического события — крестной смерти Христа — в настоящем моменте, что и придает самой евхаристии характер приносимой жертвы. К слову, именно этот момент так впечатлил Дж. Агамбена⁵⁷.

Противоположный католическому подходу мы видим в лютеранских и реформатских движениях. И Мартин Лютер, и богословы-реформаты (У. Цвингли, Г. Фарель, Ж. Кальвин) не только элиминировали евхаристическую молитву из составленных ими чинопоследований, но и исключили из них любые тексты, указывавшие на жертвенный характер литургии, включая офферторий. Причина столь радикального шага кроется в реформационном

реформы Григория Великого и развитие литургии при Каролингах (Ibid. S. 53–56, 78). К последней он относит, например, реформу антифонария архиепископа Лионского Агобарда (ок. 779–840), ряд реформ римского бревиария, принятых в XVI–XVII вв., в частности реформу испанского кардинала Франсиско де Киньонеса (ок. 1482–1540) и никонианские литургические реформы в Московском царстве (Ibid. S. 55–56, 126–127, 124). Интересный взгляд на никонианскую реформу в сравнительном ключе с реформами Михня III, инициировавшего синод в Тырговиште, и отношение к ним Константинопольского патриархата предложил О. Олар: *Olar O. Orthodoxy and Politics: The Patriarch Nikon of Moscow, the Prince Mihnea III Radu of Walachia and the Great Church of Constantinople // The Rites Controversies in the Early Modern World. Leiden; Boston, 2018. P. 233–263.*

⁵¹ Bradshaw P., Johnson M. *The Eucharistic Liturgies: Their Evolution and Interpretation*. London, 2012. P. 237.

⁵² Особенно со второй половины IV в., когда формируются литургическо-богословские категории, определившие ход богословского развития в средние века: *Mazza E. The Celebration of Eucharist: The Origin of the Rite and the Development of its Interpretation*. Collegeville (MN), 1999. P. 154.

⁵³ См., например: *Stevenson K. Eucharist and Offering*. New York, 1986. P. 3–4; *Шафф Ф. История Христианской церкви*. Т. II. СПб., 2010. С. 172; *Bradshaw P., Johnson M.* Op. cit. P. 50–59, 129–132.

⁵⁴ *Шафф Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 97–98.

⁵⁵ *Bradshaw P., Johnson M.* Op. cit. P. 131.

⁵⁶ См., например: *Тафт Р. Как растут литургии // Матеос Х., Тафт Р. Развитие византийской литургии / пер. с англ. Киев, 2009. С. 98–105.*

⁵⁷ *Агамбен Дж.* Указ. соч. С. 21–23.

богословии — в контексте своего учения о Священном Писании (*sola scriptura*) и христологии. Лютер настаивает, что центральное место принадлежит установительным словам и, соответственно, Тайной Вечере, становящейся моделью литургической практики⁵⁸: крестная жертва Христа воспоминается (как Он и заповедал), но не через репрезентацию этой жертвы, а через репрезентацию Тайной Вечери, когда Христос пророчески говорит о своих страданиях.

Для реформатской традиции, представленной трудами У. Цвингли и Ж. Кальвина, литургия также является репрезентацией Тайной Вечери, повторение которой установлено Христом в Писании и во время чего воспоминаются крестные страдания Христа. При этом Цвингли и Кальвин принципиально расходятся в понимании качества и последствий этой репрезентации, исходя из принципиально разной христологии и разного понимания природы христианских таинств⁵⁹.

Ортодоксальная богословская традиция Церкви Англии, берущая свое начало в богословии Ричарда Хукера⁶⁰, оказывается в некотором смысле переходной между до-реформационными и реформационными традициями. Во многом это можно объяснить особенностью «английской» ортодоксальной традиции как результата синтеза томистской и восточнохристианской богословской мысли⁶¹. Она также настаивает на жертвенном характере евхаристии, избегая терминологии жертвоприношения в литургии, но компенсируя ее литургическими действиями. Ланселот Эндриус, епископ Или и декан Королевской часовни (*Chapel Royal*), разделял представление о евхаристии-жертвоприношении, через которое совершается обновление завета с Богом: евхаристия есть и таинство, и жертвоприношение, где первое неотделимо от второго⁶². Он подчеркивал жертвенный характер последней через восстановление ряда элементов классического католического ритуала⁶³.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Латинская и восточные богословские доктрины, берущие свое начало в патристической традиции, используют натуралистичный язык (или язык сакраментального реализма), говоря о присутствии Тела и Крови Христовых в евхаристии⁶⁴.

В литургических текстах, особенно оффертория/преаннафоральной части и анафорах, с IV–V вв. мы видим увеличение числа молитв-прошений о становлении хлеба и вина Телом и Кровью Христа⁶⁵. Тезис о действительном присутствии Тела и Крови Христовых в евхаристических хлебе и вине является непреложным для всей святоотеческой традиции. Общим для нее является и мнение, что либо после произнесения священником установительных слов (латинская традиция), либо во время эпиклезы (восточная традиция) хлеб и вино становятся подлинными Телом и Кровью Христовыми. Однако здесь нет обсуждения ни способа происходящего изменения, ни модуса присутствия: подобный подход остается общепринятым в восточнохристианском богословии⁶⁶. В западнохристианской теологии мы сталкиваемся с несколькими доктринами.

⁵⁸ Лютер М. О Вавилонском пленении Церкви. СПб., 2017. С. 127–129.

⁵⁹ Bradshaw P., Johnson M. Op. cit. P. 260–261, 264–268.

⁶⁰ Фадеев И. А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М., 2015. С. 267–275.

⁶¹ Там же. С. 280.

⁶² Andrewes L. Sermon II // Ninety-Six Sermons by the Right Honourable and Reverend Father in God, Lancelot Andrewes, sometime Lord Bishop of Winchester. Vol. V. Oxford, 1880. P. 68.

⁶³ Yates N. Anglican Ritualism in Victorian Britain. Oxford, 2000. P. 18–19.

⁶⁴ См., например: Mazza E. Op. cit. P. 117–121, 124–134.

⁶⁵ Bradshaw P., Johnson M. Op. cit. P. 133.

⁶⁶ «Тело воистину объединяется с Божеством, тело, родившееся от святой Девы, но (объединяется) не (так), что вознесшееся тело нисходит с неба, а (так), что самый хлеб и вино предлагаются в тело и кровь Божию. Если же ты доискиваешься способа, как (именно) это делается, то тебе достаточно услышать, что — с помощью Святого Духа, подобно тому, как Господь при содействии Святого Духа составил Себе и в Себе плоть от святой Богородицы. Более мы ничего не знаем, кроме того, что Слово Божие истинно, действительно и всемогуще, а способ (преложения) неисследим» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры, IV:13 // Иоанн Дамаскин. Источник знания. СПб., 2006. С. 256).

Латинская католическая традиция, начиная еще с IX в.⁶⁷, но особенно благодаря томистскому синтезу христианского богословия и аристотелевской философии, формулирует учение о трансубстанциации – пресуществлении субстанции хлеба и вина в субстанцию Тела и Крови Христовых. Фома Аквинский, первым систематизировавший это учение, утверждал, что Тело и Кровь Христовы действительно/реальным образом присутствуют в Таинстве.

Фома говорит о присутствии не в смысле «локализованного присутствия», но в смысле присутствия сакраментального. Обсуждая вопрос о трансубстанциации, заключает Фома, следует признать, что Тело Христово присутствует (*incipere*) в Таинстве путем изменения субстанции евхаристического хлеба⁶⁸. При этом Аквинат подчеркивает, следуя святоотеческой традиции, что это «изменение не похоже на естественные изменения (*non est similis conversionibus naturalibus*)» (т.е. такие, которые имеют место быть в природе. – *Авт.*), но является совершенно сверхъестественным, осуществляемым только силой Бога (*sed est omnino supernaturalis, sola Dei virtute effecta*)⁶⁹.

Лютеранская традиция, особенно в «Формуле согласия», постулирует, что «на Святой Вечере Тело и Кровь Христа действительно и субстанциально присутствуют (*wahrhaftig und wesentlich, vere et substantialiter*) и действительно распределяются и принимаются вместе с хлебом и вином»⁷⁰. Следуя М. Лютеру, «Формула согласия» описывает модус действительного присутствия как «сакраментальное единение» (*der sacramentlichen Vereinigung, sacramentalis unionis*) Тела и Крови с хлебом и вином, которую некорректно многие авторы называли и называют «консубстанциацией». Сам М. Лютер в «Вавилонском пленении Церкви» основывает свой взгляд на действительное присутствие на христологической халкидонской формуле⁷¹.

Такой подход М. Лютера определил фундаментальное расхождение между лютеранской традицией и реформатской традицией У. Цвингли⁷². Для последнего Тело и Кровь Христовы не могут реально присутствовать в освященных хлебе и вине, так как Христос присутствует исключительно на небесах: евхаристические элементы являются лишь знаками и не могут быть тем же, что они обозначают⁷³.

Реформатская традиция Ж. Кальвина дистанцируется как от «реалистского» подхода лютеран, так и от «символической» позиции цвинглиан⁷⁴, соглашаясь при этом с некоторыми положениями двух этих учений. Женевский богослов придерживается подхода, именуемого П. Брэдшоу и М. Джонсон «пневматологическим инструментализмом»: присутствие Тела и Крови Христовых является субстанциональным, но носит спиритуальный (через силу Святого Духа) характер и зависит от веры причащающегося.

Расхождение между лютеранской и реформатскими традициями по линии евхаристического богословия было одним из наиболее фундаментальных. Так, по результатам Марбургского диспута (1–4 октября 1529 г.) Лютер категорически отказался признавать

⁶⁷ Само учение о пресуществлении евхаристических элементов в Тело и Кровь Христовы будет впервые изложено Пасхазием Радбертом в его трактате «О Теле и Крови Господа» в IX в.: *De Corpore et Sanguine Domini* (PL 120:1267–1346). См. также: *Аникьев И.И.* Учение о Евхаристии Пасхазия Радберта в контексте богословия и политики каролингской эпохи // *Вестник Северо-Восточного государственного университета*. Серия: История. 2022. № 1. Т. 3. URL: http://vistory-svgu.ru/?page_id=149 (дата обращения: 07.06.2022).

⁶⁸ ST IIIa, q. 75, a. 2.

⁶⁹ *Ibid.* a. 4.

⁷⁰ *Formula Concordiae. Epitome. VII. De Coena Domini // Concordia Triglotta: Libri symbolici Ecclesiae Lutheranae*, St. Louis (MT), 1921. P. 809.

⁷¹ *Лютер М.* Указ. соч. С. 111–112.

⁷² Вступительная часть седьмой главы «Формулы согласия» напрямую говорит о ложности цвинглианского учительства по вопросу о присутствии Тела и Крови Христа в евхаристии (*Formula Concordiae. Epitome. VII. De Coena Domini*. P. 806–807, 809).

⁷³ *Zwingli U.* On the Lord's Supper // *Zwingli and Bucer*. Louisville (KY), 1953. P. 188.

⁷⁴ *Mazza E.* *Op. cit.* P. 240.

в Цвингли единоверца, заявив, что последний и его сторонники не принадлежат «сообществу христианской церкви»⁷⁵. Измененное Ф. Меланхтоном в 1540 г. Аугсбургское вероисповедание (*Confessio Augustana Variata*), которое Ж. Кальвин подписал в том же году, было отвергнуто большинством последователей М. Лютера (в частности, на Наумбургской конвенции 1561 г., когда была подтверждена верность Аугсбургскому вероисповеданию 1530 г.). В дальнейшем между последними и сторонниками Ж. Кальвина продолжились богословские споры (например, диспут в Монбельяре 1586 г. между Т. Безой и Я. Андреа⁷⁶), которые выявили всю глубину расхождений между этими двумя христианскими конфессиями⁷⁷.

Ортодоксальная традиция реформированной Церкви Англии, принимая томистское различие субстанции и акциденций и соглашаясь с тем, что при произнесении установительных слов происходит некое субстанциальное изменение в элементах, результатом которого является сакраментальное (т.е. в Таинстве) присутствие Тела и Крови Христовых, тем не менее отказывается обсуждать как способ происходящего изменения, так и модус присутствия, что сближает ее с восточнохристианской традицией. Так, евхаристия для Ричарда Хукера является действенным инструментом благодати⁷⁸. При этом он настойчиво отказывается обсуждать вопрос о модусе присутствия Тела и Крови Христовых в евхаристических элементах⁷⁹, концентрируясь в более пневматологическом духе на реальном участии верных в Телe и Крови Христа. Для него таинство — это «инструментальная причина» (понятие, заимствованное им у Фомы Аквинского), средство участия верных во Христе⁸⁰: для Р. Хукера важен конечный результат — освящение человека, «реальная трансмутация (*a real transmutation*) наших душ и тел из греха к праведности, от смерти и порока к бессмертию и жизни»⁸¹.

Л. Эндрюс утверждал, что действительное присутствие Христа в Евхаристии — это не только божественное присутствие, но и присутствие телесное⁸². Он настаивал на том, что евхаристия — это не простой знак и/или воспоминание о Телe и Крови Христовых: консекрированные элементы — это истинно Тело и Кровь Христовы⁸³. При этом, говоря о реальном присутствии в «Ответе на апологию кардинала Беллармина», он, так же как и Р. Хукер, отказывается обсуждать вопрос о модусе присутствия⁸⁴. Он соглашается с тем, что евхаристические элементы (что именно под ними понимается — вопрос отдельного исследования) проходят через определенное изменение, хотя и не готов согласиться с тем, что это изменение касается субстанции⁸⁵.

Согласно У. Лоду, Церковь Англии «верит и учит истинному и реальному присутствию Христа в евхаристии», которое понимается как «истинное субстанциальное присутствие»⁸⁶. При этом он категорически отрицал лютеранское учение о «консубстанцииации»⁸⁷.

⁷⁵ Шафф Ф. История Христианской церкви. Т. VII. СПб., 2009. С. 387.

⁷⁶ Raitt J. The Colloquy of Montbéliard: Religion and Politics in the Sixteenth Century. New York, 1993.

⁷⁷ Хорошим примером антикальвинистской полемики является книга лютеранина Конрада Шлуссельбурга (Conrad Schluesselburg) «Теология кальвинистов в трех книгах, в которых... демонстрируется, что ни одно из положений христианского учения не исповедуется ими правильно»: *Schluesselburg C. Theologiae Calvinistarum Libri Tres; in quibus... demonstratur, eos de nulla fere doctrinae Christianae articulo recte sentire*. Frankfurt, 1594.

⁷⁸ LEP V. lxvii:1.

⁷⁹ Ibid. V. lxvii:12. Ср., например: Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С. 256.

⁸⁰ LEP V. lxvii:5.

⁸¹ Ibid. V. lxvii:7.

⁸² Andrewes L. Sermon V // Ninety-Six Sermons by the Right Honourable and Reverend Father in God, Lancelot Andrewes, sometime Lord Bishop of Winchester. Vol. I. Oxford, 1878. P. 83.

⁸³ Andrewes L. Sermon II. P. 68.

⁸⁴ Andrewes L. Responsio ad Apologiam Cardinalis Bellarmini. Oxford, 1851. P. 13.

⁸⁵ Ibid. P. 262.

⁸⁶ A Relation of The Conference between William Lawd, Then, Lrd. Arch-Bishop of St. Davids; now, Lord Arch-Bishop of Canberbvry; And Mr. Fisher the Jesuite, by the Command of King James of ever Blessed Memorie // *Laud W. The Works: in 7 vols. Vol. II. Oxford, 1849. P. 326–328.*

⁸⁷ *Laud W. Op. cit. P. 320–321.*

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что:

1) исходя из приведенных примеров становится очевидным богатый методологический инструментарий литургики и литургиологии, поныне не растративший свой эвристический потенциал;

2) ведущие литургисты эпохи католического литургического движения и «литургического возрождения» XIX–XX вв., а также современные исследователи литургической истории — Проспер Геранже, Фернан Каброль, А.П. Голубцов, Антон Баумштарк, Роберт Тафт, Фриц Уэст, Карл Хайнрих Бириц, несмотря на свою конфессиональную принадлежность, на поверку пользовались научной методологией, поэтому смогли основать некогда молодую дисциплину — историческую литургику на прочном сциентистском фундаменте, и современная сравнительная литургика (как самостоятельное и наиболее перспективное направление исторических изысканий в области литургики), безусловно, входит в число исторических дисциплин;

3) историческая компаративистика имеет свою специфику, которая может служить критерием демаркации научности/ненаучности осуществляемых с ее помощью гуманитарных исследований;

4) уже сейчас можно констатировать факт размежевания литургики (в том числе исторической) и литургиологии (метатеории), в чью компетенцию должно входить решение методологических задач. То, что было уместно во времена Проспера Геранже и А.П. Голубцова, когда церковная археология определяла предмет и метод литургики, в условиях междисциплинарного подхода выглядит анахронизмом, поскольку арсенал средств литургического метода постоянно пополняется и требует регулярной супервизии. Современный комплексный литургический метод относится к метатеоретической области литургиологии, ибо включает в себя целый междисциплинарный арсенал конкретных методов и методик, таких как, например, каузальный анализ, критический анализ, анализ форм, структурно-функциональный анализ, методы классификации, экстраполяции и моделирования;

5) намечаются векторы сближения по объекту и по методу литургики и ритуалистики, с одной стороны, и литургиологии и ритуалологии — с другой. И их изучение можно считать перспективой нашего дальнейшего эпистемологического исследования.

Библиография

Агамбен Дж. Творение и анархия. Произведение в эпоху капиталистической религии / пер. с итал. под ред. М. Лепиловой. М., 2021.

Аникьев И.И., Давыдов И.П., Фадеев И.А. Материалы научно-исследовательского семинара «Евхаристия и ритуальные механизмы процесса религиозной идентификации». М., 2022.

Аникьев И.И. Учение о Евхаристии Пасхазия Ратберта в контексте богословия и политики каролингской эпохи // Вестник Северо-Восточного государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 3. № 1. URL: http://vistory-svgu.ru/?page_id=149 (дата обращения: 07.06.2022).

Вукашинович Владимир, свящ. Литургическое возрождение в XX веке. История и богословские идеи литургического движения в Католической Церкви и их взаимоотношение с литургической жизнью Православной Церкви / пер. с серб. В. Белова. [М.], 2005.

Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургии. СПб., 1995.

Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургии. Ч. 2. М., 1996.

Давыдов И.П. Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб., 2021.

Иоанн Дамаскин. Источник знания / пер. с др.-греч. СПб., 2006.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / пер. с нем. под ред. С.Я. Левит. М., 1998.

Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: уч. пособие. СПб., 2015.

Лютер М. О Вавилонском пленении Церкви. СПб., 2017.

Матеос Х., Тафт Р. Развитие византийской литургии / пер. с англ. Киев, 2009.

Руссо О. История литургического движения / пер. с франц. Н. Полторацкого. Киев, 2013.

Фадеев И.А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М., 2015.

Шафф Ф. История Христианской церкви / пер. с англ. О.А. Рыбаковой. Т. II. СПб., 2010; Т. VII. СПб., 2009.

- Andrewes L.* Responsio ad Apologiam Cardinalis Bellarmini. Oxford, 1851.
- Baumstark A.* On the Historical Development of the Liturgy / transl. by F. West; foreword by R.F. Taft. Collegeville (MN), 2011.
- Baumstark A.* Vom Geschichtlichen Werden der Liturgie [Ecclesia Orans. X. Bändchen]. Freiburg, 1923.
- Bieritz K.H.* Liturgik. Berlin, 2011.
- Book of Common Prayer: The Texts of 1549, 1559, and 1662. Oxford, 2011.
- Bradshaw P., Johnson M.* The Eucharistic Liturgies: Their Evolution and Interpretation. London, 2012.
- Cassirer E.A.* Structuralism in Modern Linguistics // Word. 1945. № 1/2. P. 99–120.
- Concordia Triglotta: Libri symbolici Ecclesiae Lutheranae. St. Louis, 1921.
- D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe. 12. Bd.; 19. Bd. Weimer, 1891.
- De canone missae Huldrychi Zuingli epichiresis. Froschouer, 1523.
- Huldreich Zwinglis sämtliche Werke. Vol. IV. Leipzig, 1927.
- Mazza E.* The Celebration of Eucharist: The Origin of the Rite and the Development of its Interpretation. Collegeville (MN), 1999.
- Nichols A.* Odo Casel Revisited // Antiphon. 1998. 3 (1). P. 12–20.
- Ninety-Six Sermons by the Right Honourable and Reverend Father in God, Lancelot Andrewes, sometime Lord Bishop of Winchester. Vol. I. Oxford, 1878; Vol. V. Oxford, 1880.
- Olar O.* Orthodoxy and Politics: The Patriarch Nikon of Moscow, the Prince Mihnea III Radu of Walachia and the Great Church of Constantinople // The Rites Controversies in the Early Modern World. Leiden; Boston, 2018. P. 233–263.
- Raitt J.* The Colloquy of Montbéliard: Religion and Politics in the Sixteenth Century. New York, 1993.
- Reid A.* The Organic Development of the Liturgy: The Principles of Liturgical Reform and Their Relation to the Twentieth-Century Liturgical Movement Prior to the Second Vatican Council. San Francisco, 2005.
- A Relation of The Conference between William Lawd, Then, Lrd. Arch-Bishop of St. Davids; now, Lord Arch-Bishop of Canberbvry; And Mr. Fisher the Jesuite, by the Command of King James of ever Blessed Memorie // *Laud W.* The Works: in 7 vol. Vol. II. Oxford, 1849. P. 326–328.
- Schluesselburg C.* Theologiae Calvinistarum Libri Tres; in quibus... demonstratur, eos de nulla fere doctrinae Christianae articulo rece sentire. Frankfurt, 1594.
- Stevenson K.* Eucharist and Offering. New York, 1986.
- The Oxford Handbook of Early Christian Ritual / eds R. Uro, J.J. Day, R.E. Demaris & Rikard Raitto. Oxford, 2019.
- The Two Liturgies: A.D. 1549 and A.D. 1552, with other documents set forth by authority in the reign of King Edward VI. Cambridge, 1884.
- Yates N.* Anglican Ritualism in Victorian Britain. Oxford, 2000.
- Zwingli and Bucer. Louisville (KY), 1953.

References

- Agamben Dzh.* Tvorenie i anarkhiia. Proizvedenie v epokhu kapitalisticheskoi religii [Creation and Anarchy: The Work of Art and the Religion of Capitalism] / per. s ital. pod red. M. Lepilovoi. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Anik'ev I.I.* Uchenie o Evkharistii Paskhaziiia Ratberta v kontekste bogoslovii i politiki karolingiskoi epokhi [Paschasius Ratbertus' Teaching of Eucharist in the Context of Carolingian Politics and Theology] // Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia [Bulletin of the North-Eastern State University. Series: History]. 2022. T. 3. № 1. URL: http://vistory-svgu.ru/?page_id=149 (access date: 07.06.2022). (In Russ.)
- Anik'ev I.I., Davydov I.P., Fadeyev I.A.* Materialy nauchno-issledovatel'skogo seminar "Evkharistiiia i ritual'nye mekhanizmy protsessa religioznoi identifikatsii" [Proceedings of the Research Seminar "The Eucharist and the Ritual Mechanisms of the Religious Identification Process"]. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Davydov I.P.* Khram i ritual: sotsial'nye funktsii sviashchennogo [Temple and Ritual: The Social Functions of the Sacred]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Fadeyev I.A.* Tserkov' Anglii: problema konfessional'noi samoidentifikatsii v istoricheskoi perspektive [The Church of England: The Problem of Confessional Identity in Historical Perspective]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Golubtsov A.P.* Iz chtenii po tserkovnoi arkhologii i liturgike [From Proceedings of Church Archaeology and Liturgical Studies]. Sankt-Peterburg, 1995. (In Russ.)
- Golubtsov A.P.* Iz chtenii po tserkovnoi arkhologii i liturgike [From Proceedings of Church Archaeology and Liturgical Studies]. Ch. 2. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Ioann Damaskin.* Istochnik znaniia [The Fount of Knowledge] / per. s dr.-grech. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)
- Kassirer E.* Izbrannoe. Opyt o cheloveke [Selected Works. An Essay on Man] / per. s nem. pod red. S.Ia. Levit. Moskva, 1998. (In Russ.)

- Krom M.M.* Vvedenie v istoricheskuiu komparativistiku: uchebn. posob [An Introduction to Historical Comparativism: Textbook]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)
- Luther M.* O Vavilonskom plenii Tserkvi [On the Babylonian Captivity of the Church]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)
- Mateos Kh., Taft R.* Razvitie vizantiiskoi liturgii [The Evolution of the Byzantine Liturgy] / per. s angl. Kiev, 2009. (In Russ.)
- Russo O.* Istoriia liturgicheskogo dvizheniia [The History of the Liturgical Movement] / per. s frants. N. Poltoratskogo. Kiev, 2013. (In Russ.)
- Shaff F.* Istoriia Khristianskoi tserkvi [The History of the Christian Church]. T. II / per. s angl. O.A. Rybakovoi. Sankt-Peterburg, 2010. (In Russ.)
- Shaff F.* Istoriia Khristianskoi tserkvi [The History of the Christian Church]. T. VII / per. s angl. O.A. Rybakovoi. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)
- Vukashinovich Vladimir, sviashch.* Liturgicheskoe vozrozhdenie v XX veke. Istoriia i bogoslovskie idei liturgicheskogo dvizheniia v Katolicheskoi Tserkvi i ikh vzaimootnoshenie s liturgicheskoi zhizn'iu Pravoslavnoi Tserkvi [The Liturgical Revival in the Twentieth Century. The History and Theological Ideas of the Liturgical Movement in the Catholic Church and Their Relation to the Liturgical Life of the Orthodox Church] / per. s serb. V. Belova. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Andrewes L.* Responsio ad Apologiam Cardinalis Bellarmini. Oxford, 1851.
- Baumstark A.* On the Historical Development of the Liturgy / transl. by F. West; foreword by R.F. Taft. Collegeville (MN), 2011.
- Baumstark A.* Vom Geschichtlichen Werden der Liturgie [Ecclesia Orans. X. Bändchen]. Freiburg, 1923.
- Bieritz K.H.* Liturgik. Berlin, 2011.
- Book of Common Prayer: The Texts of 1549, 1559, and 1662. Oxford, 2011.
- Bradshaw P., Johnson M.* The Eucharistic Liturgies: Their Evolution and Interpretation. London, 2012.
- Cassirer E.A.* Structuralism in Modern Linguistics // Word. 1945. № 1/2. P. 99–120.
- Concordia Triglotta: Libri symbolici Ecclesiae Lutheranae. St. Louis, 1921.
- D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe. 12. Bd.; 19. Bd. Weimer, 1891.
- De canone missae Huldrychi Zuingli epichiresis. Froschouer, 1523.
- Huldreich Zwingli sämtliche Werke. Vol. IV. Leipzig, 1927.
- Mazza E.* The Celebration of Eucharist: The Origin of the Rite and the Development of its Interpretation. Collegeville (MN), 1999.
- Nichols A.* Odo Casel Revisited // Antiphon. 1998. 3 (1). P. 12–20.
- Ninety-Six Sermons by the Right Honourable and Reverend Father in God, Lancelot Andrewes, sometime Lord Bishop of Winchester. Vol. I. Oxford, 1878; Vol. V. Oxford, 1880.
- Olar O.* Orthodoxy and Politics: The Patriarch Nikon of Moscow, the Prince Mihnea III Radu of Walachia and the Great Church of Constantinople // The Rites Controversies in the Early Modern World. Leiden; Boston, 2018. P. 233–263.
- Raitt J.* The Colloquy of Montbéliard: Religion and Politics in the Sixteenth Century. New York, 1993.
- Reid A.* The Organic Development of the Liturgy: The Principles of Liturgical Reform and Their Relation to the Twentieth-Century Liturgical Movement Prior to the Second Vatican Council. San Francisco, 2005.
- A Relation of The Conference between William Lawd, Then, Lrd. Arch-Bishop of St. Davids; now, Lord Arch-Bishop of Canberbvry: And Mr. Fisher the Jesuite, by the Command of King James of ever Blessed Memorie // *Laud W.* The Works: in 7 vols. Vol. II. Oxford, 1849. P. 326–328.
- Schlüsselburg C.* Theologiae Calvinistarum Libri Tres; in quibus... demonstratur, eos de nulla fere doctrinae Christianae articulo rece sentire. Frankfurt, 1594.
- Stevenson K.* Eucharist and Offering. New York, 1986.
- The Oxford Handbook of Early Christian Ritual / eds R. Uro, J.J. Day, R.E. Demaris & Rikard Roitto. Oxford, 2019.
- The Two Liturgies: A.D. 1549 and A.D. 1552, with other documents set forth by authority in the reign of King Edward VI. Cambridge, 1884.
- Yates N.* Anglican Ritualism in Victorian Britain. Oxford, 2000.
- Zwingli and Bucer. Louisville (KY), 1953.

DOI: 10.31857/S013038640022416-5

© 2022 г. В.Ю. ХОМЕНКОВА

ИЗОБРЕТАЯ КОРНУОЛЛ: РЕГИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ

Хоменкова Виктория Юрьевна — магистрант 2 курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: st055569@student.spbu.ru

Researcher ID: AGZ-6301-2022

Аннотация. Корнуолл — географически изолированный регион, расположенный на одноименном полуострове на юго-западе Британии. В период раннего Нового времени он представлял собой один из ярких примеров территориальной и этнокультурной автономии, обладавшей неопределенным статусом и специфическими привилегиями, что способствовало сохранению и воспроизводству здесь правовой и культурной самобытности. Подобные автономии являлись важным инструментом для поддержания устойчивости монархии и в целом всей системы потестарных отношений. Как правило, конструирование автономий и связанных с ними региональных идентичностей проводилось на разном уровне, в том числе и в интеллектуальной среде, что было выражено в создании так называемых локально ориентированных нарративов. Цель данной статьи — анализ рефлексии современников о статусе Корнуолла в составе британской композитарной монархии; рассматривается спектр идентичностей, которые были тесно связаны со статусом данной автономии. В качестве основного источника избран один из многочисленных локально ориентированных обзоров — трактат Ричарда Керью «Описание Корнуолла», который до настоящего момента практически не исследовался в контексте становления региональных идентичностей. В данном тексте конкретное локальное сообщество Корнуолла представлено в качестве проекции макрокосма Британии. Керью предлагает собственную корнуоллоориентированную версию этногенетического мифа, согласно которой заселение Британских островов начинается с побережья Корнуолла, что делает его «ключом» ко всей английской истории. Реконструируются нарративные стратегии включения Корнуолла в английское политическое и культурное пространство, которые, с одной стороны, были направлены на преодоление внутренней разнородности территориального государства, а с другой — подчеркивали его статус как уникального сообщества с собственной региональной спецификой и ареалом местных идентичностей.

Ключевые слова: Корнуолл, антиквариат, композитарная монархия, автономия, Тюдоры, Стюарты, Британия, раннее Новое время, региональная идентичность.

V.Yu. Khomenkova

Inventing Cornwall: Regional Autonomy in Early Stuart England

Viktoriia Khomenkova, Institute of History, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: st055569@student.spbu.ru

Researcher ID: AGZ-6301-2022

Abstract. Cornwall is an isolated region located on the peninsula of the same name in the southwest of Britain. The region was a territorial and ethno-cultural autonomy within the Early Modern composite monarchy. It has had an undefined constitutional status and specific privileges for centuries.

Such autonomies were an important tool in maintaining the stability of the monarchy and the system of potestary relations. The construction of autonomies and corresponding regional identities took place at different levels, for example among intellectuals. Their work resulted in the creation of locally oriented narratives. The purpose of this article is to analyse the reflections of contemporaries on the status of Cornwall as part of the British composite monarchy. A treatise by Richard Carew, "A Survey of Cornwall", was drawn upon as the main source. In this text, Cornwall appears as a semi-autonomous region incorporated into the English monarchy. Carew offers his own version of the ethnogenetic myth, according to which the settlement of Britain begins precisely from the coast of Cornwall. This fact made this region the "key" to the whole history of Britain. Thus, the author postulates its inclusion in the English political and cultural space. Nevertheless, the Cornish managed to maintain their regional characteristics, which are actualized in modern Cornwall.

Keywords: Cornwall, antiquaries, composite monarchy, autonomy, Tudors, Stuarts, Britain.

Корнуолл — этнокультурный регион на юго-западе Британии, расположенный на одноименном скалистом полуострове, находящемся практически в полной изоляции благодаря естественным водным барьерам (река Теймар отделяет его от графства Девон). Основу местного населения еще в доримский период составляли британские племена, которым вплоть до IX в. удавалось в целом успешно противостоять активным процессам германизации, сохранять локальную культурную и правовую специфику, а также собственный язык, родственные валлийскому и бретонскому. Впоследствии Корнуолл все же оказался в орбите влияния королевства Англия в статусе феодального графства, формально инкорпорированного в английскую монархию. Тем не менее на протяжении многих веков его фактический статус в королевстве оставался неопределенным, что способствовало сохранению и воспроизводству правовой и культурной самобытности, которая (ре)актуализируется в современном Корнуолле и приводит к активной ревитализации местных идентичностей. Аналогичные процессы сегодня характерны и для других кельтских регионов, включая Шотландию, Ирландию, Уэльс и французскую Бретань, однако их зарождение и интенсификация в ходе деволуции (которая на данный момент так и не была полноценно реализована на территории Корнуолла) датируются несколько более ранним периодом.

Вопрос об особой корнуолльской этнокультурной и территориальной идентичности, обусловленный проблемой интеграции Корнуолла в состав английской монархии и его последующей англизацией, остается в историографии остро дискуссионным. Так, Б. Дикон назвал историю Корнуолла «настоящим полем битвы»¹, где сталкиваются две противоборствующие силы, так называемые «корноскептики» и «корноцентристы». К «корноскептикам» можно отнести, например, Дж. Чайновета, который категорически отвергает то, что он называет «теорией корнуолльской самобытности», восходящей к идее «инаковости», обусловленной корнуолльским языком, ставшим «иконизированным» символом данной самобытности². Вслед за Джоном Тревизой, который еще в XIV в. писал, что «Корнуолл — это Энгелонде»³, Чайновет утверждает, что он был в целом интегрирован в правовое пространство и систему управления тюдоровской Англии и, таким образом, мало чем отличался от любого другого графства⁴.

С иным мнением выступают такие исследователи, как А.Л. Роуз⁵, Ф. Пейтон⁶, а также М. Стойл, утверждающий, что «обостренное ощущение самобытности всегда

¹ Deacon B. Cornwall: A Concise History. Cardiff, 2007. P. 5.

² Stoyle M. Tudor Cornwall // The English Historical Review. 2004. Vol. 119. Iss. 48. P. 135.

³ Цит. по: Armstrong D. Mapping Malory's Morte: The (Physical) Place and (Narrative) Space of Cornwall // Mapping Malory. Regional identities and national geographies in Le Morte Darthur (Arthurian and Courtly Cultures) / eds D. Armstrong, K. Hodges. New York, 2014. P. 34.

⁴ Chynoweth J. Tudor Cornwall. Stroud, 2002. P. 31.

⁵ Rowse A. Tudor Cornwall: Portrait of a Society. London, 1941.

⁶ Payton P. Cornwall: A History. Exeter, 2017.

характеризовало жителей Корнуолла»⁷. Несмотря на то что Корнуолл первым из всех кельтских периферийных регионов оказался в зоне политического влияния Англии и, соответственно, наиболее сильно подвергся процессам аккультурации, на протяжении более десяти веков там сохранялась внутренне признанная особая корнуолльская этническая идентичность. Тем не менее на сегодняшний день корнуолльская этническая идентичность по-прежнему остается непризнанной внешне, в отличие, например, от валлийской или шотландской. Как правило, считается, что она сливается с идентичностью «индустриальной»⁸ (условно ее можно обозначить как территориальную/региональную) и, таким образом, является объектом внешней легитимации. Данный способ легитимации, в свою очередь, в настоящий момент не может быть реализован в силу того, что остается доминирующим «проанглийское» восприятие корнуолльской идентичности в ее территориальном измерении, где Корнуолл все еще представляется не более чем обычным графством⁹.

Неопределенным остается также и статус герцогства Корнуолл. Формально с 1337 г., т.е. с момента официального появления герцогства, титул герцога Корнуолльского был зарезервирован для наследника престола. С одной стороны, подобный факт может служить индикатором полного поглощения территории и инкорпорации ее в единое тело английской монархии. С другой стороны, так называемые «корноцентристы», например Ф. Пейтон, апеллируют к тому, что учреждение герцогства Корнуолл тесно связало его с Англией, но при этом дало возможность сохранить определенную степень автономии¹⁰. С их точки зрения, с преобразованием Корнуолла в коронное владение герцог становился владельцем данной территории, что автоматически выводило его из-под юрисдикции короля, превращая в полуавтономную территорию с неопределенным статусом¹¹.

Так или иначе, можно с уверенностью сказать, что к началу раннего Нового времени Корнуолл действительно представлял собой территориальную автономию, совпадавшую с автономией этнокультурной, благодаря чему обладал некоторыми привилегиями, в том числе и особой администрацией¹². Подобные свободы были широко распространены в Англии и как правило характеризовались достаточной степенью «независимости», выраженной через специфическую систему правосудия. Таким образом, полицентричность королевской власти обуславливала вариативность способов взаимодействия различных систем управления, что способствовало развитию в свободе собственной политической культуры, вокруг которой выкристаллизовывались местные идентичности¹³.

Подобная схема в тюдоровскую и раннестюартовскую эпохи становилась необходимым инструментом для поддержания устойчивости монархии, подкрепляемой представлением о полиэтничности британского ландшафта, объединенного под эгидой тюдоровского династического мифа. Конструирование и осмысление таких автономий происходило на разных уровнях, в том числе и в интеллектуальной сфере в рамках так называемого антикварного дискурса. На страницах локально ориентированных нарративов отражалась рефлексия современников о статусе локальных сообществ и связанных

⁷ *Stoye M.* The Dissidence of Despair: Rebellion and Identity in Early Modern Cornwall // *Journal of British Studies*. 1999. Vol. 38. № 4. P. 424.

⁸ *Husk K., Williams M.* The Legitimation of Ethnicity: The Case of the Cornish // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2012. № 12(2). P. 249–267; *Deacon B.* *Industrial Celts: Making the modern Cornish identity, 1750–1870.* Cornwall, 2018.

⁹ *Harris R.* Locating identity and ethnicity in Cornish civil society. PhD diss. Exeter, 2016. P. 11.

¹⁰ *Payton P.* Op. cit. P. 7.

¹¹ *Kirhope J.* The Duchy of Cornwall - A Feudal Remnant? An Examination of the origin, evolution and present status of the Duchy of Cornwall: PhD diss. Plymouth, 2013. P. 17.

¹² *Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Конструирование средневековых территориальных автономий: реальность и дискурсы раннего Нового времени // *Диалог с временем*. 2021. № 75. С. 396.

¹³ *Holford M., Stringer K.* *Border Liberties and Loyalties North-East England, c. 1200 – c. 1400.* Edinburgh, 2010. P. 6.

с ними идентичностях¹⁴. Далее более подробно будут рассмотрены такого рода тексты, посвященные Корнуоллу.

Как известно, период, обозначенный Ф.С. Фаснером как историческая революция¹⁵, был ознаменован последовательной сменой историописательной парадигмы. Средневековая темпоральность, лежавшая в основе хроникального типа историописания, постепенно трансформировалась под влиянием концепции анахронизма, пришедшей на смену традиционному христианскому универсализму¹⁶. Следствием этого стало изобретение новых историописательных методов, отмеченных, прежде всего, в трудах английских антиквариев. При этом в интеллектуальном поле раннего Нового времени по-прежнему сохранялись рудименты средневекового мировоззрения, в рамках которых «реальность» разворачивалась исключительно как замысел Божий, недоступный для человеческого восприятия¹⁷.

Подобные трансформации можно условно обозначить как маркеры зарождения национального историописания в условиях складывания так называемой раннемодерной британской нации. Данный процесс, проходивший под эгидой сразу двух разнонаправленных дискурсов, универсалистского и партикуляристского, требовал поиска новых форм реализации и осмысления коллективных идентичностей, связанных с различными региональными общностями, в том числе и обособленными территориально¹⁸. В рамках раннемодерного интеллектуального пространства потребность в осмыслении подобных идентичностей реализуется в создании локально ориентированных нарративов.

Отличительной чертой данных сочинений является то, что локус вытесняет хронос с позиции главенствующего принципа организации нарративной структуры текста, вследствие чего развивается новый жанр историописания – хорография. Она становится нарративным воплощением картографического образа, выраженного не только в географическом, но и в хронологическом измерении, точки соприкосновения которых конструируют целостный образ пространства.

Впервые слово «хорография» для обозначения особого жанра, основанного на описании местности, было использовано Клавдием Птолемеем, определившим его как сочетание истории и географии, стремящееся скорее к искусству, нежели к точному описанию земли в целом¹⁹. Под влиянием гуманистической традиции данный жанр актуализируется в XV в. в Италии в трудах Флавио Бьондо «Рим Торжествующий»²⁰ и «Воссозданный Рим»²¹. В Англии его распространение было обусловлено прежде всего антикварным дискурсом, в рамках которого он претерпел определенные трансформации и помимо сочетания географических и исторических сведений стал также включать в себя данные археологии, права, обычаи – т.е. все то, что могло быть успешно использовано для всестороннего описания местности²².

Значение данного жанра с точки зрения поиска новых форм коллективных идентификаций можно определить через специфическую трансформацию представлений о лояльности, связанных с территориальным мышлением. Если раньше историю представляли как последовательность правлений монархов, а картографические изображения

¹⁴ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Указ. соч. С. 399.

¹⁵ Fussner F. The Historical Revolution, English Historical Thought and Writing, 1580–1640. London, 2010. P. 11.

¹⁶ Levy F. Tudor Historical Thought. San Marino, 1967. P. 10.

¹⁷ Паламарчук А.А., Федоров С.Е., Терентьева Е.А. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021. С. 29.

¹⁸ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Указ. соч. С. 395.

¹⁹ Moffit J. Medieval Mappaemundi and Ptolemy's Chorographia // Gesta. 1993. Vol. 32. № 1. P. 63.

²⁰ Biondo F. Rome in Triumph / trans. by F. Muecke. Vol. 1. Cambridge, 2016.

²¹ Бьондо Ф. Воссозданный Рим. М., 2020.

²² Helgerson R. The Land Speaks: Cartography, Chrography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. № 16. P. 70.

местности обязательно сопровождалась королевскими инсигниями, символизовавшими принадлежность данной территории, то уже к XVII столетию земля практически полностью вытесняет регальные символы и занимает, таким образом, доминирующее положение не только в антикварных текстах, но и, очевидно, в структурах мышления²³. Поэтому если для средневекового хрониста быть верным Англии означало быть верным династии, то для хорографа Англию представляли прежде всего Корнуолл, Девон, Уорикшир, Лондон и другие графства, города, земли и поселки. Подобная трансформация приводила к актуализации новых форм коллективных идентификаций, способствовавших групповой консолидации в рамках локальных сообществ.

С другой стороны, в «малых» хорографических обзорах воспроизводились, как правило, те же образцы, что и в масштабных «общebritанских» хорографиях, которые были направлены прежде всего на формирование целостного образа территории, необходимого для ревокации прав Тюдоров в условиях династического строительства. Следовательно, в локальных описаниях продолжал фигурировать образ некоего «целого», частью которого являлся данный локус, что позволяло авторам успешно маневрировать между микро- и макроуровнями, создавая тем самым различные вариации идентичности.

В целом подобные нарративы были ориентированы прежде всего на трансляцию образа пространства той части аудиторией, которая была непосредственно связана с данной территорией. Более того, сами авторы являлись, как правило, частью того локального сообщества, образ которого конструировался и разворачивался на страницах их трактатов²⁴. Целеполагание автора в данном случае определялось через интеллектуальный механизм дифференциации, т.е. отличия «себя» и «своего пространства» от «иного», который легитимировал само существование местности и делал ее достойной описания. Таким образом, в локально ориентированных сочинениях происходило изобретение и фиксация тех различий, которые делали «возможным» Корнуолл, Девон, Уорикшир и другие территориальные образования. «Разворачивая» перед читателем пространство автономии, авторы делали повествование чрезвычайно детализированным. Важно отметить, что частное в «локальных» нарративах всегда оставалось органической частью большого британского макрокосма. «Локальные» по своей тематике тексты не только не противоречили, но и во многом даже дополняли такие масштабные тексты, как, например, сочинения Уильяма Кемдена²⁵ или Майкла Дрейтона²⁶. Таким образом, те территориальные идентичности, которые конструировались на страницах локальных обзоров в контексте партикуляристского дискурса, в рамках универсалистского оказывались встроены в единое «британское тело», где их вариативность нивелировалась уже новой формой идентификации – протонациональной.

Самым известным подобным топографическим описанием Корнуолла стал трактат Ричарда Керью «Описание Корнуолла»²⁷, опубликованный впервые в 1602 г. в Лондоне. Автор данного текста родился в одной из самых знатных корнуолльских семей и практически все свое время проводил вдали от Лондона. Считается, что на своего «младшего коллегу» значительное влияние оказал Уильям Кемден и даже часть «Британии», посвященная Корнуоллу, может рассматриваться как порождение их совместного творчества²⁸. Что касается политической деятельности Ричарда Керью, то она также всегда была непосредственно связана с его родным графством. Благодаря разветвленной сети социальных связей, он несколько лет занимал место в палате общин, будучи представителем сразу двух корнуолльских округов. Однако большую часть жизни он оставался далек от двора,

²³ Ibid. P. 59.

²⁴ Levy F. Op. cit. P. 167.

²⁵ Camden W. Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. London, 1586.

²⁶ Drayton M. Poly-Olbion. London, 1612.

²⁷ Carew R. The Survey of Cornwall. London, 1602.

²⁸ The History of Parliament: The House of Commons 1558–1603. Vol. 1. Cambridge, 1981. P. 542.

предпочитая проводить время в путешествиях по Корнуоллу, что впоследствии нашло отражение в его «Описании Корнуолла». Данный текст долгое время оставался в тени более масштабных хорографических описаний, поэтому на сегодняшний день нет работы, которая всецело была бы посвящена анализу данного трактата. Несмотря на это, сам трактат многократно переиздавался. На настоящий момент последнее издание работы Керью датируется 2004 г.²⁹ Сам текст «Описания Корнуолла» в издании 1602 г. занимает 318 страниц и состоит из двух книг, разделенных по тематическому принципу. Трактат написан на английском языке, однако включает в себя многочисленные цитирования на латыни, а также вставки на корнском и греческом языках.

Структурно «Описание Корнуолла» воспроизводит ту повествовательную модель, которая лежит в основе структуры «Британии» Кемдена. Она предполагает наличие двух смысловых частей, где в первой представлена панорама локальных сообществ, разворачивающаяся в контексте топографического описания, а во второй воссоздается своеобразная вертикаль, выражающая специфику общности в ее территориальном воплощении³⁰. В первой книге Керью описывает Корнуолл извне, наблюдая за ним с «высоты птичьего полета». Здесь Корнуолл предстает монолитным и целостным, географически изолированным от окружающего пространства. Керью пишет: «Природа оттеснила Корнуолл в самую дальнюю часть королевства и окружила его океаном, сделав полуостровом на острове, так что жители находят лишь один выход по суше»³¹. Существенная часть первого обзора посвящена той природной, культурной и социальной реальности, которая постоянно воспроизводится и воссоздает тем самым жизненное пространство. Керью осознает, что тот образ, который он конструирует в своем трактате, не является «вечной, неизменной сущностью». Корнуолл для него существует в исторической динамике, поэтому, как говорит сам автор, его описание на момент публикации трактата уже может не соответствовать реальному состоянию графства (с. 1).

Таким образом, в первой книге в центре повествования Керью оказывается сама земля и те ее составляющие (например, традиционно добывавшееся в Корнуолле олово), которые обеспечивают процветание региона и объединяют его жителей. Так, например, он пишет: «Почему мы ищем по углам мелкие товары, когда единственный рудник корнуолльского олова приносит нашей стране столько пользы ...ведь благодаря ему жители получают богатство, торговцы — работу, а все королевство — славу» (с. 9). Кроме того, Керью строит свое сочинение таким образом, что за каждым описанием природного объекта следует оценка его материальной ценности, обусловленной, прежде всего, хозяйственной деятельностью местного населения. Корнуолл здесь наполнен обезличенной массой земледельцев, шахтеров и рыбаков, которые культивируют ландшафт, наделяя его смысловым содержанием.

Данный подход направлен на воспроизводство не только географического пространства, социальных связей и генеалогий знатного сообщества, но также вписывает в данный контекст повседневные практики и обычаи, составляющие ежедневную жизнь «рядового корнуолльца»³². Несмотря на то что житель Корнуолла не персонифицирован, Керью наделяет его голосом, который слышен в описании фольклора рыбаков или обычая сбора трав. Так, автор формирует представление о воображаемом сообществе, обладающем общими традициями и разделяющем данные практики.

²⁹ Carew R. *The Survey of Cornwall* / eds J. Chynoweth, N. Orme, A. Walsham. Exeter, 2004.

³⁰ Федоров С.Е. «Британская» история Уильяма Кэмдена // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2016. Т. 7. Вып. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840001396-4-1/> (дата обращения: 23.10.2021).

³¹ Carew R. *The Survey of Cornwall and An Epistle Concerning the Excellencies of the English Tongue*. London. 1769. P. 4. Далее ссылки на сочинение Керью даются в тексте.

³² Badcoe T. *Richard Carew and the Matters of the Littoral* // *Ground-Work: English Renaissance Literature and Soil Science* / ed. H. Eklund. Pittsburgh, 2017. P. 65.

Следуя жанровым особенностям хорографии, Керью вплетает в пространственное измерение исторический компонент, определяющий последовательность фактов и событий, которые обуславливают существование Корнуолла уже в хронологическом измерении. Он прослеживает эволюцию институтов королевской власти, существовавших с Коринея до Эдуарда VI, провозглашая ее континуитет от первого завоевателя данной территории до нынешнего герцога, обладающего здесь «королевской юрисдикцией и правами короны» (с. 40). Включение подобного элемента хроникального историописания с привлечением истории потестарных институтов свидетельствует о восприятии автором королевской власти как организующего начала, призванного вписать Корнуолл в общий английский контекст.

При этом в характерной для елизаветинской эпохи модели мышления, сочетающей в себе идеи микро- и макрокосма, Керью успешно «маневрирует» между особой корнуолльской землей и общеанглийским ландшафтом таким образом, что маленький пруд в его родном имении оказывается аллюзией на целый океан, омывающий британские берега. Он постоянно перемещается между локальным и глобальным уровнями, встраивая Корнуолл в систему международных торговых связей, а также апеллируя к различным правовым документам, например к королевским статутам и хартиям (хартия короля Эдуарда I или статуты Елизаветы) (с. 18, 55), которые имели непосредственное влияние на внутреннюю жизнь местного сообщества. Так, например, он пишет: «Бог наделил недра этого маленького уголка земли таким богатством, что оно протекает через всю Англию, орошает христианский мир и растекается по всему свету» (с. 9). Хотя в начале книги Керью конструирует образ абсолютно обособленного графства, изоляция которого обусловлена прежде всего географически, сама форма организации нарратива, сплетающая описание внутреннего устройства с миром извне, делает Корнуолл частью общего английского ландшафта, позволяя одновременно подчеркнуть региональную специфику.

Во второй части трактата превалирует пространственно-территориальное измерение, наполненное информацией о природных объектах, местной знати, церковных памятниках и языке. Тем не менее Керью «разворачивает» пространство в несколько иной конфигурации. На этот раз Корнуолл изображается изнутри, что позволяет читателю совершать ментальное путешествие, передвигаясь вслед за автором от одной административной единицы к другой. В качестве первичной подобной структуры выступает сотня. Так, он пишет: «С моей точки зрения, я буду легко путешествовать с места на место... принимая сотни в качестве проводников, пока я не завершу это утомительное путешествие» (с. 98). Керью последовательно проходит через всю территорию Корнуолла от самой северной до самой южной точки. Можно предположить, что данный маршрут действительно мог существовать и скорее всего был опробован им лично.

В начале второй части Керью предвосхищает содержание книги в целом: «Сначала я сообщу то, что узнал о корнуолльцах и Корнуолле в общем, после чего перейду к отдельным местам и личностям, наиболее заслуживающим внимания, а также к памятным событиям, которые происходили здесь как в самые ранние, так и в более поздние годы» (с. 97). Под общим описанием Корнуолла и корнуолльцев он, очевидно, подразумевает последовательность событий, которые определяют положение общины в конкретный исторический период. В подобном прочтении историю Корнуолла он начинает уже не с Коринея, а с восстания западных бриттов и, соответственно, с завоеваний Цезаря, как бы проводя черту между гальфридианской мифологической традицией и непосредственно «историческим» методом, характерным для антикварного дискурса. Так, в данном случае он апеллирует к сочинению Страбона, поскольку, как он сам пишет, это «самый ранний период, к которому могут привести его поиски» (с. 97). Таким образом, в хронологическом измерении Корнуолл «начинает существовать» только с момента документации здесь римского присутствия, несмотря на то что сам Керью утверждает, что на тот момент он уже был давно заселен западными бриттами (с. 3). При этом финальной точкой в его

историческом обзоре становится восстание корнуолльцев 1549 г., после чего изложение сводится исключительно к современности.

Во второй книге «Описания Корнуолла» история частная, воплощенная в образах знатных и благородных семейств, существует параллельно с историей монархической. Зачастую рассказ о местных лордах соседствует с династической историей английских королей и герцогов корнуолльских от самого Артура вплоть до королевы Елизаветы. При этом данный континуитет, указывающий на зримое присутствие королевской власти, конструирует непосредственную связь короны с данной территорией. Более того, генеалогические вставки также обладают территориальной локализацией, что призвано прежде всего вывести на первый план конкретный фрагмент территории, сделав его знать неотъемлемой частью и лишив, таким образом, ее прерогативного права собственности как на конкретную землю, так и на страну в целом.

Еще один риторический прием, к которому прибегает Керью и который, вероятно, был им заимствован у Кемдена, заключается в напластовании двух временных срезов, что позволяло ему успешно сочетать легендарное прошлое с привычным читателю настоящим. «Создавая», таким образом, территорию, существующую одновременно в нескольких временных позициях и вместе с тем «вне» времени в принципе, Керью убеждает своего аудиторию в стабильности их собственного мира. В тексте встречаются сюжеты, отдаленность которых от даты публикации трактата не превышает 10 лет, а учитывая то, что сам текст создавался на протяжении достаточно длительного периода времени, автор описывает современную ему реальность, в том числе и локальные сюжеты, участником которых он был лично и которые имели особое значение в рамках конкретного локального сообщества. В то же время параллельно с ними существуют сюжеты из легендарного прошлого Корнуолла, самым показательным примером которого может считаться легенда о короле Артуре, игравшая важную роль в местных идентитарных процессах.

Все это в совокупности с первой частью, где конструировалась повседневная корнуолльская реальность, позволяло читателю воспринимать этот образ с большим чувством сопричастности и создавало ощущение реальности данной общности. Одновременно данный образ разворачивался ретроспективно, освещая прошлое, где находились его истоки, интерпретируемые автором преимущественно как локально ориентированные. Одной из таких «изобретенных традиций» можно считать предлагаемую Керью корнуоллоориентированную версию гальфридианского мифа³³ о заселении Британии, согласно которой его начало было связано непосредственно с побережьем Корнуолла (с. 3).

Вопросы этногенеза и связанного с ним этногенетического мифа, сочетаемые со сферой топонимики и ономастики, представляют собой один из основных компонентов, необходимых для определения того, что сам Ричард Керью и его читатели могли понимать под словом «Корнуолл». Как известно, в XVI–XVII вв. английские интеллектуалы были буквально одержимы топонимикой, поскольку подлинным объектом их интереса была историческая и этнокультурная реальность, за топонимами стоящая; как следствие, топографические описания в итоге выходили за рамки действительных пространственных категорий³⁴. Используя технику номинации, т.е. последовательного перечисления топонимов и их интерпретации, Керью рассматривает Корнуолл как результат длительного социокультурного развития данной местности.

Проследивая этимологию топонима Корнуолл, Керью апеллирует сначала к хронистам, связывавшим его с легендарным героем-эпонимом Коринеем, игравшим на локальном уровне ту же роль, что и Брут для всей Британии, а затем к римским авторам, возводившим его название к обозначению *Cornu Galliae*. Сам Керью придерживается

³³ Гальфридианский миф — устоявшееся в исторической науке обозначение описания родства британских народов через генеалогию потомков Брута — Локрина, Камбра и Альбанакта. Данная легенда обретает повторную актуальность в тюдоро-стюартовский период в связи кельтскими корнями обеих династий.

³⁴ *Robinson B. Elizabethan Society and Its Named Places // Geographical Review. 1973. Vol. 63. № 3. P. 323.*

мнения, что наименование Корнуолла «происходит из соединения латинских слов *Cognu Walliae*, условно переводящихся как “валлийский рог”» (с. 3), прослеживая, таким образом, связь между Корнуоллом и Уэльсом, в отдаленных регионах которых бритты были вынуждены скрываться от завоевателей саксов. Он пишет, что саксы использовали слово «*welshmen*» в значении «чужак» для обозначения как раз той части бриттского населения, которая смогла скрыться на территории этих двух регионов и оказалась в изоляции, что, возможно, и помогло им сохранить своеобразие, в том числе и этническое, впоследствии реализовавшееся уже в виде особой формы региональной идентичности (с. 3).

Тем не менее большой интерес с точки зрения конструирования конкретного локуса и связанных с ним идентичностей представляет традиционная рефлексия об истории заселения Британии, восходящая к гальфридианскому мифу. Долгое время она оставалась единственной общепринятой формулой объяснения британского этногенеза, базирующейся на классическом мифе, который возводил происхождение легендарного героя-эпонима, в данном случае Брута, к троянскому циклу. Впервые данная история фигурировала в сочинении «История бриттов»³⁵ Ненния, однако изобретение традиции, к которой непосредственно позднее апеллировало подавляющее большинство авторов, искавших исходную точку британской истории, связано с именем Гальфрида Монмутского и его «Историей королей Британии».

Гальфридианская идея постоянно циркулировала и многократно воспроизводилась в многочисленных текстах на протяжении XII–XIV вв., оставаясь при этой основной версией событий ранней истории Британии. Впоследствии она слилась с тюдоровским династическим мифом, что позволило новой династии инструментализировать свое валлийское происхождение, возведя его к первому завоевателю Британии. При первых Стюартах, однако, наблюдается как отказ от слепой веры в гальфридианский миф, так и его новые интерпретации, обусловленные возникновением композитарной монархии.

Основа для скептического отношения к истории Гальфрида была заложена еще в сочинении Полидора Вергилия. Он одним из первых отказался от бездоказательного использования легенды о Бруте, апеллируя к ее «невероятности», а также к тому факту, что римское прошлое могло играть более важную роль в актуальной для него имперской парадигме, чем более древнее происхождение, пусть и восходящее к самой Трое³⁶. Тем не менее от образа Брута полностью так и не отказались, поскольку уничтожение его и его потомков оставляло бы в истории пустоту, которую на тот момент пока нечем было заполнить. Хорографы XVI в. — Джон Лиланд и Уильям Ламбард — продолжали защищать и воспроизводить историю Гальфрида, хоть и с известной долей скептицизма, подтверждая династический миф Тюдоров. При этом на локальном уровне, прежде всего в сочинениях валлийских авторов, легенды о Бруте, а также об Артуре, которые неразрывно следовали друг за другом в сочинении Гальфрида, была заметна более последовательная приверженность старым традициям, обусловленная своеобразным локальным патриотизмом.

Особенностью интерпретации данного мифа в «Обзоре Корнуолла» Керью является его корнуоллоориентированное прочтение классической версии легенды о заселении Британии. В трактате традиционно фигурируют две личности — Брут, впоследствии основатель династии бриттских королей, а также Кориней, кузен Брута, высадившийся непосредственно в Корнуолле, где и произошла его знаменитая битва с великаном Гогмагом. Так, Керью пишет, что именно Кориней, кузен Брута, стал первым завоевателем этого острова. В истории Гальфрида Кориней также фигурирует как товарищ Брута по оружию, который успешно сражается с гигантом, после чего обретает землю Корнуолла,

³⁵ Ненний. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 172.

³⁶ Polydore V. *Anglica Historia* (1555 version): a hypertext critical edition / ed. D. Sutton. Irvine, 2009. P. 19.

становясь для нее эпонимом, а также родоначальником династии легендарных правителей. «Добычей, дарованной Коринею за этот подвиг, был Корнуолл» (с. 3).

Сама структура данного мифа остается у Керью неизменной. Он все еще придерживается версии, согласно которой Кориней действительно высадился на территории Корнуолла, где и произошла его знаменитая битва с великаном. При этом Керью не вдается в подробности завоевания Британии, акцентируя внимание исключительно на Корнуолле. Так что перед нами разворачивается классическая история, где герой сражается со злой сверхъестественной силой, после чего «получает в награду землю за доблесть». Керью пишет: «Можно предположить, что Кориней получил в награду место, где он доказал собственную ценность» (с. 3). Таким образом, Гогмагог выступает не просто как абстрактная сила, противостоящая главному герою, а как государь (prince) данной территории, победив которого, Кориней получает землю в дар.

В интерпретации Ричарда Керью наиболее интересной представляется географическая привязка легенды о заселении Британии. Он пишет, что знаменитая битва Кориней с Гогмагогом произошла именно в Плимуте, и добавляет: «Также говорят, что местом, где первоначально высадился Брут, был Тотнес в Корнуолле, поэтому битва между Коринеем и Гогмагогом состоялась здесь, а не где-либо еще». Он приходит к выводу, что провинцией, дарованной Коринею, также был именно Корнуолл (хотя при Стюартах Тотнес формально относился к графству Девон). Исходя из этого, он делает предположение, что девонцы и корнуолльцы, в отличие от представителей других графств, унаследовали особый воинский дух, обусловленный, прежде всего, их происхождением, восходящим непосредственно к великому воину Коринею (с. 3).

В то же время большое распространение имела версия высадки Брута и его кузена в Дувре, что, например, было изложено в хронике Рафаэля Холиншеда³⁷. Тем не менее корнуоллоориентированная версия гальфридианского мифа также уже встречалась до этого в поэме Эдмунда Спенсера³⁸ и в описании Плимута Уильяма Кемдена, в то время как версия с Тотнесом восходила корнями к оригинальной истории Гальфрида Монмутского, который писал, что, «плывя с попутными ветрами к обетованному острову, он пристал, наконец, к Тотонскому побережью»³⁹.

Предположительно представление, что именно Плимут стал местом высадки и сражения, было основано на местной традиции. Возможно, Энтони, откуда происходил сам Керью, находился недалеко от Плимута, что может свидетельствовать о том, что он действительно был знаком с устными преданиями, которыми он дополнительно подтверждал свои умозаключения. Так или иначе, достоверное место высадки Брута не было известно никому, и интерпретация Керью, связывающая троянскую легенду о завоевании Британии с побережьем Тотнеса и Плимута, входящих сегодня в состав графства Девон, очевидно, должна была связать данный этногенетический миф непосредственно с Корнуоллом (т.е. с «Западными землями», так как Керью фактически не делал различий между Корнуоллом и Девоном). Это позволило ему начинать отсчет истории Британии именно с корнуолльского побережья, таким образом, наделив данную территорию особым символическим значением. Жители «Западных земель» обрели у него уникальную родословную, восходящую к великому герою-воину Коринею, что выделяло их среди жителей других графств. В то же время его версия заселения Британии не только повышала значимость Корнуолла по сравнению с другими британскими территориями, но и делала его частью общебританского целого. Тем самым он становился своеобразным эпицентром, отправной точкой истории всего острова.

³⁷ Holinshed R. The Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. 1. London, 1807.

³⁸ Spenser's Faerie queene. A poem in six books with the fragment Mutabilitie / ed. J. Thomas. London, 1895.

³⁹ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / под ред. А.Д. Михайлова. М., 1984. С. 17.

В том, что касается корнского языка как одного из маркеров корнуолльской этнической идентичности, Керью акцентирует внимание, во-первых, на различии словоупотребления и практики номинации в разных частях Корнуолла (так, например, в западной части язык сохранился в более чистом виде, так как в меньшей степени подвергся англизации), а во-вторых, на связи данного языка с валлийским, обусловленной общностью их происхождения. Он пишет: «Как корнуолльские имена имеют сходство с валлийскими, так и сами языки имеют один источник и отличаются только как диалекты» (с. 56). Подобная интерпретация свидетельствует о понимании автором специфической связи между корнуолльцами и валлийцами, восходящей корнями к общему бриттскому прошлому. Тем не менее он признает, что корнуолльский язык пережил существенное влияние английского и на момент написания трактата уже практически исчез, так как «большинство жителей не знали корнуолльского языка, но лишь немногие не умели изъясняться на английском» (с. 57). Несмотря на это, он утверждает, что при встрече с англичанином корнуоллец ответит на своем языке и не станет говорить на саксонском. Таким образом, Керью действительно проводит черту между англичанами, имевшими, соответственно, англосаксонское происхождение, и корнуолльцами, восходящими к бриттскому населению древней Британии. Одновременно он отмечает и существенное влияние, которое английский язык и, следовательно, сами англичане оказали на корнуолльцев, благодаря чему они оказались более «цивилизованными» (можно считать англизированными), чем, например, далекие ирландцы (с. 57).

В целом Корнуолл в трактате Ричарда Керью предстает как полуавтономный регион, тщательно вписанный в общеанглийский контекст. Для него, как и для большинства авторов локально ориентированных нарративов, большое значение имеют местные обычаи, повседневные практики и традиции, существующие в неразрывной связи с деятельностью местных корпораций. Все это в совокупности формирует микрокосм локального сообщества, представляющий проекцию целой Британии, т.е. общего британского макрокосма. Основанием корнуолльской идентичности выступают те местные особенности, которые выгодно выделяют его на фоне остальных английских графств и других территорий Британии, составляющих единый полиэтничный организм. Благодаря корнуоллоориентированному прочтению гальфридианского мифа, игравшего важную роль в тюдорской пропаганде в условиях активного династического строительства, именно Корнуолл помещается в эпицентр британской истории, становясь ключом к последующему заселению остальной части острова. Таким образом, от самого Коринея вплоть до Елизаветы I прослеживается континуитет институтов королевской власти – организующего принципа, благодаря которому Корнуолл и становится неотъемлемой частью Британии. Акцентируя внимание на знатном сообществе как на наиболее англизированной части населения, а также на влиянии английского языка на корнуолльский, постулируется включение Корнуолла в английское политическое и культурное пространство. Все эти особенности нарратива были направлены на преодоление внутренней разнородности территориального государства и конструирование единой протонациональной идентичности.

Библиография

- Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина / под ред. А.Д. Михайлова. М., 1984.
- Бьондо Ф.* Воссозданный Рим. М., 2020.
- Ненний.* История бриттов // *Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 173–193.
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Конструируя средневековые территориальные автономии: реальность и дискурсы раннего Нового времени // Диалог с временем. 2021. №75. С. 394–402.
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е., Терентьева Е.А.* Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021.

- Федоров С.Е.* «Британская» история Уильяма Кэмдена // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2016. Т. 7. Вып. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840001396-4-1/> (дата обращения: 23.10.2021).
- Armstrong D.* Mapping Malory's Morte: The (Physical) Place and (Narrative) Space of Cornwall // Mapping Malory. Regional Identities and National Geographies in Le Morte Darthur (Arthurian and Courtly Cultures) / eds D. Armstrong, K. Hodges. New York, 2014. P. 19–44.
- Badcoc T.* Richard Carew and the Matters of the Littoral // Ground-Work: English Renaissance Literature and Soil Science / ed. H. Eklund. Pittsburgh, 2017. P. 64–95.
- Biondo F.* Rome in Triumph / trans. by F. Muecke. Vol. 1. Cambridge, 2016.
- Camden W.* Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. London, 1586.
- Carew R.* The Survey of Cornwall. London, 1602.
- Carew R.* The Survey of Cornwall and an Epistle Concerning the Excellencies of the English Tongue. London, 1769.
- Carew R.* The Survey of Cornwall / eds J. Chynoweth, N. Orme, A. Walsham. Exeter, 2004.
- Chynoweth J.* Tudor Cornwall. Stroud, 2002.
- Deacon B.* Cornwall: A Concise History. Cardiff, 2007.
- Deacon B.* Industrial Celts: Making the modern Cornish identity, 1750–1870. Cornwall, 2018.
- Drayton M.* Poly-Olbion. London, 1612.
- Fussner F.* The Historical Revolution, English Historical Thought and Writing, 1580–1640. London, 2010.
- Harris R.* Locating identity and ethnicity in Cornish civil society. PhD diss. Exeter, 2016.
- Holinshed R.* The Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. 1. London, 1807.
- Husk K., Williams M.* The Legitimation of Ethnicity: The Case of the Cornish // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2012. № 12(2). P. 249–267.
- Helgerson R.* The Land Speaks: Cartography, Chorography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. № 16. P. 50–85.
- Holford M., Stringer K.* Border Liberties and Loyalties North-East England, c. 1200 – c. 1400. Edinburgh, 2010.
- Kirhope J.* The Duchy of Cornwall – A Feudal Remnant? An Examination of the Origin, evolution and present status of the Duchy of Cornwall: PhD diss. Plymouth, 2013.
- Levy F.* Tudor Historical Thought. San Marino, 1967.
- Moffit J.* Medieval Mappaemundi and Ptolemy's Chorographia // Gesta. 1993. Vol. 32. № 1. P. 59–68.
- Payton P.* Cornwall: A History. Exeter, 2017.
- Polydore V.* Anglica Historia (1555 version): a hypertext critical edition / ed. D. Sutton. Irvine, 2009.
- Robinson B.* Elizabethan Society and Its Named Places // Geographical Review. 1973. Vol. 63. № 3. P. 322–333.
- Rowse A.* Tudor Cornwall: Portrait of a Society. London, 1941.
- Spenser's Faerie queene. A poem in six books with the fragment Mutabilitie / ed. J. Thomas. London, 1895.
- Stoyle M.* The Dissidence of Despair: Rebellion and Identity in Early Modern Cornwall // Journal of British Studies. 1999. Vol. 38. № 4. P. 423–444.
- Stoyle M.* Tudor Cornwall // The English Historical Review. 2004. Vol. 119. Iss. 48. P. 135–136.
- The History of Parliament: The House of Commons 1558–1603 / ed. P. Hasler. Vol. 3. Cambridge, 1981.

References

- Biondo F.* Vossozdanniy Rim [Rome Restored]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Fedorov S.E.* “Britanskaya” istoriya Uil’yama Kemdena [The “British” History of William Camden // Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal [History. Electronic popular science journal]. 2016. T. 7. Vyp. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840001396-4-1/> (access date: 23.10.2021). (In Russ.)
- Gal’frid Monmuskii.* Istoriya brittov. Zhizn’ Merlina [The history of the Britons. Merlin’s Life] / pod red. A.D. Mikhailova. Moskva, 1984. (In Russ.)
- Nennij.* Istoriya brittov [History of the Britons] // Gal’frid Monmuskii. Istoriya brittov. Zhizn’ Merlina [The history of the Britons. Merlin’s Life]. Moskva, 1984. (In Russ.)
- Palamarchuk A.A., Fedorov S.E., Terent’eva E.A.* Rozhdenie natsional’nogo istoriopisaniya v Anglii i Frantsii [The birth of the national historical writing in England and France]. Sankt-Petersburg, 2021.
- Palamarchuk A.A., Fedorov S.E.* Konstruirova srednevekovye territorial’nye avtonomii: real’nost’ i diskursy rannego novogo vremeni [Constructing medieval territorial autonomies: The early modern reality and discourses] // Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2021. № 75. P. 394–402. (In Russ.)

- Armstrong D.* Mapping Malory's Morte: The (Physical) Place and (Narrative) Space of Cornwall // Mapping Malory. Regional identities and national geographies in Le Morte Darthur (Arthurian and Courtly Cultures) / eds D. Armstrong, K. Hodges. New York, 2014. P. 19–44.
- Badcoe T.* Richard Carew and the Matters of the Littoral // Ground-Work: English Renaissance Literature and Soil Science / ed. H. Eklund. Pittsburgh, 2017. P. 64–95.
- Biondo F.* Rome in Triumph / trans. by F. Muecke. Vol. 1. Cambridge, 2016.
- Camden W.* Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. London, 1586.
- Carew R.* The Survey of Cornwall. London, 1602.
- Carew R.* The Survey of Cornwall and An Epistle Concerning the Excellencies of the English Tongue. London. 1769.
- Carew R.* The Survey of Cornwall / eds J. Chynoweth, N. Orme, A. Walsham. Exeter, 2004.
- Chynoweth J.* Tudor Cornwall. Stroud, 2002.
- Deacon B.* Cornwall: A Concise History. Cardiff, 2007.
- Deacon B.* Industrial Celts: Making the modern Cornish identity, 1750–1870. Cornwall, 2018.
- Drayton M.* Poly-Olbion. London, 1612.
- Fussner F.* The Historical Revolution, English Historical Thought and Writing, 1580–1640. London, 2010.
- Harris R.* Locating identity and ethnicity in Cornish civil society. PhD diss. Exeter, 2016.
- Helgerson R.* The Land Speaks: Cartography, Chorography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. № 16. P. 50–85.
- Holinshed R.* The Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. 1. London, 1807.
- Husk K., Williams M.* The Legitimation of Ethnicity: The Case of the Cornish // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2012. № 12(2). P. 249–267.
- Holford M., Stringer K.* Border Liberties and Loyalties North-East England, c. 1200 – c. 1400. Edinburgh, 2010.
- Kirhope J.* The Duchy of Cornwall – A Feudal Remnant? An Examination of the Origin, Evolution and Present Status of the Duchy of Cornwall: PhD diss. Plymouth, 2013.
- Levy F.* Tudor Historical Thought. San Marino, 1967.
- Moffit J.* Medieval Mappaemundi and Ptolemy's Chorographia // Gesta. 1993. Vol. 32. № 1. P. 59–68.
- Payton P.* Cornwall: A History. Exeter, 2017.
- Polydore V.* Anglica Historia (1555 version): a hypertext critical edition / ed. D. Sutton. Irvine, 2009.
- Robinson B.* Elizabethan Society and Its Named Places // Geographical Review. 1973. Vol. 63. № 3. P. 322–333.
- Rowse A.* Tudor Cornwall: Portrait of a Society. London, 1941.
- Spenser's Faerie Queene. A Poem in Six Books with the Fragment Mutabilitie* / ed. J. Thomas. London, 1895.
- Stoye M.* The Dissidence of Despair: Rebellion and Identity in Early Modern Cornwall // Journal of British Studies. 1999. Vol. 38. № 4. P. 423–444.
- Stoye M.* Tudor Cornwall // The English Historical Review. 2004. Vol. 119. Iss. 48. P. 135–136.
- The History of Parliament: The House of Commons 1558–1603* / ed. P. Hasler. Vol. 3. Cambridge, 1981.

DOI: 10.31857/S013038640018557-0

© 2022 г. С.Е. ФЕДОРОВ, А.А. ПАЛАМАРЧУК

БРИТАНСКАЯ КОМПОЗИТАРНАЯ МОНАРХИЯ: ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Федоров Сергей Егорович – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: s.fedorov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57196032604; ORCID: 0000-0002-6030-7667; Researcher ID: J-4374-2013

Паламарчук Анастасия Андреевна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: a.palamarchuk@spbu.ru

Scopus Author ID: 57201724636; ORCID: 0000-0002-0851-6875; Researcher ID: J-5315-2013

Аннотация. Концепция композитарной монархии – выработанный в современной историографии аналитический инструмент для изучения крупноразмерных, структурно сложных государственных образований и происходящих в них этнокультурных и этнополитических процессов. Композитарные монархии развивались в условиях конкуренции универсалистского и партикуляристского дискурсов, определявших конфигурацию их внешних контуров и внутренних структур. История Британии с классического Средневековья и до правления Тюдоров и Стюартов свидетельствует о процессе формирования «композитных» (составных) идентичностей, которые в рамках сложных в территориальном отношении политий принимают форму консенсуальных идентичностей, связанных с этническими общностями второго плана. Внутри композитарных политий возникают условия для реализации различных стратегий аккультурации. Выделяют следующие модификации аккультурационных стратегий: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Единственно возможным вариантом для формирования консенсуальной идентичности в условиях композитарной монархии является модель интеграции. Интеграция позволяет композитам, вовлеченным в процесс этноморфоза, различными путями актуализировать собственное историко-культурное наследие и структурировать коллективное самосознание. Неоднородная структура композитарной монархии при Тюдорах и первых Стюартах предполагала, что стратегия интеграции задействует административные и интеллектуальные механизмы, разнящиеся для композитов британской периферии – Уэльса, Ирландии и Шотландии.

Ключевые слова: композитарная монархия, этничность, консенсуальная идентичность, аккультурация, этноморфоз, Шотландия, Ирландия, Британия.

S.E. Fyodorov, A.A. Palamarchuk

The British Composite Monarchy: Supreme Power and Ethnocultural Processes

Sergey Fyodorov, St. Petersburg State University (Sankt-Petersburg, Russia).

E-mail: s.fedorov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57196032604; ORCID: 0000-0002-6030-7667; Researcher ID: J-4374-2013

Anastasia Palamarchuk, St. Petersburg State University (Sankt-Petersburg, Russia).

E-mail: a.palamarchuk@spbu.ru

Scopus Author ID: 57201724636; ORCID: 0000-0002-0851-6875; Researcher ID: J-5315-2013

Abstract. The concept of the composite monarchy as it developed by contemporary historiography, is an effective analytical research tool for study of extensive territorial states with a complex internal structure. This concept clearly demonstrates the diversity of ethnopolitical and ethnocultural processes undergone within such polities in the Early Modern Europe. Composite monarchies had been developed under the persistent impact of the two concurring discourses: the universalistic and particularistic ones. These discourses, in turn, structured the outlines and internal structural boundaries within composite states. The history of Britain in the High Middle Ages and particularly under the Tudors and the early Stuarts evidenced the emergence of so called “composite” (or multiple) identities. Being developed within complex and territorially heterogeneous polities, «composite» identities took the form of the so-called consensual identities, associated with the minor regional and local ethnical communities which functioned under the pressure of the composite state. Conditions for several acculturation strategies (assimilation, separation, marginalization and integration) appeared inside of the Late Medieval and Early Modern states but an integration was the only possible way for developing of consensual identity within the composite monarchies. Acculturation allowed to actualize the historical and cultural heritage of the regional and local communities as well as to structure their collective consciences.

Keywords: Composite monarchy, ethnicity, acculturation, consensual identity, ethnomorphosis, Scotland, Ireland, Britain.

На протяжении последних десятилетий концепция композитарной монархии остается одним из самых продуктивных инструментов изучения властных и управленческих структур в Европе, и в частности в Британии, раннего Нового времени. Речь идет о несомненных преимуществах, связанных не только с изучением форм и способов реализации верховной власти на исходе средних веков и раннего Нового времени, но и о перспективах, которые открываются для изучения этнокультурных и этнополитических процессов в указанный период. Именно такого рода процессы подразумевают формирование определенных «композиционных» (составных) идентичностей, которые чаще всего в условиях, связанных с формированием сложных в территориальном отношении политий, приобретают форму так называемых консенсуальных идентичностей¹.

Логика становления и развития такого рода консенсуальных идентичностей определяется двумя векторами в развитии идентитарных процессов². С одной стороны, под влиянием эпохалистского дискурса и связанных с ним практик, реализующих, как правило, интересы верховной власти, формируется и развивается тот тип идентитарных процессов, который стремится подчинить своим интересам любые ориентированные на реализацию эссенциалистских дискурсов и практик механизмы. С другой – в условиях композитарных монархий подтвержденные внешней, т.е. со стороны эпохалистских практик, экспансии эссенциалистские дискурсы способны сохранять и даже в некоторых случаях наращивать свою самобытность. Сочетание таких постоянно взаимодействующих между собой эпохалистски и эссенциалистски ориентированных дискурсов и практик создает условия для развития особых форм аккультурации, сопровождающих характерные для позднего Средневековья и раннего Нового времени этнокультурные и этнополитические процессы.

Как известно, концепция композитарной монархии основывается на разработках Х. Кенигсбергера³ и Дж. Эллиотта⁴, которые (первый – в большей мере на

¹ Uniting the kingdom? The making of British history / eds A. Grant, K.J. Stringer. London; New York, 1995; Ellis S.G., Maggin Ch. The Making of the British Isles. The State of Britain and Ireland, 1450–1660. London, 2013.

² О нацеленности верховной власти на консенсуальные практики: Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждения о формуле власти // Средние века. 2020. Вып. 81. № 1. С. 21–30.

³ Koenigsberger H.G. The Empire of Charles V in Europe // The New Cambridge Modern History. Vol. 2 / ed. G.R. Elton. Cambridge, 1958. P. 301–333; Idem. The Practice of Empire. Ithaca, 1969; Idem. Monarchies, states generals and parliaments: the Netherlands in the 15th and 16th centuries. Cambridge, 2007.

⁴ Elliott J.H. A Europe of Composite Monarchies // Past and Present. 1992. № 137. P. 48–71; Idem. Empires of the Atlantic World: Britain and Spain, 1492–1830. New Haven, 2006.

континентальном, второй — на британском материале) пришли к выводу, что подавляющее большинство государств раннего Нового времени представляли собой не только в территориальном, но и административном отношении структурно сложные объединения. Власть монарха в такого рода объединениях не только эволюционировала от сюзеренитета к суверенитету, но и распространялась на ряд автономных или полуавтономных территориальных образований — композитов. При этом под определение композита попадали автономии с высоким уровнем административной субъектности, а процесс их инкорпорации (реализованной или потенциальной) рассматривался преимущественно в формально-правовом ключе. Для Кенигсбергера принципиально важным элементом являлась сформированность институтов внутри самих композитов, прежде всего институтов сословного представительства.

Для Эллиотта, который также отдавал должное институциональному аспекту композитарности, инструменты и механизмы, конституировавшие композитарные монархии, представляли заметно более широкий спектр функционировавших лояльностей и включали, к примеру, королевский двор и формировавшуюся под влиянием придворного патроната коммуникационную среду. Эллиотт, выделяя феномен композитарной монархии, видел в нем своеобразный стимул для дальнейшей консолидации региональных сообществ и идентичностей, способных усиливаться под влиянием конфессионального фактора.

К. Расселл⁵, как известно, предпочитал использовать близкий, но не полностью синонимичный «композитарной» термин «составная» (multiple) монархия, ограничивая его конструктивность эпохой Стюартов. Акцентируя внимание не столько на формальном, сколько культурно-историческом и конфессионально-экслезиялогическом аспектах этого институционального феномена, Расселл интерпретировал события в их исторической перспективе. При этом части «составной монархии» Стюартов виделись ему сравнительно гомогенными образованиями.

Дж. Моррилл⁶, рассуждая о тех явлениях, которые Дж. Эллиотт и Х. Кенигсбергер обозначали как «композитарные», предпочитал термин «династическая агломерация», поскольку полагал, что обеспечение династической стабильности было главным стимулом (а отчасти естественным следствием) возникновения крупных и этнически разнородных территориальных образований. Указывая на динамичный характер политий раннего Нового времени, Моррилл отмечал сохранявшееся вплоть до XVIII столетия разнообразие форм такого рода объединений. Близкий по духу Дж. Морриллу Х. Скотт определял политии раннего Нового времени как «субординированные королевства»⁷.

При этом только Р. Дэвис⁸ распространял концепцию «эллиотовской» композитарности XVI–XVII вв. на период, намного предшествующий тюдоро-стюартовскому. Он рассматривал существовавшие как в кельтских, так и в германских регионах Британии представления о «верховном короле», в германском варианте — бретвальды (напомним, что Беда Достопочтенный считал латинский термин *imperiū* аналогичным термину «бретвальда»). Используя эти наблюдения, Дэвис объяснял стратегию властвования, реализовавшуюся Плантагенетами, полагая, что региональное общebritанское лидерство достигалось не только различными путями (война, дипломатия, исполнение функции

⁵ Russell C. Composite Monarchies in Early Modern Europe. The British and Irish Example // *Uniting the Kingdom? The Making of British History*. P. 133–146.

⁶ Morrill J. The British Problem, 1534–1707 // *State Formation in the Atlantic Archipelago*. Basingstoke, 1996. P. 1–38; *Idem*. *Dynasties, Realms, Peoples and State Formation, 1500–1720 // Monarchy Transformed. Princes and Their Elites in Early Modern Western Europe* / eds R. von Friedeburg, J. Morrill. Cambridge, 2017. P. 17–43.

⁷ Scott H. *Dynastic Monarchy and the Consolidation of Aristocracy during Europe's Long Seventeenth Century // Monarchy Transformed...* P. 44–87.

⁸ Davies R.R. *The British Isles 1200–1500: Comparisons, Contrasts and Connections*. Edinburgh, 1998.

верховного судьи, использование артуровского мифа), но и в определенной мере через сохранение множественности этнотерриториальных автономных объединений⁹.

В существующей сегодня историографии концепция композитарной монархии, имеющая, подчеркнем, аналитический характер и описывающая крупноразмерные структуры, применяется к тому периоду, когда в исторической и политико-правовой мысли современников в очередной раз актуализируется тема империи. «Имперская» проблематика задействовала глубоко традиционный понятийный аппарат, заимствованный из позднеримской политической и правовой риторики. Аналитический концепт «композитарности» специфическим понятийным аппаратом, укорененным в представлениях эпохи, хотя и не располагал, но тем не менее обнаруживал известные параллели.

Оформившиеся еще в эпоху классического Средневековья универсалистский и партикуляристский дискурсы, обладая мощным инструментальным ресурсом, позволяли объяснять, а главное — исторически, юридически и богословски оправдывать те или иные модели взаимодействия верховной власти, регионов, корпораций и этнических групп. Не менее важной оказывалась их способность к позиционированию средневековых полтий в длительной исторической ретроспективе. Внутренняя неоднородность «империй», таким образом, представлялась современниками как характерная особенность не только для текущего времени, но и для более ранних этапов функционирования этого феномена. Популярность «универсалистских» схем объяснялась как экспансионистскими устремлениями конкретных государей и династий, так и их приложением к самым различным, в том числе и раннесредневековым, реалиям¹⁰.

Любые «универсалистские» построения не могли строиться исключительно на формально-правовых понятиях и требовали привлечения весьма разнообразной терминологии и способов аргументации. При этом формально-правовое определение автономий, доминировавшее в ряде аналитических моделей, оставалось значимым, но отнюдь не единственным для современников.

Осмысление имперской идентичности верховной власти английских монархов в XVI — первой половине XVII в.¹¹ во многом зависело от восходящих к классическому Средневековью представлений о легитимности полномочий территориальных государей. Такого рода представления основывались на отношении писавших на эту тему интеллектуалов к границам папского¹² и имперского верховенства. Оспаривая универсалистский характер претензий германских императоров, юристы ссылались на формулу

⁹ Подход Дэвиса может быть успешно распространен и на период правления Нормандской династии с той лишь разницей, что территории, над которыми нормандцы стремились установить свое господство, включали инсуюльную и континентальную часть. На феномен устойчивости и разнообразия автономий в период позднего Средневековья (XIV—XV вв.) не только в английском, но и в шотландском королевстве обращает пристальное внимание группа исследователей, начиная с Х. Кэм — К. Стрингер, С. Невилл, Дж. Скаммелл, Дж.В. Александер и др. Их представления о такого рода внутренних структурах монархий позднего Средневековья можно считать действительно фундаментальными. Генезис такого рода автономий, как автономий сугубо феодальных по своей природе, регулировался феодальным правом, служившим в качестве основы для формирования региональных, локальных идентичностей и более широко — самой системы лояльностей: *Cam H. Liberties and Communities in Medieval England: Collected Studies in Local Administration and Topography*. Cambridge, 1944; *Scammell J. The Origins and Limitations of the Liberty of Durham // English Historical Review*. 1966. Vol. 81. P. 449–473; *Alexander J.W. The English Palatinates and Edward I // Journal of British Studies*. 1983. Vol. 22. P. 2–22; *Stringer K. States, Liberties and Communities in Medieval Britain and Ireland (c. 1100–1400) // Liberties and Identities in the Medieval British Isles / ed. M. Prestwich. Woodbridge, 2008. P. 5–36; Neville C.J. Land, Law and People in Medieval Scotland. Edinburgh, 2010.*

¹⁰ Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу средних веков // Вестник СПбГУ. История. 2013. № 1. С. 77–89.

¹¹ *Bosbach F. Monarchia Universalis. Ein Politischer Leitbegriff der Fruhen Neuzeit. Hamburg, 1988.*

«rex qui superiorem non recognoscit», восходящую к декреталии Иннокентия III «Per Venerabilem»¹³. Подчеркивая универсалистское господство «римских» императоров, они использовали формулу «rex in regno suo est imperator regni sui», приписываемую Ацо¹⁴. Лежащие в основе этих максим доказательства так или иначе подразумевали типичную для средневековой Западной Европы дисперсию властных отношений¹⁵ и обозначали варианты всех известных к тому времени теорий властного (главным образом территориально обусловленного) суверенитета средневековых монархий.

С началом Реформации инструментальный ресурс обеих формул уже использовался для обоснований культурно-исторической идентификации территориальных государственных объединений. Максима «rex in regno suo est imperator regni sui» активно адаптировалась для теорий верховенства никогда не входивших в состав империи владений; «rex qui superiorem non recognoscit» — соприкасавшихся с территориальной юрисдикцией германских императоров землям. При этом только политико-правовая мысль Франции и итальянских городов-республик могла претендовать на перспективу, связанную с применением обеих формул¹⁶.

Использование обеих максим в интеллектуальном дискурсе эпохи интенсифицировало палитру возможных доказательств исходно иного и одновременно отличного от отдающего приоритет имперскому порядку. В теориях естественного права территориальные государства позиционировались не только как предшествующие образованиям имперского типа. В таких построениях терялся смысл универсалистских претензий римского народа, а на этом фоне лишались легитимных оснований все декларируемые с ним формы политического преемства¹⁷.

Естественный порядок, ограничивая начальные формы политических объединений территориальными королевствами, подспудно подразумевал, что сам факт появления империи был связан не только с завоеванием, но и с насильственным объединением существовавших с незапамятных времен независимых государств. Такая форма «нестественного» фактического господства противопоставлялась покоящейся на легитимных началах власти территориальных государей. Римский император не только лишался *de jure* оснований на мировое господство, но и римский народ рассматривался в качестве неспособного трансформировать производные от этого права полномочия своим государям¹⁸. Все

¹² Стремление к очевидному наращиванию определений о папском верховенстве не являлось органически обусловленным процессом, отражающим реалии средневекового общежития. Прямое вмешательство пап во внутренние дела светских государей оставалось весьма конкретным и ситуативно выраженным явлением. Расширительное понимание Константинова дара с характерным для полемистов ограничительным толкованием пределов территориальной юрисдикции римского престола формировало основу для постепенного распространения лимитирующих полноту верховной власти представлений.

¹³ Pennington K. Pope Innocent III's View on Church and State: A Gloss to Per Venerabilem // Law, Church and Society: Essays in Honor of Stephen Kuttner / eds K. Pennington, C. Somerville. Philadelphia, 1977. P. 49–67.

¹⁴ Post G. Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State, 1100–1322. Princeton, 1964. P. 453–493.

¹⁵ Хачатурян Н.А. Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 8–13.

¹⁶ Calasso F. Origini italiane della formola “rex in regno suo est imperator” // Revista di storia del diritto italiano. 1930. Vol. 3. P. 213–259. Уже Ольдрад из Понте, отстаивая претензии Роберта Мудрого на верховенство в подвластных ему территориях, использовал формулу «rex qui superiorem non recognoscit» для полного отрицания универсалистского характера имперской власти. *Oldradus da Ponte*. Consilia. Lyon, 1550. Consilium. № 69. Sig. 21r–26v.

¹⁷ Наиболее ранний вариант такого подхода обоснован Марином из Караманико (ум. 1288). *Calasso F. I glossatori e la teoria della sovranita*. Milano, 1957. P. 196.

¹⁸ Наиболее раннее упоминание этого обстоятельства принадлежит Ольдраду из Понте: *Oldradus da Ponte*. Op. cit. Sig. 24v.

варианты, связанные с последующей «трансляцией» римского варианта имперской идеи, трактовались как бесосновательные и нелегитимные.

Разделявшие эти взгляды интеллектуалы отдавали должное потенциально возможным переменам: «политическая» картина мира в их представлениях оставалась подвижной¹⁹. С одной стороны, потенциально возможным представлялось появление новых территориальных государств, с другой – не менее реальным виделось и образование ранее неизвестных государственных объединений. Присутствие «старой» империи среди такого рода объединений не исключало появления другой территориально-политической доминанты, а также возможной и обусловленной ее появлением иного рода имперской идентичности. При этом сам факт возникновения композитарных монархий не только не противоречил, но и соответствовал процессу размежевания обновленных территориальных идентичностей.

Составляющие «политического тела» английской композитарной монархии²⁰ не были однородными и отражали определенные вехи в становлении этого политического и территориального феномена. Отношения, которые складывались между Англией и Уэльсом уже в середине правления Тюдоров, не создавали видимых проблем для правящей династии. Модель, характеризовавшая эти отношения, определялась наличием единой правовой системы, одним парламентом, единой церковью, одним Тайным советом и унифицированной судебной системой, но не исключала автономных элементов культурно-исторического плана. Учрежденный при Генрихе VIII Совет по делам Уэльса не располагал соответствующими ресурсами и был не способен регулировать культурно-историческую автономию этой части британской государственности, но гарантировал при этом фискально-административную унификацию образованных в то же время валлийских графств. Уэльс, таким образом, не являлся собственно композитом, но его место в композитарной монархии сначала Тюдоров, а затем и Стюартов указывало на возможные, но отличные от характерных, формы сохранения автономности: отсутствие административной субъектности не означало, что этот регион был лишен культурно-исторического своеобразия. Потенциал к сохранению эссенциалистски ориентированных дискурсов оставался вполне реальным²¹.

Положение Ирландии как британского композита определялось административно-судебной и культурно-исторической особой спецификой. Зеленый остров, воспринимавшийся англичанами как их собственная территория, был далек от унифицированности и оставался под большим влиянием автономных ирландских институтов²². В начале XVII в. отношения между монархией и ее композитом регулировались двумя актами, история появления которых уходит корнями еще в тудоровское законодательство. В 1541 г. Генрих VIII упраздняет статус Ирландии как вассальной по отношению к английской короне территории, отказывается от титула «лорд» в пользу монаршего сана и инкорпорирует ирландские земли в состав королевского домена, отменяя тем самым характерные для предшествующей поры отношения сюзеренитета. Два композита (Англия и Ирландия) объявлялись равными в том смысле, в котором новый титул приносил самой короне «все

¹⁹ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб., 2015.

²⁰ Braddick M. State Formation in Early Modern England, c. 1550–1700. Cambridge, 2004.

²¹ Jenkins P. Seventeenth-century Wales: Definition and Identity // *British Consciousness and Identity. The Making of Britain, 1533–1707* / eds B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, 2002. P. 213–235; Федоров С.Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. С. 25–41; *Его же*. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма (производные от *wēalas* определения) // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 48–61.

²² Percival-Maxwell M. Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom // *The Historical Journal*. 1991. Vol. 34. № 2. P. 279–295; Ohlmeyer J. Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories // *The American Historical Review*. 1999. Vol. 104. № 2. P. 446–462; *Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity* / ed. S. Connolly. Dublin, 1999.

прерогативы, достоинства и другие возможные обстоятельства, связанные с титулом короля как императора»²³. Ирландская корона объединялась с английской и, подобно последней, объявлялась частью имперского достоинства британских монархов. Закон Пойнинга (1494 г.)²⁴ с учетом географической отдаленности Ирландии вводил на острове самостоятельную систему региональных исполнительных институтов, которая не исключала несомненного превосходства монарха во всех вопросах внутренней и внешней политики острова. Не касаясь напрямую законодательного процесса, акт содержал ограничения, подразумевавшие почти неограниченный контроль со стороны короля над всей законотворческой деятельностью. Исполнительная власть в Ирландии в лице ее наместника наделялась правом созывать парламент, но и в этом случае последнее слово оставалось за монархом. Подлежавшие обсуждению законопроекты в обязательном порядке получали его одобрение. Первоначально предусматривалось участие Тайного совета, который не только готовил текст законопроектов для монарха, но и определял на завершающей стадии их целесообразность перед тем, как заверить Большой королевской печатью. В 1557 г. Тайный совет был отстранен от участия в процессе одобрения законопроектов, но канцлер по-прежнему скреплял принятый ирландским парламентом акт Большой королевской печатью, символизируя тем самым инкорпорацию двух регионов под эгидой англо-ирландской короны. Существенной оставалась связь, предоставлявшая ирландским подданным право прямого королевского правосудия, осуществлявшегося в тесном контакте с членами Тайного совета и английскими судьями²⁵.

На фоне проводимой Тюдорами политики в среде разнородного и в этническом, и в конфессиональном отношении населения Ирландии продолжали действовать механизмы, поддерживавшие у местного населения определенные предпочтения, формировавшие этнокультурную идентичность островитян²⁶. В конфессиональном отношении ирландцы подразделялись на католиков и протестантов. При этом религиозный аспект в противостоянии англичан и ирландцев мог ослабевать и, теряя свою исходную актуальность, нейтрализовывался в тех случаях, когда корона не нарушала автономию острова в той форме, в которой она сложилась в конце XV — середине XVI в. Тогда шкала, демонстрирующая конфессиональные симпатии ирландцев, нейтрализовалась, а затем поглощалась дополнительной системой координат, нивелировавшей разночтения в предпочтениях «старых англичан», англо-ирландцев, франко-ирландцев, шотландцев и до определенной степени гэльской части населения острова. Характерное для Ирландии многообразие этнокультурных групп не исключало распространение среди них не только собственно проанглийской, точнее англоговорящей, идентичности, но и британской, ставшей впоследствии особенно актуальной. Как известно, уже при Тюдорах автономия острова постоянно оспаривалась и не была столь однозначной, как указывали на то законодательные акты. Из-за постоянной угрозы внешнего вторжения функционировавшая в Ирландии система лояльностей давала свои и характеризовалась, скорее, подвижностью, чем устойчивостью и предсказуемостью²⁷. Повторная колонизация острова, начавшаяся при Тюдорах, окончательно изменила положение Ирландии в составе композитарной державы. Оставаясь частью имперского

²³ The Statutes at Large, Passed in the Parliament held in Ireland...1301 to 1800. Vol. I. Dublin, 1786. P. 176.

²⁴ Edwards R., Moody T. The History of Poynings Law. Pt. I. 1494–1615 // Irish Historical Studies. 1940–1941. Vol. II. P. 415–416.

²⁵ The Statutes at Large...Vol. I. P. 44.

²⁶ Федоров С. Е. О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего Нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2000. Вып. 2. С. 160–179.

²⁷ Caball M. Faith, Culture and Sovereignty: Irish Nationality and Its Development, 1558–1625 // British Consciousness and Identity. The Making of Britain, 1533–1707 / eds B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, 2002. P. 112–139; Brady C. From Policy to Power: The Evolution of Tudor Reform Strategies in Sixteenth-Century Ireland // Reshaping Ireland, 1550–1700: Colonization and Its Consequences. Essays Presented to Nicholas Canny / ed. B. Mac Cuarta. Dublin, 2011. P. 21–42.

проекта Тюдоров, британским композитом, Ирландия приобретала дополнительный статус и становилась колонией, отличаясь в этом от своих североамериканских аналогов²⁸.

Факт функциональной многомерности и неоднородности композитов, входивших в британскую композитарную монархию, демонстрирует пример Шотландии, вошедшей в состав объединенной державы Стюартов в 1603 г. Известно, что к моменту Унии корон Шотландия уже была составной/композиционной монархией, границы которой оставались неустойчивыми вплоть до 1620-х годов²⁹. Речь о том, что значительная часть островных владений шотландской короны (Внешние Гебриды), унаследованных от норвежской монархии в 1266 г., сохраняла свое автономное положение и в начале XVII в. Сложившееся на островах территориальное владение во главе с лордами островов (МакДоналды) оставалось унитарным объединением, где верховная власть передавалась по отцовской линии уже к концу XIII столетия³⁰. Только в 1493 г. МакДоналды признали вассалитет в отношении шотландского королевского дома. Корона, распространившая свое влияние на территорию островов, испытывая сопротивление со стороны местных островных кланов, добилась решительного успеха не ранее 40-х годов XVI в. Предшествовавшие этому попытки Якова IV (1493 и 1495 гг.), графов Аргайла и Хантли (1504 и 1506 гг.) нормализовать ситуацию на островах оказались неудачными, и только Яков V в ходе очередной военной экспедиции (1540 г.) смог приступить к масштабной политике «по усмирению непокорного духа островитян». Расширение и укрепление границ владений шотландской короны с использованием методов цивилизаторской политики превратилось в форму традиционного для самой короны утверждения территориальных пределов в рамках островных владений шотландского королевского дома. Уже в конце XVI в. Яков VI, активно отстаивая идею создания своеобразного этнокультурного единства, способного противостоять не только гэльским союзам на территории самой Шотландии, но и Ирландии, полагал, что такой альтернативой местному сепаратизму могла бы стать британская общность³¹. Основу такой новой общности должны были составить английский язык, протестантская церковь и лояльность идеям сначала шотландской, а затем и британской короны. Заметим, что уже первые несанкционированные миграции шотландцев в ирландский Ольстер в конце XVI в. оправдывались подобными намерениями шотландской короны. Известно, что, наставляя своего наследника в делах праведных, Яков VI уверял его, что он, «организуя колонии среди островитян посредством послушных подданных, в кратчайшие сроки сможет изменить и воспитать наиболее достойных из них, искореняя или выселяя наиболее строптивых и упрямых»³². Уния корон Англии и Шотландии вдохнула новые силы в политику «аккультурации» гэльского населения Шотландии и Ирландии. Яков I Стюарт активно приступил к внутренней колонизации территорий и более чем кто-либо из его предшественников настаивал на необходимости формировать новую британскую общность как на островах, так и в подвластной Ирландии. Судя по всему, проект нового устройства Великой Британии предполагал, наряду с сохранением политической автономии трех ее основных композитов, их постепенное объединение на основе формирования британской идентичности. За первую треть XVII в. успехи в этом направлении были значительны, а тот факт, что основным строительным материалом для новой общности оказывались англоговорящие шотландцы, подчеркивает известное преобладание не английского, а именно шотландского варианта государственного строительства.

²⁸ *Canny N.* The Ideology of English Colonization: From Ireland to America // *William and Mary Quarterly*. 1973. 3d Ser. Vol. 30. P. 575–598.

²⁹ *Armitage D.* Making the Empire British: Scotland in the Atlantic World, 1542–1707 // *Past & Present*. 1997. № 155. P. 34–63.

³⁰ *Palamarchuk A.A.* Scandinavian component in Anglo-Saxon and Norman Identities // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. № 3. P. 1016–1023.

³¹ *Mason R.* *Scotching the Brut: History and National Myth in Sixteenth Century Britain* // *Scotland and England, 1286–1815* / ed. R. Mason. Edinburgh, 1987. P. 60–84.

³² *Political Works of James I* / ed. C.H. McIlwain. Cambridge, 1918. P. 17.

Интерес к проблемам аккультурации, с одной стороны, и той роли, которую верховная власть играет в этих процессах, — с другой, во многом спровоцирован исследовательским форматом так называемой консентуальной идентичности³³. Напомним, что концепт консентуальности и границы его применимости для анализа средневековых и — более широко — домодерных идентитарных процессов сформировался под влиянием переоценки широко известной в современной научной литературе концепции ситуативной идентичности Патрика Гири³⁴, а также размышлений относительно эффективности использования конструктивистски ориентированных методик при исследовании проблем средневековых этничностей³⁵. Консентуальная идентичность — это тип идентичности, связанный с формированием этнических сообществ второго плана. Как правило, в образовании таких идентичностей выделяются два взаимосвязанных последовательных процесса, каждый из которых характеризуется образованием этнополитических и этнокультурных форм консолидации. Такие формы приводят в конечном счете к так называемому этноморфозу, т.е. явлению, связанному либо с возникновением новой общности — «нации», либо с процессом, когда одна из участвующих в подобного рода трансформациях общность или «нация» поглощает до той или иной степени другие этнические образования. Первоначальные стадии этноморфоза обычно предполагают повторную территориализацию, формирование того, что уже в источниках XV в. было принято называть «новым отечеством»³⁶. За повторной территориализацией обычно следует процесс регентилизации, означающий, что различные этнические образования, объединяемые, таким образом, общей территорией и, как правило, длительностью именно такого совместного проживания, начинают постепенно переосмысливать самостоятельно или под воздействием определенного принуждения свое собственное происхождение. При этом они могут отдавать предпочтение либо идеям общего совместно пройденного пути, претендуя тем самым на общее гентильное происхождение, либо придерживаться иных схем совместного или же сопредельного сосуществования. (Напомним, что уже в раннесредневековом значении, несмотря на внешнюю синонимичность *gens* и *natio*, *gens* выражает, скорее, узы, возникающие в ходе нескольких поколений, в то время как *natio* — процесс рождения в составе того или иного общества или, точнее, включение в его состав по факту рождения. Поскольку термин «*natio*» указывает на место рождения, он подразумевает исключительно географическое основание общности происхождения. Индивид живет согласно *lex loci*, который для всей совокупности жителей *patría* представляет артикулированную форму *lex gentis*)³⁷. Обычно при помощи такой мифологизации, точнее ремифологизации, формируется особого рода дискурс, инструментальные возможности которого ориентированы на легитимацию складывающегося социального порядка. Можно сказать, что собственно

³³ *Fyodorov S., Levin F.* Reflections on the Medieval and Early Modern Insular Identities // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2020. № 4. P. 1336–1351.

³⁴ *Geary P.* Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.* 1983. Bd. 113. P. 15–26.

³⁵ *Berry J.W.* Acculturation and Adaptation in a New Society // *International Migration.* 1992. Vol. 30. P. 69–85; *Idem.* Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review.* 1997. Vol. 46. P. 5–34; *Barkan E.R.* Race, Religion, and Nationality in American society: a Model of Ethnicity: from Contact to Assimilation [with Comment, with Response] // *Journal of American Ethnic History.* 1995. Vol. 14 (2). P. 38–101; *Федоров С.Е.* Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // *Вестник СПбГУ. История.* 2013. № 3. С. 75–81.

³⁶ *Gschnitzer F., Kozellek R., Schönemann B., Werner K.F.* Volk, Nation, Nationalismus, Masse // *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Kozellek. Stuttgart, 1992. S. 141–431; *Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1997. P. 256–302.

³⁷ *Post G.* Two Notes on Nationalism in the Middle Ages // *Traditio.* 1953. Vol. 9. P. 281–320; *Gueneé B.* État et Nation en France au Moyen-Age. Paris, 1967. P. 24–30; *Ehlers J.* Kontinuität und Tradition als Grundlage Mittelalterlicher Nationsbildung in Frankreich. Sigmaringen, 1983; *Beaune C.* Naissance de la Nation Française. Paris, 1985. P. 324.

этнические факторы активируют социальные. Регентизация может сопровождаться формированием единого языка (этот процесс, как правило, носит затяжной характер и завершается значительно позже). Если такое происходит, то язык начинает играть роль особого залога таким образом объединенного населения. Ранее акцентируемые языковые различия могут стираться, хотя и не всегда. Регентизация может восприниматься и как самостоятельная фаза в формировании «новых» идентичностей, и как одна из ступеней аккультурации, когда выработанная в ходе предыдущих стадий культурная модель начинает восприниматься и разделяться всеми участниками процесса либо как основная и доминирующая, либо как возможная или же исключительная. Вариативность в отношении такого рода культурной модели определяется тем, что можно с известной долей условности обозначить как аккультурационные стратегии. Общая направленность стратегий во многом зависит от двух принципиальных параметров. С одной стороны, речь идет об имманентно присущей любой рассматриваемой этнической общности способности регулировать связанное с ее функционированием культурное воспроизводство. Независимо от его эффективности такое регулирование остается всегда целенаправленным. При этом его возможности предельно реализуются тогда, когда этническая общность сталкивается с ситуацией, границы которой определяются параметрами межкультурных или же кросскультурных коммуникаций. С другой стороны, важным остается отношение такой общности к культурному контакту как таковому. Речь идет опять-таки об имманентно присущей такой группе способности определять или же варьировать базовые установки, нацеливающие такую общность на самую возможность культурного контакта или же более широко – культурного обмена. В совокупности различные комбинации осознаваемого на том или ином уровне культурного воспроизводства и определенного в той или иной степени культурного контакта и составляют различные варианты или же модификации аккультурационных стратегий. Так, широко известная интеграция может восприниматься как осознанный и перспективно выстроенный вариант комбинации, уравнивающей позитивную модель культурного воспроизводства и аналогичную ей по смыслу и направленности модель культурного контакта. Ассимиляция будет представлять собой комбинацию негативно выстроенной модели культурного самовоспроизводства и позитивно выстроенного культурного контакта. Сепарация, напротив, будет выстраиваться при позитивно решенной модели культурного самовоспроизводства и негативно решенного культурного контакта. И только маргинализация будет такой моделью аккультурации, при которой будет доминировать негативное отношение, т.е. отказ и от модели своего собственного воспроизводства, и от любого позитивно выстроенного культурного контакта.

Понятно, что единственно возможным вариантом для формирования консентуальной идентичности в условиях композитарной монархии будет служить модель интеграции. При этом именно такое условие сохраняет за участниками процесса различные варианты актуализации их историко-культурного своеобразия, подразумевая консентуальный характер сформированного таким образом коллективного самосознания. Как правило, сосуществующие в рамках консентуальной идентичности народы культурно амбивалентны и обладают способностями многократного межкультурного переключения. Выбор предпочтения, зависящий от совокупности внутренних (эмных) и внешних (этных) факторов, остается всегда предметом не только субъективного, но и коллективного переживания. Так или иначе, но консентуальная идентичность сохраняет у разделяющих ее общностей потенциал, который в рамках всем понятной перспективы не истребляет характерный для них этнонациональный ресурс.

Библиография / References

- Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Антикварный дискурс в раннеюэртонской Англии. СПб., 2015.
Федоров С.Е. Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // Вестник СПбГУ. История. 2013. № 3. С. 75–81.

Федоров С.Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма (производные от *wēalas* определения) // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 48–61.

Федоров С.Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. С. 25–41.

Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу средних веков // Вестник СПбГУ. История. 2013. № 1. С. 77–89.

Федоров С.Е. О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего Нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2000. Вып. 2. С. 160–179.

Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждения о формуле власти // Средние века. 2020. Вып. 81. № 1. С. 21–30.

Хачатурян Н.А. Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 8–13.

Palamarchuk A.A., Fyodorov S.E. Antikvarnyj diskurs v ranneyuartovskoj Anglii [The Antiquarian Discourse in the Early Stuart England]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)

Fyodorov S. Britanskaya identichnost' i v rannee Novoe vremya [The Early Modern British Identity/Identities] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2013. № 3. S. 75–81. (In Russ.)

Fyodorov S. Identitarnye processy v srednevekovom Uel'se: Terminologiya, diskursy i situaciya bilingvizma (proizvodnye ot *wēalas* opredeleniya) [The Identity processes in Medieval Wales. Terminology, Discourses, and Context of Bilingualism (Wealas-based nomenclature)] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2018. Vyp. 62. S. 48–61. (In Russ.)

Fyodorov S. Identitarnye processy v srednevekovom Uel'se: Terminologiya, diskursy i situaciya bilingvizma [The Identity processes in Medieval Wales. Terminology, Discourses, and Context of Bilingualism] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2017. Vyp. 61. S. 25–41. (In Russ.)

Fyodorov S.E. Imperskaya ideya i monarhii k iskhodu srednih vekov [The Imperial Idea and Monarchies in the End of the middle Ages] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2013. № 1. S. 77–89. (In Russ.)

Fyodorov S.E. O nekotoryh osobennostyah predstavlenij ob aristokratii v Anglii ranнего Novogo vremeni [Some Features in Perception of Aristocracy in the Early Modern England] // Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i ranнего Novogo vremeni [Studies in the Medieval and Early Modern Social History and Culture]. 2000. № 2. S. 160–179. (In Russ.)

Fyodorov S.E., Palamarchuk A.A. Rassuzhdeniya o formule vlasti [Some Reasoning on the Power's Formula] // Srednie veka [Middle Ages]. 2020. Vyp. 81. № 1. S. 21–30. (In Russ.)

Khachaturian N.A. Policentrizm i struktury v politicheskoy zhizni srednevekovogo obshchestva [Polycentrism and Structures in the political Life of the Medieval Society] // Khachaturian N.A. Vlast' i obshchestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka [Power and Society in Western Europe in the Middle Ages]. Moskva, 2008. S. 8–13. (In Russ.)

Alexander J.W. The English Palatinates and Edward I // Journal of British Studies. 1983. № 22. P. 2–22.

Armitage D. Making the Empire British: Scotland in the Atlantic World, 1542–1707 // Past & Present. 1997. № 155. P. 34–63.

Barkan E.R. Race, Religion, and Nationality in American society: a Model of Ethnicity: from Contact to Assimilation [with Comment, with Response] // Journal of American Ethnic History. 1995. Vol. 14 (2). P. 38–101.

Beaune C. Naissance de la Nation Française. Paris, 1985.

Berry J.W. Acculturation and Adaptation in a New Society // International Migration. 1992. Vol. 30. P. 69–85.

Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. P. 5–34.

Bosbach F. Monarchia Universalis. Ein Politischer Leitbegriff der Fruhen Neuzeit. Hamburg, 1988.

Braddick M. State Formation in Early Modern England, c. 1550–1700. Cambridge, 2004.

Brady C. From Policy to Power: The Evolution of Tudor Reform Strategies in Sixteenth-Century Ireland // Reshaping Ireland, 1550–1700: Colonization and Its Consequences. Essays Presented to Nicholas Canny / ed. B. Mac Cuarta. Dublin, 2011. P. 21–42.

Caball M. Faith, Culture and Sovereignty: Irish Nationality and Its Development, 1558–1625 // British Consciousness and Identity. The Making of Britain, 1533–1707/ eds B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, 2002. P. 112–139.

Calasso F. Origini italiane della formola «rex in regno suo est imperator» // Revista di storia del diritto italiano. 1930. Vol. 3. P. 213–259.

Cam H. Liberties and Communities in Medieval England: Collected Studies in Local Administration and Topography. Cambridge, 1944.

- Canny N.* The Ideology of English Colonization: From Ireland to America // William and Mary Quarterly. 1973. 3d Ser. Vol. 30. P. 575–598.
- Clarke A.* The History of Poynings' Law, 1615–41 // Irish Historical Studies. 1972. Vol. 18. № 70. P. 207–222.
- Davies R.R.* The British Isles 1200–1500: Comparisons, Contrasts and Connections. Edinburgh, 1998.
- Dynasties, Realms, Peoples and State Formation, 1500–1720* // Monarchy Transformed. Princes and Their Elites in Early Modern Western Europe / eds R. von Friedeburg, J. Morrill. Cambridge, 2017. P. 17–43.
- Edwards R., Moody T.* The History of Poynings Law. Pt. I. 1494–1615 // Irish Historical Studies. 1940–1941. Vol. II. P. 415–416.
- Ehlers J.* Kontinuität und Tradition als Grundlage Mittelalterlicher Nationsbildung in Frankreich. Sigmaringen, 1983.
- Elliott J.H.* A Europe of Composite Monarchies // Past and Present. 1992. № 137. P. 48–71.
- Elliott J.H.* Empires of the Atlantic World: Britain and Spain, 1492–1830. New Haven, 2006.
- Ellis S. G., Maggin Ch.* The Making of the British Isles. The State of Britain and Ireland, 1450–1660. London, 2013.
- Fedorov S., Levin F.* Reflections on the Medieval and Early Modern Insular Identities // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020. № 4. P. 1336–1351.
- Geary P.* Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1983. Bd. 113. S. 15–26.
- Gschntzer F., Kozellek R., Schönemann B., Werner K.F.* Volk, Nation, Nationalismus, Masse // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Kozellek. Stuttgart, 1992. S. 141–431.
- Gueneé B.* État et Nation en France au Moyen-Age. Paris, 1967.
- Jenkins P.* Seventeenth-century Wales: Definition and Identity // British Consciousness and Identity. The Making of Britain, 1533–1707 / eds B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, 2002. P. 213–235.
- Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity* / ed. S. Connolly. Dublin, 1999.
- Koenigsberger H.G.* Monarchies, states generals and parliaments: the Netherlands in the 15th and 16th centuries. Cambridge, 2007.
- Koenigsberger H.G.* The Empire of Charles V in Europe // The New Cambridge Modern History. Vol. 2 / ed. G.R. Elton. Cambridge, 1958. P. 301–333.
- Koenigsberger H.G.* The Practice of Empire. Ithaca, 1969.
- Mason R.* Scotching the Brut: History and National Myth in Sixteenth Century Britain // Scotland and England, 1286–1815 / ed. R. Mason. Edinburgh, 1987. P. 60–84.
- Morrill J.* The British Problem, 1534–1707 // State Formation in the Atlantic Archipelago. Basingstoke, 1996. P. 1–38.
- Neville C.J.* Land, Law and People in Medieval Scotland. Edinburgh, 2010.
- Ohlmeyer J.* Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories // The American Historical Review. 1999. Vol. 104. № 2. P. 446–462.
- Palamarчук A.A.* Scandinavian component in Anglo-Saxon and Norman Identities // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020. № 3. P. 1016–1023.
- Pennington K.* Pope Innocent III's View on Church and State: A Gloss to Per Venerabilem // Law, Church and Society: Essays in Honor of Stephen Kuttner / eds K. Pennington, C. Somerville. Philadelphia, 1977. P. 49–67.
- Percival-Maxwell M.* Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom // The Historical Journal. 1991. Vol. 34. № 2. P. 279–295.
- Post G.* Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State. 1100–1322. Princeton, 1964.
- Post G.* Two Notes on Nationalism in the Middle Ages // Traditio. 1953. Vol. 9. P. 281–320.
- Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1997.
- Russell C.* Composite Monarchies in Early Modern Europe. The British and Irish Example // Uniting the Kingdom? The Making of British History / eds A. Grant, K. Stringer. London, 1995. P. 133–146.
- Scammell J.* The Origins and Limitations of the Liberty of Durham // English Historical Review. 1966. № 81. P. 449–473.
- Scott H.* Dynastic Monarchy and the Consolidation of Aristocracy during Europe's Long Seventeenth Century // Monarchy Transformed. Princes and Their Elites in Early Modern Western Europe / eds R. von Friedeburg, J. Morrill. Cambridge, 2017. P. 44–87.
- Stringer K.* States, Liberties and Communities in Medieval Britain and Ireland (c. 1100–1400) // Liberties and Identities in the Medieval British Isles / ed. M. Prestwich. Woodbridge, 2008. P. 5–36.
- Uniting the kingdom? The Making of British history* / eds A. Grant, K.J. Stringer. London; New York, 1995.

DOI: 10.31857/S013038640019187-3

© 2022 г. А.О. ЯСТРЕБОВ

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА С РОССИЙСКИМИ ДИПЛОМАТАМИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В РЕЛЯЦИИ ГРАФА САВВЫ РАГУЗИНСКОГО ЦАРЮ ПЕТРУ

Ястребов Алексей Олегович – доктор церковной истории, кандидат исторических наук, PhD in philosophical sciences, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: mirofore@gmail.com

Scopus Author ID: 57222093751; Researcher ID: ABB-8823-2020

Благодарю доктора Винице Люписа, старшего советника Института Иво Пилар и главу Регионального центра Дубровника за предоставленные материалы, которые существенно помогли в написании этой статьи.

Аннотация. Впервые публикуемый в приложении к настоящей статье документ из собрания Российского государственного архива древних актов является ярким свидетельством сотрудничества высшего представителя Римско-католической церкви в Османской империи архиепископа Раймондо Галлани с российской дипломатией. Личности Галлани как в российской, так и в европейской историографии уделено мало внимания. До сих пор не существует не только ни одной посвященной ему монографии, но даже ни одного сколько-нибудь удовлетворительного его жизнеописания. Вместе с тем корреспонденция прелата была чрезвычайно обширной. Кроме своего непосредственного римского начальства, он взаимодействовал с разведками своей родной Дубровницкой республики, а также России и Венеции. Информация, добытая архиепископом, высоко ценилась царем Петром, а его услуги щедро оплачивались. Случай, описанный в челобитной Саввы Рагузинского, касается как раз защиты архиепископа Галлани от возможного раскрытия его деятельности перед турецкими властями. Происшествие вызвало гнев царя, и Рагузинский был вынужден оправдываться. Впервые на русском языке публикуется краткая биография архиепископа Галлани. На основании изученного материала делается вывод, что его сотрудничество с российской дипломатией преследовало не столько материальный интерес, сколько было вызвано симпатией к политике Петра, что объясняется происхождением Галлани, которому были близки идеи панславянства, распространенные в среде его соотечественников.

Ключевые слова: Раймондо Галлани, Петр I, Петр Толстой, Савва Рагузинский, Константинополь, Дубровник, Архив древних актов, Османская империя.

A.O. Yastrebov

On the Cooperation Between a High-Ranking Representative of the Holy See and Russian Diplomats in Constantinople in a Letter from Count Sava Raguzinsky to Tsar Peter

Alexey Yastrebov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: mirofore@gmail.com

Scopus Author ID: 57222093751; Researcher ID: ABB-8823-2020

The author is grateful to Dr Vinicije Lupis, Senior Advisor of the Ivo Pilar Institute and Head of the Dubrovnik Regional Center for the materials provided, which have been of great help in writing this article.

Abstract. The document from the collection of the Russian State Archive of Ancient Documents, published for the first time and annexed to this article, is a vivid testimony to the cooperation between Archbishop Raimondo Gallani OP, the senior representative of the Roman-Catholic Church in the Ottoman Empire, and Russian diplomacy. The person of Gallani has received little attention in both Russian and European historiography. There is no monograph devoted to him, nor is there a satisfactory account of his life. However, his correspondence was extraordinarily wide-ranging. In addition to his immediate Roman superiors, he interacted with the intelligence services of his home republic of Dubrovnik, as well as those of Russia and Venice. Information obtained by the Archbishop was highly valued by Tsar Peter, and his services were generously rewarded. The case described in the petition of Sava Raguzinsky involves the protection of Archbishop Gallani from possible disclosure of his activities to the Turkish authorities. The incident incurred the wrath of the Tsar and Raguzinsky was forced to defend himself. A brief biography of Archbishop Gallani is published in Russian for the first time. The author concludes that the cooperation between the Archbishop and Russian diplomacy was less about material interests and more about the former's sympathy for Peter's policies, which can be explained by Gallani's background, given his affinity for the pan-Slavic ideas prevalent among his compatriots.

Keywords: Raimondo Gallani, Peter I, Peter Tolstoy, Sava Raguzinsky, Constantinople, Dubrovnik, Archive of Ancient Documents, Ottoman Empire.

В собрании Российского государственного архива древних актов (РГАДА) отложилась челобитная Саввы Владиславича Рагузинского от 10 июля 1719 г. на имя царя Петра¹. Она представляет собой своего рода объяснительную записку государю по поводу щекотливой и даже опасной ситуации, возникшей в связи с попаданием корреспонденции «бископа Галания» в руки некоего грека Гераки Георгаки, бывшего русского агента в Константинополе, требовавшего от Галания деньги за его письма к Рагузинскому, купленные, по словам грека, в Москве у секретаря Саввы.

В данном случае речь идет не о православном, а о католическом епископе, «бископе» или (как еще он именуется в дипломатической корреспонденции) «надбископе» (т.е. архиепископе) Раймондо Галлани. Обширная переписка этого персонажа отложилась в архивах Рима, Венеции, Дубровника и Москвы. Его деятельность в области государственного шпионажа в пользу нескольких государств оказалась более известной, чем его важные и небезопасные труды на пастырском и миссионерском поприще.

Нет сомнения, что высший прелат Римской церкви был одним из наиболее существенных источников информации, поступавшей в Россию с берегов Босфора. Несмотря на важность личности монсеньора Галлани (1652–1727) для российской истории, специальных работ ему посвящено не было, а информацию об его жизни приходится собирать по крупицам.

Родом он был из Рагузы (ныне Дубровник), о чем свидетельствует его светское хорватское имя – Иво Йелич. Дубровник был небольшой республикой на стыке османских и венецианских владений. Просуществовав более четырех веков (1358–1808 гг.), карликовое государство доказало свою жизнеспособность даже в крайне неблагоприятной политической обстановке частых военных конфликтов между соседями. Рагуза, столица республики, была важнейшим торговым узлом Адриатики, откуда морской путь лежал к важнейшим портам Средиземноморья, а сухопутный в первую очередь на Балканы, а также в Западную Европу – Италию,

¹ О Савве Владиславиче и разных аспектах его многогранной деятельности к настоящему моменту издано немало, однако самой полной его биографией по-прежнему является давняя работа Й. Дучича: *Дучич Й. Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I.* СПб., 2009. См. также обзорную статью: *Лешиловская И.И. Серб – сподвижник Петра I. Граф Рагузинский // Славянский альманах. 2003. М., 2003. С. 70–93.*

Германию и Голландию. Консульства Дубровницкой республики представляли собой разветвленную сеть торговых представительств, раскинутую от Марселя на западе до Александрии на юге и Константинополя на востоке. Большинство населения было славянами, тогда как структура управления восходила к западным республиканским моделям, государственными языками были латинский и итальянский. Кроме них, естественно, широко использовался славянский (сербский) язык².

Такая уникальная среда, объединявшая разные языки, культуры и религии, дала несколько персонажей, оказавших известное влияние на политические процессы в России и за ее пределами. Конечно, самым известным из них является граф Савва Владиславич, который получил у русских прозвище Рагузинский, ставшее по сути его второй фамилией. Из других рагузинцев известными являются представители семьи Барка, служившие консулами республики в Константинополе и являвшиеся информаторами российского правительства.

Одним из таких образованных и расположенных к России рагузинцев-дубровчан и был Иво Йелич, получивший в монастыре имя Раймунд (итальянизированная форма – Раймондо).

Он родился 25 января 1652 г. Причина изменения его семьей фамилии на Галлани неизвестна³. Получив первоначальное образование в местном иезуитском колледже, после вступления в доминиканский орден (1669 г.) он изучал философию в Италии (Чивидале, Венеция, Лечче). По окончании курса наук вернулся в Дубровник и стал преподавателем и проповедником. Других подробностей об его жизни на родине в течение почти 30 лет мы пока не знаем.

В 1702 г. Галлани сопровождал Барского архиепископа Вицко Змаевича в архипастырском визите в пределы Албании, Эпира и Македонии. Поездка затянулась на целый год. Раймондо участвовал в национальном церковном совете Албании в 1703 г. в Леше (Lezhë, Lissus).

Кстати, личность В. Змаевича (1670–1745) примечательна в контексте тогдашней политической и общественной конъюнктуры. Горячий сторонник панславизма в духе Юрия Крижанича, Вицко считал, что христиане Востока и Запада должны объединиться для противодействия османской угрозе. Он был племянником сербского просветителя архиепископа Андрии Змаевича и родным братом российского адмирала Матии Змаевича (1680–1735). Надо сказать, последний некоторое время жил в Дубровнике в бытность там Галлани (и, стало быть, мог быть с ним знаком), а в 1712 г. начал свою службу в российском флоте.

Таким образом, окружение будущего архиепископа было по преимуществу славянским, в равной степени католическим и православным, исключительно положительно настроенным к внешней политике Петра в духе панславянства, витавшем в воздухе того времени. Именно по предложению Вицко Змаевича конгрегация Пропagанды рекомендовала папе направить Галлани в Константинополь.

Отец Раймондо был назначен апостольским патриаршим викарием Константинополя 19 апреля 1706 г.⁴, хотя, возможно, прибыл туда еще раньше, так как сообщает в 1722 г., что находился в империи 19 лет, т.е. с 1703 г.⁵ Тем не менее в новом качестве он появляется

² Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 15–21.

³ Краткие биографические сведения о нем есть в нескольких изданиях. Напр.: *Farlati D., Coleti J. Illyricum Sacrum*. Vol. 6 (*Historia ecclesiae Ragusinae*). Venetiis, 1800. P. 270–277; *Dračevac A. Gallani Rajmund // Hrvatski Biografski Leksikon*. Т. 4. Zagreb, 1998. P. 555–556. Подробная биография, к сожалению, менее доступна. Она содержится в неопубликованной книге доминиканца Серафима Мария Черва, хранящейся в библиотеке доминиканского монастыря в Дубровнике: *Cerva S. M. Iconotheca illustrium fratrum Congregationis Ragusinae Sancti Dominici*. Knjižnica samostana Sv. Dominika u Dubrovniku. № 34-IX-10. S. 304. Рукопись.

⁴ *Hierarchia catholica medii aevi et recentioris aevi*. Vol. 5 / ed. K. Eubel. Monasterii Sumptibus et typis librariae Regensbergianae, 1913. P. 84, 327.

⁵ *Farlati D., Coleti J. Op. cit.* P. 271.

в столице лишь 21 мая 1707 г.⁶ Латинские патриархи после 1453 г. находились в изгнании, и главой католического клира империи являлся патриарший наместник – викарий. Через год, в 1708 г. Галлани возведен в сан архиепископа Анкирского и оставался в нем вплоть до 1722 г.

Архиепископ подробно описывает свои труды в пределах Османской империи в письме, отправленном им в Рим около 1722 г. Особо останавливается на связях с послами разных держав в Константинополе в его делах по защите католической веры. Особой страницей деятельности прелата было установление прочных связей с армяно-католиками и получение от турецких властей согласия на их богослужение в пустующих армянских храмах⁷.

В 1722 г. решением Сената Дубровницкой республики Галлани был избран архиепископом Дубровницким, пробыв на новой кафедре вплоть до своей смерти, наступившей в 1727 г.⁸

Во время управления Дубровницкой епархией его связь с Россией не прекратилась. В начале своего служения он обратился за помощью к Петру I (письмо от 6 июля н.ст. 1722 г.) с просьбой о помощи в связи с трудным материальным положением епархии⁹.

Так или иначе, согласно источникам, его личные средства ко времени смерти были немалыми, и из-за них позже разгорелся спор между доминиканцами (которым они были завещаны) и государством¹⁰.

Появление Галлани в Константинополе совпадает с уходом из жизни иерусалимского патриарха Досифея (в феврале 1707 г.), который выступал против использования иноверцев в качестве информаторов российского правительства¹¹. Тем не менее русский посол по-прежнему испытывал нужду в агентах, ведь турецкое направление в течение всего периода Северной войны было важнейшим в дипломатическом поле, ибо мир с султаном гарантировал Россию от войны на два фронта. Вплоть до 1710 г. конфликта удавалось избежать, и большая заслуга в этом конфидентов русского посла.

Еще в бытность в Стамбуле Саввы Рагузинского важными осведомителями становятся славяне¹². Греки, активно востребованные в начале посольского мандата Толстого, постепенно признаются ненадежными, «непостоянными»¹³.

Кроме славянского происхождения римского прелата, в данном случае присутствует также определенная симпатия посла Толстого к католической церкви или, что скорее, его охотное взаимодействие с ее служителями. О его расположении свидетельствует, например, личное послание папе Клименту XI (датируемое 30 июля ст.ст. 1709 г.), в котором он рекомендует своего сотрудника, грека Георгия Поликалу, вниманию и милости понтифика¹⁴.

⁶ См.: *Cerva S.M.* Op. cit. S. 309.

⁷ *Lupis V.* Sloboda utemeljenja crkvenih župa Dubrovačke nadbiskupije te Stonske i Trebinjsko-mrkanske biskupije u 18. stoljeću // *Crkva u svijetu*. 2015. № 50. S. 84–85.

⁸ Это был беспрецедентный шаг, поскольку еще в 1409 г. Большой совет принял закон, согласно которому ни один гражданин республики не мог становиться архиепископом Дубровника. См.: *Seferović R.* Op. cit. S. 56.

⁹ Копия этого письма хранится в библиотеке францисканского монастыря Младших Братьев в Дубровнике. См.: *Ibid.* S. 47.

¹⁰ *Ibid.* S. 61–62.

¹¹ *Базарова Т.А.* «Для лутчаго и состоятельнейшаго онога мира охранения...»: пребывание русского посла П.А. Толстого при османском дворе // *Петровское время в лицах*. 2019. Труды Государственного Эрмитажа: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2019 года. СПб., 2019. С. 57. Впрочем, Досифей испытывал ревность даже к своим единоверцам, в частности к племяннику Спильиоту и к Савве Рагузинскому. См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. С. 135–136.

¹² Рагузинский уехал из Константинополя в конце 1704 г. См.: Там же. С. 134–135.

¹³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 41. Сношения России с Венецией. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 1.

¹⁴ *Ястребов А.О.* Петр Толстой и Папа Климент XI. Первый русский посол в Константинополе и его связи с Католической Церковью // *Церковь и время*. 2018. № 4 (81). С. 139–140.

П. Пирлинг в свою очередь сообщает, что Толстой был одним из немногих в петровском окружении, кто остался благожелательно настроен по отношению к католической церкви и ее интересам, называя его «послом со склонностью к унии»¹⁵.

В одной из публикаций, посвященных сотрудничеству Толстого с Римом, приводилось письмо Галлани в конгрегацию Пропagанды Фидэ (от 22 марта 1709 г.), где архиепископ ходатайствует о награждении Толстого и Рагузинского кавалерским титулом за помощь латинской церкви¹⁶.

Чуть позже, 16 августа 1709 г. архиепископ писал своему непосредственному начальнику — латинскому патриарху Константинополя Лодовико Пико делла Мирандола: «В моих предыдущих почтительнейших посланиях я представил необыкновенное рвение, с которым этот превосходительный господин посол Московии потрудился на благо прелатов, миссионеров и католиков-мирян Албании и Сербии, гонимых греческим Печским патриархом»¹⁷. Речь шла о том, что в Сербии католики подвергались притеснениям со стороны православных. Толстой и Рагузинский добились вмешательства царя, и конфликт был урегулирован¹⁸.

Галлани сообщает в другом месте, что Толстой оказался единственным представителем дипломатического корпуса христианских стран на Босфоре, к которому он мог обратиться за помощью (в отсутствие французского посла)¹⁹.

Архиепископ в своих депешах называет Толстого, Рагузинского и Поликалу католиками. Он пишет, что посол «демонстрирует всяческое расположение и все чувства доброго католика, гнушаясь греков, из которых лишь одного держит по необходимости в своем окружении, представленном исключительно его соотечественниками и латинянами»²⁰. Благодаря стараниям Галлани роль Толстого в глазах Святого Престола (а соответственно и послов католических держав в Стамбуле) существенно возросла²¹.

Со своей стороны, Толстой заигрывал с курией и обещал, как он указывает в письме папе, «не упускать ни единой возможности оказать содействие католической церкви в наших областях (как это делал и до сих пор) и поддерживать взаимное чувство любви между вашим блаженством и его царским величеством»²².

Итак, если посмотреть со стороны Ватикана, Галлани просто играет классическую для католического прелата роль посредника, обменивающегося с послом услугами, любезностями и новостями. Однако при ближайшем рассмотрении все его сообщения в Рим о том, что Толстой и его сотрудники — добрые католики, являются не чем иным, как формальной отчетностью служебного характера.

Галлани и Толстого на самом деле связывали дела совсем иного свойства, ибо на протяжении не менее 15 лет архиепископ выполнял функцию информатора российского

¹⁵ *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV. Paris, 1907. P. 233–269.

¹⁶ *Ястребов А.О.* Указ. соч. С. 137–139.

¹⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 113. Оп. 1. Д. 377. Л. 281–281 об.

¹⁸ Галлани уточняет, что печский патриарх прибыл в Константинополь, чтобы жаловаться на францисканцев и изгнать их из Сербии. Именно тогда архиепископ прибег к помощи Толстого. См.: *Farlati D., Coleti J.* Op. cit. P. 271.

¹⁹ Archivio storico della Congregazione per l'Evangelizzazione dei Popoli (далее — ASPF). Acta Sanctae Congregationis. 1709. Vol. 79. F. 509–509 г. Доклад от 16 декабря 1709 г. Cp.: Ibid. Scritture originali riferite nelle congregazioni generali. Vol. 569. f. 379 г.

²⁰ ASPF. Acta Sanctae Congregationis. 1710. Vol. 80. F. 26. Доклад от 27 января 1710 г. (на основании письма Галлани от 2 ноября 1709 г. Cp.: Ibid. Scritture originali riferite nelle congregazioni generali. Vol. 570. F. 116–116 г.).

²¹ Прелат, например, по его ходатайству сообщал в Рим о состоявшемся союзе Карла XII и Ахмеда III и о возможном присоединении к этому пакту поляков С. Лешинского с просьбой от Петра Андреевича не допустить этого союза с помощью папы. Письмо датировано июлем 1710 г. Опубликовано: *Theimer A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaëlowitch, Fédor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 442.

²² *Ястребов А.О.* Указ. соч. С. 140.

правительства. Выше уже говорилось, что греки в среде конфиденентов постепенно вытесняются славянами, и монсеньор Раймондо Галлани входил именно в эту категорию, поскольку был рагузинцем, так же как Савва Владиславич и консул Рагузской республики Лука Барка. Происхождением во многом и объясняется рвение монсеньора на русской службе – к тому периоду относится небывалый подъем энтузиазма славянских народов, надевавшихся на освобождение Балкан от османского ига. Конечно, свою роль (и немалую) играли и материальные стимулы в виде 500 червонцев годовых²³.

Вернемся вновь к истории с Георгаки. Этот грек, как следует из слов Владиславича, «ныне явился при Порте турецкой и получил некоторый кредит... страша вышеписанного господина бископа Галания, что он его предаст туркам и объявит изменником и докажет его кореспонденцу с Росийскою империею в преюдицию турецкую, аще он ему не заплатит те убытки, а имянно 30 мешков, что будто бы стало убытка от его походу на Русию, и преюдиции от его кореспонденции, а что он, Георгаки, будто показывал во свидетельстве его, бископа, два писма, которые будто он, бископ, писал ко мне к Москве, когда послы вашего величества были в Едикулах, будто де он, Георгаки, тые писма бископова купил за 200 рублей у некотораго моего писаря, когда он был на Русие, и того для ваше величество изволил на мене, раба своего, гневаться»²⁴.

Таким образом, когда в 1719 г. над Галлани нависла угроза разоблачения с помощью компрометирующих материалов, которыми располагал упомянутый Георгаки, и архиепископ написал об этом в Санкт-Петербург, реакция государя на его жалобу была, как явствует из письма Саввы, жесткой – явное свидетельство того, что католического прелата считали в России ценным источником.

Серб развернуто оправдывается перед царем, сообщая при этом некоторые подробности о найме информаторов в начале 1700-х годов. Хотя сам Галлани, по-видимому, появился в столице уже после отъезда Рагузинского (или одновременно с ним), последний вел с ним активную переписку и даже переводил жалованье, как явствует из челобитной²⁵. Возможно, они были и лично знакомы, так как серб приезжал в Османскую столицу еще несколько раз после отъезда в Россию²⁶.

Рагузинский подчеркивает, что архиепископ Анкирский верно служил России, за что стал объектом зависти еще одного российского агента – Луки Барки-младшего (Кирикова), служившего консулом Дубровницкой республики (с 1709 г.), так же как и его дядя Лука Барка²⁷.

Речь идет о событиях 1712–1713 гг., когда Галлани держал связь с Москвой через Савву, пока Шафиров, Шереметев и Толстой находились в Семибашенном замке (с октября по апрель).

Именно в период особой напряженности в русско-турецких отношениях Лука Кириков, по словам серба, испугался преследования²⁸. Рагузинский пишет об этом так: «Турки же непостоянные в Константинополе мир с вашим величеством и паки нарушили, после же вашего величества послов вышеписанных господ Шафирова и Толстаго в Едикулах заключили, и в то время вышеписанный Лука Кириков или от страха, или от своего непостоянства, или по повелению своего господина, посла англинского, вместо службы всякую

²³ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 4 об. Для сравнения: оклад Толстого в 1704 г. после повышения составлял 3 тыс. руб. в год. См.: Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 267.

²⁴ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 1–1 об. Ср.: Лещиловская И.И. Указ. соч. С. 79–80.

²⁵ Ср.: Дучич И. Указ. соч. С. 108–109.

²⁶ Лещиловская И.И. Указ. соч. С. 82.

²⁷ Дучич И. Указ. соч. С. 75–76.

неправду и неусердие в делах вашего величества показывал, наипаче в задержании писем, которые послы вашего величества из Едикуле писывали и отпускали чрез его, Луку»²⁹.

Находившиеся в заключении послы отреагировали на такой саботаж предложением канцлеру Головкину не выплачивать более жалованья Луке, тогда как верный Галлани по-прежнему получал свой оклад³⁰. Это-то и послужило причиной зависти Барки-Кирикова, который, объединившись с вернувшимся из России «непостоянным» Георгаки, решил шантажировать Галлани теми самыми письмами, которые он удержал при себе еще в 1712–1713 гг.

Так оправдывает себя Рагузинский, отводя обвинение в продаже донесений архиепископа в Москве его секретарем. Впрочем, и в этом последнем случае, даже если он имел место, граф снимает с себя всякую ответственность, ссылаясь на свое неведение³¹.

Тем не менее в конце 1719 г. российский посланник А.И. Дашков в письме к вице-канцлеру Шафирову глухо упоминает об окончании тяжбы между Галлани и Георгакием (и, возможно, Лукой): «Также прилагаю копию с письма Георгакиева в розделке з бискупом, а досталные денги им бискуп заплатил сам и ожидает оных от вашего превосходительства»³².

* * *

В лице монсеньора Раймондо Галлани мы встречаемся, безусловно, с редким, если не единственным, случаем шпионажа со стороны иерарха Римской церкви в пользу России. По нашему мнению, славянские корни прелата были одной из возможных причин его желания сотрудничать с нею.

Традиционно услуги такого рода оказывали греческая иерархия и духовенство. Конечно, добрые отношения были у Петра и с католическими прелатами и даже с самими римскими папами, которые оказывали ему политическую поддержку. Однако такой случай все же уникален. Ведь речь идет о католическом примасе Константинополя, сообщавшем оперативную информацию враждебной Высокой Порте стране, находясь под постоянной угрозой разоблачения.

²⁸ Изначально Савва узнал «о непостоянстве господина Макария (оперативный псевдоним Луки Кирикова. — А.Я.) ... с удивлением великим» именно от П.П. Шафирова. См. его письма Шафирову от 16 и 21 июля 1713 г.: Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого / сост. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. Т. 1. СПб., 2011. С. 359–360, 364–365.

Примерно то же, только чуть раньше, пишет барон канцлеру графу Головкину, на что последний отвечает (не позднее 31 мая 1713 г.): «Зело удивительно о поступках Макариевых, как вы ныне в последних своих из Андриянополя писать изволили, что отменен явился. И понеже я сего мая 13-го дня писал к нему по письмам же вашим ко мне от 11 ноября и 10 декабря присланным, в которых представляли вы его к интересам царского величества верное служение, чтоб он в интересах его величества труды свои наипаче прилагал и о всяких тамошних поведеньях писал. И переведено к нему чрез господина Рагузинского на собственную ево резиденского чина дачу 1000 червонных на тамошние расходы и корреспонденцию 1000 ж червонных, да настоящаго погоднаго жалованья 500 червонных, також и бископу Галанию годового жалованья 500 же червонных» (Походная канцелярия... Т. 1. С. 292–293).

²⁹ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 5–5 об.

28 февраля 1714 г. Рагузинский отвечает Шафирову, соглашаясь с его решением: «Лутче ему отказати... что жалованье ему отсечено для ево непостоянства или оплошения в государеве деле, когда была большая нужда» (Походная канцелярия... Т. 2. С. 74).

³⁰ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 5 об.–6. См.: Походная канцелярия... Т. 2. С. 73–74.

³¹ РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 4. Реляции Саввы Рагузинского. Л. 7–7 об.

³² Походная канцелярия... Т. 3. С. 169.

Конечно, монсеньор не был бескорыстным патриотом России в отличие от, например, патриарха Досифея и Саввы Рагузинского, которые не брали мзды за свои труды³³. Причем архиепископ получал деньги не только от российского правительства. Так, П. Прето пишет: «Центральной фигурой секретных служб Венеции в Константинополе между 1715 и 1719 г. был монсеньор Раймондо Галлани, епископ Анкирский, апостольский визитатор Эгейских островов и патриарший викарий столицы. Под именем Макария Димистраки, филиппопольского купца, он посылает шифрованные депеши проверенному Симоне Арривабене в Смирну, который переправляет их в Венецию... По окончании войны 9 марта 1720 г. получает компенсацию и похвалы от государственных инквизиторов, которые принимают его предложение о предоставлении информации также и в мирное время»³⁴.

Как видим, кроме уведомления своего непосредственного римского начальства, архиепископ работал на разведки еще как минимум двух держав за хорошее вознаграждение.

В конце концов, он пережил и эту грозу. Тяжба с Георгаки была разрешена, как упомянуто выше, положительно, и Галлани остался на своем посту до 1722 г., причем в 1720 г. его назначили еще апостольским визитатором Эгейских островов, а также венецианских Закинфа и Кефалонии. Сам архиепископ в письме кардиналу Спиноле просит отозвать его из Константинополя из-за преклонного возраста (ему в 1722 г. исполнилось 70 лет)³⁵. В 1722 г. монсеньор Раймондо Галлани благополучно вернулся в родной Дубровник, где возглавил местную епархию.

Есть надежда, что дальнейшие исследования в российских, итальянских и хорватских архивах помогут лучше изучить подробности жизни и деятельности этой яркой личности.

Приложение

10 июля 1719 г. — Письмо С. Рагузинского из Венеции, в котором он отрицает свою вину в том, что в руки шантажиста, грека Георгаки, попала тайная корреспонденция архиепископа Раймондо Галлани из Константинополя в Россию³⁶.

Всемиловейший Государь,

с превеликой печалью получил я известие из Санкт-Петербурха, что писал из Царяграда господин посол Галанский и господин бископ Галани о некотором изменнике и непостоянном греке Георгаки Герাকে, которой был прежде кореспондент, а потом за соспещию отпущен к Москве от господина посла Петра Андреевича, а с Москвы отпущен по указу вашего величества от господ министров тайнаго коллегия в Польшу, а ныне явился при Порте турецкой и получил некоторый кредит, по смерти господина Николая Маврокордата, страша вышеписанного господина бископа Галания, что он его предаст туркам и объявит изменником, и докажет его кореспонденцу с Росийскою империею в преюдицию турецкую, аще он ему не заплатит те убытки, а имянно 30 мешков, что будто бы стало убытка от его походу на Русию, и преюдиции от его кореспонденции, // (л. 1 об.) на что он, Георгаки, будто показывал во свидетельство его, бископа, два писма, которые будто он, бископ, писал ко мне к Москве, когда послы вашего величества были в Едикулах, будто де он, Георгаки, тые писма бископова купил за 200 рублей у некоего

³³ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 135.

³⁴ Preto P. I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milano, 2010. P. 256. Кстати, в российских донесениях Галлани нередко именуется Кириллом. См.: Кочубинский А.А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. С. 251–252.

³⁵ См.: Farlati D., Coleti J. Op. cit. P. 270–271; Dračevac A. Op. cit. P. 556.

³⁶ При подготовке текста соблюдались правила публикации исторических документов XVII–XVIII вв. Текст набран с сохранением орфографических особенностей оригинала, но вышедшие из употребления буквы алфавита заменены современными, ъ и ь на концах слов опущены. Пунктуация современная. См.: Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

моего писаря, когда он был на Русие, и того для ваше величество изволил на мене, раба своего, гневаться, причитая то его, Георгакиево, непостоянство, злодейство и показание писем в мою вину, что я себе признаваю в великое несчастие и дерзнул вашей монаршеской пресветлости донести мое рабское и истинное оправдание, токмо кленуся судом Всевышняго и моею чистою совестью, что я в 18 лет службишки моей, как получил честь добровольно причесть себе добросердечным и верным рабом российского империа, ниже в том деле, ниже в протчем в моей верности и постоянстве, ни словом, ни делом, ни писмом, // (л. 2) ни помышлением не виноват, но, где мог, забыв всякий страх, убытки и протчие рифлессии, служил со всяким усердием и верностию, елика была мочь моя, и впредь до конца жизни моей такое имею намерение, как и надлежит христианину чистосердечному, словянину и доброму человеку.

А маленькая моя служба известна и прежде моего пошества в августейшую империю вашего величества чрез посланника господина Украинцова, да полномочнаго посла господина князь Галицина, да господина посла Петра Андреевича, как равно службишка моя и ко Толстову может быть известна в приказных записках в вашего величества посольской канцелярии и их словесное свидетельство.

А по моему пришествию в Российское государство известно самому Богу и вашего величества господам министрам, а отчасти и вашему величеству всегдашнее мое неусыпное и доброе усердие и пр. и пр. в услугах вашего величества.

Не упоминаю разорение моего отечества и потеряние кровных [нрзб.], // (л. 2 об.) и моего имения, ибо всяк за свои дела должен отвечать: токмо со слезами вашу монаршескую пресветлость прошу, да не изволит иметь на мене в том никакую соспецию, ибо ей, ей, ни помышлением не виноват, токмо все то происходит от греческаго непостоянства и человеческой ненависти и лакомости. И по человечеству я рассуждаю, на каком основании он, Георгаки, тое свое непостоянство строил, чтоб мене в гнев вашего величества привесть и беднаго бископа Галания до конца разорить, и сколько известен, толико доношу — как пред судом Божиим ответствовать имею.

В мою бытность в Константинополе по повелению господина посла Толстого с немалыми трудами и иждивением служил сколько мог и приискал два приятеля, которые с клятвою обещались ему, господину послу, верно работать и споможение чинить в интересах вашего величества, а имянно господин Александр Маврокордат да господин Лука Барка, // (л. 3) которые имели при дворе турецком превеликий кредит и в делах вашего величества служили со всяким усердием, о чем господину послу Толстому известно, за что и милостивое ваше монаршеское жалование повсегодно получивали. А когда волею Божиею тех двух корреспондентов не стало, то признали за нужду умершаго Маврокордата сына Николая³⁷, да зятя умершаго Луки Барки Навуна³⁸, да племянника его Лукина Луку Кирикова, на концу вышписаннаго Георгакия Геракия, немношко прежде турецкой войны, которого я и не знал, и как и кто с них служил или не служил в бытность господина посла Петра Андреевича, о том сам по христианскою своею совестью может вашему величеству донести, ибо его сиятельству каждаго служба лутче мене известно, хотя я ни за единого не порука, токмо с Лукою Кириковым к бископу Галанию имел корреспонденцу по указу вашего величества и по всегодно из сущаго моего убожества их дарил не за иную притчину, токмо за лутчее // (л. 3 об.) обхождение, да б с вящшею охотою в интересах вашего величества доброусердствовали, о которых доброусердие и он, господин посол, многократно писал в канцелярию вашего величества.

³⁷ Николай Маврокордато (греч. Νικόλαος Μαυροκορδάτος, молд. и рум. Николае Маврокордат; 3 мая 1670 — 3 сентября 1730 г.) — политический деятель Оттоманской империи из знатного греческого рода фанариотов, сын великого драгомана Александра Маврокордата, великий драгоман Дивана (1697 г.), позднее в различные годы — господарь Молдавии и князь Валахии, просветитель.

³⁸ Батист Навон — переводчик венецианского посольства. Сотрудничал с российскими дипломатами. Походная канцелярия... Т. 3. С. 333. Благодарю Т.А. Базарову за информацию об этом персонаже.

Потом же пред самую турецкою войною вышеписанный Георгаки Гераки, каким образом стал доброжелательным вашего величества и от кого сыскан, я не ведаю, токмо ведаю, что он в свою бытность в Константинополе служил в интересах вашего величества и знал всех вашего величества корреспондентов и всю их корреспонденцу, наипаче с господином Галанием и с Лукою Кириковым был превеликий приятель, и во многих делах имели цифырную корреспонденцу и всякий союз, не тая ничего един от другаго, токмо он, Георгаки, почал показывать некоторые лишние промовки, и того для советом господина бископа и Луки по премудром рассмотрении господина Петра Андреевича, бояся да б он, Георгаки, прочих корреспондентов не погубил, отпустил его, // (л. 4) Георгакия, к Москве, с которым как Лука, так и господин бископ имели цифырные азбуки и корреспонденцу, о котором господин Петр Андреевич на отпуске из Константинополя писал в посольскую канцелярию, да б того, Георгакия, держать на Москве политично, удовольствуя его кормовым жалованьем и протчим до подлиннаго заключения мира с турецкою Портою.

И он Георгаки прибыл и жил на Москве по указу вашего величества и по приказу государственнаго канцлера господина графа Головкина. Давано ему вашего величества жалование по 300 рублей на год, токмо он тем не был доволен и желал свой отпуск в Константинополь, о чем мне повседневно докучивал на конце и бранил, и грозил, причитая, будто его держат на Русие по моему на его доношению, говоря мне, разве я умру, то я де тебе не отмщу, господин де посол Толстой мне обещал токмо побыть на Москве 3 или 4 месяца, а потом // (л. 4 об.) возвратится, а ты де на мене нанес и за то мене не отпускают, а я о всем том непрестанно господам министрам доносил и говорил, сей человек френетик, никакого добра с него не будет³⁹.

Сие следовало в его, Георгакиеву, бытность на Москве. В то же время в Константинополе были полномочные послы, государственнй подканцлер барон Петр Павлович, да тайный советник господин Петр Андреевич, которые прежде писали о Луке Кирикове, что он служит изрядно и споможение чинит в интересах вашего величества, как бы сущий природный был русский. И за то ему определено погодное жалование и велено переводить чрез мене по 500 червонных на год. Толикое ж число и господину бископу Галанию, ибо зачали корреспонденцу купно и писали оба одним азбуком, которым списывалися и с ним, Георгакием, да с некоторым венецианином Матвеем Каретою, который был // (л. 5) отпущен агентом в Венецию от вашего величества из Польши по рекомендации вышеписанаго господина посла Толстаго⁴⁰. Сей Матио Карета подлинно обманул вышеписаннаго Георгакия в его бытность в Цареграде, забрав у него алмаз с иными вещами ценою на 8 мешков, которые он, Георгаки, у мене спрашивал, заплати де ты мне за Карету 8 мешков на Москве, а возми у мене его кабалу и dopravь на нем в Венеции, что я не хотел учинить, ибо слышал, что Карета нищий и банкротьер, а я ему, Георгакию, за его, Карету, не порука. И за то горше он, Георгаки, на мене сердитовал и в то время был на Москве.

³⁹ Из письма Рагузинского Шафирову от 28 февраля 1714 г.: «Ваше превосходительство изволите писать, что намерены взять в переводчики брата Ергати, Гератия, дай Боже, чтоб был доброй и службе угодной. А брат ево живет на Москве неконтент, хотя и дается ему по 300 рублей на год, он то уничтожает, вседневно со слезами жelaет отпуску, будто пойдет в Венецию иметь шот в торгах с господином Каретою». См.: Походная канцелярия... Т. 1. С. 76.

⁴⁰ Итальянец Матия (или Матвей) Каретта. Находился на службе русского посла в Турции П.А. Толстого. В 1713 г. он послал на имя царя мемориал, в котором описывает события, непосредственно предшествовавшие аресту русского посла, и даже сообщает, что, получив последние инструкции Толстого, должен был выпрыгнуть в окно, чтобы избежать ареста (РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. 1713. Оп. 1. Ед. хр. 2. Письма (вместо реляций) с приложениями к канцлеру графу Головкину от агента М. Каретты. Л. 43–45 об.). Весной 1711 г. был назначен в качестве дипломатического агента в Венецианскую республику и другие итальянские государства «для лучшего укрепления дружбы и деловых отношений». В условиях постоянных конфликтов с Портой Каретта совместно с консулом Д. Боцисом предпринимал попытки договориться с венецианскими властями о заключении дипломатических отношений с Россией и развить торговые связи между двумя государствами. В 1716 г. заменен П.И. Беклемишевым.

Турки же непостоянные в Константинополе мир с вашим величеством и паки нарушили, после же вашего величества послов вышеписанных господ Шафирова и Толстаго в Едикулях заключили, и в то время вышеписанный Лука Кириков или от страха, или от своего // (л. 5 об.) непостоянства, или по повелению своего господина, посла англинского, вместо службы всякую неправду и неусердие в делах вашего величества показывал, наипаче в задержании писем, которые послы вашего величества из Едикуле писывали и отпускали чрез его, Луку. Так же и бископ Галани ко мне чрез его писывал, он, Лука, задерживал у себе и некоторые отпускал спустя 6 месяцев, некоторые ж и вовсе задерживал, о чем подлинно известно вышеписаным господам послам вашего величества. И когда господа послы видели его, Лукину, непостоянство, то в канцелярию вашего величества объявили и ко мне изволили писать да б я с ним, Лукою, корреспонденцу пересек, ибо он де явился государским делам противен, и на последний год его жалование червонцев 500 к нему, Луке, б не переводил, ибо он не заслужил, токмо б перевел жалование уложенное господину бископу Галанию, что я и учинил, и 500 червонцев, означенных на жалование Луки непостоянного не перевел, но в посольскую канцелярию // (л. 6) возвратил, а господину бископу Галанию перевел, ибо он заслужил. Потом же уже 6 лет, что я ни к единому, ни к другому и не к кому в Цареграде не писывал, и что кто делает, не ведаю, токмо подлинно ведаю, что господин Галани на мене немношко сердит, за что я с ним корреспонденцу пересек, чая, что я его с вышеписанным Лукою ссорил, и на его будто я вышеписанному Луке писал, на что поставляю самага Бога свидетелем, что я на его, ни на кого Луке, ни некому не писывал, токмо Лука по человечеству сердит на его, ибо слышал чрез друзей, что он, Галани, и по ныне берет государевое жалование, а он Лука не берет. И сердит он, Лука, как на господина Галания, так и на мене.

Писал ко мне многократно, ежели я червонцев 500 на последний год его жалования к нему не переведу, то он всякими мерами будет мне отмстить, которому я и не отвечивал, токмо велел объявить чрез друзей, что при мне его ни копейки нет, и за то ему государево жалование // (л. 6 об.) не переводится, что он показал себе в делах государевых противны[м] и господ послов письма задерживал и протчее, которым может писать о своем жалование, аще заслужил, а ко мне б он ничего не писал, ибо Царьградскую корреспонденцу весьма пересек. И для той причины с одной страны сердит на мене вышеписанный Георгаки, а с другой он, Лука, хотя я живым Богом кленуся, что ни пред одним, ни пред другим не виноват и не пред кем, моею совестью и моим делом, ни словом.

А когда господа министры по заключению турецкаго мира отпускали его, Георгакия, в Польшу, был ли я ему друг и чинил ли споможение в его отпуске и доносил ли им, господам министрам, того Георгакия злосердие и недовольство, в том шлюся на суд Божий и свидетелство их, господ министров, ибо я знал, что он френетик и не постояник.

Ныне же как он, диавол, явился при Порте турецкой // (л. 7) и каким образом вину свою загладил, что он был на Русие, не ведаю, и как в турецкий кредит себе произвел, не знаю, и какие письма показывал за рукою будто господина бископа Галания, которые ко мне писывал, когда господа послы были в заключение в Едикуле, будто оные купил за 200 рублей у моего писаря из моего кантора, и о том я не о чем не ведаю и кленуся моею совестью христианскою и судом страшным:

А что я с ним, Георгакием, и не с кем никакого совета против господина бископа Галания, ниже против интересов вашего величества никогда не имел.

В что я ему, Георгакию, никаких писем не давал и не показывал.

Г же, ежели и мой писарь, кроме чаяния из моего кантора те письма господина бископа у мене украл и ему, Георгакию, продал, я о том не ведаю, ибо вси человецы есмы и по человечеству всякого свой секретарь, когда хошет, секрет продать может, о чем от вышних до нижних // (л. 7 об.) чинов такие притчины, не токмо на Русие, и в протчих государствах и прежде были и впредь будут, что некоторые непостоянные секретари не токмо господ послов и генералов, но и королевские дела продавали. Но когда их принципалы не ведали, то оным пред Богом, ниже пред их потентатами невинным в вину не

причиталось, но всяк за сущие свои дела должен ответственовать как на и суде страшном, не друг за друга, но всяк за себе будет ответственовать.

А сколко греческаго и мултянскаго сплетения, непостоянства и злодейства не токмо ко мне, последному, но и к высоким интересам, касавшимся вашего величества, и сущему вашему величеству монаршескому здравью и погиби российского воинства было, о том вашему величеству самому известно, токмо всесправедный судия всякому по своим делам награждение чинит.

А я по человечеству разсуждаю, что тот проклятый Георгаки, согласившись ныне в Константинополе с вышеписанным Лукою Кириковым, хотят // (л. 8) диавольским их сплетением погубить вышеписаннаго бископа при Порте турецкой, а мене привести в гнев вашего величества, оставляя первый фундамент своего зломышления, когда вышеписанный Лука в бытность господ послов в Едикулях задерживал писма оных, писанные в канцелярию вашего величества, то всеконечно задержал и мои, которые ко мне в то время писал чрез его вышеобъявленный господин бископ Галани. И по возвращению непостоянного Георгакия в Константинополь ныне он, Лука, с ним, Георгакием, помирился и диавольский союз учинили губить господина бископа явно, а мене будто тайно, показуя писма бископова, измышляя, будто он, Георгаки, оные купил за 200 рублей у моего писаря, да б тем привести мене в вашего величества немилость и соспещию, а бископа разорить или 30 мешков денег получить, а потом оные между собою поделить, забыв страх Божий, постоянство и христианство, что остав[или] премудрых // (л. 8 об.) разсуждение, ежели б он, Георгаки, таковые писма от Луки не получил и с Лукою согласия не имел, то б он больше Луку грозил и от Луки чрез турецкое наношение мог бы больше число денег получить, ибо он, Лука, 20 раз от господина бископа богатей, а у его, Георгакия, не токмо 20 писем его, Лукиных, обретаются, но и цифырный ключ их корреспонденций, и не токмо с Лукою, но и с господином бископом имели цифыр между собою, когда были в Константинополе в согласие прежде походу Георгакиева к Москве. К тому же зело известны ему, Георгакию, вси поступки и служба как его, Лукина, так и господина бископа прежде его пошества из Константинополя, ибо он, Георгаки, в то время, существом или обманом, о том не ведаю, однако ж показывал в интересах вашего величества некоторую службу и господина бископа от некотораго наношения престога, другаго ж корреспондента, Карету, в доме своем до [нрзб.] в престоге держал, котораго // (л. 9) турки в то время спрашивали в початие первой войны, о чем господину послу Толстому известно.

А корреспонденцу господина бископа не токмо с канцеляриею вашего величества, но и с королевскою с Августом Польским во истинну, я чаю, больше 20 человекам в Константинополе сведало, и друзия его давно к нему писали, да б он из Константинополя поехал прежде беды и своего разорения, а зачем он живет в Константинополе, о том я не ведаю. И корреспонденту ей, ей, в Константинополе ни с кем не имею тому уже 6 годов, токмо ведаю, когда берут вашего величества милость и жалование, то от их разума и трудов происходит, а когда какие трудности или страх, то бедный Савва виноват.

Во истинну, всемилостивый государь, сие пишу жестокими слезами, ибо ей, ей, ни помышлением не виноват, не доноса ни какого, токмо престога сам себе от вашего величества гнева, и прошу Христовой любви ради не извольте на мене имети // (л. 9 об.) ни какое подозрение, но содержать мене, раба вашего, при прежней своей монаршеской милости, ежели ж я в этом деле или в протчих в интересе вашего величества виноват, предаю душу мою вечному аду, тело ж мое вашего величества мечу и вечной казни.

На конца прошу покорне разсудить по человечеству, что я не грек, но словянин, которой не невольн и не из последнаго убожества, но сущемою моею волею и добрым сердцем вашему величеству, где мог, верно работал, и я, и вся моя нация и в пред или б работать может, которая причитает себе за щастие, что пребывает православной вашей веры и славенскаго языка, и вси готовы за славу и честь вашего величества и последнюю каплю крови пролить как показали в деле, а не на бумагах, как показывают греки и другие. А из нашей сербской нации, чаю, первый из честных людей я, последний раб вашего величества, прибыл под вашего величества опеку и высокую протекцию, из чего и ныне ниже я, ни фамилия моя не имею иного

пристанища, ни надежды // (л. 10) кроме вашего величества высокой протекции и христианского великодушия.

И повторно прошу да изволит ваше величество учинить милостивую рефлессию, то ли я забыл страх Божий и вашего величества неизреченную ко мне милость и честь мой и всей моей нации, продал интерес вашего величества за 200 рублей, как Георгаки несправедливо наносит, и по 6 лет моего отлучения будто я гублю вашего величества доброжелательных, что я все предаю суду Божию, а ежели не умру, предбудущаго году, по отправлении домашних нужд разоренной моей фамилии, надеюся или б со всею лицевидно вашему величеству кланяться и персонально за все мои дела не токмо моим маленьким именем, но и главою ответовать.

Вашего величества
всепокорнейший раб
Савва Владиславич
Ven. 10 Lug.
1719

РГАДА. Фонд 41. Сношения с Венецией. 1719. Ед. хр. 4. Реляции графа Савы Рагузинского. Л. 1-10. Подлинник.

Библиография

Базарова Т.А. «Для лутчаго и состоятельнейшаго онога мира охранения...»: пребывание русско-го посла П. А. Толстого при османском дворе // Петровское время в лицах. 2019. Труды Государственного Эрмитажа: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2019 года. СПб., 2019. С. 53–61.

Дучич Й. Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. СПб., 2009.

Кочубинский А.А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899.

Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 250–279.

Лециловская И.И. Серб – сподвижник Петра I: Граф Рагузинский // Славянский альманах. 2003. С. 70–93.

Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого. Т. 1–3 / сост. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. Т. 1. СПб., 2011.

Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1989.

Ястребов А.О. Петр Толстой и Папа Климент XI. Первый русский посол в Константинополе и его связи с Католической Церковью // Церковь и время. 2018. № 4 (81). С. 129–149.

Cerva S. M. Iconotheca illustrium fratrum Congregationis Ragusinae Sancti Dominici. Knjižnica samostana Sv. Dominika u Dubrovniku. № 34-IX-10. S. 304. Рукопись.

Dračevac A. Gallani Rajmund // Hrvatski Biografski Leksikon. Т. 4. Zagreb, 1998. S. 555–556.

Farlati D., Coleti J. Illyricum Sacrum. Vol. 6. Venetiis, 1800.

Hierarchia catholica medii aevi et recentioris aevi / ed. K. Eubel. Vol. 5. Monasterii Sumptibus et typis librariae Regensbergianae, 1913.

Lupis V. Sloboda utemeljenja crkvenih župa Dubrovačke nadbiskupije te Stonske i Trebinjsko-mrkanske biskupije u 18. stoljeću // Crkva u svijetu. 2015. № 50. S. 82–99.

Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV. Paris, 1907.

Preto P. I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milano, 2010.

Seferović R. Crkva iza Dvora. Kroz povijest Dubrovačke crkve 18 stoljeća uz pratnju Serafina Marije Cerve // *Cerva S.M.* Prolegomena za Svetu dubrovačku metropoliju [Prolegomena for the Holy Metropolis of Dubrovnik]. Zagreb; Dubrovnik, 2012. S. 9–253.

Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Fédor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859.

References

- Bazarova T.A.* “Dlya lutchago i sostoyatel’neishago onogo mira okhraneniya...”: prebyvanie russkogo posla P.A. Tolstogo pri osmanskom dvore [“For the best and wealthiest of this world of protection...”: the stay of the Russian ambassador P.A. Tolstoy at the Ottoman court] // *Petrovskoe vremya v litsakh*. 2019. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: materialy nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 19–20 noyabrya 2019 goda [Peter’s Time in the faces. 2019. Proceedings of the State Hermitage Museum: materials of the scientific conference, St. Petersburg, November 19–20, 2019]. Sankt-Peterburg, 2019. S. 53–61. (In Russ.)
- Duchich I.* Graf Savva Vladislavich. Serb-diplomat pri dvore Petra Velikogo i Ekateriny I. [Count Savva Vladislavich. Serbian diplomat at the court of Peter the Great and Catherine I]. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)
- Freidenberg M.M.* Dubrovnik i Osmanskaya imperiya [Dubrovnik and the Ottoman Empire]. Moskva, 1989. (In Russ.)
- Kochubinskii A.A.* Graf Andrei Ivanovich Osterman i razdel Turtsii. Iz istorii vostochnogo voprosa. Voina pyati let (1735–1739) [Count Andrei Ivanovich Osterman and the division of Turkey. From the history of the Eastern question. Five Years’ War (1735–1739)]. Odessa, 1899. (In Russ.)
- Krylova T.K.* Russko-turetskie otnosheniya vo vremya Severnoi voiny [Russian-Turkish relations during the Northern War] // *Istoricheskie zapiski* [Historical Transactions]. T. 10. Moskva, 1941. S. 250–279. (In Russ.)
- Leshchilovskaya I.I.* Serb – spodvizhnik Petra I. Graf Raguzinskii [Serb – an associate of Peter I: Count Raguzinsky] // *Slavyanskii al’manakh* [Slavic Almanach]. 2003. S. 70–93. (In Russ.)
- Pavlenko N.I.* Ptentsy gnezda Petrova [Chicks of Peter’s nest]. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Pokhodnaya kantselyariya vitse-kantslera Petra Pavlovicha Shafirova: novye istochniki po istorii Rossii epokhi Petra Velikogo [Camping office of Vice-Chancellor Pyotr Pavlovich Shafirov: new sources on the history of Russia in the era of Peter the Great] / sost. T.A. Bazarova, Yu.B. Fomina. T. 1–3. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)
- Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR [Rules for publishing historical documents in the USSR]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Yastrebov A.O.* Petr Tolstoy i Papa Kliment XI. Pervyi russkii posol v Konstantinopole i ego svyazi s Katolicheskoj Tserkov’yu [Peter Tolstoy and Pope Clement XI. The first Russian ambassador in Constantinople and his connections with the Catholic Church] // *Tserkov’ i vremya* [Church and Time]. 2018. № 4 (81). S. 139–140. (In Russ.)
- Cerva S. M.* Iconotheca illustrium fratrum Congregationis Ragusinae Sancti Dominici. Knjižnica samostana Sv. Dominika u Dubrovniku. № 34-IX-10.
- Dračevac A.* Gallani Rajmund // *Hrvatski Biografski Leksikon*. T. 4. Zagreb, 1998. S. 555–556.
- Farlati D., Coleti J.* Illyricum Sacrum. Vol. 6. Venetiis, 1800.
- Hierarchia catholica medii aevi et recentioris aevi / ed. K. Eubel. Vol. 5. Monasterii Sumptibus et typis libreriae Regensbergianae, 1913.
- Lupis V.* Sloboda utemeljenja crkvenih župa Dubrovačke nadbiskupije te Stonske i Trebinjsko-mrkanske biskupije u 18. Stoljeću // *Crkva u svijetu*. 2015. № 50. S. 82–99.
- Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV. Paris, 1907.
- Preto P.* I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milano, 2010.
- Seferović R.* Crkva iza Dvora. Kroz povijest Dubrovačke crkve 18 stoljeća uz pratnju Serafina Marije Cerve // *Cerva S.M.* Prolegomena za Svetu dubrovačku metropoliju [Prolegomena for the Holy Metropolis of Dubrovnik]. Zagreb; Dubrovnik, 2012. S. 9–253.
- Theiner A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d’Alexis Michaélowitch, Fédor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859.

DOI: 10.31857/S013038640019935-6

© 2022 г. А.А. МИТРОФАНОВ

«АЛЬПИЙСКАЯ ВАНДЕЯ». ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРОДНОГО ПРОТЕСТА В САВОЙЕ 1793 года

Митрофанов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: paxgallica@gmail.com

Scopus Author ID: 57219242225; ORCID: 0000-0002-8480-5345; Researcher ID: J-8249-2017; AAZ-9180-2021

Аннотация. В статье рассматриваются ход и формы антиреспубликанских восстаний на землях бывшего герцогства Савойя, присоединенного к Франции в ходе Революции XVIII в., и причины их поражений. Цель работы – проанализировать трансформацию народного протеста в Савойе на протяжении 1793 г. Автор использует разнообразный корпус источников, включая и некоторые неопубликованные материалы из Государственного архива Турина. События января–октября 1793 г. рассматриваются в статье в свете историографической концепции «народной контрреволюции». Присоединение к Франции территории Савойи произошло при активной поддержке ее населения, но сразу после введения в регионе гражданского устройства духовенства и начала обращения ассигнатов социальная обстановка накалилась до предела. Социальному взрыву способствовал и декрет Конвента Франции о массовом призыве в республиканскую армию. Обострились давние противоречия между городом и деревней, начало которым было положено реформами земельных отношений 1770-х годов. Крупные восстания охватили окрестности городов Саланш, Межев, Кюз, Анси, Румийи, долину Тон, а в ходе вторжения сардинских войск – районы Фосиньи, Тарантез и Морьенн. Республиканцы прямо называли этот департамент «маленькой Вандеей». Протест в этом регионе имел свои особенности и эволюционировал от традиционного по своей форме бунта к локальной гражданской войне, в которой возникала и простейшая политическая программа восставших. Но крестьяне оказались не готовы к участию в боевых действиях, не имели военного опыта, а силы и ресурсы сардинской армии были весьма ограниченны. Понимая, что план возвращения Савойи под власть короля к концу сентября 1793 г. невыполним, войскам пришлось вернуться в Пьемонт. Восстановление власти Республики над мятежным департаментом ознаменовалось началом политики революционного террора в Савойе.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., крестьянство, контрреволюция, департамент Монблан, Савойя, Сардинское королевство, Франция, крестьянские движения.

A.A. Mitrofanov

“Alpine Vendée”. Transformation of the Popular Protest in Savoy, 1793

Andrey Mitrofanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: paxgallica@gmail.com

Scopus Author ID: 57219242225; ORCID: 0000-0002-8480-5345; Researcher ID: J-8249-2017; AAZ-9180-2021

Abstract. The author examines the course and forms of anti-republican uprisings in the lands of the former Duchy of Savoy, annexed to France during the Revolution of the eighteenth century, and the causes of their failure. The aim of the study is to analyse the transformation of popular protest in Savoy over the course of 1793. The events of January–October 1793 are considered in this article in the light of the concept of the “popular counter-revolution”. The annexation of the Savoy

to France was strongly supported by its population, but immediately after the introduction of the civil system of the clergy and the circulation of banknotes, the social situation in the region came to a head. The decree of the French National Convention on mass conscription into the republican army also contributed to the social upheaval. The protest had its own characteristics and evolved from a traditional form of rebellion to a local civil war, in which a simple political programme of the rebels also emerged. However, the peasants were unprepared to participate in hostilities, had no military experience, and the forces and resources of the Sardinian army were limited. Realising that the plan to return Savoy under the rule of the king by the end of September 1793 was unworkable, the troops had to return to Piedmont. The restoration of the Republican rule over the rebellious department marked the beginning of a policy of revolutionary terror in Savoy.

Keywords: French revolution of the eighteenth century, peasantry, counter-revolution, department Mont-Blanc, Savoy, Kingdom of Sardinia, France, peasant movements.

На протяжении 1793 г. один из новых французских департаментов – Монблан, созданный на территории бывшего герцогства Савойя, был охвачен крестьянскими и городскими антиреспубликанскими восстаниями. Одни историки ограничивались только сухой хроникой самих восстаний, другие – анализом религиозных, финансовых и социальных факторов, т.е. предпосылками потрясений 1793–1794 гг. В отечественной литературе эта тема и вовсе остается нераскрытой. В рамках нашей статьи мы попытаемся восполнить этот пробел, показать предпосылки кризиса 1793 г., сложную трансформацию народного протеста, причины восстаний и их конечного поражения. Также подчеркнем, что этот протест мы рассматриваем в свете историографической концепции так называемой «народной контрреволюции»¹. Детальное исследование регионального аспекта этой большой темы позволяет существенно уточнить и расширить понимание генезиса радикальной революционной политики в масштабах большого Альпийского региона и Франции в целом.

Историография вопроса о трансформации народного, в частности крестьянского, протеста на территории департамента Монблан достаточно обширна. В конце XIX – начале XX в. многие историки обратились к вопросу народных движений в регионе, среди них особое место занимают труды Ж. Каррона и К.-М. Маньяна². В последние годы этой темой занялись признанные мэтры региональной историографии П. Гишонне и Ж. Николя³. Но если П. Гишонне, как почти за век до него Ф. Вермаль⁴, останавливается на социальных предпосылках и военных действиях, то Ж. Николя придерживается комплексного подхода к истории социальной борьбы и политического противостояния республиканцев и роялистов. К сожалению, часть работ обоих авторов выполнена на основе

¹ *Sutherland D.* The Chouans: The social origins of popular counter-revolution in Upper-Brittany, 1770–1796. Oxford, 1982; *Roberts J.* The counter-revolution in France, 1787–1830. New York, 1990. P. 22–43. В работах К. Лукаса, Р. Дюпюи и их сторонников используется другой, более широкий термин «антиреволюция»: *Lucas C.* Résistances populaires à la Révolution dans le sud-est // *Mouvements populaires et conscience sociale.* Paris, 1985. P. 473–485. О терминологии вопроса см. также: *Mazauric C.* Autopsie d'un échec, la résistance à l'Anti-Révolution et la défaite de la Contre-Révolution // *Les résistances à la Révolution.* Actes du Colloque de Rennes. Paris, 1987. P. 237–244.

² *Magnin C.-M.* La guerre de Thônes, d'après les documents les plus authentiques. Annecy, 1879; *Carron J.* La Savoie d'autrefois: insurrection de la vallée de Thônes en 1793 // *Mémoires et documents publiés par l'Académie salésienne.* Annecy, 1911. T. 34. P. 89–339.

³ *Nicolas J.* La Révolution Française dans les Alpes, Dauphiné et Savoie. 1789–1799. Toulouse, 1989; *Idem.* Reformes et subversions en Savoie (1789–1793) // *Dal trono all'albero della liberta. Trasformazioni e continuità istituzionali nei territori del Regno di Sardegna dall'antico regime all'età rivoluzionaria.* Atti del convegno tenuto nel 1989. T. I–II. Roma, 1991; T. I. P. 445–456; *Gichonnet P.* La Révolution en Savoie // *La Révolution Française vue des deux côtés du Rhin.* Aix-Marseille, 1990. P. 227–259.

⁴ *Vermale F.* Les classes rurales en Savoie au XVIIIe siècle. Paris, 1911.

недоступных исследователям частных архивов или не имеет научного аппарата⁵. Ценный вклад в историографию темы внесли К. Таунли и К. Сорель, в канун 200-летнего юбилея Французской революции опубликовавшие коллекцию архивных и редких текстов с развернутыми комментариями⁶. В отечественной историографии ближе всего к раскрытию темы савойского народного протеста в конце XVIII в. подошел В.С. Бондарчук, но сюжеты 1792–1794 гг. он не затронул⁷. По-видимому, историческая неудача «Альпийской Вандеи» 1793 г. и ее короткая хронология (февраль–октябрь 1793 г.) привели к тому, что авторы крупнейших работ по истории контрреволюционных движений в различных регионах Франции (Ж. Годшо, М. Вовель, В. Соггоказа, Ж.-К. Мартэн и др.) не обратили внимания на этот исторический эпизод. Большой вклад в изучение революционных событий в Савоие был сделан в XIX – начале XX в. представителями церковной историографии (А. Билие, Ж. Лаванши⁸), а также регионоведами (Э. Бюрде, Ж. Каррон⁹). Именно тогда были опубликованы многие ценные источники по этому периоду. Отдельно стоит выделить богатую литературу о савойском философе и идеологе политического консерватизма Ж. де Местре (1753–1821), из которой можно почерпнуть немало сведений о политическом противостоянии в Альпийском регионе¹⁰. Отметим, что сюжет, связанный с творчеством де Местра, имеет в настоящей статье вспомогательное значение. К сожалению, в последних обобщающих трудах о кризисе Савойской монархии и годах французского доминирования в регионе (М. Броерс, П. Бьянки, А. Мерлотти, П.-М. Дельпю¹¹), о восстаниях в Савоие и вовсе сказано в двух–трех строках, а автор одной из наиболее дискуссионных книг о народном сопротивлении в Италии рубежа XVIII–XIX вв. М. Вильоне целиком и полностью следует концепции официального историографа XIX в. Н. Бьянки и не использует богатую литературу по данной теме¹². Специальных работ о народном протесте в Савоие за последнюю четверть века не появилось.

Хотя большинство историков и краеведов Савоии работало исключительно с архивными документами, для целей нашего исследования используются опубликованные материалы, каковых за полтора века накопилось немало. Отметим корпус официальных материалов: отчет прокурора-синдика Анеси Бюрно¹³, доклады члена Конвента М.Ж. Эро де Сешеля, постановления членов Конвента Ф. Симона, Ж.М. Дюма, Э.Л. Дюбуа-Крансе и А.Ф. Готье, публикацию в официальном издании *Moniteur universel* за май 1793 г.

⁵ См., например: *Gichonnet P.* Les monts en feu: la guerre en Faucigny, 1793. Annecy, 1994. Без научного аппарата вышла книга Ж. Николя: *Nicolas J.* La Revolution Française dans les Alpes, Dauphiné et Savoie. 1789–1799. Toulouse, 1989.

⁶ *Townley C., Sorrel C.* La Savoie, La France et la Révolution: repères et échos 1789–1799. Courandera, 1989.

⁷ *Бондарчук В.С.* Итальянское крестьянство в XVIII в. М., 1980.

⁸ *Billiet A.* Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique du diocèse de Chambéry. Chambéry, 1865; *Lavanhy J.* Le Diocèse de Genève (partie de Savoie) pendant la Révolution française / par M. l'abbé Jh.-M. Lavanhy. Vol. 1. Annecy, 1894.

⁹ *Burdet A.* Palais de l'Isle a Annecy. Annecy, 1894; *Carron J.* Op. cit.

¹⁰ *Descostes F.* Joseph De Maistre pendant la Révolution: Ses débuts diplomatiques, le marquis de Sales et les émigrés, 1789–1797. Tours, 1895; *Vermale F.* Joseph de Maistre émigré. Chambéry, 1927; *Lafage F.* Le comte Joseph de Maistre (1753–1821). Itinéraire intellectuel d'un théologien de la politique. Paris, 1998.

¹¹ *Broers M.* Napoleonic imperialism and the Savoyard monarchy, 1773–1821: state building in Piedmont. Lewiston (N.Y.), 1997; *Bianchi P., Merlotti A.* Storia degli Stati sabaudi (1416–1848). Torino, 2017; *Delpu P.-M., Riberi M.* La Révolution et l'Empire (1792–1814) // Les États de Savoie, du duché à l'unité d'Italie (1416–1861). Paris, 2019. P. 457–513.

¹² *Bianchi N.* Storia della Monarchia Piemontese dal 1775 al 1861. Vol. III. Torino, 1879; *Viglione M.* Rivolte dimenticate: le insorgenze degli italiani dalle origini al 1815. Roma, 1999. Спорным представляется тезис Вильоне о том, что крестьянские восстания в Савоие возглавляли представители бывшего дворянства (*Viglione M.* Op. cit. P. 39). В отличие от других регионов Италии, в бывшем герцогстве этого не наблюдалось. Ведущая роль принадлежала неприсягнувшему духовенству.

¹³ *Burnod J.-C.* Extrait de la Relation faite à l'administration du district d'Annecy, séance du 15 mai 1793, an II de la République française, par le procureur-syndic, des troubles qui ont eu lieu dans la vallée de Thônes, et des moyens employés pour les dissiper // *Burdet A.* Palais de l'Isle a Annecy. Annecy, 1894. P. 166–171.

Немало ценных сведений о Савоие и соседних департаментах мы почерпнули из корреспонденции агента министерства иностранных дел при Альпийской армии П. Шепи и корреспонденции Ж. де Местра¹⁴. Из пропагандистских материалов привлечены «Письма савойского роялиста к своим соотечественникам» де Местра и различные прокламации официальных лиц Республики за 1793 г.¹⁵ Важную роль для понимания событий и процессов в обществе Савойи имеет коллекция документов из Государственного архива Турина (анонимные записки министру внутренних дел Гранери, записка юре Маргерита из Сьерселя, неопубликованное письмо Ж. де Местра) и корреспонденция М.Ж. Эро де Сешеля из Национального архива Франции¹⁶. И, наконец, ценными источниками являются несколько опубликованных документов личного происхождения: памятная записка юре Делашенала из Тон, дневниковые записки крестьянина из Сен-Жюльена в Фосиньи (Ж.-М. Феаза) и анонимные записки жителя Бессана, опубликованные Ф. Вермалем в начале XX в.¹⁷

* * *

27 ноября 1792 г. декретом Национального Конвента территория бывшего герцогства Савойя была присоединена к Французской республике и преобразована в новый департамент Монблан¹⁸. Но всего через два месяца республиканский режим столкнулся с серьезными трудностями. Недовольство савояров республиканскими нововведениями и французским военным присутствием вылилось в открытое сопротивление. Популярными среди горожан республиканцы не могли начать полноценное проведение в жизнь декретов Национального Конвента, так как в деревнях начиналось мощное противодействие¹⁹.

Наиболее остро складывалась ситуация с введением в новом регионе Республики гражданского устройства духовенства. Реформа церкви быстро привела к расколу и началу масштабного протеста населения. По требованию якобинского клуба в Шамбери 8 февраля 1793 г. новые власти опубликовали постановление о принесении духовенством гражданской присяги²⁰. И уже начало этого процесса свидетельствовало о нежелании клира следовать новым правилам. Число священников, которые принесли присягу в феврале–марте, составляло от 8% до 57% в разных районах департамента²¹. Только архиепископство Тарантез во главе с архиепископом Монфольконом, пылким сторонником Революции, продемонстрировало невероятную лояльность, присягу здесь принесли 88,27% священников. Церковные же власти в лице своих главных викариев, уже находившихся в эмиграции, категорически запрещали приносить присягу. Среди населения, особенно сельского, присягнувшее духовенство утрачивало свое традиционное влияние. Новый избранный с подачи республиканцев конституционный епископ Анси Паниссе также не обладал необходимым авторитетом и влиянием. Из городов те священники, которые

¹⁴ *Maistre J. de. Oeuvres complètes. Vol. 7. Lyon, 1884; Chépy P. Correspondance de Pierre Chépy avec le ministre des affaires étrangères (mai 1793 – janvier 1794): un agent politique à l'armée des Alpes. Grenoble, 1894; Townley C., Sorrel C. Op. cit. P. 199–201.*

¹⁵ *Maistre J. de. Lettres d'un royaliste savoisien à ses compatriotes publiées, pour la première fois, en France d'après l'original, très rare, de l'année 1793. Paris, 1872.* Ряд прокламаций и постановлений официальных лиц республики опубликованы в издании: *Townley C., Sorrel C. Op. cit.*

¹⁶ Archives Nationales de France (далее – AN). AF II 251. Plaqueette 2135.

¹⁷ *Insurrection de Thônes 1793 // Revue savoienne: journal publié par l'Association florimontane d'Annecy: histoire, sciences, arts, industrie, littérature. 6-me année. Paris, 1865. P. 50–51; Féaz J.M. Journal d'un paysan de Maurienne. Suivi de Des choses remarquables arrivées à Bessans. Curandera, 1989.*

¹⁸ *Townley C., Sorrel C. Op. cit. P. 115–120; Митрофанов А.А. Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации. 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 78–92.*

¹⁹ *Gichonnet P. La Révolution... P. 247.*

²⁰ *Dimier L. Histoire de Savoie, des origines à l'annexion. Paris, 1913. P. 284.*

²¹ *Gichonnet P. La Révolution... P. 248.*

не эмигрировали сами, вытеснялись в деревни, где еще некоторое время могли отправлять службы²². Большая часть представителей ранее присягнувшего духовенства к апрелю 1793 г. от присяги отреклась.

Савойская знать в большинстве своем эмигрировала в сентябре–октябре 1792 г., а верные сардинскому королю офицеры–дворяне остались служить в пьемонтской армии. Но некоторые видные представители знати горячо поддержали Революцию и присоединение к Франции²³. Эмиграция осени–зимы 1792 г. была значительной и составила 0,7 % от общего числа населения. Среди эмигрантов насчитывалось 914 священников, 191 дворянин, 170 чиновников (почти все из них были аноблированы), 67 магистратов и еще 362 торговца и крестьянина²⁴.

Религиозный кризис осложнялся продовольственным. Савояры с осени 1792 г. вынуждены были обеспечивать реквизиции для снабжения республиканской армии. Особенно трудным положение с продуктами стало в городах. В окрестностях Женевы, где в обращении ходили женеvские монеты, все еще обладавшие стабильным курсом, жители швейцарских кантонов активно скупали сельскохозяйственную продукцию. Неподконтрольный «черный рынок» рос, а французские ассигнаты стремительно обесценивались²⁵. Кроме того, районы Верхней Савойи были наводнены фальшивыми денежными знаками. Напряженность в сельских районах существенно возросла, а противоречия между городом и деревней провоцировали все новые волнения после принятия Конвентом майского закона о максимуме цен на зерно и введения дополнительных мер по снабжению армии. Представитель народа при Альпийской армии, депутат Национального Конвента М.Ж. Эро де Сешель отмечал в докладе Комитету общественного спасения от 27 апреля: «Что касается администраторов, то департамент весьма посредственен. Полностью благонадежен только генеральный прокурор. Дистрикты наполовину прогнили и подвержены влиянию священников. ... Священники и отказ от ассигнатов – вот самые главные причины бед этого департамента. Конституционные священники заслуживают доверия не больше, чем неприсягнувшие. Множество их изгнано, каждый день уезжают также и присягнувшие священники, поскольку платят им бумажными деньгами»²⁶. Один из эмигрировавших сельских священников, некий кюре Маргерит из Сьерселя, сообщал в сардинское министерство внутренних дел: «Могу сказать о моем приходе и о соседних приходах, уверяю, что более трех четвертей горько оплакивают Старый порядок в том, что касается и духовных, и светских дел. Я не сомневаюсь, что они восстали бы, если бы имели оружие и если бы малые отряды французов, рассеянные повсюду, не были этому помехой»²⁷.

Другим фактором, усугублявшим общий кризис, стал знаменитый декрет Национального Конвента 24 февраля 1793 г. о призыве 300 тыс. человек в армию. Горожане проявляли активность и записывались волонтерами, но немалая часть крестьянства после объявления призыва скрывалась в горах. В некоторых случаях даже власти дистриктов и кантонов потворствовали беглецам или оформляли свидетельства о негодности к службе. Назначенный агентом сардинского правительства в Лозанне с широкими полномочиями Ж. де Местр в переписке с Турином советовал: «Отправлять проверенных эмиссаров к крестьянам, приободрять благонадежных, пугать дурных тем, что они будут схвачены с оружием. Научить, что им делать, чтобы навредить французам в случае, если они не

²² Ibid. P. 71–149.

²³ Относительно общей численности дворянства это было меньшинство: среди них выделялись граф Марэн, граф Карелли де Басси, граф Руже де Шоле, граф Жозеф де Вири. См.: *Laverrière J.-P. Un village entre la Révolution et l'Empire: Viry en Savoie, 1792–1815. [S.l.], 1980.*

²⁴ *Gichonnet P. La Révolution... P. 250; Idem. Les monts en feu: la guerre en Faucigny, 1793. Annecy, 1994. P. 127–128.*

²⁵ *Chépy P. Op. cit. 47.*

²⁶ AN. AF II 251. Plaqueette 2135. S. p.

²⁷ Archivio di stato di Torino. Materie politiche. Mazzo 4. F. 157.

будут иметь способа избежать призыва: развернуться в нашу сторону, бежать беспорядочно с криками “все пропало!” или “спасайся кто может!” и при этом стрелять в своих тиранов»²⁸. Вероятно, эта агитация имела известный успех. По сообщениям комиссара министерства иностранных дел при Альпийской армии П. Шепи, в мае–августе в департаменте часто брали под арест обнаруженных дезертиров, которые продавали свою форму, амуницию и даже оружие²⁹.

Волнения вначале охватывали небольшие бурги и сельскую округу городских коммун. Пока речь шла только о росте антиреспубликанских настроений. В первые дни января 1793 г. толпы захватили мэрию г. Сан-де-Мориенн и требовали отставки якобинского муниципалитета. На протяжении последующих четырех месяцев протест охватил другие районы департамента. Крестьянские бунты начались в апреле и первые дни мая 1793 г. в Верхнем Фосиньи, где восставшие преследовали муниципальных служащих и уничтожали символы Республики. В дистрикте Борн под началом неприсягнувших священников восстало население 12 сельских приходов. Оба эти восстания были подавлены.

Апрельские и майские волнения отличались от январских. Долины Арв, Межев и Валь-Монжуа были охвачены вооруженными выступлениями крестьян. 30 апреля несколько сотен крестьян из Пасси, Сен-Жервэ, Комблу и Монжуа вошли в город Саланш. Якобинский клуб, муниципалитет и оружейный склад были разграблены. В тот же день 2 тыс. крестьян спустилось к городу Ключе, а ночью в Маглан. В толпах распространялись слухи, что вскоре сюда должны подойти части пьемонтской армии. Однако жители окрестных бургов не спешили присоединяться к отрядам из числа жителей сельских коммун. Не произошло взрыва энтузиазма в Ключе, в коммуне Араш ремесленники отказались примкнуть к восставшим. После появления слухов о приближающейся французской кавалерии люди разбежались по своим поселкам и хуторам. В Ключе и Саланше были арестованы 40 подозреваемых³⁰. Спонтанные крестьянские волнения наблюдались в дистрикте Анси в конце апреля – в селениях Фаверж, Пуази и Торан.

Упомянутые выше восстания возглавили мелкие нотабли, священники и бывшие военные королевской службы. Весенние крестьянские волнения были направлены против представителей городских элит, так как в связи с продовольственным и финансовым кризисом усугубился старый антагонизм между городом и деревней³¹. Именно буржуа, располагавшие свободными средствами как до, так и после прихода французов, извлекают впоследствии наибольшую прибыль при распродаже национальных имуществ³².

Начало восстания в долине Тон было связано с проведением набора в армию и смещением местных священников. Как и в ходе бунтов времен Старого порядка, новые, более серьезные по масштабу волнения начинались не с вооруженного восстания, а с проявлений недовольства на торговой площади. 4 мая в толпе раздались лозунги: «Да здравствует сардинский король! Нас хотят лишить наших священников!»³³. Главным объектом народного недовольства оказались немногочисленные местные якобинцы, с которыми едва не расправилась толпа. С первых часов возмущений важную роль начинает играть одна из жительниц Тона Маргерит Фришле-Авэ, которая не только призывала к вооруженному восстанию, но переоделась в мужской костюм и раздавала мужчинам кокарды цветов Савойского королевского дома³⁴. В соседних поселках зазвучали схожие призывы

²⁸ Ibid. F. 240.

²⁹ *Chépy P.* Op. cit. P. 159.

³⁰ Ibid. P. 199.

³¹ *Nicolas J.* Noblesse et bourgeoisie en Savoie au XVIIIe siècle // *Annales historiques de la Révolution française.* 1978. № 231. P. 101–108.

³² *Vermale F.* La vente des biens nationaux dans le district de Chambéry. Paris, 1912. P. 35.

³³ *Carron J.* Op. cit. P. 105.

³⁴ Ibid. P. 119; *Roubeau F.* La Frichelette de Thônes. Guerre, mémoire et identité territoriale dans les Aravis de 1793 à l'âge d'internet // *Journal of Alpine Research. Revue de géographie alpine.* 2016. № 104–1. URL: <https://journals.openedition.org/rga/3229?lang-en> (дата обращения: 25.03.2022).

и раздавались звуки набата. По прибытии представителей властей в коммуну Тон мужчины отказались от участия в жеребьевке для набора в войска³⁵.

Якобинский клуб Анси 6 мая потребовал направить войска и гвардию, чтобы нейтрализовать повстанцев. Крестьяне соорудили укрепления на мосту через реку Фьер, где и развернулись основные боевые столкновения³⁶. Всего на подавление восстания были брошены более 800 кавалеристов, 2100 человек регулярной пехоты и несколько сотен национальных гвардейцев. Продвигаясь с боями по долине, республиканцы начали грабить местное население и изымать продовольствие. И только вечером 9 мая они смогли войти в Тон, который практически полностью оставили его жители. 10 мая в коммуну прибыл и Эро де Сешель³⁷. По сведениям священника Делашенала, масштаб насилия был очень велик, а церковь осквернена и разграблена³⁸. Прокламация от 12 мая объявляла амнистию и разрешала савоярам вернуться в свои жилища, но требовала обеспечить набор во французскую армию. На все церковные приходы долины Эро де Сешель наложил контрибуцию в 4 тыс. ливров³⁹.

Парижская газета *Moniteur universel* 19 мая 1793 г. опубликовала отчет генерала Ж.Ж.Л.Д. Дорнака, командовавшего тогда Альпийской армией, перед Конвентом о победе: «Повстанцы, осмелившиеся показаться со стороны долины Тон и окрестностей числом в две тысячи человек, решительно разгромлены и разогнаны. Защитники Республики проявили всю характерную для них энергию и смелость. Сорок человек из числа этих разбойников были убиты. Столько же взято в плен и частично размещено в Анеси, будучи доставленными туда, чтобы на них обрушился меч закона. Прокурор муниципалитета Тон, уличенный в том, что возглавлял это сборище, предстал перед военным судом и был приговорен к смертной казни. Надеюсь, этот пример и те, которые последуют за ним, остановят злонамеренные замыслы. Будьте уверены, гражданин председатель, во всей моей преданности общему делу. Дорнак, генерал-главнокомандующий»⁴⁰. В своем письме 16 мая Конвенту Эро де Сешель сообщал, что в ходе восстания «50 человек убито, 30 взято в плен, остальные искали спасения в бегстве и на вершинах скал. Прокурор коммуны был предан суду на месте вместе с другим лидером восстания. Их расстреляли у городских ворот. Ни один из солдат Республики не погиб; 5 человек получили ранения». Конвент одобрил доклад своего представителя в миссии⁴¹.

Заседания уголовного суда департамента Монблан проходили в Анси. М. Фришле за активное участие в восстании, вербовку и подстрекательство была приговорена к расстрелу. Суровые меры, принятые в отношении повстанцев, выглядели как показательные и устрашающие⁴². Суд подтвердил законность расстрелов 7–12 мая. Арестованные юристы и торговцы, не принимавшие участия в восстании, ожидали решения своей судьбы довольно долго. Всего же в списке арестованных жителей долины Тон числилось 23 человека. 11 из них в итоге были отпущены, и только троим участникам восстания вынесли смертные приговоры⁴³.

Перспектива вторжения пьемонтских войск на территорию департамента Монблан приобрела реальные очертания только на исходе лета 1793 г. Наступление пьемонтцев

³⁵ *Lavanchy J.* Op. cit. P. 198–200.

³⁶ *Burdet A.* Op. cit. P. 168.

³⁷ *Carron J.* Op. cit. P. 223.

³⁸ *Insurrection de Thônes 1793...* P. 51.

³⁹ В письме Эро де Сешеля Конвенту от 16 мая 1793 г. указана сумма в 4 тыс. ливров (AN. AF II 251. *Plaquette* 2135. S. p.). В источниках и литературе встречается и другая сумма – 40 тыс. ливров.

⁴⁰ *Moniteur universel.* 19.V.1793. № 139. P. 604.

⁴¹ *Archives parlementaires de 1787 à 1860. Convention nationale. Série I. T. 65.* Paris, 1903. P. 212. О другой проблеме Эро де Сешель в Конвент не доложил: 2-й батальон волонтеров департамента Монблан отказался сдавать полученные для подавления восстания 300 ружей. (AN. AF II 251. *Plaquette* 2135. S.p.).

⁴² *Carron J.* Op. cit. P. 279–283.

⁴³ *Burdet A.* Op. cit. P. 254–255.

французы ожидали одновременно в Южных Альпах и в Савойе. Вместо того, чтобы распределить войска тонкой линией на протяжении горных хребтов, штаб республиканской Альпийской армии сконцентрировал силы в нескольких ключевых пунктах, откуда было бы возможно вести эффективное контрнаступление. Пьемонтцы, которые до этого избегали прямого столкновения с французами, испытывали давление со стороны савойской эмиграции. Главным фактором, подтолкнувшим пьемонтское командование к наступлению, стало то, что основные силы французов из департамента летом были направлены на осаду Лиона. К тому же многочисленные информаторы сардинского правительства с мая сообщали, что крестьянство горных долин снова готово взяться за оружие и поднять знамя законного монарха Виктора-Амедея III⁴⁴.

Важную роль в деле агитации населения департамента Монблан за дело реставрации играли различные пропагандистские сочинения. Первенство здесь по праву принадлежало Ж. де Местру, опубликовавшему четыре памфлета под общим названием «Письма савойского роялиста к своим соотечественникам»⁴⁵. В первом же памфлете он писал: «Вы трепещете! И хорошо! Вот плоды “свободы” и “равенства”! Вот “права человека” и дары Франции. Когда она похитила Савойю несколько месяцев тому назад, то она вам заявила, что будет уважать вашу собственность и свободу совести. И теперь, вместо такого счастья, что она осмелилась вам обещать, что вы видите, что вы испытываете на себе под ее господством? Нищету и безнадежность. Она разрушила ваш культ, ограбила ваши храмы, сбросила ваши богатства в пропасть, вырытую тиранами этого “свободного” народа. Вместо драгоценных металлов, что она у вас отняла, она посылает вам свою поблекшую бумагу — символ и инструмент воровства. И чтобы добавить к грабежу и разбою еще и глумление, ее посланники прибывают к стенам прокламацию, в которой уверяют, будто бумага эта ценится на вес золота. Наконец, она теперь отчасти объявила вам о тех бедах, которые пожирают ее же саму, и вы видите перед собой только ужасную перспективу испытать их все, если рука Провидения не поспешит спасти вас. Но все говорит о том, что час освобождения близок»⁴⁶. Помимо констатаций де Местр заявлял о грядущей амнистии в отношении савояров, поскольку «законная власть... наказывает, только когда это необходимо, прощает, когда она может это сделать, и никогда не мстит»⁴⁷.

12 августа 1793 г. наступление в Савойе, наконец, началось сразу по трем направлениям. Первая часть армии наступала на Валорсин и Шамони, благодаря согласию властей кантона Берн пропустить конвой из 200 солдат и 350 мулов с боеприпасами под командованием барона де Лоша и маркиза Мориса Сальского. Вторая колонна под командованием герцога Монферратского пересекла Малый Сен-Бернар и двинулась в долину Тарантеза. Третья пересекла Мон-Сени, ею командовали герцог Аоста и маркиз де Кордон. По мере продвижения трех колонн французские отряды отступали и избегали прямого столкновения. В долине Морьенн французский генерал Ж.Д. Ледуайен покинул позиции и отвел войска к опорной базе в Эгебейле. В Тарантезе генерал П. Боделен, опасаясь быть отрезанным и окруженным, отошел к Конфлану, и пьемонтцы смогли занять город Мутье уже 22 августа без сопротивления. В Верхнем Фосиньи произошло несколько стычек, и 21 августа королевская армия заняла Саланш. Республиканские войска в беспорядке отступили к Бонвилю. Пьемонтское командование не могло поверить в собственный успех. Французы же имели все основания не только не доверять савоярам, но и прямо опасаться, что последние под влиянием священников в любой момент могут начать стихийное избиение республиканцев. Пьемонтская армия при активной поддержке местного населения с легкостью продвинулась по перевалам и долинам, не опасаясь даже самых опасных горных участков. В Верхнем Фосиньи крестьяне создали отряды ополчения,

⁴⁴ См.: *Gichonnet P.* La Révolution... P. 253.

⁴⁵ *Descostes F.* Op. cit. P. 339–341; *Lafage F.* Op. cit. P. 68–71.

⁴⁶ *Maistre J. de.* Lettres d'un royaliste savoisien... P. 55.

⁴⁷ Ibid. P. 71.

и 500 человек примкнули к королевской армии. В столице департамента Шамбери в те дни среди республиканцев царили панические настроения⁴⁸. Ситуация представлялась для последних настолько опасной, что все военные склады департамента были эвакуированы в форт Барро в соседний департамент Изер.

Отступление республиканских войск в нескольких долинах спровоцировало восстание во втором по значению городе департамента – Анси. 21 августа, когда повозки с зерном для армии покидали его, жители пригорода преградили им путь. Инцидент практически сразу вылился в общее городское восстание под политическими лозунгами: «Долой Республику! Да здравствует король Сардинии и к черту нацию! Долой кокарду!». Распространился слух, что пьемонтцы в количестве до 30 тыс. человек быстро наступают и находятся уже близ Анси. Граф де ля Флешер, бывший синдик и комендант города, возглавил восставших; ему был «присвоен» чин временного королевского коменданта. Отряды жителей Анси с первых часов восстания активно вооружались. Савояры грабили здание муниципалитета, яacobинского клуба, оружейных складов, уничтожали республиканские символы и эмблемы. Сторонники республиканского режима попали под арест или спасались бегством, а ранее арестованных роялистов, напротив, освободили. 22 августа синие знамена сардинского короля были вывешены на зданиях коммуны и четырех городских воротах. Ле Флешер прилагал все усилия, чтобы восстановить хотя бы видимость порядка в городе. Он разослал в окрестные сельские коммуны своих эмиссаров, чтобы заручиться поддержкой крестьян. Небольшое их число в тот же день откликнулось и явилось в город во главе с несколькими нотаблями. В городе и на второй день продолжалось символическое насилие: дерево свободы на бывшей площади Нотр-Дам было срублено, вечером по городу прошла манифестация, пронесшая кресло и другие предметы из местной масонской ложи, которые в конце процессии были торжественно уничтожены⁴⁹.

Волнения быстро охватили ближайшие к Анси сельские коммуны Торан, Ментонкс-су-Клермон, Силиньи и Ле Балльм, расположенные вокруг озера. Крестьяне во главе с несколькими дворянами рубили деревья свободы, хватали и помещали под арест яacobинцев и священников, присягнувших Республике. Вблизи города Альби в ночь на 23 августа собралось вооруженное крестьянское ополчение. Вокруг нотаблей города Румийи и представителей знати 22–23 августа сгруппировались не только крестьяне соседних приходов, но и их многочисленные клиентелы из представителей ремесленных кругов, коммерсантов и лавочников. Мэр Румийи яacobинец Ванда, а также конституционный кюре Коше поспешно скрылись. В городе раздавались крики: «Да здравствует король Сардинии! Долой муниципалитеты!». Повсеместно совершались нападения на немногочисленных республиканцев и их сторонников как в самом городе, так и в пригородах, и в сельской местности. В Анси нарастала тревога, поскольку пьемонтские отряды, на скорый приход которых так рассчитывали восставшие, все еще не появлялись. Ночью 23-го числа разошелся новый слух: отряды республиканцев приближаются к городу с артиллерией. В городе раздался колокольный набат, жителям начали раздавать боеприпасы. Несколько групп горожан и крестьян отправились навстречу республиканцам по направлению к Сервье и Дюину. Но в ту же ночь комендант Ле Флешер и сопровождавший его племянник Пелли были расстреляны близ Анси солдатами отряда республиканских сил под командованием Бюрно. Вступившие к утру 23 августа в Анси республиканцы приступили к восстановлению порядка.

Тем временем к 29 августа колонны войск короля и присоединившихся к ним савойцев стали хозяевами положения в долинах Морьенн и Тарантез. Достигнув столь очевидного успеха, предводители роялистов начали совершать ошибки. Вместо того чтобы продолжать наступление в глубь савойских долин, они сочли за лучшее остановиться, чтобы дождаться подкреплений и боеприпасов. Как показали дальнейшие события, эта

⁴⁸ *Nicolas J. La Révolution...* P. 219.

⁴⁹ *Nicolas J. Annecy sous la Révolution, 1792–1799 // La Revue Annesci. 1966. № 13. P. 45–47.*

остановка имела для сторонников сардинского короля важное значение⁵⁰. Позиция сардинского командования была сложной из-за настроений местного населения. Один из офицеров докладывал в Турин: «Согласно достоверным известиям, которыми я располагаю в последнее время, имею честь вам написать, что несчастья, которые испытывают все жители Нижней Савойи, являются частью таких же бед в Верхнем Фосиньи, где патриоты творят в Клузе и деревнях по соседству с ним бесчеловечные жестокости, и что вследствие всех этих бед, а возможно, вследствие проповедей пропагандистов или вожakov народ содрогается от страха, в котором он пребывает, оттого, что наши военные колонны из Морьенна, Тарантеза и Фосиньи, продвигаясь вглубь, покинут их и они станут жертвами варварства патриотов. Посудите лучше меня, насколько это положение вредно для честных и порядочных людей, которые подвергаются аресту, заключаются в темницы, которых истязают, чьи жилища подвергаются грабежу и предаются огню, а самих их преследуют, словно бешеных волков»⁵¹.

Представители Конвента в миссии при Альпийской армии Дюбуа-Крансе и Готье предпринимали отчаянные усилия для изменения ситуации. 25 августа 1793 г. они постановили, что любое лицо, «постоянно проживающее в департаменте Монблан и признанное подозрительным, будет немедленно переведено под надежной охраной в Гренобль, чтобы содержаться там до тех пор, пока существует угроза общественному делу»⁵². И хотя речь шла о небольшом числе представителей региональной элиты, данные действия признаны были устрашить взбунтовавшийся департамент⁵³.

Члены Конвента, направленные в Альпийский регион, конкурировали между собой в том, чьи обращения к гражданам и постановления окажутся более действенными. При этом механизма осуществления этих постановлений в августе — начале сентября попросту не существовало. В опубликованной прокламации двух других представителей народа при Альпийской армии Симона и Дюма от 25 августа 1793 г. объявлялось, что жители восставших коммун возместят ущерб Республике, любой, кого обнаружат в толпе с оружием, будет караться смертью, а его имущество — конфисковываться, роялистские агитаторы и священники, равно как и проявившие трусость чиновники муниципалитетов, будут преданы суду⁵⁴.

Сведения, которые доходили до Парижа через агентов, работавших в Монблане и Гренобле, были на протяжении августа—сентября весьма противоречивы и далеко не полностью отражали истинное положение дел. П. Шепи 8 сентября 1793 г. сообщал: «Жители Монблана не демонстрируют ни доброй воли, ни мужества и храбрости. По правде надо сказать, что контрреволюция в Шамбери уже совершилась в умах. Как бы то ни было, они не обретут, по крайней мере в этом году, утешения в том, чтобы сбросить с себя оковы»⁵⁵.

Но для сардинского командования сложности только увеличивались. Савойское крестьянство, с энтузиазмом встречавшее королевские войска в начале августа, как оказалось, не было готово вести боевые действия. Массовая поддержка сардинских войск не сопровождалась повсеместным вооружением крестьян и включением их в состав регулярной армии. Причиной этого был страх местного населения, что пьемонтцы не смогут закрепить свою победу и вскоре отступят. Боевой дух и стойкость крестьянства оставляли желать лучшего. Например, с конца августа 1793 г. информаторы Ж. де Местра писали как о возникающих сложностях, так и о промонархических настроениях крестьянства.

⁵⁰ *Krebs L., Moris H.* Campagnes dans les Alpes pendant la Révolution, d'après les archives des états-majors français et austro-sarde. 1792–1793. Paris, 1891. P. 275–276.

⁵¹ Archivio di stato di Torino. Materie politiche. Mazzo 4. F. 160.

⁵² *Billiet A.* Op. cit. P. 448.

⁵³ Шепи 8 сентября 1793 г. уведомил Париж, что в качестве заложников интернированы «80 аристократов» (*Chépy P.* Op. cit. P. 198).

⁵⁴ Цит. по: *Billiet A.* Op. cit. P. 445–447.

⁵⁵ *Chépy P.* Op. cit. P. 208.

Он переправлял эти письма министру иностранных дел графу д'Отвилю в Турин. Сын короля Виктора-Амадея III принц Морис Савойский, герцог Монферратский (1762–1799), был возмущен разноречивыми сведениями информаторов. В руки принцу попало письмо некоего господина Мирани графу д'Отвилю, в связи с чем он писал де Местру 15 сентября: «Я вижу, как следует из этого источника, что нет и 3000 человек во всей Савоие, тогда как только через Бург-Сен-Морис прошло 3500 человек и немногим менее через Морьенн. Также его (д'Отвиля. — А.М.) уверяют, будто можно увидеть всех жителей с оружием в руках. Я же не могу до сего дня ни добровольно, ни силой распределить те 250 ружей, которые у меня взяты с собой, чтобы вооружить лишь очень малую часть этого скопления людей из числа благонамеренных. Те же, кто взял оружие в Фосиньи, согласно отчетам их командиров, питают отвращение к пушечной пальбе, не любят ружейной стрельбы и сразу возвращаются домой, когда один из посланцев сообщает им, что враг прилагает [все] усилия и имеет желание прорваться вперед»⁵⁶.

В Савоие республиканцы, едва оправившись от первого шока, напрягали все силы, чтобы противостоять контрреволюции. Но и сторонникам короля приходилось спешить. Не дожидаясь окончательной победы над республиканцами, они учредили в Мутье специальный трибунал для суда над своими противниками, а также всеми сторонниками республиканских идей. По мнению наблюдателей, в частности де Местра, это было очевидной и грубой политической ошибкой⁵⁷. Ощущение этой нависающей над ними угрозы удвоило рвение республиканских чиновников, членов якобинских клубов, опасавшихся теперь не только за имущество, но и за жизнь своих семей. В крупных городах департамента — Шамбери, Каруже, Тононе и Жексе отряды национальной гвардии присоединялись к частям регулярной армии. П. Шепи уже в первых числах сентября выражал уверенность, что «стойкость французских солдат» и ранний снег на Альпийских перевалах заставят вскоре пьемонтцев совершить «повторное восхождение на Мон-Сени и Сен-Бернар»⁵⁸. Вместе с тем от парижских властей не скрывалось и плачевное состояние республиканских войск. Отчаянные столкновения с пьемонтскими отрядами начались на границе в середине сентября, где солдаты Альпийской армии находились в ужасном положении, вынужденные спать практически на снегу, страдавшие от усталости и дизентерии. Согласно многочисленным свидетельствам, кровавые бои продолжались в долине Морьенн со стороны Аржантина, Валуара и Вальменье⁵⁹. На фоне некоторых успехов республиканских войск Шепи смело призывал власти в Париже к большей решительности, акцентируя внимание на ненависти жителей соседних департаментов к савойцам: «Пора уже придавить немного этот сволочный департамент, который в момент вторжения, за исключением Каружа, вел себя подло и предательски. Крестьяне Изера испытывают настоящую ярость по отношению к савоярам, поскольку последние дискредитируют ассигнаты». «Я надеюсь, что эта маленькая Вандея разделит судьбу большой», — заявлял он⁶⁰.

Члены Конвента Симон и Дюма, докладывая о столкновении в Морьенн, стоившим республиканцам более сотни убитых, отмечали, что речь уже идет о настоящей гражданской войне с присущими ей фанатизмом и жестокостью. Военные суды немедленно судили и приговаривали к расстрелу крестьян, перешедших на сторону пьемонтской армии и схваченных с оружием в руках. За две недели боев пьемонтские отряды были отеснены к пограничным перевалам. Французы вернулись в Клуз 16 сентября и в Саланш

⁵⁶ Townley C., Sorrel C. Op. cit. P. 201. В этой связи интересно мнение П. Шепи. Агент правительства полагал, что новобранцев из департамента Монблан необходимо сразу переводить в другие регионы, в противном случае они дезертируют в большом числе. Так, 1200 человек отправились из Шамбери в Гренобль, но по дороге 700 человек из них дезертировали (Chépy P. Op. cit. P. 379).

⁵⁷ Цит. по: Nicolas J. La Révolution... P. 223.

⁵⁸ Chépy P. Op. cit. P. 204, 211.

⁵⁹ Nicolas J. La Révolution... P. 223.

⁶⁰ Chépy P. Op. cit. P. 222, 226.

29 сентября, стремительно отвоевывая долины Тарантез и Морьенн⁶¹. Генерал Ф.К. Келлерман 2 октября вошел в Мутье и сумел стремительно продвинуться до Бург-Сен-Мориса. Оставшиеся коммуны обеих долин были освобождены от неприятеля уже на следующий день. Возвращались и символы Республики: в городах и деревнях восстанавливались деревья свободы, открывались местные якобинские клубы и народные общества. Война в Савойе привела к резкой и неизбежной политической радикализации, и программа «патриотов» теперь проводилась в рамках политики террора, провозглашенной 18 сентября в Шамбери представителями в миссии Симоном и Дюма⁶².

Отступление пьемонтцев и наступление французских сил сопровождалось кровавыми расправами, грабежами поселков и бургов, уводом и забоем скота. Один из крестьян коммуны Сен-Жюльен записал в дневнике: «Когда настал ярмарочный день в Сен-Мишеле (29 сентября. — А.М.), французы поднялись в Монтемон, они учинили там дьявольскую резню, выламывали двери, одним словом, грабили. Это было невероятное дело. И все крестьяне, что были начеку, отступили с войсками короля, которые были вместе с ними. И французы продвинулись до горы Варбюш, а крестьяне отступили в Мондени. В Мондени два отряда поднялись в тот же вечер, а на следующий день, в воскресенье, два других отряда. 2 октября пьемонтское войско со всеми крестьянами и всей артиллерией отступили. ... А 1 октября сожгли приход Вальменье, убили множество людей и подобрали всю артиллерию пьемонтцев, которая там была»⁶³. К 12 октября 1793 г. последние части пьемонтских войск отступили через горные перевалы и полностью покинули территорию департамента Монблан⁶⁴.

Таким образом, народный протест в Савойе пережил в 1793 г. две фазы наивысшего подъема — в начале мая и во второй половине августа. При этом очаги восстаний были изначально локальными, что в случае со вспышками в Тон и Анси позволило республиканцам быстро их подавить. Сама природа этого горного края помогала последним. Даже в момент наибольшего успеха сардинских войск крестьяне оставались перед трудным выбором: вести изнурительную партизанскую войну против сил Республики или все же прекратить сопротивление. А отсутствие эмигрировавшей в сентябре—феврале светской и церковной элиты, традиционно обладавшей влиянием, делало почти невозможной выработку ясной социальной программы. Одной роялистской печатной пропаганды было явно недостаточно, чтобы переломить ситуацию. Но трансформация самого народного движения произошла стремительно. С момента наивысшего подъема автономного сопротивления в долине Тон до его общего коллапса в конце сентября протест эволюционировал от традиционного по форме бунта к локальной гражданской войне, в которой крестьяне и население городских коммун сблизилось и достигли хорошего уровня совместной организации, что говорило о стирании противоречий, порожденных реформами 1770-х годов.

Итак, социально-политический кризис в Альпийском регионе не был разрешен, но массовые волнения и военные действия прекратились. Сардинское командование в 1794—1796 гг. более уже не решалось повторять вторжение в Савойю. Крестьянский протест заметно ослабел, после октября 1793 г. каких-либо масштабных волнений не наблюдалось. «Альпийская Вандея» завершилась, и мы можем заключить, что главным фактором ее поражения была трансформация народного протеста, который прошел три стадии: локального подъема, локальной концентрации и общего спада. С гражданской войной савойские крестьяне столкнулись впервые, и расчет королевского правительства на участие в ней сельских масс не вполне оправдался. В то же время в первые месяцы 1793 г. играли роль и противоречия между городом и деревней, которые возникали вокруг вопроса

⁶¹ Ibid. P. 226.

⁶² Nicolas J. La Revolution... P. 223.

⁶³ Féaz J. M. Op. cit. P. 44—45.

⁶⁴ Gichonet P. Les monts en feu... P. 337.

о земельной собственности. Французские республиканские власти хорошо усвоили уроки савойских восстаний, что и предопределило судьбу Савойи на два десятилетия вперед.

Библиография / References

Бондарчук В.С. Итальянское крестьянство в XVIII в.: аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980.

Лу Руа Ладюри Э. История регионов Франции. Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. М., 2005.

Митрофанов А.А. Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации. 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник 2018. Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 78–92.

Bondarchuk V.S. Ital'anskoe krestyanstvo v XVIII veke: agrarnye otnosheniya i social'noe dvizhenie v Sardinskome korolevstve [Italian peasantry in the 18th century: agrarian relations and social movement in the Sardinian kingdom]. Moskva, 1980. (In Russ.)

Le Roy Ladurie E. Istoriya regionov Francii. Periferijnye regiony Francii ot istokov do nashih dnei / perevod s francuzskogo [History of the regions of France. Peripheral regions of France from the origins to the present day]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Mitrofanov A.A. Myatezhnaya Savoija: ot «velikoj fermentacii» do francuzskoj okkupacii. 1791–1792 gg. Po materialam AVPRI [Rebellious Savoy: from the “great fermentation” to the French occupation. 1791–1792. Based on the materials of AVPRI] // Frantsuzskii ezhegodnik 2018. Mezhhkulturnye kontakty v period inostrannoju okkupatsii [French Yearbook 2018. Intercultural contacts during the period of foreign occupation]. Moskva, 2018. S. 78–92. (In Russ.)

Archives parlementaires de 1787 à 1860. Convention nationale. Série I. Paris, 1903. T. 65.

Bianchi N. Storia della Monarchia Piemontese dal 1775 al 1861. Vol III. Torino, 1879.

Bianchi P., Merlotti A. Storia degli Stati sabaudi (1416–1848). Torino, 2017.

Billiet A. Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique du diocèse de Chambéry. Chambéry, 1865.

Broers M. Napoleonic imperialism and the Savoyard monarchy, 1773–1821: state building in Piedmont. Lewiston (N. Y.), 1997.

Burdet A. Palais de l'Isle a Annecy. Annecy, 1894.

Burnod J.-C. l'Extrait de la Relation faite à l'administration du district d'Annecy, séance du 15 mai 1793, an II de la République française, par le procureur-syndic, des troubles qui ont eu lieu dans la vallée de Thônes, et des moyens employés pour les dissiper // *Burdet A.* Palais de l'Isle a Annecy. Annecy, 1894. P. 166–171.

Carron J. La Savoie d'autrefois: insurrection de la vallée de Thônes en 1793 // Mémoires et documents publiés par l'Académie salésienne. Annecy, 1911. T. 34. P. 89–339.

Chépy P. Correspondance de Pierre Chépy avec le ministre des affaires étrangères (mai 1793 – janvier 1794): un agent politique à l'armée des Alpes. Grenoble, 1894.

Croyet J. Albitte. Le Tigre de l'Ain. Bourg-en-Bresse, 2004.

Delpu P.-M., Ribéri M. La Révolution et l'Empire (1792–1814) // Les États de Savoie, du duché à l'unité d'Italie (1416–1861). Paris, 2019. P. 457–513.

Descostes F. Joseph De Maistre pendant la Révolution: Ses débuts diplomatiques, le marquis de Sales et les émigrés, 1789–1797. Tours, 1895.

Dimier L. Histoire de Savoie, des origines à l'annexion. Paris, 1913.

Féaz J. M. Journal d'un paysan de Maurienne. Suivi de Des choses remarquables arrivées à Bessans. Curandera, 1989.

Gichonnet P. La Révolution en Savoie // La Révolution Française vue des deux côtés du Rhin. Aix-Marseille, 1990. P. 227–259.

Gichonnet P. Les monts en feu: la guerre en Faucigny, 1793. Annecy, 1994.

Insurrection de Thônes 1793 // Revue savoisiennne: journal publié par l'Association florimontane d'Annecy : histoire, sciences, arts, industrie, littérature. 6-me année. Paris, 1865. P. 50–51.

Krebs L., Moris H. Campagnes dans les Alpes pendant la Révolution, d'après les archives des états-majors français et austro-sarde. 1792–1793. Paris, 1891.

Lafage F. Le comte Joseph de Maistre (1753–1821). Itineraire intellectuel d'un theologien de la politique. Paris, 1998.

Laverrière J.-P. Un village entre la Révolution et l'Empire: Viry en Savoie, 1792–1815. [S.l.], 1980.

Lavanchy J. Le Diocèse de Genève (partie de Savoie) pendant la Révolution française, par M. l'abbé Jh.-M. Lavanchy. Vol. 1. Annecy, 1894.

Lucas C. Résistances populaires à la Révolution dans le sud-est // Mouvements populaires et conscience sociale. Paris, 1985. P. 473–485.

Magnin C.-M. La guerre de Thônes, d'après les documents les plus authentiques. Annecy, 1879.

Maistre J. de. Oeuvres complètes. Genève, 1884–1886. Vol. 7.

Maistre J. de. Lettres d'un royaliste savoisien à ses compatriotes publiées, pour la première fois, en France d'après l'original, très rare, de l'année 1793. Paris, 1872.

Mazauric C. Autopsie d'un échec, la résistance à l'Anti-Révolution et la défaite de la Contre-Révolution / Les résistances à la Révolution. Actes du Colloque de Rennes. Paris, 1987. P. 237–244.

Nicolas J. Annecy sous la Révolution, 1792–1799 // La Revue Annesci. 1966. № 13. P. 1–148.

Nicolas J. Noblesse et bourgeoisie en Savoie au XVIIIe siècle // Annales historiques de la Révolution française. 1978. № 231. P. 101–108.

Nicolas J. La Révolution Française dans les Alpes, Dauphiné et Savoie. 1789–1799. Toulouse, 1989.

Nicolas J. Reformes et subversions en Savoie (1789–1793) // Dal trono all'albero della libertà. Trasformazioni e continuità istituzionali nei territori del Regno di Sardegna dall'antico regime all'età rivoluzionaria. Atti del convegno tenuto nel 1989. T. I–II. Roma, 1991. P. 445–456.

Roberts J. The counter-revolution in France, 1787–1830. New York, 1990.

Roubeau F. La Frichelette de Thônes. Guerre, mémoire et identité territoriale dans les Aravis de 1793 à l'âge d'internet // Journal of Alpine Research. Revue de géographie alpine. 2016. № 104–1. URL: <https://journals.openedition.org/rga/3229?lang-en> (access date: 25.03.2022).

Sutherland D. The Chouans: The social origins of popular counter-revolution in Upper-Brittany, 1770–1796. Oxford, 1982.

Townley C., Sorrel C. La Savoie, La France et la Révolution: repères et échos 1789–1799. Courandera, 1989.

Vermale F. Les classes rurales en Savoie au XVIIIe siècle. Paris, 1911.

Vermale F. La vente des biens nationaux dans le district de Chambéry. Paris, 1912.

Vermale F. Joseph de Maistre émigré. Chambéry, 1927.

Viglione M. Rivolte dimenticate: le insorgenze degli italiani dalle origini al 1815. Roma, 1999.

DOI: 10.31857/S013038640019933-4

© 2022 г. Д.В. СТЕРХОВ

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ВОЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ПРУССИИ ВО ВРЕМЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 1813 года

Стерхов Дмитрий Владимирович – научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Аннотация. В статье анализируются политические проповеди протестантских пасторов, прочитанные и опубликованные ими во время Освободительной войны 1813 г. против наполеоновской Франции. Именно в этот период в Пруссии фактически была введена всеобщая воинская повинность для мужчин, против врага была объявлена тотальная война с характерной для нее массовой мобилизацией всех слоев населения на защиту Отечества. Цель исследования заключается в том, чтобы продемонстрировать вклад протестантского духовенства в модернизацию прусской военной системы. Исследование базируется на кейс-методе, так как представляет собой анализ взаимодействия религии и политики на конкретном примере Пруссии, а также опирается на ведущиеся в современной исторической науке дискуссии о секуляризации и модернизации. Анализ источников показал, что идея массовой мобилизации продвигалась в Пруссии с помощью религиозной аргументации и символики, а политическая проповедь служила основным инструментом государственно-патриотической пропаганды. Опираясь на цитаты из Библии, прусские пасторы преподносили войну против Наполеона как оправданную, справедливую и священную, так как она велась во имя Бога и общечеловеческих ценностей. Священными объявлялись и ценности национально-патриотического характера, при этом особый упор в проповедях делался на локальный религиозно-династический прусский патриотизм. Через проповеди духовенство поддерживало готовность прусского населения нести материальные жертвы ради спасения Отечества и всего человечества от наполеоновской тирании. Таким образом, военная мобилизация в Пруссии в 1813 г. шла рука об руку с интенсификацией народной религиозности. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что в европейских государствах начала XIX в. модернизация не всегда означала секуляризацию.

Ключевые слова: Пруссия, Наполеоновские войны, протестантизм, религия и политика, проповедь, тотальная война, Освободительные войны.

D.V. Sterkhov

The Protestant Church and Military Mobilisation in Prussia during the Wars of Liberation in 1813

Dmitrii Sterkhov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Abstract. The author analyses the political sermons preached and published by Evangelical pastors during the War of Liberation against Napoleonic France in 1813. The aim of the article is to demonstrate the contribution made by Evangelical clergy to the modernisation of the Prussian military system at the beginning of the nineteenth century. The study is a case study as it analyses

the interaction between religion and politics taking the Kingdom of Prussia as a specific example. An analysis of the sources shows that the idea of mass mobilisation in Prussia was disseminated by means of religious reasoning, with preaching being the key tool of military propaganda. Drawing on biblical quotations, Prussian pastors presented the campaign against Napoleon as just, fair, and holy, as it was being waged in the name of God for the sake of all mankind. German national and patriotic values were also declared sacred and worth dying for, although preachers clearly emphasised local religious and dynastic Prussian patriotism. Through sermons, Prussian pastors encouraged the willingness of the population to make material and immaterial sacrifices to save the Prussian/German Fatherland as well as all mankind from Napoleonic tyranny. Thus, the mass mobilisation in Prussia in 1813 went hand in hand with an increase in religiosity. The author concludes that both religion and the church could make a significant contribution to the modernisation of European states and societies in the early nineteenth century.

Keywords: Prussia, Napoleonic Wars, Protestantism, religion and politics, total war, War of Liberation.

Весной 1813 г. Пруссия в союзе с Россией начинала очередную войну против Наполеона. Война эта была во многих аспектах весьма необычной. Сокрушительное поражение, которое Пруссия потерпела в 1806–1807 гг., заставило прусское правительство начать серию прогрессивных реформ, одной из которых была военная. Ведущие прусские реформаторы, такие как Герхард фон Шарнхорст, Август Нейдхардт фон Гнейзенау и Герман фон Бойен, настаивали на введении всеобщей воинской повинности и организации массовой народной мобилизации против наполеоновского господства, однако их идеи постоянно отвергались нерешительным королем Фридрихом Вильгельмом III. Лишь катастрофа наполеоновской Великой армии в России в 1812 г. и последующее заключение русско-прусского альянса в феврале 1813 г. позволили реализовать идеи военных реформаторов на практике. В ходе войны Шестой коалиции (1813–1814 гг.) впервые в истории Пруссии вводилось нечто похожее на всеобщую воинскую повинность.

Историки сходятся во мнении, что всеобщая воинская повинность для мужчин является продуктом современного общества и государства¹. Впервые она была введена во Франции в годы революции. Французская массовая мобилизация (*levée en masse*) оказалась настолько эффективной, что другие страны Европы, в том числе и Пруссия, со временем были вынуждены модернизировать свои военные структуры для того, чтобы приспособиться к новым методам ведения войны. С этой точки зрения Освободительная война 1813 г. может считаться поворотным моментом в истории Пруссии, так как именно в этот период прусская военная организация была реформирована самым радикальным образом. В феврале 1813 г., еще до официального объявления войны Франции, прусский король Фридрих Вильгельм III издал указ об отмене любых освобождений от воинской службы, тем самым фактически введя в Пруссии всеобщую воинскую повинность². 17 марта 1813 г. был издан указ о создании прусской национальной милиции – Ландвера³. 21 апреля 1813 г. вышел в свет эдикт о формировании Ландштурма, т.е. резервных войск, куда призывалось все мужское население от 17 до 60 лет, не проходившее воинской службы в регулярной армии или Ландвере⁴. Эдикт о создании Ландштурма также предусматривал введение тактики «выжженной земли» в случае вторжения врага на территорию Пруссии, в частности, населению прусских провинций рекомендовалось вытаптывать посевы, забивать скот, засыпать колодцы, сжигать дома и постройки, уничтожать все

¹ Frevert U.A. *Nation in Barracks. Conscription, Military Service and Civil Society in Modern Germany*. Oxford, 2014. P. 9.

² Verordnung über die Aufhebung der bisherigen Exemption von der Kantonpflichtigkeit für die Dauer des Krieges. Vom 9ten Februar 1813 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen-Preußischen Staaten. Berlin, 1813. S. 13–14.

³ Verordnung über die Organisation der Landwehr. Vom 17ten März 1813 // Gesetz-Sammlung... S. 36–37.

⁴ Verordnung über den Landsturm. Vom 21sten April 1813 // Gesetz-Sammlung... S. 79–89.

имеющиеся ресурсы с целью измотать и изнурить противника⁵. Пруссия впервые в своей истории проводила массовую военную мобилизацию, которая, безусловно, не могла обойтись без активной патриотической пропаганды. 17 марта 1813 г., в самый первый день войны, Фридрих Вильгельм III издал знаменитый манифест «К моему народу», в котором он призвал своих подданных выступить на защиту прусского Отечества⁶. Многочисленные правительственные декреты, официальные обращения и прокламации, памфлеты и газетные статьи, патриотические песни и стихи, опубликованные на протяжении 1813 г., неустанно напоминали пруссакам об их обязанности принести все возможные жертвы ради победы над врагом.

Особая роль в организации военной мобилизации и патриотической пропаганды была отведена прусскому протестантскому духовенству. Использование протестантского духовенства в интересах государства стало возможным благодаря тому, что на протяжении XVII–XVIII вв. в прусском королевстве постепенно складывалась особая система территориального управления церковью (*landesherrliches Kirchenregiment*), во главе которой стоял монарх. Такое положение дел позволяло прусским правителям мобилизовать идеологические ресурсы церкви для государственных нужд. Обязанность духовенства проповедовать любовь к королю и Отечеству и поддерживать лояльность населения к власти через проповедь была юридически закреплена в «Общем земском праве для прусских государств» – первом в Пруссии кодифицированном сборнике законов, изданном королем Фридрихом Вильгельмом II в 1794 г.⁷ В рамках системы прусской государственной церкви протестантские священники фактически выступали в роли чиновников, исполняющих обязанности, напрямую не относящиеся к их духовной деятельности (например, зачитывание правительственных декретов с церковного амвона). Первые попытки использовать идеологический потенциал протестантской церкви в широком масштабе относятся к периоду Семилетней войны, в ходе которой прусскими пасторами было прочитано большое количество проповедей, восхвалявших победы Фридриха II Великого над его врагами⁸. К концу XVIII в. проповедь стала одним из доминирующих жанров на прусском литературном рынке. Прусские священники с большой охотой отдавали в печать свои проповеди, в том числе и политического характера. Проповеди могли выходить как в виде отдельных изданий, так и в виде сборников, кроме того, они могли печататься в религиозных журналах, весьма популярных среди грамотной публики. На фоне других литературных жанров проповедь выгодно отличалась тем, что не только печаталась, но и производилась вслух, а значит, ее идеи могли достичь более широкую аудиторию, в том числе неграмотную. Не стоит, однако, умалять значение и печатного слова: огромное количество проповедей, вышедших в свет в Пруссии в начале XIX в., свидетельствует о том, что этот жанр был весьма востребован среди образованных слоев общества. Активное участие духовенства в публицистической деятельности нашло отражение и в конкретных цифрах. К примеру, по данным исследовательницы Карен Хагеманн, священники составляли 29,1% от общего числа политических публицистов в Германии периода Освободительных войн⁹, 44,4% всех производителей повседневной литературы имели теологическое образование¹⁰.

Конфессиональная ситуация в Пруссии в начале XIX в. была достаточно сложной. Основную массу населения составляли лютеране, преимущественно проживавшие

⁵ Ibid. S. 86.

⁶ Schlesische Privilegierte Zeitung. № 34 (20. März 1813).

⁷ Birtsch G. Religions- und Gewissensfreiheit in Preussen von 1780 bis 1817 // Zeitschrift für Historische Forschung. 1984. № 11. S. 201.

⁸ Horn C. Die patriotische Predigt zur Zeit Friedrichs des Großen // Jahrbuch für Brandenburgische Kirchengeschichte. 1924. № 19. P. 78–128.

⁹ Hagemann K. “Männlicher Muth und teutsche Ehre”. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn, 2000. S. 170.

¹⁰ Ibid. S. 167.

в центральных провинциях королевства и в Восточной Пруссии. Небольшой процент населения составляли кальвинисты, к этой деноминации относилась и правящая династия Гогенцоллернов. Отдельное церковное управление имели французские гугеноты, переселившиеся в Бранденбург из Франции в конце XVII в. К религиозным меньшинствам принадлежали католики (Силезия, Польша) и евреи. Конфессиональное многообразие вынуждало прусские власти проводить политику религиозной толерантности. Кроме того, начиная с XVII в. наметилась тенденция к объединению всех трех протестантских конфессий в одну, что в итоге привело к образованию Прусской религиозной унии 1817 г. Стоит отметить, что идеологические и теологические различия между лютеранами и кальвинистами к началу XIX в. практически утратили свое былое значение, по крайней мере в политических вопросах как лютеранские, так и кальвинистские пасторы высказывали примерно одинаковые идеи.

Проблеме участия прусского протестантского духовенства в военной мобилизации 1813 г. уделялось достаточно мало внимания в историографии. Большая часть работ, посвященных этой теме, относится к началу XX в.¹¹ Из более поздних трудов стоит отметить монографию Арли Дж. Хувера, в которой рассматривается патриотическая деятельность немецкого духовенства во время Наполеоновских войн, франко-прусской войны 1870—1871 гг. и Первой мировой войны¹². На сегодняшний момент, однако, единственной полноценной работой, посвященной роли протестантского духовенства в общественно-политической жизни Пруссии, является монография Герхарда Графа «Образ Бога и политика. Исследование религиозности в Пруссии во время Освободительных войн 1813—1815 гг.», вышедшая в свет в 1993 г.¹³ Рассматриваемую тему, однако, можно вписать в более широкий дискурс, касающийся взаимодействия процессов модернизации и секуляризации в начале XIX в. Классическая теория модернизации, сформулированная в западной историографии в 1960—1970-е годы, подчеркивала постепенный упадок значения религии в жизни европейских стран как минимум с середины XVIII в., в результате чего возникло современное секуляризованное и рациональное общество. Сама религия рассматривалась историками-модернистами в качестве архаического реликта, характерного для традиционного общества¹⁴. С начала 1990-х годов начался постепенный пересмотр данных трактовок. Многие авторы, такие как Хайнц Шиллинг¹⁵ или Вольфганг Альтгельд, стали высказывать сомнения относительно «неизбежной секуляризации современного мира»¹⁶. В 2000 г. немецкий историк Олаф Блашке предложил

¹¹ *Bauer J.* Schleiermacher als patriotischer Prediger. Ein Beitrag zur Geschichte der nationalen Erhebung vor hundert Jahren. Gießen, 1908; *Wendland W.* Ludwig Ernst von Borowski, Erzbischof der evangelischen Kirche in Preußen. Ein Beitrag zur Geschichte der ostpreußischen Kirche im Zeitalter der Aufklärung. Königsberg in Preußen, 1910; *Idem.* Gottfried August Ludwig Hanstein als patriotischer Prediger in Berlin // *Jahrbuch für brandenburgische Kirchengeschichte*. 1915. № 12. S. 88—118; *Zscharnack L.* Die Pflege des religiösen Patriotismus durch die evangelische Geistlichkeit 1806—1815 // *Harnack-Ehrung*. Beiträge zur Kirchengeschichte. Ihrem Lehrer Adolf von Harnack zu seinem siebenzigsten Geburtstag (7 Mai 1921) dargebracht von einer Reihe seiner Schüler. Leipzig, 1921. S. 394—423; *Holl K.* Die Bedeutung der großen Kriege für das religiöse und kirchliche Leben innerhalb des deutschen Protestantismus (1917) // *Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte*. III. Der Westen. Tübingen, 1928. S. 302—384.

¹² *Hoover A.J.* The Gospel of Nationalism. German Patriotic Preaching from Napoleon to Versailles. Stuttgart, 1986.

¹³ *Graf G.* Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813—1815. Göttingen, 1993.

¹⁴ *Graf F.W.* Die Nation — von Gott “erfunden”? Kritische Randnotizen zum Theologiebedarf der historischen Nationalismusforschung // “Gott mit uns”. Nation, Religion und Gewalt im 19. und frühen 20. Jahrhundert / hrsg. von G. Krumeich, H. Lehmann. Göttingen, 2000. S. 287—288.

¹⁵ *Schilling H.* Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit // *Nationale und kulturelle Identität*. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit / hrsg. von B. Giesen. Frankfurt am Main, 1991. S. 195.

¹⁶ *Altgeld W.* Katholizismus, Protestantismus, Judentum: über religiös begründete Gegensätze und nationalreligiöse Ideen in der Geschichte des deutschen Nationalismus. Mainz, 1992. S. 20.

новый термин применительно ко всему XIX в. — «второе конфессиональное столетие», по аналогии с «первым конфессиональным столетием»¹⁷, т.е. периодом европейской истории между 1555 и 1648 гг. В своих статьях и монографиях Олаф Блашке неоднократно опровергал традиционный взгляд на постепенный упадок религиозного фактора в XVIII—XIX вв.¹⁸ Идеи Блашке нашли немало сторонников среди других исследователей, в частности, теолог и историк Церкви Фридрих Вильгельм Граф в многочисленных публикациях всячески подчеркивал тесную связь между религией и модернизацией в Новое время¹⁹. К числу наиболее видных противников теории секуляризации также относится британский историк Каллум Дж. Браун. В монографии 2006 г. под названием «Религия и общество в Британии XX века» Браун указывал на то, что, вопреки общепринятому мнению, секуляризация общественно-политической жизни в Великобритании началась не в 1750 г., а стремительно прошла лишь в 1950—1960-е годы²⁰. Применительно к процессам модернизации XVIII—XIX вв. историки и социологи сегодня все чаще говорят о «десекуляризации», «возвращении религии» или «религиозном ренессансе»²¹. В отечественной историографии особое внимание уделялось истории провинции Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн²², а также русско-прусскому сотрудничеству против Наполеона²³, однако вопрос о роли религии в военной мобилизации в Пруссии еще пока не поднимался.

Опираясь на дебаты о секуляризации, данная статья ставит своей целью продемонстрировать вклад протестантского духовенства в модернизацию военной системы Пруссии путем поддержки и пропаганды самой первой в прусской истории массовой мобилизации. Основной тезис исследования можно сформулировать следующим образом: всеобщая воинская повинность в Пруссии базировалась на религиозной аргументации, протестантскому духовенству отводилась ключевая роль в популяризации этой идеи среди населения. В этой связи представляется необходимым рассмотреть основные доводы, с помощью которых прусские священники оправдывали необходимость войны с Наполеоном и мотивировали свою паству принять в ней активное участие.

Во время Освободительных войн протестантская церковь в Пруссии находилась под юрисдикцией Секции культа и общественного образования, входившей в состав прусского министерства внутренних дел. В середине марта 1813 г. руководитель секции Георг Генрих Людвиг Николовиус обратился от имени короля ко всему прусскому духовенству с призывом поддержать правительство в войне с Наполеоном и принять активное участие в военной мобилизации населения²⁴. 21 марта 1813 г. Фридрих Вильгельм III издал указ об организации в Берлине праздничного богослужения, приуроченного к отправлению прусских войск на фронт, таким образом, начало войны с Наполеоном представало в глазах общественности как событие религиозного характера. 28 марта 1813 г. столичными пасторами был организован религиозный праздник, который сопровождался чтением молитв за здоровье прусского короля и его войска, а также патриотических проповедей, цель которых заключалась в том, чтобы морально подготовить население королевства

¹⁷ Blaschke O. Das 19. Jahrhundert: Ein Zweites Konfessionelles Zeitalter? // Geschichte und Gesellschaft. 2000. № 26. S. 38–75.

¹⁸ Blaschke O. Konfession im Konflikt. Deutschland zwischen 1800 und 1970: ein zweites konfessionelles Zeitalter. Göttingen, 2002. S. 13.

¹⁹ Graf F.W. Sakralisierung von Kriegen: Begriffs- und problemgeschichtliche Erwägungen // Heilige Kriege. Religiöse Begründungen militärischer Gewaltanwendung: Judentum, Christentum und Islam im Vergleich / hrsg. von K. Schreiner. München, 2008. S. 1–30.

²⁰ Brown C.J. Religion and Society in Twentieth-Century Britain. London, 2006. P. 11.

²¹ Pollack D. Säkularisierung — ein moderner Mythos? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland. Tübingen, 2012. S. 1.

²² Панченко А.А. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства: Восточная Пруссия в 1806—1813 гг. Калининград, 2007.

²³ Искюль С.Н. Внешняя политика России и германские государства (1801—1812). М., 2007.

²⁴ Nicolovius A. Denkschrift auf Georg Heinrich Ludvig Nicolovius. Bonn, 1841. S. 204—207.

к войне²⁵. В провинциях подобные праздничные богослужения, приуроченные к началу войны, состоялись 11 апреля 1813 г. Самые крупные сражения 1813 г. отмечались по всей Пруссии религиозно-патриотическими праздниками, которые организовывались местным духовенством. Многие проповеди были посвящены битвам при: Мёкерне (5 апреля), Гроссгёршене (2 мая), Бауцене (20–21 мая), Райхенбахе (22 мая), Гросберене (23 августа); на реке Кацбах (26 августа), при Кульме (29–30 августа), Денневице (6 сентября) и под Лейпцигом (16–19 октября). Даже такие не самые значительные события, как осада крепостей Штеттин, Торгау и Виттенберг, служили поводом для чтения патриотических проповедей²⁶. Кроме того, проповедники были обязаны мотивировать мужское боеспособное население вступать в ряды Ландвера и Ландштурма. Пасторы приводили к присяге солдат, освещали оружие и знамена, а некоторые из них, например Кристиан Вильгельм Шпикер из Франкфурта-на-Одере или Карл Август Кёлер из Наумбурга-на-Бобере, добровольно вступали в ряды вооруженных сил в качестве полковых священников, принимали непосредственное участие в сражениях против Наполеона. Многие проповедники активно участвовали в организации Ландштурма и вместе с рядовыми добровольцами учились обращаться с оружием, как это делал, к примеру, 45-летний теолог Фридрих Шлейермахер²⁷. Прусское духовенство организовывало сбор пожертвований, которые шли на вооружение и экипировку бойцов Ландвера, а также содержание детей и жен ушедших на фронт или погибших в бою солдат. Сборы от продаж печатных проповедей также шли на благотворительность. Тем самым прусские проповедники приняли активное участие в финансировании Освободительной войны против наполеоновского господства. По данным исследования Уте Планерт, в течение Освободительных войн через систему церковных пожертвований в Пруссии было собрано около 6,6 млн талеров²⁸.

Несмотря на широкий круг обязанностей, возложенных на протестантское духовенство в условиях военной мобилизации, главная задача пасторов заключалась в чтении проповедей. В рамках данного исследования были изучены 74 проповеди, принадлежавшие перу 21 прусского священника. К числу этих пасторов относятся как известные крупные теологи, проживавшие в больших городах (Фридрих Шлейермахер и Готфрид Ханштайн из Берлина, Рулеманн Фридрих Эйлерт из Потсдама или Людвиг Боровски из Кёнигсберга), так и менее известные священники из маленьких городков и деревень: Томас Тиде из Райхенбаха (Силезия), Филипп Вильгельм Вольф из Цоссена, Людвиг Кэлер из Котбуса, Юстус Фердинанд Шульце из Фюрстенвальде (Бранденбург), Георг Вильгельм Мундт из Деммина (Померания) и др. Большая часть проповедей публиковалась пасторами в виде отдельных изданий. Также проповеди печатались в религиозной периодике, самым известным в Пруссии являлся «Общепользный журнал для проповедников в сельской местности и в маленьких городах», издателем которого был Раймунд Дапп, проповедник из деревушки Кляйн-Шёнебек недалеко от Берлина. «Общепользный журнал» издавался в 1805–1817 гг., всего вышло 8 томов²⁹. Последние тома (7 и 8) были изданы в 1814–1817 гг., они содержали немалое количество проповедей неизвестных священников из разных уголков Пруссии. Благодаря «Общепользному журналу» Даппа прусская и немецкая публика могла познакомиться с проповедями провинциальных и сельских пасторов, которые тем самым получали возможность донести свои идеи

²⁵ Jungklans R. Wie die Ereignisse der Freiheitskriege zu ihrer Zeit in Berlin kirchlich gefeiert worden sind // Jahrbuch für Brandenburgische Kirchengeschichte. 1914. № 11–12. S. 306.

²⁶ Wolf Ph. W. Predigt am Dankfeste wegen Eroberung der Festungen Stettin, Torgau und Wittenberg // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1814. Bd. 7. № 2. S. 61–73.

²⁷ Wolfes M. Öffentlichkeit und Bürgergesellschaft. Friedrich Schleiermachers politische Wirksamkeit. Teil 1. Berlin, 2004. S. 338.

²⁸ Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841. Paderborn, 2007. S. 487.

²⁹ Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten / hrsg. von Raymund Dapp. Bd. 1–8. Berlin; Stettin, 1805–1817.

до широкой общественности. В 1813–1816 гг. выходили в свет и целые сборники проповедей отдельных авторов, одним из самых крупных был труд Кристиана Вильгельма Шпикера «Молитвы, проповеди и речи, прочитанные в поле и дома во время восстания прусского народа против иностранной тирании»³⁰, опубликованный в 1816 г. Сборник содержал 18 проповедей и речей Шпикера, которые он читал в 1813 г., будучи военным полковым священником. Другой крупный сборник был опубликован Готтфридом Августом Ханштайном в 1815 г. под названием «Серьезное время»³¹. Он содержал 20 проповедей, прочитанных Ханштайном в Берлине в 1813–1814 гг. В отличие от многих политических листовок и памфлетов, издававшихся анонимно, проповеди печатались под именами своих авторов, очевидно, что проповедники не опасались прусской цензуры, которая в 1813–1814 гг. была достаточно жесткой и отсеивала немало публицистических сочинений. Вероятно, идеи, содержащиеся в протестантских проповедях, соответствовали идеологическому курсу прусского государства, поэтому легко проходили цензуру.

Проповеди прусских протестантских пасторов можно считать политическими, если пользоваться определением немецкого теолога Мартина Хонеккера, который понимал под политической проповедью «не политизирующую проповедь, т.е. проповедь, которая преследует собственные политические цели, а любую проповедь, в основу которой осознанно заложен тот или иной политический или социальный контекст»³². Проповеди, прочитанные прусскими священниками в 1813 г., были посвящены победам прусских и союзных войск в тех или иных сражениях против Наполеона, а также таким темам, как приведение к присяге бойцов Ландвера, освящение боевых знамен прусской армии, осада и взятие захваченных врагом крепостей и городов, в связи с чем становится очевидным, что социально-политический контекст был неизбежен. Можно выделить три основные цели, которые преследовали священники, читая и публикуя военно-патриотические проповеди. Во-первых, нужно было добиться того, чтобы население королевства ассоциировало себя с теми целями, которые в войне против Наполеона ставило перед собой прусское правительство. Во-вторых, требовалось поддерживать в населении высокий боевой дух и в особенности готовность нести материальные жертвы ради победы над врагом. В-третьих, было необходимо мотивировать мужчин вступать в ряды вооруженных сил и сражаться с противником на поле боя. Таким образом, протестантские проповедники играли ключевую роль в государственно-патриотической пропаганде.

Практически каждый пастор начинал свою проповедь с напоминания о тяжелом поражении Пруссии в войне Четвертой коалиции 1806–1807 гг. Упомянулся в проповедях и Тильзитский мир 1807 г., который рассматривался священниками как унижительный и несправедливый договор, навязанный Пруссии Наполеоном. «Мир нанес нам еще более глубокие раны, чем война» — эту точку зрения, высказанную кёнигсбергским проповедником Иоганном Вильгельмом Эбелем в апреле 1813 г.³³, разделяло все прусское духовенство. Схожую оценку Тильзитскому договору давал и померанский пастор Георг Мундт в проповеди от 11 апреля 1813 г.: «Наступил мир, и мы надеялись, что он станет для нас благословением. Но он оказался еще более пагубным, чем война. Половина нашего Отечества, верные, благодарные, цветущие провинции были отобраны. Враг остался в стране, захватив все наши крепости. Требования, которые он предъявлял нам, становились все более тяжкими, наши повинности все более непосильными»³⁴. Не менее

³⁰ *Spieker C.W.* Gebete, Predigten und Reden: Zur Zeit der Erhebung des Preussischen Volks gegen die Tirannei des Auslandes, im Felde und in der Heimath gehalten. Berlin, 1816.

³¹ *Hanstein G.A.L.* Die ernste Zeit. Magdeburg, 1815.

³² *Honecker M.* Evangelische Christenheit in Politik, Gesellschaft und Staat. Orientierungsversuche. Berlin, 1998. S. 37.

³³ *Ebel J.W.* Die Weisheit von oben her. Königsberg, 1823. S. 250.

³⁴ *Mundt G.W.* Einige Reden und Predigten bei wichtigen Veranlassungen des Krieges gehalten. Zur dankbaren Erinnerung an Deutschlands Errettung und zur Unterstützung der Wittwen und Waisen seiner Erretter. Halle und Berlin, 1816. S. 5.

резко высказывался капеллан Шпикер: «Мы думали, что к нам вернутся спокойствие и мир, но это было спокойствие могил, это был мир рабов»³⁵. Бранденбургский суперинтендант Юстус Фердинанд Шульце приходил в своей проповеди от 28 марта 1813 г. к парадоксальному выводу: война была предпочтительнее миру, так как мир для проповедника ассоциировался с такими понятиями, как «иго», «рабские цепи» и «тирания», в то время как война означала свободу и независимость. Свое обращение к жителям Фюрстенвальде пастор начинал следующими словами: «Сегодня я проповедую вам не мир, а войну, потому что хотеть сейчас мир — значит хотеть плохое и злое, а хотеть войну — означает хотеть хорошее и справедливое»³⁶. Многие прусские пасторы понимали необычность ситуации, когда они, служители религиозного культа, противники насилия, были вынуждены проповедовать войну. Это осознавал и суперинтендант Филипп Вильгельм Вольф, который в проповеди, посвященной приведению к присяге бойцов Ландвера города Цоссен, открыто ставил вопрос: «Я стою перед вами на алтаре любви и мира. Имею ли я право вопреки убеждениям моего сердца вдохновлять вас на войну?» Вольф утвердительно отвечал на свой вопрос: «Да, я имею полное право! Даже сам Иисус, кроткий и смиренный, говорил апостолам незадолго до своей смерти: “А у кого нет, продай одежду свою и купи меч” (Лк.22:36)³⁷. Не забывали проповедники сослаться и на знаменитый 34 стих 10 главы Евангелия от Матфея: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч». Упомянувшийся выше пастор Эбель делал на его основе следующий вывод: «Итак, иногда бывают такие обстоятельства, когда мир является губительным, борьба и война же могут быть спасительными и полезными»³⁸. Опираясь на Священное Писание, проповедники стремились убедить население Пруссии в том, что мир с наполеоновской Францией является губительным и позорным, война с ней — богоугодной и священной.

Первым шагом к войне с Наполеоном стало его поражение в России в 1812 г. В прусской религиозно-патриотической литературе 1813 г. давалась однозначная оценка этому событию: поражение Наполеона в России было делом рук не человека, но Бога, настолько внезапно и неожиданно оно было. Военный проповедник Карл Август Кёлер вопрошал в проповеди от 28 марта 1813 года: «Кто разбил это гордое полумиллионное войско, которое во всем своем великолепии и величии радостно и гордо спешило к уверенной победе?» Кёлер без сомнений отвечал на этот вопрос: «Не люди разбили это войско, но сам Господь»³⁹. В этом же были уверены пасторы Людвиг Боровски, Готтфрид Ханштайн и Фридрих Эренберг, которые утверждали, что Бог наслал на Наполеона своих ангелов — ветер, пламя, мороз, голод и болезни, которые стерли в один миг Великую армию с лица земли⁴⁰. Стало это возможным благодаря религиозности и богобоязненности русского народа, который разбил врага одной лишь верой в помощь Всевышнего. «Тот, кто считал себя непобедимым, разбился об эту скалу твердой воли и был предан Божьему суду, — такую оценку поражению Наполеона в России давал пастор Георг Мундт. — Его армия разбойников была растоптана, почти полностью уничтожена, Россия спасена, началось освобождение нашей страны и всей Европы»⁴¹. Проповедники призывали последовать примеру русского народа и превратить войну с Наполеоном в национально-религиозную.

³⁵ *Spieker C.W.* Op. cit. S. 55.

³⁶ *Schulze J.F.* Predigt am Tage des Ausmarsches der vaterländischen Krieger, den 28ten März 1813 // *Gemeinnütziges Magazin*. Bd. 8. S. 41.

³⁷ *Wolf Ph. W.* Anrede und Gebete bei Einweihung der Landwehr des Teltowschen Kreises. Am Grünen Donnerstage 1813 in Zossen gesprochen // *Gemeinnütziges Magazin*. 1814. Bd. 7. № 1. S. 44.

³⁸ *Ebel J.W.* Op. cit. S. 238.

³⁹ *Köhler K.A.* Welche Pflichten fordert die hochwichtige Zeit von uns? Predigt am Sonntage Lätäre, den 28. März 1813, über Jesaias Kap. 7, 10–16 gehalten und zum Besten der unvermögenden freiwilligen Verteidiger des Vaterlandes dem Drucke übergeben. Berlin, 1813. S. 9.

⁴⁰ *Ehrenberg F.* Das Volk und seine Fürsten, Volkswesen und Volkssinn. Leipzig, 1815. S. 285; *Hanstein G.A.L.* Op. cit. S. 125; *Borowski L.E.* Königsberger patriotische Predigten aus den Jahren 1806 bis 1816 / hrsg. von A. Uckeley. Königsberg in Preußen, 1913. S. 117.

⁴¹ *Mundt G.W.* Op. cit. S. 31.

Как отмечают многие исследователи, в частности Герхард Граф, русская религиозная традиция оказала большое влияние на прусскую протестантскую церковь в период Освободительных войн⁴². Сам король Фридрих Вильгельм III с уважением относился к ритуалам Русской православной церкви и стремился перенести некоторые из них на прусскую почву. Пример России в определенной степени способствовал религиозно-патриотическому подъему в Пруссии в 1813 г.

Конфликт с Наполеоном неизбежно ставил прусских пасторов перед вопросом: какие войны являются несправедливыми, пагубными, а какие — справедливыми, оправданными? Войны, которые вел Наполеон, относились к первой категории. В проповедях Наполеон представлялся как тиран, узурпатор, поработитель и угнетатель народов, «душитель человечества»⁴³, ведомый своими пороками. Проповедники обращались к библейским аллегориям и сравнивали Наполеона с Навуходоносором⁴⁴ или Иродом⁴⁵, ибо точно так же, как и древние тираны, французский император был готов пойти на любые преступления в угоду своим неограниченным амбициям. Захватнические войны, ведомые Наполеоном ради земных, материальных ценностей, изображались в проповедях как предосудительные, недостойные, неугодные Богу. Война против Наполеона, наоборот, преподносилась как справедливая, богоугодная, ибо она велась ради высших, нематериальных ценностей. Прусские священники выделяли две категории таких ценностей: общечеловеческие и национально-патриотические. Бонапарт представлялся не только как враг России или Пруссии, но как враг всей Европы, всего человечества, как «враг любого порядка и любого мира», «всеобщий враг всех наций»⁴⁶. По мнению пастора Филиппа Вольфа, мотивы французского императора были порочны и преступны, он вел войны «из жадности наживы, кровожадности, желания поработить невинные народы»⁴⁷. Капеллан Шпикер проповедовал о войне против «всемирной тирании» Наполеона⁴⁸, в то время как проповедник Фридрих Эренберг утверждал, что конфликт с Францией есть не что иное как «борьба за царство божье, против царства тьмы»⁴⁹. По мнению Георга Мундта, Наполеон хотел «стать правителем и повелителем всего мира, построить свой ужасный трон на развалинах и трупах»⁵⁰. Войну во имя спасения общечеловеческих ценностей — справедливости, порядка, права, свободы — берлинский пастор Готтфрид Ханштайн также считал оправданной и священной⁵¹.

К категории высшего, духовного порядка проповедники относили и национально-патриотические ценности. Война ради свободы и независимости своего народа, своего Отечества преподносилась в проповедях как справедливая, оправданная и даже обязательная для каждого жителя государства. Духовенство исходило из идеи о том, что как границы, так и особенности каждой нации были установлены самим Богом, именно этот божественный порядок был грубо нарушен французами, как утверждал капеллан Шпикер, за что они и были сурово наказаны Господом⁵². Если границы, язык, культура, нравы и обычаи каждой нации даны ей Богом, то их защита автоматически является делом праведным и священным — именно такую мысль внушали прусские пасторы ополченцам Ландвера и Ландштурма, когда приводили их к присяге. Однако о какой нации говорили

⁴² Graf G. Op. cit. S. 12, 17–18.

⁴³ Spieker C.W. Op. cit. S. 101.

⁴⁴ Mundi G.W. Op. cit. S. 3.

⁴⁵ Marheinecke Ph. Predigten, vor verschiedenen Gemeinden zu Berlin gehalten. Berlin, 1814. S. 11.

⁴⁶ Nicolai C.F.F. Rede bei der Eidesleistung des Züllichauschen Landsturms // Gemeinnütziges Magazin... 1814. Bd. 7. № 1. S. 57.

⁴⁷ Wolf Ph. W. Anrede und Gebete... S. 47.

⁴⁸ Spieker C.W. Op. cit. S. 114.

⁴⁹ Ehrenberg F. Op. cit. S. 277.

⁵⁰ Mundi G.W. Op. cit. S. 38.

⁵¹ Hanstein G.A.L. Op. cit. S. 20.

⁵² Spieker C.W. Op. cit. S. 11.

священники – немецкой или прусской? С одной стороны, понятия «немецкий» и «Германия» достаточно часто встречаются в проповедях. В качестве высших ценностей, требующих защиты от врага, выступали немецкий язык⁵³, немецкая кровь⁵⁴, немецкие добродетели, такие как верность, религиозность и честность⁵⁵. Пастор Карл Август Кёлер проповедовал о «священной немецкой земле», попранной врагом, причину же бедственного положения Германии он видел в разобщенности немецкой нации: «Мы называли себя пруссаками, австрийцами, саксонцами и совершенно забыли, что мы немцы, объединенные одним именем, одним языком, одним характером»⁵⁶. Встречается в проповедях и понятие «немецкое Отечество»⁵⁷, что свидетельствует о наличии у прусских пасторов определенных представлений о неких общенемецких национальных ценностях, ради которых ведется война с Наполеоном.

С другой стороны, рассматриваемые проповеди полны отсылок к прусскому локальному патриотизму, коих гораздо больше, чем отсылок к немецкой национальной идее. К примеру, придворный проповедник из бранденбургского Ораниенбурга Иоганн Вильгельм Пфайффер вкладывал двойной смысл в понятие «Отечество»: в широком – это вся Германия, где живут люди, говорящие на одном языке, исповедующие одну (христианскую) религию, обладающие одинаковыми чертами характера; в узком же смысле – это конкретно Пруссия, население которой хоть и является частью немецкой нации, но все же обладает некоторыми специфическими особенностями⁵⁸. Пфайффер призывал сограждан любить в первую очередь свое прусское Отечество, ибо только в нем, а не во всей Германии в целом, пруссаки обладали определенными правами и свободами. В качестве наиболее важных особенностей прусского государственного устройства проповедник выделял справедливость законов, свободу слова и совести. По утверждению Пфайффера, подданные прусского короля были «самыми свободными людьми» во всей Европе⁵⁹. На свободу мысли и слова как исключительную черту прусского государства указывал также и кёнигсбергский пастор Людвиг Эрнст Боровски, который, кроме того, подчеркивал глубокую религиозность пруссаков⁶⁰. Тот же пастор Кёлер, призывавший к единству всех немецких народов, одновременно проповедовал об особенностях пруссаков, выделяя преданность королю и династии в качестве самой яркой черты прусского национального характера⁶¹. Об этом же говорил в своей проповеди 1813 г. придворный проповедник Вильгельм Леонхард Криге, который относил «верность и безоговорочную преданность королю и Отечеству» к отличительной особенности прусской нации⁶². Пасторы обращались и к образам прусских национальных героев, самой главной фигурой здесь, конечно, выступал король Фридрих II Великий, имя которого упоминается практически в каждой патриотической проповеди 1813 г. Неустанные напоминания о победах Фридриха в Семилетней войне были призваны мотивировать солдат Ландвера на новые подвиги во имя славы и величия Пруссии. «Мы – народ Фридриха, под его командованием наши отцы победили всю Европу», – проповедовал пастор Кёлер⁶³. С именем Фридриха Великого священник Людвиг Август Кэлер связывал такие понятия, как «национальная честь»

⁵³ *Mundt G.W.* Op. cit. S. 30.

⁵⁴ *Nicolai C.F.F.* Op. cit. S. 56.

⁵⁵ *Spieker C.W.* Op. cit. S. 75.

⁵⁶ *Köhler K.A.* Op. cit. S. 6.

⁵⁷ *Kriege W.L.* Wann soll unser Glaube groß seyn? Ein Wort für Christen, insonderheit an mein Preussisches Vaterland und die jungen Krieger und Vertheidiger desselben, zur Zeit der Gefahr, in einer Predigt am Sonntage Reminiscere. d. 14ten März d. J. gehalten. Berlin, 1813. S. 20.

⁵⁸ *Pfeiffer J.W.* Erweckung zur Vaterlandsliebe. Eine Rede vor dem Abgang der zur Vertheidigung des Vaterlands eilenden Jünglinge. Berlin, 1813. S. 7.

⁵⁹ *Ibid.* S. 10.

⁶⁰ *Borowski L.E.* Op. cit. S. 115.

⁶¹ *Köhler K.A.* Op. cit. S. 13.

⁶² *Kriege W.L.* Op. cit. S. 4.

⁶³ *Köhler K.A.* Op. cit. S. 13.

и «национальная слава» Пруссии, ради которых жители королевства вновь идут на войну против французов, как это было в годы Семилетней войны⁶⁴. В проповеди от 11 апреля 1813 г. Самуэль Фридрих Штарке говорил о том, что Фридрих II является «собственностью нашего народа и славой нашей страны». По мнению Штарке, Фридрих «прославил имя Пруссии вплоть до конца света»⁶⁵.

Вспоминая о подвигах Фридриха Великого, пасторы не забывали и о действующем короле, Фридрихе Вильгельме III. Тема верности и лояльности подданных по отношению к монарху также являлась одной из основных практически во всех проповедях. Дабы укрепить лояльность пруссаков к главе государства, проповедники создавали картину полного единодушия короля и его подданных, единства трона и народа. Пастор Фридрих Эренберг утверждал: «Король призвал к борьбе, которую так громко требует голос нации»⁶⁶. В этом же духе проповедовал и пастор Мундт в начале апреля 1813 г.: «Будучи верными, благодарными подданными лучшего короля, который любит нас как отец и заботится о нас, мы хотим окружить его трон прочной стеной, мы желаем четко исполнять все его приказы, поддерживать всеми силами любое его распоряжение»⁶⁷. Пруссия в проповедях зачастую изображалась как одна большая семья, которой управляет мудрый и любящий король-отец. Проповедник Карл Николаи приравнивал нежелание сражаться за Отечество и короля не просто к предательству и измене, а к отцеубийству⁶⁸. Пастор Шпикер исключал любую возможность предательства со стороны пруссаков по отношению к монарху и проповедовал весной 1813 г.: «Самым тесным образом мы связаны с нашим королем. Он наш отец, он доверяет нам, поэтому мы хотим сражаться за него до последнего удара пульса»⁶⁹. С подобным призывом обращался к своей пастве и проповедник Штарке: «Объединитесь вокруг вашего короля, вашего исконного, доброго и благочестивого правителя! Его дело — это наше дело. Сражаясь за него, вы сражаетесь за самих себя»⁷⁰. Как отмечал историк Отто Данн, в годы Освободительных войн в немецких государствах, в частности в Пруссии, сложился устойчивый миф о единстве правителя и народа как основе нации⁷¹. Очевидно, что протестантское духовенство внесло немалый вклад в формирование этого мифа. Необходимо лишь подчеркнуть, что в данном случае под «нацией» и «Отечеством» понималась не вся Германия, а именно Пруссия. Как можно было убедиться, в проповедях прусских пасторов нашел свое отражение некий синтез немецкой национальной идеи и прусского локального религиозно-монархического патриотизма с явным доминированием последнего.

Как уже упоминалось выше, прусские пасторы преподносили войну против Наполеона как богоугодную и священную, т.е. обязательную для каждого христианина. Немецкий историк Ганс-Кристоф Краузе в своей статье 2008 г., посвященной революционным и наполеоновским войнам, утверждал, что их действительно можно рассматривать в качестве священных, но не в прямом, а в переносном смысле. Под «священными» войнами Краузе понимал такие конфликты, которые велись ради некой высшей ценности, необязательно религиозной по своей сути, но обязательно универсальной и признаваемой всеми. Краузе полагал, что такой ценностью в войнах 1792–1815 гг. являлась свобода, как бы она ни

⁶⁴ Kähler L.A. Geschichte von Kottbuß, während der Jahre 1813–1814, nebst einer Auswahl in dieser Zeit über die politischen Ereignisse gehalten Predigten. Kottbuß, 1814. S. 148.

⁶⁵ Starke S.F. Gott ist den glaubenden Völkern nahe, und der Vertrauenden Schutz und Hilfe. Predigt, am Sonntage Palmarum, den 11ten April 1813 gehalten von dem jüngeren Oberprediger Starke zu Driesen. Berlin, 1813. S. 9.

⁶⁶ Ehrenberg F. Op. cit. S. 265.

⁶⁷ Mundt G.W. Op. cit. S. 11.

⁶⁸ Nicolai C.F.F. Op. cit. S. 52.

⁶⁹ Spieker C.W. Op. cit. S. 109.

⁷⁰ Starke S.F. Op. cit. S. 12.

⁷¹ Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770–1990. München, 1994. S. 71.

понималась, — политическая или национальная⁷². В своих умозаключениях Краузе опирался на светских публицистов и писателей, однако можно сказать, что проповеди протестантских пасторов также подтверждают его концепцию. Прусские священники имели четкое представление о свободе как высшей ценности, ради которой ведется война против Бонапарта, будь это свобода всего человечества от наполеоновской тирании, будь это национальная свобода Пруссии/Германии. В этом духе, к примеру, проповедовал весной 1813 г. пастор Карл Август Кёлер: «Любая война за независимость — это священная война, которую мы, будучи христианами, должны вести мужественно и доблестно, чтобы вернуть нашу главную святыню — свободу»⁷³. Войну «ради неограниченной свободы» считал священной и берлинский проповедник Готтфрид Ханштайн⁷⁴. Кёнигсбергский пастор Иоганн Вильгельм Эбель считал священной войной ту, которая велась ради таких целей, как «свобода совести», «свобода мысли», «независимость от иноземного деспотизма» и «неотъемлемые человеческие права»⁷⁵. Еще дальше шел капеллан Шпикер, который объявлял войну против Наполеона освободительным крестовым походом во имя независимости Пруссии и всей Европы⁷⁶. Чтобы сделать концепцию священной войны более убедительной и приемлемой для населения Пруссии, пасторы пытались найти исторические аналоги, которые должны были служить вдохновляющим примером для пруссаков. Так, Георг Мундт считал справедливой войной конфликт израильского царя Давида с аммонитянами, более того, померанский проповедник полагал, что именно в этот период появилось первое в истории народное ополчение⁷⁷. К ветхозаветным временам отсылал пруссаков и Готтфрид Ханштайн, который утверждал, что война царя Давида с его мятежным сыном Авессаломом также была священной⁷⁸. В проповедях можно найти отсылки и к другим историческим деятелям, которые также вели священные, богоугодные войны (Мартин Лютер, Густав II Адольф)⁷⁹. Даже Фридрих II Великий, известный своим безразличием к религии, граничащим с атеизмом, преподносился в проповедях как истинный христианин, чьи войны велись во имя религии, Бога и свободы Пруссии⁸⁰.

Центральное место в концепте священной войны занимал Бог. Всевышний представлялся на страницах проповедей не просто как самостоятельная личность, но как воин, предводитель небесного воинства, не случайно прусские проповедники нередко именовали Господа титулом Саваоф⁸¹, намекая на его воинственность. В трактовке пасторов Бог выступал как инициатор войны против Наполеона и как предводитель всех антинаполеоновских сил, к которым должны были примкнуть и пруссаки. Господь внимательно наблюдал за тем, как Пруссия вооружается и готовится к войне против Франции, а также незримо присутствовал во время приведения к присяге бойцов Ландвера и Ландштурма, о чем пасторы неустанно напоминали последним. Прусским солдатам были обещаны и посмертное воздаяние в случае героической гибели на поле боя, и вечные муки ада в случае нарушения данной ими присяги⁸². Представление о том, что Господь лично сражается на стороне пруссаков, также нашло свое выражение в популярных формулах, кочующих

⁷² Krause H.-C. *Freiheitskriege als heilige Kriege. 1792–1815 // Heilige Kriege. Religiöse Begründungen militärischer Gewaltanwendung: Judentum, Christentum und Islam im Vergleich / hrsg. von K. Schreiner. München, 2008. S. 196–197.*

⁷³ Köhler K.A. *Op. cit.* S. 12.

⁷⁴ Hanstein G.L.A. *Op. cit.* S. 20.

⁷⁵ Ebel J.W. *Op. cit.* S. 246.

⁷⁶ Spieker C.W. *Op. cit.* S. 63.

⁷⁷ Mundt G.W. *Op. cit.* S. 15.

⁷⁸ Hanstein G.A.L. *Op. cit.* S. 18.

⁷⁹ *Gemeinnütziges Magazin...* 1814. Bd. 7. № 2. S. 37.

⁸⁰ Tiede T. *Zwei Predigten. Heidelberg, 1814. S. 18.*

⁸¹ Borowski L.E. *Op. cit.* S. 117; Tiede T. *Op. cit.* S. 7.

⁸² Kohli J. *Anrede an die Landsturm-Mannschaft des Tammendorfer Bezirkes vor der Vereidigung derselben // Gemeinnütziges Magazin...* Bd. 7. № 2. S. 34.

из проповеди в проповедь, к примеру, таких как «С нами Бог»⁸³, «С Богом за короля и Отечество»⁸⁴, «С Богом мы великое свершим»⁸⁵. Непрерывная связь пруссаков с Господом находила свое выражение и в различных символических действиях, таких как регулярное посещение церкви, чтение молитв, организация дней покаяния и религиозных богослужений в честь одержанных над врагом побед. Религиозность объявлялась национальной чертой пруссаков, в то время как французы изображались в проповедях безбожниками и богохульниками⁸⁶. Подчеркивая связь Пруссии с Богом, капеллан Карл Август Кёлер обращался к прусским солдатам весной 1813 г. со следующими словами: «В суматохе войны не забывайте о великом Боге. Пусть мысль о Нем ведет вас в бой, пусть ваши уста восхваляют Его, когда вы одержите победу над врагом, ибо только Господь дает победу. Перед тем, как ввязаться в бой, наши отцы всегда проводили богослужения; святой библейский текст, духовная песня под открытым небом вдохновляла их, наполняла их душу мужеством и придавала сил для свершения великих и благородных поступков. Не нарушайте этой прекрасной богоугодной традиции, и тогда вы будете непобедимы»⁸⁷. Военная мобилизация в Пруссии в 1813 г., таким образом, шла рука об руку с интенсификацией религиозности, которая поддерживалась государством через проповеди протестантских пасторов.

Священная война означала, что от населения Пруссии требовалась постоянная готовность нести жертвы во имя победы. Более того, в проповедях даже можно наблюдать некоторые элементы тотальной, экзистенциальной войны ради выживания политического коллектива. В историографии эпоха Революционных и Наполеоновских войн зачастую рассматривается как первый в истории человечества опыт тотальной войны. Эта концепция была впервые сформулирована американским историком Дэвидом Беллом⁸⁸, ее придерживаются такие авторы, как Марк Хьюитсон⁸⁹ и Карен Хагеманн⁹⁰. Немецкий военный историк Дирк Вальтер также полагает, что в 1813 г. Пруссия как никогда до этого была близка к тотальной, абсолютной войне⁹¹. Прусское протестантское духовенство можно вполне обоснованно считать главным пропагандистом такой войны. Многими пасторами позитивно оценивался опыт испанцев, тирольцев и русских, которые применяли тактику выжженной земли с целью изнурить противника: «благородные жители Тироля поставили все на карту ради короля и Отечества, мужественные верные испанцы предпочли превратить свою страну в пустыню, чем заключить с врагом позорный мир и признать чужеземца своим правителем, великая русская нация предпочла разрушить тысячи деревень и поджечь старинный знаменитый город царей, но тем самым удалось выгнать врага из страны. Смотрите на эти примеры и следуйте им, потому что отставать от этих народов было бы для нас стыдно и позорно»⁹². Так проповедовал в марте 1813 г. Карл Август Кёлер. Следовать тактике выжженной земли по примеру испанцев и русских призывал также пастор Кристиан Вильгельм Шпикер⁹³. Позитивно проповедниками оценивалось введение всеобщей воинской повинности, чего еще с 1806 г. добивались прус-

⁸³ *Schulze J.F.* Op. cit. S. 46.

⁸⁴ *Ebel J.W.* Op. cit. S. 258.

⁸⁵ *Tiede T.* Op. cit. S. 7.

⁸⁶ *Mundi G.W.* Op. cit. S. 21.

⁸⁷ *Köhler K.A.* Op. cit. S. 15.

⁸⁸ *Bell D.* *The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know it.* Boston, 2007. P. 9.

⁸⁹ *Hewitson M.* *Absolute War. Violence and Mass Warfare in the German Lands, 1792–1820.* Oxford, 2017. P. 246.

⁹⁰ *Hagemann K.* *Umkämpftes Gedächtnis. Die Antinapoleonischen Kriege in der deutschen Erinnerung.* Paderborn, 2019. S. 11.

⁹¹ *Walter D.* Meeting the French challenge. Conscription in Prussia, 1807–1815 // *Conscription in the Napoleonic Era. A Revolution in Military Affairs?* / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. New York, 2009. P. 38.

⁹² *Köhler K.A.* Op. cit. S. 7.

⁹³ *Spieker C.W.* Op. cit. S. 127.

ские военные реформаторы. Ярким сторонником всенародной мобилизации был теолог Фридрих Шлейермахер, который в проповеди от 28 марта 1813 г. высказывал свое удовлетворение относительно того, что благодаря организации Ландвера пропасть, отделявшая армию и общество, наконец была преодолена. Знаменитый теолог заключал: «Каждый имеет право проявить свое мужество, каждый должен уметь пользоваться оружием»⁹⁴. В этом же смысле проповедовал пастор Филипп Вильгельм Вольф: «Страна в опасности. Страна должна защищаться. Ландвер должен быть! Мы должны продать нашу одежду, чтобы купить мечи. Каждый, кому позволяют возраст и силы и чье присутствие не столь необходимо дома, обязан отправиться на войну для спасения и избавления Отечества!»⁹⁵. Прусские пасторы своими проповедями активно поддерживали массовую мобилизацию всего боеспособного мужского населения, при этом, в отличие от французской концепции *leveé en masse*, она шла под религиозными и монархическими лозунгами.

Мобилизация касалась не только тех, кто отправлялся на фронт, но и тех, кто оставался дома. Для финансирования войны против Наполеона требовались дополнительные средства, поэтому через проповедников государство обращалось к населению с требованием жертвовать деньги, украшения и прочие материальные блага ради общего дела. По этой причине в проповедях часто звучали призывы приносить посильные и непосильные жертвы во имя спасения Отечества. Пастор Карл Август Кёлер обращался к своим согражданам с безапелляционным требованием: «Отдавайте все свои ценности, какие у вас только остались. Сейчас не время проявлять тщеславие и обвешивать себя драгоценностями, более того, носить украшения, в которых так нуждается Отечество, — это стыд и позор»⁹⁶. Пастор Иоганн Вильгельм Эбель призывал жителей Кёнигсберга в апреле 1813 г.: «Приносите добровольно и с радостью большие жертвы. Отрекийтесь от тщеславия, роскоши, дорогостоящих увеселений, которые и без того портят душу; задумайтесь над тем, что настоящее украшение человека состоит не в золотых подвесках и дорогих платьях, ибо вечной жизни мы достигнем лишь в том случае, если будем опираться на дух, а не на плоть»⁹⁷. Пасторы не стеснялись переходить и к угрозам, как, например, это делал проповедник Людвиг Август Кёлер из Котбуса, который утверждал: «Кто ценит золото превыше всего, тот пусть оберегает его как зеницу ока, но пусть тогда такой человек потеряет всякие права на защиту и пусть не смеет больше никогда называть себя гражданином Отечества!»⁹⁸.

По сути прусские пасторы требовали превращения королевства в единый военный лагерь, в котором каждый чем-то жертвует ради спасения политического коллектива — жизнью или имуществом, в связи с чем можно утверждать, что по крайней мере в данном аспекте духовенство проповедовало тотальную войну. Именно такую картину описывал в одной из проповедей Кристиан Вильгельм Шпикер летом 1813 г.: «Крестьянин бросает свой плуг, ремесленник — мастерскую, художник — свои тихие, мирные покои, судья — судебное заседание, учитель — свою кафедру, ученик — лекционный зал. Все воспылали страстной любовью к Отечеству, живут и трудятся только ради его блага»⁹⁹. Всеобщая мобилизация при этом касалась не только прусских мужчин, но и женщин. К примеру, силезский пастор Томас Тиде так описывал ситуацию в провинции накануне и после сражения под Лейпцигом в октябре 1813 г.: «Наши жены и дочери основывают патриотические объединения, жертвуют свои драгоценности, серьги, обручальные кольца, ожерелья и памятные безделушки; они вяжут носки, изготавливают бинты, работают в лазаретах, ухаживают за ранеными и больными. Охваченные энтузиазмом, они отрекаются от

⁹⁴ *Schleiermacher F.* Am 28sten März 1813 // Friedrich Schleiermacher's literarischer Nachlaß. Predigten. Bd. 4. Berlin, 1837. S. 44.

⁹⁵ *Wolf Ph. W.* Anrede und Gebete... S. 46.

⁹⁶ *Köhler K.A.* Op. cit. S. 10.

⁹⁷ *Ebel J.W.S.* Op. cit. S. 256.

⁹⁸ *Kähler L.A.* Op. cit. S. 178.

⁹⁹ *Spieker C.W.* Op. cit. S. 80.

своего имени и своего пола, передеваются в мужскую униформу и берутся за оружие»¹⁰⁰. Через проповеди, таким образом, пропагандировалась подлинно всенародная, национальная, тотальная война против Наполеона, в которой участвовали все слои населения Пруссии, независимо от социального происхождения и пола.

Достаточно трудно оценить влияние патриотических проповедей на прусское общественное мнение. В данном случае в распоряжении имеются лишь косвенные свидетельства. Можно предположить, что активная публицистическая деятельность протестантского духовенства, его участие в организации многочисленных религиозно-патриотических праздников, деятельности Ландштурма и Ландвера не могли пройти бесследно. Религиозная аргументация активно заимствовалась светскими авторами, самым ярким примером, без сомнений, может служить публицистика Эрнста Морица Арндта¹⁰¹, христианские мотивы звучат и в патриотической лирике¹⁰². Религиозно-патриотическая мобилизация, судя по всему, была расценена прусским правительством как удачная, так как она была распространена в том числе и на военные кампании 1814–1815 гг. Праздничные богослужения устраивались в честь взятия Парижа в 1814 г. и окончательной победы над Наполеоном в битве при Ватерлоо в 1815 г., в июле 1816 г. был организован День поминовения павших в сражениях прусских солдат, который также отмечался в религиозном духе и сопровождался чтением патриотических проповедей¹⁰³. Влияние протестантского духовенства на общественно-политическую жизнь резко возросло, многие священники были награждены медалями, орденами, высокими должностями, а наиболее видным проповедникам Фридрих Вильгельм III даже предоставил нехарактерные для протестантизма титулы епископов и архиепископов¹⁰⁴. Освободительные войны во многом ускорили процесс объединения лютеранской и кальвинистской конфессий, в результате чего в 1817 г. возникла унифицированная прусская государственная церковь¹⁰⁵. Протестантское духовенство вновь мобилизовалось прусским государством во время войны с Австрией в 1866 г.¹⁰⁶ и Францией в 1870–1871 гг.¹⁰⁷ Наконец, в годы Первой мировой войны возникло особо агрессивное течение протестантизма, которое было охвачено идеями борьбы и военного противостояния¹⁰⁸. Корни этого «военного протестантизма» без сомнений уходят в эпоху Освободительных войн. В 1813 г. Пруссия получила бесценный опыт организации военно-патриотической мобилизации населения, который применялся на протяжении всего XIX в., и протестантское духовенство сыграло важную роль в этом процессе.

Пример массовой мобилизации в Пруссии во время Освободительной войны 1813 г. наглядно демонстрирует важность религиозной риторики для легитимизации военных конфликтов в Европе в начале XIX в. Идея всеобщей воинской повинности, современная по своей сути, популяризовалась в Пруссии с помощью традиционной патриотической

¹⁰⁰ Tiede T. Op. cit. S. 17.

¹⁰¹ Ott G. Ernst Moritz Arndt. Religion, Christentum und Kirche in der Entwicklung des deutschen Publizisten und Patrioten. Düsseldorf, 1966. P. 197–229.

¹⁰² Zimmer H. Auf dem Altar des Vaterlandes. Religion und Patriotismus in der deutschen Kriegsliryk des 19. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1971.

¹⁰³ Jungklans R. Op. cit. S. 327.

¹⁰⁴ Bigler R.M. The Rise of Political Protestantism in Nineteenth Century Germany: The Awakening of Political Consciousness and the Beginning of Political Activity in the Protestant Clergy of Pre-March Prussia // Church History. 1965. № 34. P. 434.

¹⁰⁵ Evangelische Kirche der preußischen Union 1817–2003: ein Bild- und Textband / hrsg. von I. Gundermann, D. Meyer, H. Sander, C. Drese. Berlin, 2013. S. 11.

¹⁰⁶ Besier G. Preussische Kirchenpolitik in der Bismarckära. Die Diskussion in Staat und Evangelischer Kirche um eine Neuordnung der kirchlichen Verhältnisse Preußens. Berlin, 1980. S. 43–44.

¹⁰⁷ Braun H.-J. Die Haltung der christlichen Kirchen zum Krieg, dargestellt am Beispiel rheinischer Diözesen und Landeskirchen. Ein Vergleich // Die Kirchen in den deutsch-französischen Beziehungen. Vom Alten Reich bis zur Gegenwart / hrsg. von A. Linsenmann, I. DINGEL. Göttingen, 2018. S. 79–80.

¹⁰⁸ Bergen D.L. “War Protestantism” in Germany, 1914–1945 // Nationalprotestantische Mentalitäten. Konturen, Entwicklungslinien und Umbrüche eines Weltbildes / hrsg. von M. Gailus, H. Lehmann. Göttingen, 2005. S. 115.

и религиозной пропаганды, и проповедь являлась одним из ее ключевых инструментов. Через проповедь протестантские пасторы формировали в сознании пруссаков образ «нации с оружием в руках», подводя тем самым к введению всеобщей воинской повинности на общегосударственном уровне. Тем самым протестантское духовенство внесло немалый вклад в модернизацию как военной, так и социально-политической системы Пруссии, и этот модернизационный эффект длился как минимум до революции 1848–1849 гг.¹⁰⁹ и даже дольше. Олаф Блашке, Фридрих Вильгельм Граф, Каллум Дж. Браун и другие уже упоминавшиеся историки и социологи, вероятнее всего, правы, высказывая предположение о том, что секуляризация в Европе началась позднее XIX в. В некоторых регионах Европы, включая северо-восток (Пруссия), модернизация не обязательно означала секуляризацию. Применительно к массовой военной мобилизации можно скорее говорить, что модернизация шла рука об руку с интенсификацией религиозности.

Библиография / References

- Искюль С.Н.* Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007.
- Панченко А.А.* От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства: Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Калининград, 2007.
- Iskjul' S.N.* Vneshnjaja politika Rossii i germanskije gosudarstva (1801–1812) [Russian foreign policy and German states (1801–1812)]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Panchenko A.A.* От “neschastlivoj vojny” k osvobozhdeniju ot napoleonovskogo gospodstva: Vostochnaja Prussija v 1806–1813 gg [From the “unfortunate war” to the Liberation from Napoleonic predominance: Eastern Prussia in 1806–1813]. Kaliningrad, 2007. (In Russ.)
- Altgeld W.* Katholizismus, Protestantismus, Judentum: über religiös begründete Gegensätze und nationalreligiöse Ideen in der Geschichte des deutschen Nationalismus. Mainz, 1992.
- Bauer J.* Schleiermacher als patriotischer Prediger. Ein Beitrag zur Geschichte der nationalen Erhebung vor hundert Jahren. Gießen, 1908.
- Bell D.* The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know it. Boston, 2007.
- Bergen D.L.* “War Protestantism” in Germany, 1914–1945 // Nationalprotestantische Mentalitäten. Konturen, Entwicklungslinien und Umbrüche eines Weltbildes / hrsg. von M. Gailus, und H. Lehmann. Göttingen, 2005. P. 115–131.
- Besier G.* Preussische Kirchenpolitik in der Bismarckära. Die Diskussion in Staat und Evangelischer Kirche um eine Neuordnung der kirchlichen Verhältnisse Preußens. Berlin, 1980.
- Bigler R.M.* The Rise of Political Protestantism in Nineteenth Century Germany: The Awakening of Political Consciousness and the Beginning of Political Activity in the Protestant Clergy of Pre-March Prussia // Church History. 1965. № 34. P. 423–444.
- Birtsch G.* Religions- und Gewissensfreiheit in Preussen von 1780 bis 1817 // Zeitschrift für Historische Forschung. 1984. № 11. S. 177–204.
- Blaschke O.* Das 19. Jahrhundert: Ein Zweites Konfessionelles Zeitalter? // Geschichte und Gesellschaft. 2000. № 26. S. 38–75.
- Blaschke O.* Konfession im Konflikt. Deutschland zwischen 1800 und 1970: ein zweites konfessionelles Zeitalter. Göttingen, 2002.
- Borowski L.E.* Königsberger patriotische Predigten aus den Jahren 1806 bis 1816 / hrsg. von A. Uckeley. Königsberg in Preußen, 1913.
- Braun H.-J.* Die Haltung der christlichen Kirchen zum Krieg, dargestellt am Beispiel rheinischer Diözesen und Landeskirchen. Ein Vergleich // Die Kirchen in den deutsch-französischen Beziehungen. Vom Alten Reich bis zur Gegenwart / hrsg. von A. Linsenmann, und I. Dingel. Göttingen, 2018. S. 73–96.
- Brown C.J.* Religion and Society in Twentieth-Century Britain. London, 2006.
- Dann O.* Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770–1990. München, 1994.
- Ebel J.W.* Die Weisheit von oben her. Königsberg, 1823.
- Ehrenberg F.* Das Volk und seine Fürsten, Volkswesen und Volkssinn. Leipzig, 1815.
- Evangelische Kirche der preußischen Union 1817–2003: ein Bild- und Textband / hrsg. von I. Gundermann, D. Meyer, H. Sander, C. Drese. Berlin, 2013.
- Frevert U.A.* Nation in Barracks. Conscription, Military Service and Civil Society in Modern Germany. Oxford, 2014.

¹⁰⁹ *Hartwig W.* Die Kirchen in der Revolution 1848/49. Religiös-politische Mobilisierung und Parteibildung // Revolution in Deutschland und Europa 1848/49 / hrsg. von W. Hartwig. Göttingen, 1998. S. 88.

Graf F.W. Die Nation – von Gott “erfunden”? Kritische Randnotizen zum Theologiebedarf der historischen Nationalismusforschung // “Gott mit uns”. Nation, Religion und Gewalt im 19. und frühen 20. Jahrhundert / hrsg. von G. Krumeich, H. Lehmann. Göttingen, 2000. S. 285–317.

Graf F.W. Sakralisierung von Kriegen: Begriffs- und problemgeschichtliche Erwägungen // Heilige Kriege. Religiöse Begründungen militärischer Gewaltanwendung: Judentum, Christentum und Islam im Vergleich / hrsg. von K. Schreiner. München, 2008. S. 1–30.

Graf G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813–1815. Göttingen, 1993.

Hagemann K. “Männlicher Muth und teutsche Ehre”. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn, 2000.

Hagemann K. Umkämpftes Gedächtnis. Die Antinapoleonischen Kriege in der deutschen Erinnerung. Paderborn, 2019.

Hanstein G.A.L. Die ernste Zeit. Magdeburg, 1815.

Hartwig W. Die Kirchen in der Revolution 1848/49. Religiös-politische Mobilisierung und Parteibildung // Revolution in Deutschland und Europa 1848/49 / hrsg. von W. Hartwig. Göttingen, 1998. S. 79–108.

Hewitson M. Absolute War. Violence and Mass Warfare in the German Lands, 1792–1820. Oxford, 2017.

Holl K. Die Bedeutung der großen Kriege für das religiöse und kirchliche Leben innerhalb des deutschen Protestantismus (1917) // Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. III. Der Westen. Tübingen, 1928. S. 302–384.

Honecker M. Evangelische Christenheit in Politik, Gesellschaft und Staat. Orientierungsversuche. Berlin, 1998.

Hoover A.J. The Gospel of Nationalism. German Patriotic Preaching from Napoleon to Versailles. Stuttgart, 1986.

Horn C. Die patriotische Predigt zur Zeit Friedrichs des Großen // Jahrbuch für Brandenburgische Kirchengeschichte. 1924. № 19. P. 78–128.

Jungklans R. Wie die Ereignisse der Freiheitskriege zu ihrer Zeit in Berlin kirchlich gefeiert worden sind // Jahrbuch für Brandenburgische Kirchengeschichte. 1914. № 11–12. S. 304–330.

Kähler L.A. Geschichte von Kottbuß, während der Jahre 1813–1814, nebst einer Auswahl in dieser Zeit über die politischen Ereignisse gehaltenen Predigten. Kottbuß, 1814.

Köhler K.A. Welche Pflichten fordert die hochwichtige Zeit von uns? Predigt am Sonntage Lätäre, den 28. März 1813, über Jesaias Kap. 7, 10–16 gehalten und zum Besten der unvermögenden freiwilligen Vertheidiger des Vaterlandes dem Drucke übergeben. Berlin, 1813.

Kohli J. Anrede an die Landsturm-Mannschaft des Tammendorfer Bezirkes vor der Vertheidigung derselben // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1814. Bd. 7. № 2. S. 30–34.

Krause H.-C. Freiheitskriege als heilige Kriege. 1792–1815 // Heilige Kriege. Religiöse Begründungen militärischer Gewaltanwendung: Judentum, Christentum und Islam im Vergleich / hrsg. von K. Schreiner. München, 2008. S. 193–218.

Kriege W.L. Wann soll unser Glaube groß seyn? Ein Wort für Christen, insonderheit an mein Preussisches Vaterland und die jungen Krieger und Vertheidiger desselben, zur Zeit der Gefahr, in einer Predigt am Sonntage Reminiscere. d. 14ten März d. J. gehalten. Berlin, 1813.

Marheinecke Ph. Predigten, vor verschiedenen Gemeinden zu Berlin gehalten. Berlin, 1814.

Mundt G.W. Einige Reden und Predigten bei wichtigen Veranlassungen des Krieges gehalten. Zur dankbaren Erinnerung an Deutschlands Errettung und zur Unterstützung der Wittwen und Waisen seiner Erretter. Halle und Berlin, 1816.

Nicolai C.F.F. Rede bei der Eidesleistung des Züllichauschen Landsturms // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1814. Bd. 7. № 1. S. 51–57.

Nicolovius A. Denkschrift auf Georg Heinrich Ludwig Nicolovius. Bonn, 1841.

Ott G. Ernst Moritz Arndt. Religion, Christentum und Kirche in der Entwicklung des deutschen Publizisten und Patrioten. Düsseldorf, 1966.

Pfeiffer J.W. Erweckung zur Vaterlandsliebe. Eine Rede vor dem Abgang der zur Vertheidigung des Vaterlands eilenden Jünglinge. Berlin, 1813.

Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841. Paderborn, 2007.

Pollack D. Säkularisierung – ein moderner Mythos? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland. Tübingen, 2012.

Schilling H. Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit // Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit / hrsg. von B. Giesen. Frankfurt am Main, 1991. S. 192–252.

Schleiermacher F. Am 28sten März 1813 // Friedrich Schleiermacher's literarischer Nachlaß. Predigten. Band 4. Berlin, 1837. S. 37–50.

Schulze J.F. Predigt am Tage des Ausmarsches der vaterländischen Krieger, den 28ten März 1813 // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1817. Bd. 8. S. 38–49.

Spieker C.W. Gebete, Predigten und Reden: Zur Zeit der Erhebung des Preussischen Volks gegen die Tirannei des Auslandes, im Felde und in der Heimath gehalten. Berlin, 1816.

Starke S.F. Gott ist den glaubenden Völkern nahe, und der Vertrauenden Schutz und Hilfe. Predigt, am Sonntage Palmorum, den 11ten April 1813 gehalten von dem jüngeren Oberprediger Starke zu Driesen. Berlin, 1813.

Tiede T. Zwei Predigten. Heidelberg, 1814.

Walter D. Meeting the French challenge. Conscription in Prussia, 1807–1815 // Conscription in the Napoleonic Era. A Revolution in Military Affairs? / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. New York, 2009. P. 24–45.

Wendland W. Gottfried August Ludwig Hanstein als patriotischer Prediger in Berlin // Jahrbuch für brandenburgische Kirchengeschichte. 1915. № 12. S. 88–118.

Wendland W. Ludwig Ernst von Borowski, Erzbischof der evangelischen Kirche in Preußen. Ein Beitrag zur Geschichte der ostpreußischen Kirche im Zeitalter der Aufklärung. Königsberg in Preußen, 1910.

Wolf Ph.W. Anrede und Gebete bei Einweihung der Landwehr des Teltowschen Kreises. Am Grünen Donnerstage 1813 in Zossen gesprochen // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1814. Bd. 7. № 1. S. 44–51.

Wolf Ph.W. Predigt am Dankfeste wegen Eroberung der Festungen Stettin, Torgau und Wittenberg // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1814. Bd. 7. № 2. S. 61–73.

Wolfes M. Öffentlichkeit und Bürgergesellschaft. Friedrich Schleiermachers politische Wirksamkeit. Teil 1. Berlin, 2004.

Zimmer H. Auf dem Altar des Vaterlandes. Religion und Patriotismus in der deutschen Kriegsliteratur des 19. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1971.

Zscharnack L. Die Pflege des religiösen Patriotismus durch die evangelische Geistlichkeit 1806–1815 // Harnack-Ehrung. Beiträge zur Kirchengeschichte. Ihrem Lehrer Adolf von Harnack zu seinem siebenzigsten Geburtstag (7. Mai 1921) dargebracht von einer Reihe seiner Schüler. Leipzig, 1921. S. 394–423.

DOI: 10.31857/S013038640020983-9

© 2022 г. А.Г. МАТВЕЕВА

ВИЛЬГЕЛЬМ II И ОТСТАВКА О. ФОН БИСМАРКА

Матвеева Анна Геннадьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: annagmatveeva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57215188769; ORCID: 0000-0003-3870-732X; Researcher ID: AAS-6783-2020

Аннотация. Статья посвящена переломному моменту в истории Германской империи 1871–1918 гг., связанному с обстоятельствами отставки первого имперского канцлера и министра-президента Пруссии О. фон Бисмарка в марте 1890 г. и переходу к так называемому вильгельмовскому периоду в истории страны. Несмотря на высокую степень изученности данной темы, преимущественно в немецкой историографии, она остается предметом дискуссии историков и по сей день. Опираясь на уже существующие исследования, автор статьи дополняет их информацией, содержащейся в переписке российского посольства в Берлине с Министерством иностранных дел Российской империи за январь–апрель 1890 г., практически незнакомой широкому читателю. В фокусе интереса автора статьи находятся особенности характера и личности императора Вильгельма II, основные этапы его биографии до 1890 г., оказавшие влияние на возникновение и ход канцлерского кризиса; политические разногласия между императором и канцлером, ставшие катализатором их разрыва; последствия отставки Бисмарка и воздействие этих событий на последующее развитие Германии. В результате исследования автор приходит к следующим выводам. Во-первых, основной причиной отставки канцлера был психологический склад монарха, желающего почувствовать свободу. Человек, всю жизнь очень зависимый эмоционально от своих менторов, постарался уйти из-под опеки главного из них – Бисмарка. Во-вторых, Германская империя ни в чем не должна была уступать Британской, к правящему дому которой Вильгельм испытывал полную гамму чувств «любви-ненависти». И в этой ситуации Бисмарк, всячески сопротивляющийся государственной колониальной политике и внутривнутриполитической трансформации, совершенно не подходил на роль главной опоры нового монарха, имевшего далеко идущие, хоть и крайне туманные, планы. Его идея о принципиальной возможности в конце XIX в. единолично определять всю политику такой страны, как Германия, была изначально обречена на провал. Исключение из системы такого сдерживающего и направляющего фактора, как Бисмарк, сделало ее еще более неустойчивой. Впрочем, иного выхода из конфликта и не могло быть, и 1890 г. знаменовал собой начало нового этапа в истории страны.

Ключевые слова: Германия, Германская империя, Гогенцоллерны, внутривнутриполитические кризисы, политические деятели, Вильгельм II, О. фон Бисмарк.

A.G. Matveeva

Wilhelm II and the Resignation of Otto von Bismarck

Anna Matveeva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: annagmatveeva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57215188769; ORCID: 0000-0003-3870-732X; Researcher ID: AAS-6783-2020

Abstract. The article focuses on the turning point in the history of the German Empire in 1871–1918, associated with the circumstances of the resignation of the first Imperial Chancellor and Minister-President of Prussia Otto von Bismarck in March 1890 and the transition to the so-called Wilhelmian period in the history of the country. The subject has been well studied in German historiography, yet it is still a matter for discussion among historians. Drawing on studies already undertaken, the author supplements them with information from the correspondence between the Russian Embassy in Berlin and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire in January–April 1890, which is largely unknown to the general public. The author focuses on the character and personality of Emperor Wilhelm II, the principal stages in his biography up to 1890 which influenced the emergence and course of the resignation crisis; the political differences between the Emperor and the Chancellor which became the catalyst for their break-up; the consequences of Bismarck's resignation and the impact of these events on the subsequent development of Germany. As a result of this research, the author concludes that, firstly, the main reason was psychology, the psychological disposition of the monarch. By firing the chancellor, he wanted to get a sense of freedom. A man who had been emotionally very dependent on his 'mentors' his whole life was trying to break free from the tutelage of the chief of them, Bismarck. Secondly, the German Empire was in no way inferior to the British Empire, whose reigning house he had a whole gamut of love-hate feelings towards. In such a situation, Bismarck, who had resisted state colonial policy and domestic transformation in every way, was not at all suited to be the main pillar of the new monarch, who had such far-reaching, albeit very vague, plans. His notion of the ability to single-handedly determine the entire policy of a country such as Germany at the end of the nineteenth century was inherently doomed to failure. Removing a constraining and guiding factor such as Bismarck from the system made it even more unstable. But there was no other way out of the conflict, the Bismarcks could not in any circumstances replace the Hohenzollerns.

Keywords: Germany, German Empire, Hohenzollerns, domestic political crises, political figures, Wilhelm II, Otto von Bismarck.

История Германской империи, созданной в 1871 г., условно делится на два больших периода — «бисмарковский» и «вильгельмовский», которые датируются, соответственно, 1871–1890 и 1890–1918 гг. Разделили эти два отрезка немецкой истории события января–марта 1890 г., связанные с канцлерским кризисом, который завершился отставкой «творца германского единства» Отто фон Бисмарка.

В фокусе внимания данной статьи несколько вопросов: 1) особенности характера и личности императора Вильгельма II, основные этапы его биографии до 1890 г., оказавшие влияние на возникновение и ход канцлерского кризиса; 2) политические разногласия между императором и канцлером, ставшие катализатором их разрыва; 3) последствия отставки Бисмарка для развития Германии.

Истории жизни и правления Вильгельма II Гогенцоллерна посвящена огромная литература; например, сайт Германской национальной библиотеки на запрос «император Вильгельм II» выдает 921 результат. Весь этот массив интересной и профессиональной литературы можно разделить на две основные группы, соответствующие определенным направлениям историографии, — тех, кто считает Вильгельма центральной фигурой данного периода германской истории, и тех, кто видит в нем фигуру «галюнную», «выставочный экземпляр», знак, который был только прикрытием, витриной для действий подлинно решающих сил — социальных слоев, общественных классов, групп интересов, политических партий и парламентских фракций, двора и камарильи.

Самыми значительными, интересными и важными для понимания фигуры последнего германского императора стали труды британского историка Дж. Рёля, издавшего в 1993–2008 гг. трехтомную тысячестраничную биографию императора¹. Еще до ее издания историк работал над смежными темами, постепенно «подбираясь» к своему главному

¹ Röhl J.C.G. Wilhelm II. 3 Bände. München, 1993–2008. Bd. 1. Die Jugend des Kaisers, 1859–1888. München, 1993; Bd. 2. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie, 1888–1900. München, 2001; Bd. 3. Der Weg in den Abgrund, 1900–1941. München, 2008.

произведению. Особый интерес для нас представляют две его книги — «Германия без Бисмарка»² и «Император, двор и государство — Вильгельм II и германская политика»³. В этих фундаментальных исследованиях автор предложил пересмотреть общепринятый в историографии «школы социальной истории» Х.-У. Велера⁴ и Т. Ниппердея⁵ взгляд на фигуру императора как «слабого монарха» и «жертвы», а представить его подлинным «хозяйном» Германии, фактически единолично определяющим основные направления ее внутренней и внешней политики, что возлагает именно на него полную ответственность за все просчеты немецкой политики, приведшие к Первой мировой войне и последующей «немецкой катастрофе». Но этот подход имеет и другое следствие — освобождение от этой ответственности властных элит страны, что оправдывает их сохранение в период революции 1918 г. и полное «перенесение» в «новую демократическую» Германию периода Веймарской республики.

Одним из ключевых моментов в процессе обретения Вильгельмом политической самостоятельности (хотя и по сей день степень этой самостоятельности продолжает оставаться предметом дискуссии) стала отставка князя О. фон Бисмарка со всех его многочисленных государственных постов в Пруссии и империи. В отечественной историографии обстоятельств этой отставки наиболее полно коснулся В.В. Чубинский в монографии, посвященной первому имперскому канцлеру⁶, однако его взгляд на положение дел имеет один-единственный «фокус» — проблема рассматривается исключительно с точки зрения тактических просчетов канцлера, переоценившего степень своей незаменимости и нерушимости своего положения, а также неминуемости краха «бонапартистского режима», так как именно в этом ключе его рассматривали классики марксизма. При всем современном скептицизме по отношению к оценкам Ф. Энгельсом положения дел в Германии, являющихся в значительной мере методологической основой книги Чубинского, не следует забывать, что энгельсовский анализ положения дел был лишен догматизма, который привнесла в него последующая советская историческая наука, — это был хоть и субъективный, но при этом и достаточно трезвый взгляд сильного политолога, понимающего социальные механизмы тех или иных политических явлений, но лишенного в силу объективных причин достаточного объема информации.

Все перечисленные, а также многие другие работы, прежде всего немецких историков, создают картину, с одной стороны, хорошей проработанности проблемы; с другой — по-прежнему оставляют ее в дискуссионном поле, когда привлечение даже небольшого массива новых документов способно расширить наши представления о причинах и последствиях событий зимы—весны 1890 г. для дальнейшей судьбы страны. Такими документами в нашем случае станут письма посла в Берлине графа П.А. Шувалова и советника посольства графа М.Н. Муравьева министру иностранных дел Российской империи Н.К. Гирсу, непосредственно касающиеся отставки Бисмарка и хранящиеся в отдельной папке в фонде Секретный архив министра Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)⁷. Следует подчеркнуть, что переписка по данному вопросу между Петербургом и Берлином велась посредством строго секретных и доверительных писем и телеграмм,

² *Idem.* Germany without Bismarck: The crisis of government in the Second Reich, 1890–1900. Batsford; London, 1967; *Idem.* Deutschland ohne Bismarck: Die Regierungskrise im 2. Kaiserreich. 1890–1900. Wunderlich; Tübingen, 1969.

³ *Idem.* Kaiser, Hof und Staat — Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1987.

⁴ *Wehler H.-U.* Krisenherde des Kaiserreichs 1871–1918. Studien zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte. Göttingen 1970; *Idem.* Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918 // Deutsche Geschichte. Bd. 9. Kleine Vandenhoeck-Reihe. 1380. Göttingen, 1973.

⁵ *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. I. Arbeitswelt und Bürgergeist. München, 1990; Bd. II. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992.

⁶ *Чубинский В.В.* Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122.

вопрос отставки канцлера почти не затрагивался в регулярных депешах посольства, что было связано, как нам представляется, с недостаточно безопасным каналом их передачи в Россию.

Для понимания сути конфликта и целей каждой из сторон в нем необходимо хотя бы кратко остановиться на биографии и особенностях личности монарха, а также коснуться внутренних установок канцлера к началу 1890-х годов, так как эволюция его представлений за время нахождения у власти была весьма значительной.

Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский или Вильгельм II Гогенцоллерн родился 27 января 1859 г. в Потсдаме. Он был сыном 27-летнего наследника прусского престола принца Фридриха Прусского и юной, 18-летней старшей дочери английской королевы Виктории, принцессы Виктории Аделаиды Мэри Луизы, принадлежавшей по матери к Ганноверской династии, а по отцу — к Саксен-Кобург-Готской.

Все авторы, писавшие о Вильгельме, выделяют несколько рубежных, поворотных пунктов в его биографии, ставших важными этапами и в истории его правления. И первым таким этапом стали собственно обстоятельства его появления на свет и годы его детства и юности. Чрезвычайно красочным описанием момента рождения будущего императора начинается известная книга Э. Людвиг⁸: «Дуновение ужаса пронеслось по комнате родильницы, женщины в страхе столпились вокруг новорожденного. Угасла радость, охватившая было весь дворец кронпринца, радость, что родился мальчик, а таким образом, престолонаследие обеспечено в третьем поколении. В тяжелом обмороке лежала ... 18-летняя мать, ребенок же казался мертвым⁹. Примерно в том же ключе, хоть и значительно менее витиевато, начинает свою работу и Дж. Рёль, назвав первые параграфы первого тома своего трехтомника «родовая травма, приговор посвященных современников, медицинский комментарий сегодняшнего дня и травма головного мозга». Последний параграф содержит, впрочем, знак вопроса.

Исследователи достаточно подробно описывают обстоятельства рождения принца (ягодичное предлежание, обвитие пуповиной, гипоксия, данный матери для облегчения болей хлороформ), которые делали его шансы выжить крайне невысокими. Дж. Рёль, опираясь на свидетельства отца ребенка, принца Фридриха, утверждает, что только благодаря усилиям доктора Э. Мартина младенец был спасен¹⁰. Королева Виктория пожаловала профессору за благополучное появление на свет ее первого внука «драгоценное кольцо», а прусский двор — орден¹¹.

Даже в условиях современного родильного дома подобная ситуация была бы угрожающей, но принц проявил недюжинную волю к жизни и внешне последствия родовой травмы были не столь заметны, хотя и делали его по сути инвалидом — повреждение связок плечевого сустава сделало левую руку короче правой на 15 см, т.е. фактически владел он только одной рукой. Впоследствии «левую руку подвергли электризации», вызывавшей жестокие боли, и от мысли укрепить парализованную руку пришлось отказаться. Тогда мальчика заставили научиться хотя бы внешне создавать иллюзию движения. Он выучился ловко засовывать левую руку за пояс или в карман, перекладывать в нее из здоровой руки поводья, проделывать разные манипуляции без помощи слуги¹². Тот же Э. Людвиг приводит слова воспитателя будущего императора Г.Э. Хинцпетера¹³: «Неизлечимая слабость левой руки создавала своеобразное препятствие на пути его физического

⁸ Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Röhl J.C.G. Wilhelm II. Bd. 1. S. 30.

¹¹ *Ibidem*.

¹² Людвиг Э. Указ. соч. С. 15.

¹³ Сложность вопроса от транскрипции немецких фамилий заставляет сделать эту оговорку. В тех случаях, когда фамилия прочно вошла в русское общественное сознание, сохраним старое написание, во всех остальных — следуем современным нормам. В переводе книги Э. Людвиг 1991 г. фамилия Hinzpeter была переведена как Гинцпетер, однако более современное написание — Хинцпетер.

и духовного развития. Искусство и старание воспитателей оказались бы бессильными справиться с этим препятствием, если бы ребенок сам не проявил необычайной энергии и силы воли. Было необходимо преодолеть чувство физической беспомощности и связанной с ней нерешительности¹⁴.

Сложность атмосферы, в которой он рос, стала мощным фактором при формировании его характера, что в свою очередь отразилось на политике страны. Ребенок-инвалид, или человек с ограниченными возможностями, говоря современным языком, должен был постоянно доказывать свою способность быть не просто «обычным», но быть самым сильным, смелым и т.д. Соответствовать своим великим предкам, а «он рано привык смотреть на историю своей страны как на историю своего рода», не посрамить чести, причем чести военного. Все это ставило перед будущим императором сложные, подчас невыполнимые задачи, справляться с которыми ему было бы не так сложно, если бы он чувствовал подлинное участие и поддержку родных, прежде всего матери и отца. Но такой поддержки они ему не оказали.

Самый известный психиатр XX в. З. Фрейд, говоря в своих «Лекциях о психоанализе» о чувстве неполноценности и его преодолении, в качестве примера приводит как раз ситуацию, сложившуюся в семье наследника прусского престола: «Обычно матери, которым судьба дала больного или неполноценного ребенка, пытаются восполнить эту несправедливость чрезмерной любовью. В нашем случае гордая мать повела себя по-другому, она отказала ребенку в любви из-за его недостатка. Когда он стал могущественным человеком, то всеми своими действиями доказал, что так никогда и не простил свою мать»¹⁵. Отношения с матерью действительно были непростыми, еще более сложные чувства он испытывал к бабке — королеве Виктории и всему лондонскому двору, это ощущение «любовь — ненависть», неполноценность и желание доказать свою значимость прошли через всю жизнь Вильгельма, вначале — наследного принца, а затем — императора.

Эти сложности, непонимание и отчужденность в семье имели и иные последствия — он постоянно искал в своем окружении некую «замену» отцу, старшего товарища, готового принимать и ценить его достоинства. В разные периоды юности, да и позднее, такое место в его жизни занимали разные люди, далеко не всегда действующие бескорыстно.

Когда мальчику было семь лет его воспитателем стал Г.Э. Хинцпетер, названный в 1965 г. журналом «Шпигель» «жестким кальвинистским школьным учителем»¹⁶. Новый воспитатель заслужил в научной литературе характеристику никогда не улыбающегося сухаря¹⁷. Воспитателю пришлось нелегко с воспитанником: «уже с малых лет в этом необычайно красивом, несколько женоподобном мальчике поражаало то сопротивление, которое он оказывал всякому давлению, всякой попытке воздействовать на его внутренний мир. Было почти невозможно направить его духовное “я” по определенному руслу. ... Только величайшая строгость была способна сломить его упрямство»¹⁸. Подобное обращение, казалось бы, могло ожесточить мальчика, но нет, он всю жизнь испытывал к своему воспитателю величайшее почтение и даже любовь, свидетельством чему был его приезд с сыновьями на похороны Хинцпетера и участие в траурном шествии, несмотря на трескучий мороз¹⁹. Впоследствии Вильгельм отучился в гимназии в Касселе, куда был отправлен по настоянию матери. Она, говоря о необходимости расширения круга общения

¹⁴ *Hinzpeter G.* Kaiser Wilhelm II: eine Skizze nach der Natur gezeichnet. Bielefeld, 1888. S. 4.

¹⁵ *Фрейд З.* Введение в психоанализ: лекции. М., 1989. С. 248 // URL: https://akravchenko.ru/uploads/Publikacii/Freyd_Z_Vvedenie_v_pсихоанализ_Lekcii.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

¹⁶ Цит. по: *Güntter Th.* Warum Kaiser Wilhelm II. am 2. Januar 1908 bei Eiseskälte nach Bielefeld reiste. Georg Ernst Hinzpeter: In Bielefeld gestorben, auf dem Johannisfriedhof begraben // Neue Westfälische Bielefeld. 2.I.2017. URL: https://www.nw.de/lokal/bielefeld/mitte/21531077_Warum-Kaiser-Wilhelm-II.-am-2.-Januar-1908-bei-Eiseskaelte-nach-Bielefeld-reiste.html (дата обращения: 23.06.2022).

¹⁷ *Röhl J.C.G.* Wilhelm II. Bd.1. S. 223.

¹⁸ Цит. по: *Людвиг Э.* Указ. соч. С. 16.

¹⁹ *Güntter Th.* Op. cit.

принца, посчитала, что такой опыт будет ему полезен. При этом, думается, не последнюю роль сыграло и подспудное желание отослать его подальше от двора, окончательно сняв с себя бремя заботы о нем. Друзей он там не приобрел, хоть учился вполне успешно, а вот поступление на действительную военную службу по окончании гимназии в 1877 г. показало, что именно в военной среде он чувствует себя лучше всего. В 1870–1880-е годы двумя его ближайшими «опекунами», старшими товарищами, наставниками, людьми, имевшими на него большое влияние, становятся два человека, находящиеся в чрезвычайно сложных отношениях друг с другом, — граф А. фон Вальдерзее и князь О. фон Бисмарк. В значительной степени события 1889 — начала 1890-х годов были противостоянием именно этих двух людей, и преобладающее влияние на императора одного из них стало залогом его победы, которая, впрочем, носила кратковременный характер.

В данной статье нет необходимости подробно останавливаться на этом аспекте, тем более что все трое оставили после себя воспоминания²⁰, в которых постарались обрисовать сложившуюся к 1888 г. ситуацию. Отметим лишь несколько важных моментов. Бисмарк выступал по отношению к Вильгельму как ментор, государственный деятель, стремящийся воспитать во внуке «своего императора» человека, с одной стороны, достаточно сведущего в государственных делах, а с другой — удобного, покладистого монарха. Не следует также упускать из виду, что до 1886–1887 гг. вероятность того, что Бисмарку придется взаимодействовать с Вильгельмом в качестве короля и императора, была ничтожно мала, значительно больше его волновали взаимоотношения с принцем Фридрихом, известным своими либеральными взглядами, мягким характером и большой зависимостью от жены, которая в свою очередь была очень близка с матерью — королевой Викторией. Известия о смертельном характере болезни Фридриха и о кончине императора Вильгельма I пришли почти одновременно, что заставило Бисмарка в срочном порядке пытаться выстроить взаимоотношения с новым наследником, который в самое ближайшее время должен был стать следующим монархом. Уверенность канцлера в своих силах и незаменимости позволили ему в приватной беседе с одним из сотрудников, на которую ссылается Чубинский, в июне 1888 г. говорить о том, что он не уйдет со своего поста, даже если его захотят прогнать; даже если ему пришлют распоряжение об отставке домой, он все равно не уйдет, так как не скрепил это распоряжение своей подписью²¹, намекая на нерушимость принципа контрассигновки — т.е. необходимого согласования всех распоряжений императора с канцлером. После вступления Вильгельма на престол канцлер продолжал вести свою политическую линию без каких-либо существенных изменений как внутри страны, так и на международной арене, его цели оставались прежними. Новому императору в его механизме принятия политических решений была уготована та же роль, которая предыдущие 20 лет (а в Пруссии почти 30) вполне устраивала его деда, — роль гаранта стабильности, олицетворявшего силу и мощь немецкого (но до конца преимущественно прусского) государства.

Вильгельм II вступил на престол в 29 лет, по этому поводу Бисмарк резонно пишет, что Фридрих Великий стал королем в 28 лет, а Фридрих-Вильгельм I и Фридрих-Вильгельм III — и того раньше²², но при этом все, кто говорил или писал о Вильгельме, отзываются о нем как о «молодом человеке», не умудренном опытом юноше и т.д. Здесь сыграли свою роль, видимо, два фактора: во-первых, все привыкли видеть на прусском и германском престолах пожилого человека, а в последние годы — глубокого старика, поэтому контраст, конечно, был разительным; во-вторых, нервозность, порывистость,

²⁰ Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee / bearb. und hrsg. von H.O. Meisner. Bd. 1. 1832–1888. Stuttgart, 1922; Bd. 2. 1888–1900. Stuttgart, 1923; *Бисмарк О. ф.* Мысли и воспоминания. Т. 3. М., 1941; *Вильгельм II.* Мемуары. События и люди. 1878–1918 / пер. с нем. Д.В. Триуса. М.; Берлин, 2021.

²¹ Чубинский В.В. Указ. соч. С. 374.

²² *Бисмарк О. ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 4.

внезапность, присущие наследному принцу и по восшествии на престол, создавали иллюзию его крайней молодости, которая только и могла оправдать его поступки.

Отношения между Бисмарком и Вильгельмом на протяжении полутора лет — с лета 1888 по начало зимы 1889/90 г. — постепенно осложнялись и ухудшались, причин для этого было достаточно много, но главных, наверное, три.

Император все больше входил в курс дел, чувствовал себя, хотя и не всегда обоснованно, все более уверенно не только во внутригерманских делах, но и на международной арене. Многие методы «старого канцлера» он считал устаревшими, хотя здесь мы не станем касаться чрезвычайно важного, даже, наверное, ключевого вопроса внутривосточного развития Германии — насколько вся система в принципе должна и, главное, могла быть модернизирована, насколько модернизационный тренд в принципе был осуществим? Даже обойдя этот ключевой вопрос, ответ на который предполагает большое и серьезное исследование, Вильгельм в силу молодости и особенностей характера стремился привлечь «свежую струю», совершенно не нужную Бисмарку. Взаимоотношения «ментор—ученик» не могли долгое время удовлетворять амбициозного молодого человека, он действительно хотел править сам, «взять на себя ответственность за дела»²³. Это его желание очень тесно связано с преклонением перед предками, пониманием себя как прямого наследника Фридриха Великого. Важно учесть, что он не особо обращал внимание на то, что мир изменился и у него нет никакой возможности стать монархом времен Старого порядка. Приверженность прошлому удивительным образом сочеталась с его интересом, немного даже детским, и восхищением всяческими достижениями научно-технического прогресса — воздухоплаванием, железнодорожным транспортом и т.д. и т.п.²⁴

Кроме того, Вильгельм действовал, если так можно выразиться, не в одиночку. Сложилась достаточно серьезная оппозиция канцлеру, главную роль в которой играл граф А. фон Вальдерзее. Он был чрезвычайно близок с принцем еще с 1885—1886 гг., виделся с ним практически ежедневно, был прекрасно осведомлен обо всех его поступках, в том числе самого интимного свойства, временами играл роль сводника и затем помогал решать проблемы с дамами, если они возникали²⁵. Вильгельм нашел в Вальдерзее фактического отца, конфидента, заменившего другого близкого человека — воспитателя Хинцпетера, который теперь редко бывал при дворе. Граф не обладал какими-то выдающимися полководческими или иными военными способностями, главным его талантом было интриганство: «из всех генералов предшествовавшего поколения, участвовавших в трех победоносных войнах, граф Вальдерзее, пожалуй, единственный, лишенный лучших качеств Мольтке, Роона и Блументаля — прямоты, замкнутости и строгости. Взамен их ему свойственны интриги, политиканство и честолюбие, удовлетворить которое он стремится любыми путями, в том числе и хитростью. Все мысли Вальдерзее были направлены на то, чтобы подорвать доверие принца Вильгельма к Бисмарку, к его государственной способности»²⁶.

Взаимоотношения Бисмарка и Вильгельма стали еще более осложняться после сближения Вальдерзее с «серым кардиналом» немецкой внешней политики Ф. фон Гольштейном и ухудшением отношений последнего с канцлером. В этом треугольнике Гольштейн в начальной степени стал центром силы и его перемещение со стороны канцлера на сторону генерал-квартирмейстера — а именно эту должность Вальдерзее занимал до 1888 г. — в определенной степени способствовало смещению Бисмарка с его постов.

Цель интриг Вальдерзее, подробно описанных не только в монографии Дж. Рёля, но и в воспоминаниях О. фон Бисмарка, стала очевидной после получения им практически сразу же после вступления на престол Вильгельма должности начальника Генерального штаба, для чего был отправлен в отставку великий Мольтке-старший. Справедливости

²³ Там же. С. 92.

²⁴ Подробнее см.: *König W. Wilhelm II und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt.* Schöningh, 2007.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Röhl J.C.G. Wilhelm II. Bd. 1. S. 494 и далее.*

²⁶ *Людвиг Э.* Указ. соч. С. 32.

ради стоит заметить, что тому исполнилось 88 лет, он достаточно долго собирался уйти на покой и окончательно даже в этом преклонном возрасте от дел отстранен не был. Но его замещение именно на Вальдерзее, несомненно, было результатом близости последнего с новым императором.

Это давно вожаделенное генералом назначение не было «пределом его мечтаний» — он стремился занять пост имперского канцлера и прусского министра-президента, что и стало смыслом его бурной деятельности и интриг в 1888—1889 гг.

Не следует также сбрасывать со счетов интересы еще одного «сердечного друга императора» Ф. фон Эйленбурга, ставшего впоследствии причиной крупнейшего скандала, потрясшего основы Германской империи. В конце 1880-х годов он всячески поддерживал в Вильгельме веру в безусловную правоту и то, что освобождение из-под опеки канцлера пойдет на благо всей империи.

Третьей причиной стало поведение О. фон Бисмарка, направленное не на сглаживание возникающих противоречий, а на их постоянное обострение, вынуждавшее оппонента безоговорочно принимать его точку зрения. Разногласия возникали по самым разным как внутри-, так и внешнеполитическим поводам. К ним можно отнести такие общеизвестные вещи, как вопрос продления-непродления Исключительного закона против социалистов и тайного русско-германского Договора перестраховки, так и менее известные конфликты, например кризис осени 1889 г., связанный с возвращением в Германию представителей католического ордена редемтористов, за которое выступал канцлер, поскольку был заинтересован в условиях осложнения отношений с партиями «картеля» в поддержке Католической партии Центра. Против высказывались связанные с картелем Эйленбург и Гольштейн. Под их влиянием император послал канцлеру 6 ноября 1889 г. телеграмму, в которой безоговорочно потребовал «ни при каких обстоятельствах и никоим образом не допустить возвращения редемтористов в Германию»²⁷. Эта телеграмма стала началом глубокого канцлерского кризиса.

Сам канцлер, как следует из его беседы с послом Шуваловым, оценивая свои взаимоотношения с Вильгельмом, склонен был обращать внимание на два обстоятельства — молодость монарха и враждебное влияние его окружения: «Ну да, здоровье у меня, как видите, неплохое, но я все равно чувствую себя расстроенным — устал. Что ты хочешь! Служение 30-летнему Императору отличается от работы на 90-летнего Государя, имевшего привычку советоваться со мной во всем и обо всем и который принимал Свои решения только после того, как тщательно обдумал и обсудил со мной до мельчайших подробностей меры, которые необходимо принять, хотя наши мнения и расходились. Все это более или менее изменилось; наш нынешний Император, мой Король, молод, впечатлителен. Это как ружье, которое обязательно выстрелит, а ты не знаешь заранее, ни когда, ни в каком направлении. Его окружает молодежь, такая же неопытная, как Он, часто льстивая. Его мнение составляется в разговорах с окружением»²⁸.

Предвосхищая произошедшее через несколько дней, канцлер сказал послу буквально следующее: «Моя роль Наставника становится для меня невыносимой. Я даже полагаю, будет сказано между нами, что мой Король не пожалеет избавиться и от этой роли! Он слишком живой, слишком раздражительный, чтобы основывать эти действия на консультациях, часто долгих и трудоемких»²⁹.

В том же письме от 27 января/8 февраля упоминается желание Бисмарка отказаться от прусских должностей, оставив за собой имперские ведомства и вопросы внешнеполитические: «Я хотел бы освободить себя от всякой административной деятельности, что касается Пруссии, и оставить за собой только полномочия канцлера, чтобы сохранить

²⁷ Röhl J. G. G. Einleitung zum Buch // Eulenburg-Hertefeld Ph. z. Philipp Eulenburgs Politische Korrespondenz / hrsg. von J. C. G. Röhl. Bd. 1. Boppard am Rhein, 1976. S. 18.

²⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 115/122. Л. 1. Письмо П. А. Шувалова министру иностранных дел Н. К. Гирсу от 27 января / 8 февраля 1890 г.

²⁹ Там же. Л. 6—6 об.

с этим титулом председательство в Федеральном совете или вопросы, как вы знаете, которые решает большинством голосов все, что относится к обычаям империи, к почтам и телеграфу и т. д. и в основном к федеральной армии. ... Наконец, мне особенно хочется сохранить за собой Министерство иностранных дел, которым я руковожу уже 28 лет и которое не перестает меня сильно интересовать»³⁰.

Конфликт между первыми лицами империи перешел в острую фазу на заседании Коронного совета 24 января 1890 г., где решался вопрос страхования и охраны труда рабочих и проведения международной рабочей конференции, а по сути — какой путь взаимодействия с социал-демократией как партией, являющейся политическим выражением рабочего движения, будет избран в дальнейшем: восстановления практики исключительных законов, против чего активно боролись либеральные партии и Центр; или же путь поэтапного удовлетворения социальных требований рабочих, что должно было постепенно превратить СДПГ из партии мятежа в партию порядка.

Произошедшее на Коронном совете, а также то, что было до и после него, давно уже и широко известно³¹. Несмотря на достигнутые договоренности между Бисмарком и прусскими министрами на заседании Прусского государственного министерства, в присутствии императора они избрали путь лавирования и, поддержав императора по законопроекту об охране труда рабочих, встали на позицию канцлера в вопросе о социалистах. Такое положение вещей не устроило ни ту, ни другую сторону. Бисмарк заявил, что он «все больше замечает, что он здесь не на своем месте», а Вильгельм сказал герцогу Баденскому: «Министры не являются моими, они ведут себя как министры князя Бисмарка»³².

В упомянутом выше разговоре канцлера и посла, состоявшемся через три дня после этого заседания, сквозит крайняя обида председателя Прусского государственного министерства на своих подчиненных, в преданности которых он был уверен еще несколько дней назад. При этом создается впечатление, что идея разделения его должностей в Пруссии и империи была чистой воды блефом, шантажом в расчете на невозможность такого разделения, а следовательно, и залогом сохранения статус-кво. Бисмарк опирался на опыт ухода с должности прусского министра-президента в 1870-е годы, который закончился полной победой канцлера с возвращением ему всех имеющихся ранее полномочий.

Следует также учитывать, что своей отставкой князь грозил постоянно, и угроза всегда в нужном ему русле действовала на Вильгельма I, но это не могло длиться вечно. Российский посол остроумно оценил этот метод канцлера добиваться своего: «это не первый раз, когда он угрожает своей отставкой. Он так часто ею угрожал, что нынешний Kanzler Krisis очень напоминает басню о пастухе, овцах и волке. Как и в случае с волком, из-за того, что вы часто пугаете тем, что не случается, вы в конечном итоге верите в это только тогда, когда уже не можете ничего сделать»³³.

Из писем и телеграмм П.А. Шувалова и М.Н. Муравьева (который замещал посла во время его поездки в Санкт-Петербург) выстраивается логика действий и объяснений этих действий обеими сторонами. Бисмарк говорит о влиянии на императора враждебных ему сил, неопытности «молодого монарха» и непонимании им всей сложности внутри- и внешнеполитического положения: «Мое положение по-прежнему очень сложное. Мой император, который в основном больше доверял своей матери, не знал, как избежать определенного английского влияния, которое она на него оказывает. Это настоящий заговор английских радикалов и немецких социалистов. Я немного представил ситуацию, когда увидел, как императрица Виктория возвращается в Берлин. Прошлой ночью я спросил себя: “Какого черта Она собирается здесь делать?” Инструментом, который она

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ Подробнее см., напр.: *Матвеева А.Г.* Канцлер Каприви и поляки. «Новый курс» в политике Германии 1890–1894. М., 2008. С. 48–50.

³² Geheimes Statsarchiv preussischer Kulturbesitz. Rep. 89. № 3582/1. Bl. 16.

³³ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Л. 50. Секретное письмо графа М.Н. Муравьева Н.К. Гирсу от 2/14 марта 1890 г.

использует, является г-н Хинцпетер, бывший гувернер императора, который, как я полагаю, действует, не подозревая о той роли, которую ему отводят. По либеральным убеждениям, императрица умела монополизировать его, и именно он, Хинцпетер, на данный момент является главным советником моего государя»³⁴. «Пока речь шла только о внутренней политике, я еще мог уступить; я даже был готов помочь моему Государю на том пути, на который Он встал, чтобы избавить Его от разочарований, но мои враги напали на меня во внешней политике, которую я веду уже 28 лет, и это на основании донесений некоторых дипломатов, которые не видят дальше своего носа, — и причудливых мнений некоторых генералов с Вальдерзее во главе, которые, кажется, имели в глазах императора больше веса, чем моя долгая служба и мои 28 лет опыта»³⁵.

При этом канцлер особое внимание своих русских собеседников обращал на то, что аспекты внешнеполитические в конфликте с императором играли не меньшую роль, чем внутрисполитические, — социальный и рабочий вопросы, прежде всего. А среди внешнеполитических разногласий важнейшими были отношения с Россией, и император ставил в вину канцлеру русофильский дух его политики, что должно было насторожить Петербург: «по словам князя, одна из обид, которые ему адресует император, — русофильская политика, которую до сих пор проводил канцлер, а также то, что он систематически скрывал так называемую серьезность военных мер, которые мы предпринимали в течение столичных лет, как и их угрозу для Германии»³⁶. Именно поэтому Бисмарк постоянно подчеркивал особое влияние на императора матери и связанной с ней английской партии, которое, исходя из истории их взаимоотношений, подробно описанной выше, было чрезмерно преувеличено, да и просто не соответствовало действительности.

После того как отставка обоих Бисмарков (канцлера и его сына Герберта, занимавшего пост статс-секретаря по иностранным делам) была принята, император посчитал необходимым пригласить к себе российского посла и лично поставить в известность о произошедшем Санкт-Петербург. Причины ухода канцлера император постарался объяснить главным образом его пошатнувшимся здоровьем: «Передайте же Его Величеству, что я расстался с моим старым канцлером, так как продолжать работу с ним было действительно невозможно, учитывая состояние его здоровья и перевозбуждение его нервов. ... Я бежал от развязки, но все было перепробовано ... сначала речь шла о сокращении работы князя, избавления его от работы в юрисдикции прусского министерства, но это оказалось невыполнимым; другие проекты были составлены и признаны столь же непрактичными, поэтому необходимо было ответить на настоятельные просьбы князя, и именно вчера я послал ему свой рескрипт, пожаловав ему одновременно титул герцога Лауэнбургского»³⁷.

Далее в том же разговоре проскальзывает тема, которая, с нашей точки зрения, является подлинной подоплекой конфликта: «Уже сегодня я читал во французской газете (мне кажется, что Император назвал *Temps*), что династия Бисмарков должна была вымереть, чтобы освободить место династии Гогенцоллернов, подумайте немного о том эффекте, который производят такие инсинуации в Германии»³⁸. Однако эти объяснения не обманули российского посла: «Что бы ни говорил император, нельзя подвергать сомнению глубину недоверия, которое он испытывает в этот момент как к князю, так и к сыну Бисмарка»³⁹.

Итак, данные 17 марта 1890 г. князем Бисмарком и графом Гербертом Бисмарком прошения об отставке были приняты, что вызвало переполох и настоящий шок не только

³⁴ Там же. Л. 17 об.—18. Pro Memoria. Отчет о разговоре с кн. Бисмарком графа Шувалова 17/24 февраля 1890 г.

³⁵ Там же. Л. 41 об.—42. Письмо П.А. Шувалова Н.К. Гирсу от 6/18 марта 1890 г.

³⁶ Там же. Л. 30. Секретная телеграмма графа Шувалова от 5/17 марта 1890 г.

³⁷ Там же. Л. 63. Письмо графа Шувалова Н.К. Гирсу от 9/21 марта 1890 г.

³⁸ Там же. Л. 64.

³⁹ Там же.

в Берлине, но и во всех европейских столицах. Так, на полях письма графа Муравьева министр иностранных дел Н.К. Гирс написал: «Мне все-таки не верится, чтобы Бисмарк ушел»⁴⁰.

Это неверие, кажется, до определенного момента разделял и сам Бисмарк. Вот как описывал эту ситуацию Муравьев: «Согласно информации из надежного источника, канцлер, хотя и считал, что оставаться на своем посту не в его достоинстве, будет изыскивать все возможные средства, чтобы сохранить свое влияние и свое положение. Пока он не нашел решения этой проблемы. Семья с княгиней Бисмарк во главе, она и двое сыновей подталкивают его к тому, чтобы оставить деятельность, будучи убеждены, что сила обстоятельств скоро вернет его к власти и что он вернется триумфатором. Это рискованный маневр, опасность которого видит канцлер, гораздо лучше осведомленный, особенно чем его старший сын, о текущей ситуации в Берлине.

Действительно, следует ожидать, что, как только император Вильгельм избавится от утомительной опеки и от своего канцлера, он больше не захочет брать на себя это бремя. Тем более что император Вильгельм очень ревниво относится к своей власти и любит видеть ее силу»⁴¹.

В итоге отставка канцлера, в которую до конца никто не хотел верить, произошла, и это событие сопровождалось несколькими обстоятельствами, о которых в заключении нашей статьи следует сказать особо.

В первую очередь, основной ее причиной видится психология, не зря особое внимание нами было уделено психологическому складу монарха. Отправляя в отставку канцлера, он хотел почувствовать свободу. Человек, всю жизнь скованный авторитетом деда и отца, нелюбимый матерью и очень зависимый эмоционально от своих менторов, постарался уйти из-под опеки главного из них — Бисмарка. Сделать он это мог единственным способом — полностью отстранив того от дел, потому что выдерживать постоянную битву по любому вопросу не согласится ни один монарх. Здесь опять-таки важно понимать, что он, в отличие от деда, считал себя почти самодержцем, причем Пруссия в его иерархии ценностей уступала место имперскому величию — оно было главным.

В связи с этим на первый план выходит второй фактор: его империя ни в чем не должна была уступать Британской, к правящему дому которой он испытывал полную гамму чувств «любви-ненависти», при преобладании, впрочем, второго. Для того, чтобы встать в один ряд с Британией, Германии нужно было обновление, но какое именно, император представлял себе еще очень приблизительно. Однако первые шаги он намеревался предпринять как раз на традиционно английском поле — в сферах рабочего движения, тред-юнионизма и социального страхования во внутренней политике и строительства колониальной империи — во внешней. Бисмарк, всячески сопротивляющийся государственной колониальной политике, говорящий, что его карта Африки лежит в Европе, совершенно не подходил на роль главной опоры нового монарха, имевшего столь далеко идущие, хоть и крайне туманные планы.

Каковы же были главные последствия этой отставки? В первое время, казалось бы, опасения многократно превосходили реальные последствия. В середине апреля все того же 1890 г. Муравьев пишет в Петербург: «Торжественный отъезд принца Бисмарка из Берлина, который он сам сравнивал с первоклассными похоронами, кажется, действительно вывел его из числа живущих в правительственных кругах. Мы в Берлине совершенно не беспокоимся о нем, и если иногда его имя появляется в печати, то именно для того, чтобы воспроизвести его так называемые упреки в неблагодарности, которые он адресовал бы всем и каждому»⁴². Справедливости ради, стоит отметить, что обида бывшего канцлера была столь велика, что он перестал думать о благе страны, правящего дома, которому служил много лет, и начал череду разоблачений и раскрытия государственных секретов,

⁴⁰ Там же. Л. 38. Секретное письмо графа М.Н. Муравьева Н.К. Гирсу от 2/14 марта 1890 г.

⁴¹ Там же. Л. 42–43. Секретное письмо графа М.Н. Муравьева Н.К. Гирсу от 2/14 марта 1890 г.

⁴² Там же. Л. 66. Строго секретное письмо Муравьева министру Гирсу от 13/25 апреля 1890 г.

которые не делают чести ни одному политическому деятелю; он начал критиковать все происходящее, связанное с императором или новым канцлером Л. фон Каприви, причем эта критика была столь агрессивна и далеко не всегда справедлива, что через какое-то время ее перестали воспринимать серьезно.

Свой тезис о желании императора получить свободу я могу подкрепить и иным аргументом: главный интриган А. фон Вальдерзее, считавший, что отставка Бисмарка откроет ему путь на самый верх, был глубоко разочарован ее последствиями. Вильгельм не только не сделал его канцлером, но и через год отстранил от руководства Генеральным штабом, отправив на второстепенную должность в армии. Больше он не нуждался в менторах, он действительно хотел править сам, но, увлекаясь новинками науки и техники, он слабо себе представлял те изменения, которые претерпевала в эти годы общественная жизнь. Идея о том, что в конце XIX в. единолично можно определять всю политику такой страны, как Германия, была изначально обречена на провал. Исключение же из системы такого сдерживающего и направляющего фактора, как Бисмарк, сделало ее еще более неустойчивой. Впрочем, иного выхода из конфликта не существовало, Бисмарки ни при каких обстоятельствах не могли заменить собой Гогенцоллернов.

Библиография / References

- Бисмарк О. ф.* Мысли и воспоминания. Т. 3. М., 1941.
- Вильгельм II.* Мемуары. События и люди. 1878–1918 / пер. с нем. Д.В. Триуса. М.; Берлин, 2021.
- Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ: лекции. М., 1989 // URL: https://akravchenko.ru/uploads/Publikacij/Freyd_Z_Vvedebie_v_psihoanaliz_Lekcii.pdf (дата обращения: 18.04.2022).
- Чубинский В.В.* Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.
- Bismark O. f.* Mysli i vospominaniia [Thoughts and memories]. T. 3. Moskva, 1941. (In Russ.)
- Freid Z.* Vvedenie v psikhoanaliz: leksii [Introduction to Psychoanalysis: lectures]. Moskva, 1989 // URL: https://akravchenko.ru/uploads/Publikacij/Freyd_Z_Vvedebie_v_psihoanaliz_Lekcii.pdf (access date: 18.04.2022). (In Russ.)
- Liudvig E.* Poslednii Gogentsollern (Vil'gel'm II) [The Last Hohenzollern (Wilhelm II)]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Vil'gel'm II.* Memuary. Sobytiia i liudi. 1878–1918 [Memoirs. Events and people. 1878–1918 / per. s nem. D.V. Triusa. Moskva; Berlin, 2021. (In Russ.)
- Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee / bearb. und hrsg. von H. O. Meisner. Bd. 1. 1832–1888. Stuttgart, 1922; Bd. 2. 1888–1900. Stuttgart, 1923.
- Günter Th.* Warum Kaiser Wilhelm II. am 2. Januar 1908 bei Eiseskälte nach Bielefeld reiste. Georg Ernst Hinzpeter: In Bielefeld gestorben, auf dem Johannisfriedhof begraben // Neue Westfälische Bielefeld. 2.1.2017. URL: https://www.nw.de/lokal/bielefeld/mitte/21531077_Warum-Kaiser-Wilhelm-II.-am-2.-Januar-1908-bei-Eiseskaelte-nach-Bielefeld-reiste.html (access date: 23.06.2022).
- Hinzpeter G.* Kaiser Wilhelm II: eine Skizze nach der Natur gezeichnet. Bielefeld, 1888.
- Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Band I: Arbeitswelt und Bürgergeist. München, 1990; Band II. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992.
- Röhl J.C.G.* Germany without Bismarck: The crisis of government in the Second Reich, 1890–1900. Batsford; London, 1967.
- Röhl J.C.G.* Deutschland ohne Bismarck: Die Regierungskrise im 2. Kaiserreich. 1890–1900. Wunderlich; Tübingen, 1969.
- Röhl J.C.G.* Kaiser, Hof und Staat – Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1987.
- Röhl J.C.G.* Wilhelm II. 3 Bände. Bd. 1. Die Jugend des Kaisers, 1859–1888. München, 1993; Bd. 2. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie, 1888–1900. München, 2001; Bd 3. Der Weg in den Abgrund, 1900–1941. München, 2008.
- Wehler H.-U.* Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918 // Deutsche Geschichte. Bd. 9. Kleine Vandenhoeck-Reihe. 1380. Göttingen, 1973.
- Wehler H.-U.* Krisenherde des Kaiserreichs 1871–1918. Studien zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte. Göttingen 1970.

DOI: 10.31857/S013038640022417-6

© 2022 г. В.С. МИРЗЕХАНОВ, Л.В. ЛАННИК

**БАКИНСКИЙ КРИЗИС В ИСТОРИИ БАТУМСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ:
КУЛЬМИНАЦИЯ НЕУДАВШИХСЯ ИМПЕРСКИХ ПРОЕКТОВ,
АВГУСТ–СЕНТЯБРЬ 1918 года**

Мирзеханов Велихан Салманханович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва, Россия).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Статья подготовлена в рамках Консорциума ИВИ РАН и МГИМО МИД России «Глобальная история: региональные и национальные составляющие».

Аннотация. Быстро развивавшаяся Батумская подсистема в августе–сентябре 1918 г. вступила в стадию открытого столкновения имперских претендентов на гегемонию в макрорегионе. Масштабы и значение военных действий приобрели новое измерение, ведь решался вопрос о контроле над крупнейшим нефтеносным районом, а также просматривались широкие перспективы дальнейшей экспансии Центральных держав на Среднем Востоке и в Центральной Азии. От исхода боев за Баку зависело не только снабжение топливом нескольких великих держав, но и баланс сил на османских фронтах Первой мировой войны, а также судьба целого ряда государственных проектов, положенных в основу переустройства южной периферии бывшей Российской империи. Военно-политические возможности Германии, Советской России, Британской и Османской империй значительно осложнялись серией конфликтов между силами, действующими в регионе, а также рядом инфраструктурных и технических трудностей. Это отложило реализацию имперских проектов, стало катализатором острого кризиса на других фронтах Первой мировой и Гражданской войн. Поступательный процесс оформления германской гегемонии и включения Батумской подсистемы в более масштабную структуру Брестской системы был приостановлен до перехода Первой мировой войны в стадию крушения Центральных держав. Битва за Баку обозначила не только потенциал, но и пределы возможных межимперских компромиссов. Сложность дипломатического противостояния вокруг трансформации Закавказья зачастую недооценивается при рассмотрении его на локальном уровне, однако обращение к архивным источникам и мемуаристике, в том числе неопубликованной, позволяет встроить многие региональные конфликты в глобальный имперский контекст, обнаружить закономерности в развитии военно-политической обстановки далеко за пределами рассматриваемого макрорегиона.

Ключевые слова: международные отношения, международные системы, межимперская конкуренция, распад империй, Первая мировая война, Гражданская война в СССР, Османская империя, Грузия, Армения, Азербайджан.

V.S. Mirzekhanov, L.V. Lannik

The Baku Crisis in the History of the Batum Subsystem: The Culmination of the Failed Imperial Projects, August–September 1918

Velikhan Mirzekhanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Moscow, Russia).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

The article is prepared as part of the IWI RAS and MGIMO MFA Consortium “Global History: Regional and National Components”.

Abstract. The rapidly developing Batum sub-system entered the phase of an open clash of imperial contenders for hegemony in the macro-region in August–September 1918. The scale and significance of the military operations took on a new dimension, with the issue of control over the largest oil-producing area at stake, and with broad prospects for further expansion by the Central Powers in the Middle East and Central Asia. Not only the supply of fuel to several great powers, but also the balance of power on the Ottoman fronts of the Great War as well as the fate of a number of state projects underpinning the reorganisation of the southern periphery of the former Russian Empire depended on the outcome of the struggle for Baku. The military and political capabilities of Germany, Soviet Russia, the British and Ottoman Empires were greatly hampered by a number of conflicts between forces operating in the region, as well as by a number of infrastructural and technical difficulties. This delayed the realisation of the imperial projects and was a catalyst for an acute crisis on other fronts in the Great War and the Russian Civil War. The gradual process of shaping German hegemony and incorporating the Batum sub-system into the wider structure of the Brest System was halted before the World War I had entered the stage of collapse of the Central Powers. The battle for Baku marked not only the potential for, but also the limits of possible inter-imperial compromises. The complexity of the diplomatic confrontation around the transformation of the Transcaucasus is often underestimated when viewed at a local level, but reference to archival sources and memoirs, including unpublished ones, enables many regional conflicts to be embedded in a global imperial context and reveals patterns in the military and political situation far beyond the macro-region in question.

Keywords: international relations, international systems, inter-imperial competition, collapse of empires, World War I, Civil War in the USSR, Ottoman Empire, Georgia, Armenia, Azerbaijan.

В последние дни июля 1918 г. в развитии Батумской подсистемы¹ началась новая и давно назревавшая фаза прямого межимперского столкновения. Шедшие до этого более месяца бои между Исламской армией и войсками Бакинской коммуны теперь трансформировались в еще один фронт открытого противостояния армий Антанты и Центральных держав, хотя состав воюющих в Азербайджане сторон изменился незначительно. Наиболее заметным – и крайне невыгодным для защитников Баку – отличием от прежнего этапа противостояния стал отказ от участия в боях пробольшевиcтских сил. Он явно планировался как тактическая пауза в схватке между бывшими союзниками по Бакинской коммуне, однако наглядно иллюстрировал критически важную неудачу Советской России в усилиях по закреплению контроля над нефтепромыслами и обеспечению дальнейших

¹ См. подробнее: *Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 5–22; *Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь–август 1918 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 5–28.

поставок топлива через Астрахань. Давно ожидавшееся прибытие англо-индийских войск генерала Л. Данстервиля в Баку носило откровенно символический характер, их появление нуждалось в подтверждении успехами на поле боя.

Детали британского вмешательства в схватку за нефтепромыслы далеко не сразу стали известны германской миссии в Тифлисе. Ее глава, генерал-майор Ф. Кресс фон Крессенштейн, быстро оценил перспективу взятия Баку войсками Нури-паши, ведь их стремление к этому можно было предполагать, несмотря на прямой запрет из Константинополя и старательно распространяемую дезинформацию с османской стороны. В отчете от 5 августа (написанном одновременно со штурмом Баку, но пока без сведений об этом) Кресс расценивал возможное овладение городом турецко-азербайджанскими войсками как решающее в проведении Портой своей политики на Северном Кавказе, в частности прорыв к грозненской нефти, что подрывало некоторые из назревавших у германских инстанций планы по закреплению этого региона в сфере влияния Кайзеррейха². Почти сразу после отправки этого предупреждения в Берлин пришли известия о болезненном поражении Нури-паши, столь внезапные, что находившийся с визитом в Тифлисе Халил-паша не смог скрыть реакцию³. Хотя опасения полного краха протурецких сил оказались несколько преувеличенными, именно с 5 августа начался новый этап в истории Батумской подсистемы: когда ее инициатор, претендовавший на гегемонию на всем ее пространстве, был вынужден признать, что реализовать свои цели даже на региональном уровне и даже урезав былые притязания ради сферы влияния Кайзеррейха без прямой германской помощи не сможет. Поэтому перед не отказавшимися от пантуранских амбиций младотурецкими лидерами⁴ возникала крайне сложная задача: достижения самой насущной оперативной цели – взятия Баку – за счет использования ресурсов Германии, а может быть, и ее войск, однако вопреки ее указаниям и так, чтобы не допустить установления германского контроля над нефтепромыслами и над Азербайджаном в целом. Именно таким сочетанием тенденций определялись динамика и состоятельность Батумской подсистемы в центральный период ее существования – вплоть до частичной реализации задач, поставленных Энвером-пашой и его соратниками.

Выяснение масштабов неудачи Нури-паши 4–5 августа и парирование импульсов к добровольному снятию осады Баку заняло несколько дней. Последовала серия новых мер поддержки Исламской армии, куда выехал лично командующий группой армий «Восток» Халил-паша. Оформили и вынужденное согласие Порты на более плотный германский контроль за кампанией под Баку. Благодаря умелому саботажу и неразвитым каналам информации последнее вновь оказалось фикцией, однако на этот раз иллюзии лояльного выполнения турками обязательств по строгому согласованию с Крессом боевых действий под Баку сохранялись значительно дольше. Чтобы предотвратить новый конфликт между Э. Людендорфом и Энвером, в Спа выехал начальник штаба османской Ставки Г. фон Сект, которому удалось быстро (11–12 августа) убедить главу Верховного командования сухопутных сил (Oberste Heeresleitung, ОХЛ) в важности компромиссной

² См. текст аналитической записки: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020. S. 651–652.

³ Массу деталей о субъективных факторах принятия и реализации важнейших решений в высших османских штабах, особенно во время боев за Баку в августе–сентябре 1918 г., сообщал начальник штаба группы армий Халила-паши Э. Паракен в пока не опубликованных мемуарах: *Paraquin E.* Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.]. Bl. 150ff.

⁴ См. подробнее: *Jäschke G.* Der Turanismus der Jungtürken. Zur osmanischen Außenpolitik im Weltkrieg // *Die Welt des Islams.* 1941. Bd. 23. Hf. 1–2. S. 1–54. Пантуранизм не исключал и значительно более интересовавшего германских агентов влияния панисламизма: *Kreutzer M.S.* Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Graz, 2012; *Will A.* Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis. Köln, 2012.

позиции⁵. Это было вызвано в основном тем, что с 8 августа началось быстрое ухудшение общего положения на Западном фронте, так что давление Ставки по всем проблемам восточной политики не прекратилось, но ослабло, сменившись минимальным контролем за действиями главы министерства иностранных дел (Auswärtiges Amt, AA) П. фон Хинтце, Секта и Кресса.

Поражение Исламской армии по итогам импровизированного штурма Баку 4–5 августа имело важнейшие последствия в силу его восприятия, а не реального значения для динамики сил, ведущих схватку за контроль над нефтепромыслами. Неожиданная победа пестрой коалиции защитников города нанесла серьезный удар по нестойкому боевому духу войск Нури-паши, а также продлила существование обреченной с момента своего формирования диктатуры Центрокаспия по меньшей мере на месяц, но общую логику Бакинской кампании это несколько не изменило. Значительно важнее были последовавшие крупные перемены в структуре германо-османского взаимодействия в макрорегионе, причем ощущение нехватки сил даже у Кайзеррейха привело к заведомо утопическим, но крайне показательным попыткам привлечь к демонстрации силы в регионе и Австро-Венгрию, но на второстепенном армянском направлении.

Победа пробританских сил в боях под Баку оказалась роковой для судьбы пришедшей к власти 29–31 июля коалиции сил. Она отрицательно сказалась на попытках любой ценой нарастить контингент сил Данстервиля на нефтепромыслах, хотя организационно-технические условия к этому уже были⁶. Максимум британских войск в городе был достигнут уже к 4–5 августа, а после победы почти не наращивался. Это же заставило большевиков, шокированных потерей контроля над городом, пытаться вернуть себе власть. Они рассчитывали на неизбежную дискредитацию британских «спасителей», а то и на неприятие дашнакского владычества азербайджанским и русским населением, которые были готовы подогреть бакинские комиссары, хотя многие из них были армянами. В первую неделю августа положение Советской России в Поволжье стало критическим как никогда, но в Баку об этом долго не знали (как и в Москве – о деталях обстановки на нефтепромыслах)⁷, так что по-прежнему рассчитывали на активную военную помощь и снабжение продовольствием. С учетом гуманитарной обстановки в городе это было жизненно важно и Центрокаспию, который поэтому был готов продолжить отпавку нефти в Астрахань, если бы сохранялось советское военное содействие и поставки. Но это было категорически отвергнуто Москвой, опасавшейся обвинений Германии в прямом сотрудничестве с Антантой, ведь возникшие еще в марте 1918 г. подозрения, что интервенция проходит в различных регионах «по соглашению»⁸, стали нарастать. В действительности новый акт интервенции в первые дни августа в Архангельске резко обострил отношения Совнаркома и стран Согласия. Председатель Бакинского СНК С. Шаумян и его соратники, не имевшие должной информации об общей стратегической обстановке, но действовавшие по ситуации в пределах региона, недооценивали остроту конфликта с «союзниками» и с трудом угадывали текущую позицию Ленина по данному вопросу. Бакинские большевики рассчитывали, что и без прибытия новых

⁵ Детали этого визита описаны не слишком подробно в его биографии, однако были обнаружены в дипломатических архивах: *Rabenau F.v., Seeckt H.v. Aus seinem Leben.* (Bd. 2). Leipzig, 1940. S. 40–41, 84; *Baumgart W. Das "Kaspi-Unternehmen" – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs?* 2 Tle. // *JfGO.* 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

⁶ Оригинал дневников Данстервиля (в отличие от мемуаров) дает об этом некоторое представление: *The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922* // URL: http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_main.html (дата обращения: 01.06.2022).

⁷ Решающие известия приходили через Царицын с большим опозданием, так что о событиях 25–31 июля узнали 7 августа, а о 4–5 августа – не ранее 17 августа. См.: Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957. С. 612–626.

⁸ См., например, о высадке в Мурманске: *Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924.* СПб., 2019. С. 59–62.

военных отрядов и вооружения из Астрахани им удастся укрепить силы сторонников коммуны настолько, что вскоре будет проведен контрпереворот, с которым немногочисленный британский контингент справиться не сможет. Союзный англичанам Л.Ф. Бичерахов едва ли пользовался поддержкой местного населения, ассоциируясь с терским казачеством и реставрацией царизма⁹.

В середине августа проявилось отложенное воздействие на планы сторон в Закавказье решений, принимаемых в Берлине и Москве. Парафированный еще 10 августа Добавочный договор между РСФСР и Германией, но без участия союзников последней, пытались скорректировать в Кремле, торгуясь еще более двух недель¹⁰. За это время в Совнарком получили более точные сведения о событиях и расстановке сил в Баку и убедились в необходимости прямого сотрудничества с Германией против Антанты не только на Русском Севере или против считавшейся проантантовской Добровольческой армии на Кубани, но и в Баку, чтобы его отвоевать. При формально антибританской цели не менее важной составляющей такого взаимодействия были гарантии от наступления турок. Казалось, только теперь сложилась оптимальная для гегемона Брестской системы ситуация, когда он мог по своему усмотрению выстроить взаимодействие и баланс сил между имперскими партнерами, контролируя их амбиции, чтобы затем распределить плоды победы над войсками враждебной великой державы.

Начало имплементации нового договора относительно Закавказья было связано с конкретными требованиями об отводе Исламской армии, так что германские военные и дипломаты в Константинополе вынуждены были сообщить Энверу-паше и великому визирию Талаату хотя бы некоторые детали будущей сделки с большевиками, заключенной фактически за спиной союзников по Четверному альянсу. К этому в Берлине приступили лишь 22 августа после крайне непростого торга с полпредом РСФСР в Германии А.А. Иоффе и наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным 19–21 августа, когда подписание стало необратимым, ведь о нем сообщили и лидерам обеих палат германского парламента, а советскому полпреду было передано из Совнаркома указание подписать договор. 23–26 августа османские элиты были извещены о подробностях будущего устройства Закавказья на основе учета не только германских, но и советских интересов, что шокировало Талаата, надеявшегося не допустить ратификации договора, даже если он будет подписан. Для этого он собрался выехать через Вену в Берлин под формальным предлогом¹¹. Австро-Венгрия неизменно была готова выступить посредником между Портой и Кайзеррейхом, справедливо ожидая от этого выгод с обеих сторон. Ее руководство не вполне одобряло сепаратную сделку старшего партнера с большевиками, считавшимися по-прежнему обреченными на свержение в ближайшее время¹². Суть предложений главы габсбургского МИД графа И. фон Буриана сводилась к признанию за османами

⁹ *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. 1917–1919. М., 2011.

¹⁰ До сих пор опубликованы лишь некоторые документы и детали этого сложного процесса. См.: Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сб. док. / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника, А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. М., 2022. С. 509–532; Baumgart W. Die "geschäftliche Behandlung" des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte. Historisches Jahrbuch für den Kreis Herford. Bd. 89 (1969). S. 116–152.

¹¹ Детали подготовки этого визита и меры по смягчению внутрикоалиционного конфликта подробно документированы, однако соответствующая подборка до сих пор не издана: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее – РА АА). RZ 201/11057–11059.

¹² В этом была повинна нехватка информации из Москвы, ведь представительство Австро-Венгрии в РСФСР оставалось крайне ограниченным: Horčíčka V. Die österreichisch-ungarische Politik gegenüber Sowjetrußland im Sommer und Herbst 1918. Die Mission des Generalkonsuls Georg de Pottere in Moskau // Österreichische Osthefte. 2004. Hf. 4. S. 485–514.

недавно аннексированных трех санджаков (при оговорках насчет порто-франко в Батуме)¹³, к возможным торгам между «брестским» и «батумским» вариантами восточной турецкой границы и к закреплению в османской сфере влияния Азербайджана (в том числе персидского), но без Баку. Такой вариант был бы приемлем для Энвера и тем более Нури-паши только в случае полного поражения в боях с Центрокаспием, а на это, как справедливо полагали младотурки, Германия едва ли согласилась бы. Ценой были бы дестабилизация и укрепление британского влияния и на другие этнические группировки по обе стороны Кавказского хребта.

Москва, Берлин и Константинополь — при отчаянных попытках Кресса в Тифлисе, Хопмана в Севастополе и других германских эмиссаров на местах разобраться в обстановке в столицах — последовательно обманывали друг друга, скрывая слабости и провалы и пытаясь использовать содействие партнера исключительно в своих целях под маской компромисса. В АА утверждали, что якобы последовательно информировали авторитетного османского посла в Берлине о ходе переговоров с Иоффе, но 29 июля посол Османской империи в Германии Ибрагим Хакки-паша умер, так что сведения могли не дойти до великого визиря и по этой причине. Османский генералитет последовательно отрицал подготовку к штурму Баку, пользуясь задержкой в связи и отсутствием конкретных указаний и у Кресса, и у германских офицеров в штабах Исламской армии. Большевики скрывали факт полной утраты контроля над Баку, арест комиссаров и прекращение поставок нефти. В конце августа скрываемые факты стали известны, однако информации, важнейшей для оценки реальных возможностей британцев и их потенциальных союзников, ни в одной из столиц не было, хотя соответствующие усилия предпринимались крайне настойчиво¹⁴. В еще более сложном положении находился Данстервиль: местные большевики были — что затем отразилось в мифе о бакинских комиссарах¹⁵ — неуступчивы и прямо сотрудничать с британцами отказывались. Прекрасно зная хрупкость своих позиций, Данстервиль мог надеяться лишь на продление непонятной ему паузы в активности Исламской армии и смутно подозревать, что вскоре его может выручить наступление Антанты на других театрах военных действий. Однако, хотя оно уже действительно началось, но пока лишь во Франции, эффект от этого (даже чисто информативный) сказался с многонедельным запозданием.

Заключение Добавочного договора и обмен тайными нотами к нему 27 августа, где вопрос о судьбе Баку был одним из важнейших, означали переход к новому этапу развития Брестской системы, характеризовавшемуся наиболее близким и комплексным сотрудничеством главных ее держав — Германской империи и Советской России. Это должно было вызвать кризисы в их отношениях с союзниками, что глава германской дипломатии П. фон Хинтце принимал в расчет¹⁶. Разрешение серии конфликтов с недовольными сделкой младшими партнерами являлось неотъемлемой частью процесса консолидации системы на основе вновь согласованных базовых ее параметров. Участь Батумских договоров — даже без

¹³ См. детали: *Маилян Б.В.* Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918—1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 129—161; *Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь—август 1918 г. С. 5—28.

¹⁴ См. подробнее: РА АА. RZ 201/11055/143-244. Огромную роль в обработке информации из самых разных источников играл лишь недавно удостоившийся специального исследования центр сбора и экспертной оценки: *Krug S.* Die “Nachrichtenstelle für den Orient” im Kontext globaler Verflechtungen (1914—1921). Strukturen — Akteure — Diskurse. Bielefeld, 2020.

¹⁵ Его каноническая версия оформилась еще при Сталине: *Токаржевский Е.А.* Бакинские большевики — организаторы борьбы против турецко-германских и английских интервентов в Азербайджане в 1918 г. Баку, 1949.

¹⁶ До сих пор есть лишь биографический очерк к масштабной публикации его документов, подчеркивающий значение этого деятеля в истории вильгельмовской Германии. См.: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903—1918 /* Engl. und Hrsg. von J. Hürter. München, 1998. S. 17—120.

учета тайных нот, о которых всем, кроме держав-подписантов, оставалось только подозревать¹⁷, — на этом была решена. Вне зависимости от дальнейшего откладывания Константинопольской конференции необходимый компромисс между Москвой и Берлином насчет Закавказья был, как тогда казалось, уже достигнут, так что наступала стадия принуждения к его условиям Османской империи и всех сторон, действующих в регионе. Сознвая это, в Берлин в начале сентября выехал лично великий визирь, намереваясь сорвать хотя бы ратификацию. Именно поэтому он в решающий и роковой момент кампании провел вдали от родины несколько недель, хотя его миссия была обречена изначально, ведь Добавочный договор был ратифицирован с невиданной быстротой (в течение 7–10 дней).

Приемлемое для османской стороны «редактирование» Батумской подсистемы сменялось открытым принуждением к ее пересмотру под диктовку Германии. Ревизия Батумских договоров осуществлялась на практике и до 27 августа: в виде постепенного наращивания германского влияния на основе грузинского плацдарма. Важным проявлением этого был повторный визит Кресса в Эривань (и к католикосу в Эчмиадзин) 30–31 августа. На этот раз он взял с собой Халила-пашу, что (якобы) должно было доказать тому, сколь чудовищное гуманитарное положение складывается из-за турецкого давления на Армянскую республику. Турецкий командующий изобразил видимость прозрения и готовность разрешить кризис, что вызвало у Кресса неоправданные иллюзии и готовность к новым компромиссам с османами¹⁸. Однако до сих пор давление на османскую экспансию с севера компенсировалось не только частичным содействием Германии Порте ради наступления в Персии, от чего ожидали смены общего вектора экспансии, но и явным ослаблением в регионе позиций Советской России, оказавшейся на грани потери остатков влияния. Британцы слишком долго не могли надежно закрепиться хотя бы в Гиляне, а их высадка в Баку в лучшем случае отложила его взятие турками, что к концу августа было очевидно и в первую очередь — самому Данстервилю¹⁹.

В начале сентября Кресс вновь подводил промежуточные итоги своей деятельности в Закавказье и давал оценку перспективам экспансии Центральных держав в целом. Он неустанно пытался заверить центральные инстанции в том, что османские лидеры ведут двойную игру, что они и не думают о заявленном отвоевании Багдада или экспансии в северной Персии, что взятые в Добавочном договоре обязательства (о тайных нотах он не знал) едва ли могут быть выполнены Германией без громадного ущерба для ее позиций, репутации и местных лояльных ей сил, включая немцев-колонистов²⁰. Хинтце, обладая совершенно иным уровнем оценки положения, был иного мнения, однако главной проблемой оставалось навязывание новой редакции всей Брестской системы всем союзникам и сателлитам Германии, от Финляндии до Порты, а потому судьба Баку его интересовала в контексте предстоящих дискуссий с великим визирем. Предстояло покончить с надеждами младотурок на признание (в любой форме) всех Батумских договоров, обозначив пределы возможного для османов в Закавказье и тем более в сопредельных регионах, а также условия германской поддержки любых дальнейших действий в Азербайджане и на Северном Кавказе. Масштабы локальных конфликтов и сомнительная лояльность местных повстанцев что грузинским, что казачьим, что любым другим властям становились все более

¹⁷ См.: *Ватлин А.Ю., Ланник Л.В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2021. № 5. С. 208–230. И советский, и германские подписанты договора и нот (Июффе, Криге и Хинтце) не раз в ответ на запросы повторяли распоряжение о сохранении нот в строгом секрете, не считая тех, кто будет прямо задействован в их реализации.

¹⁸ Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein. S. 670–676; *Paraquin E.* Op. cit. Bl. 157–162.

¹⁹ Это хорошо просматривается по советскому изданию его мемуаров: *Данстервиль*. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

²⁰ Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein. S. 664–670, 676–682.

очевидными²¹. Попытки несогласованной экспансии пресекались, навязывались территориальные компромиссы между новыми государствами и Портой, насколько это вообще было в сфере досягаемости германских военных и дипломатов.

В эти же дни после длительного периода скрытого накопления протурецких сил в Абхазии активизировались германские войска, заставившие вывезти всех «дезертиров» из региона на османскую территорию и занявшие прибрежную полосу до Адлера. Отвлекающий маневр турок мог вызвать и более жесткую реакцию Кресса, если бы в те же дни не оформилась новая угроза Грузии. 31 августа — 1 сентября пробывавшийся с боями по Черноморской губернии «Железный поток» из остатков Таманской армии красных разбил грузинские войска в Туапсе и мог двинуться далее на юг, однако вскоре свернул в горы, уходя от преследовавших его войск Добровольческой армии. 8 сентября в Туапсе вступили белые, которые продолжили не только преследование красных, но и наступление на юг, так что вскоре вплотную встал вопрос о взаимоотношениях тифлисского правительства уже не с РСФСР, почти готовой неофициально признать Грузию *de facto*, а с «единой и неделимой» генерала Алексеева, продолжавшей решаящие бои за овладение всем Северным Кавказом. Это почти сразу перечеркнуло сформировавшееся у Кресса к 9 сентября мнение о важности раздела потенциальной территории к северу от Кавказа на западную германскую и восточную османскую (Чечня и Дагестан) сферы влияния. Теперь предстояла схватка с вызывавшим более уважения и симпатии претендентом, Добровольческой армией и ее союзниками, что усложняло включение региона в пространство Брестской системы.

В Берлине в это время дождались официальной ратификации Добавочного договора обеими сторонами (6 сентября) и перешли к решающей стадии конвергенции создавшегося к тому моменту в Закавказье положения с Брестской системой, что требовало решения и других причерноморских проблем внутри Четверного союза. 10 сентября на полях начавшихся 7 сентября консультаций Талаата-паши с П. фон Хинтце, военным атташе Германии в Турции генералом О. фон Лоссовым и рядом других дипломатов османская сторона в особом меморандуме увязывала готовность Турции к компромиссу с Болгарией по границам во Фракии с признанием Кайзеррейхом всех закавказских государств и их установленных (т.е. Батумскими договорами) границ²². Порта еще позволяла себе торговаться и лавировать, надеясь использовать взаимные претензии Грузии и Армении в спорах вокруг Ахалциха и Ахалкалаков, но и не думала отказываться от экспансии на Каспии, заявляя, что без Баку создание Азербайджана невозможно. В начале сентября наступил краткий период почти парадоксальной попытки взаимодействия эриванского и младотурецкого правительств на основе надежд на территориальный компромисс. В Армении это полагали первым шагом к ревизии Батумского договора, а Порта считала важнейшим средством парирования усилий Берлина и Вены расширить их зону влияния в Закавказье под гуманитарным предлогом. Важными козырями младотурок были и старые связи с дашнаками (времен Абдул-Хамида II), и то, что пока только Османская империя признавала Армению и Грузию без оговорок. В Тифлисе и Ереване уже действовали послы Порты Абдул-Керим-паша и Мехмед-Али-паша. Талаат, пытаясь уклониться от главного обвинения со стороны союзников в ненасытной экспансии против христианских государств Закавказья, теперь выставлял себя чуть ли не ходатаем за их интересы в Берлине! Великий визирь откровенно заявлял, что его берлинская миссия увенчается или полным признанием Германией всех закавказских государств, или его уходом в отставку.

В те же дни германская дипломатия куда более была озабочена отчаянными попытками предотвратить сепаратное обращение Австро-Венгрии (нота графа И. фон Буриана

²¹ На примере Черноморской губернии их показал: *Воронович Н.* Меж двух огней (записки зеленого) // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 53—183, 321—334.

²² См. текст, а также комментарии «русского отдела» АА (Р. Надольны) к меморандуму, свидетельствующие о неготовности Германии принимать подобную базу для компромисса даже частично. 12 сентября последовал новый, более точный, меморандум, пока без особенных отличий от прежней позиции: РА АА. RZ 201/11073/216—229.

от 14 сентября) к воюющим державам с предложением о перемирии и начале переговоров без предварительных условий. В этом справедливо усматривали не только первый шаг к капитуляции, которая неизбежно стала бы безоговорочной, но и крах с таким трудом выстроенных под давлением германской Ставки жестких союзнических обязательств в рамках Четверного союза²³. Одним из вариантов потакания амбициям Вены были попытки заинтересовать ее в более активной экспансии в Закавказье, выделив необходимые для флота опорные пункты²⁴, предоставлением ей протектората над Арменией и обещаниями доли в поставках нефти из Баку, когда он окажется под германским контролем. Это должно было пресечь попытки совместной борьбы Порты и двуединой монархии против все более жесткого контроля над ними из Spa и Берлина²⁵, что добавило бы поводов для конфликта между двумя ослабевшими империями, которые далеко не сразу преодолели последствия аннексии Боснии в 1908–1909 гг. Постоянно поступающие предложения насчет присутствия в Армении вызвали определенный интерес у габсбургских элит, в том числе благодаря клерикальному оттенку миссии по защите «католических» стран (за которые порой выдавали не только Армению, но даже Грузию), на чем настаивал Святой Престол. Оккупация Одессы, Николаева и Мариуполя создавала лестную для Вены видимость того, что и Австро-Венгрия является черноморской державой, что ее мнение будет много значить на постоянно откладывавшейся конференции в Константинополе. Однако ни малейших шансов на хотя бы начало подобных усилий не было, ведь отсутствовали даже символические силы, которые можно было бы направить в Закавказье²⁶. В течение августа в габсбургской Ставке еще обсуждали теоретическую возможность отправить два-три или четыре батальона в Армению, о чем просили и армянские представители в Берлине²⁷. Эриванское правительство даже выражало готовность арестовать Андраника и других «provokatorov» конфликтов при гарантиях возвращения им Лори и Памбака, передачи большей части Карабаха и защите хотя бы символическим австро-венгерским гарнизоном. Но к началу сентября и такой контингент невозможно было выделить ни из резко сократившейся Восточной армии, с трудом поддерживавшей видимость оккупации трех украинских губерний, ни из очень скромных сил Дунайской монархии в Румынии, а тем более из состава уже приближавшихся к краху Салоникском и турецких фронтах в Палестине и Месопотамии. Никаких даже предварительных обязательств перед Арменией габсбургские эмиссары так и не приняли, успешно уклоняясь от конкретных вопросов.

Время работало против Центральных держав, их лидер до сих пор не обеспечил последующих шагов по экспансии в Закавказье. Для любых проектов имперской экспансии регионального уровня, подготавливаемой Крессом операции против Баку, и более крупного масштаба тяжелой проблемой оставалась инфраструктурная. С наступлением к Каспию и в обход него коммуникации Центральных держав постоянно удлинялись, а железнодорожная сеть была не только недостаточна, но все менее работоспособна, особенно

²³ Эта тема до сих пор разработана в историографии лишь частично, особенно относительно кампании 1918 г.: Müller M. Vernichtungsgedanke und Koalitionskriegsführung. Das Deutsche Reich und Österreich-Ungarn in der Offensive 1917–1918. Eine Clausewitz-Studie. Graz, 2003; Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 2. Россия в стратегии Центральных держав / под ред. И.Н. Новиковой, Н.А. Власова. СПб., 2014.

²⁴ Структуру контроля Центральных держав над всей черноморской акваторией см.: Ланник Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. Прил.

²⁵ Активным борцом с германским гегемонизмом был представитель Австро-Венгрии в Константинополе: Will A. Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.

²⁶ Некоторым паллиативом было бы формирование аналогичного германскому батальона из скопившихся в Закавказье австро-венгерских пленных. См.: Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1992. S. 169.

²⁷ Bihl W. Op. cit. S. 173–175.

быстро деградируя в османской зоне контроля. Основной сложнейшей задачей для про-британских и советских вооруженных сил с учетом положения на фронтах становилось господство в каспийской акватории, для чего не хватало ни тоннажа, ни судоремонтной базы, ни экипажей, ни возможностей быстро доставить все необходимое²⁸. Эту проблеме пытались решить, причем с конца сентября этим занялась и германская сторона²⁹, однако каждая из трех империй могла добиться ощутимых результатов только в течение нескольких месяцев и то при благоприятных обстоятельствах.

Накануне новой флуктуации в системе расстановки сил основных имперских претендентов в борьбе за регион продолжала меняться. Начавшаяся с символического присутствия в 1,6 тыс. военных (к концу июня 1918 г.) германская группировка в Грузии к 20 августа, т.е. к началу резкого усиления кайзеровских войск для будущей операции по взятию Баку, выросла до 5,2 тыс. Уже к 15 сентября с высадкой дополнительных сил она достигла 20 тыс., включая местные силы из вооруженных немцев-колонистов. Формирование такой численности оказалось почти невозможно снабжать и разместить, а потому о дальнейшем наращивании сил не могло быть и речи³⁰. Быстро перебросить всю эту группировку было невозможно: часть ее была необходима для поддержания порядка внутри Грузии. Планы Кресса по формированию крупной (до 40 тыс. человек) грузинской армии лишь недавно вступили в фазу реализации, а крупные поставки вооружения из Германии еще не обеспечивали достижения военной дееспособности Грузии³¹. Для операции по захвату нефтепромыслов и последующего контроля за предполагаемой территорией Азербайджана было необходимо не менее одной смешанной (12 тыс. бойцов) германской дивизии, не считая войск, что остались бы поддерживать власть грузинского правительства. Транспорт был неэффективен, а единственная (несмотря на планы по строительству дороги через Шемаху) железнодорожная ветка из Тифлиса к нефтепромыслам целиком занята удовлетворением нужд Исламской армии.

Срок возможного взятия Баку — даже при учете информации о небольших силах британцев и Центрочаспия — Кресс в середине сентября оценивал в четыре–пять недель. В этом пока что заключался пик военных возможностей Германии в регионе, достигнутый еще до начала крушения периферийных фронтов Центральных держав. Взятие Баку означало важнейшую, но далеко не конечную цель в общем контексте формирования германской зоны влияния в Закавказье. При решении хотя бы минимальных организационно-технических проблем именно отсюда намерены были протянуть каналы воздействия и информации не только в Туркестан, но и в Восточную Азию. Кайзеровские эмиссары были заинтересованы вовсе не в дальнейшем оформлении Азербайджана или территориальном расширении Грузии, а в стабилизации под своим контролем всего макрорегиона, а потому оказывались в противоречии едва ли не со всеми прочими участниками его трансформации. Баку становился целью значительно важнее Тегерана или Багдада, однако на осознание этого центральными ведомствами или даже германскими эмиссарами в Константинополе (особенно не одобрявшим кавказские проекты вообще послом графом И. фон Бернсторфом) не хватило времени.

²⁸ См., например: *Лишин Н.Н.* На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938; Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. Баку, 1971.

²⁹ См. о германском проекте создания ВМС на Каспии: *Baumgart W.* Das “Kaspi-Unternehmen”... Нф. I. S. 47–126; Нф. 2. S. 231–278.

³⁰ Хотя переброски войск из Севастополя продолжались, Кресс категорически возражал против этого, требуя паузы в транспортировке. Координировавший переброски А. Хопман имел иное мнение: *Hopman A.* Bericht, 13. August // Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971. S. 557ff. Anm. 432, 434.

³¹ Современная грузинская историография, разумеется, всемерно подчеркивает успехи германо-грузинского взаимодействия, последовавшие якобы почти немедленно: *Astamadze G.* Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.

Несмотря на наметившийся перелом в кампании 1918 г. в Гражданской войне в России на Восточном фронте, до восстановления прочного контроля над берегами Волги РККА было в середине сентября далеко, и прогнозировать сроки такого варианта пока затруднялись даже в высших советских инстанциях. В связи с этим возможные переброски войск в Баку могли быть лишь крайне ограниченными, доведя численность большевистских сил до нескольких тысяч человек и только в случае нового компромисса с Центрокаспием или хотя бы с дашнаками. Конфликт Совнаркома с Антантой нарастал из-за ее интервенции сразу в нескольких регионах. Перспектива восстановления власти большевиков на нефтепромыслах была неочевидна, хотя в Москве надеялись именно на это. В середине сентября продолжалась очень тяжелая (и в итоге неудачная) для РККА схватка за Северный Кавказ, окончательное поражение в которой красных было еще не предрешено, но было вероятно. Оно привело бы к краху любых надежд на более активное вмешательство в судьбу Закавказья, нежели поддержка местного подполья и повстанцев.

К этому же моменту достигла локального максимума возможностей и Исламская армия. Она по-прежнему была не в состоянии вести наступление одновременно против армянских дружин в Карабахе и против Баку. Отвод войск за указанные в Добавочном договоре линии³² был неприемлем, хотя бы из-за крайне нездоровой местности (малярия), выделенной под размещение Исламской армии. Дополнительных сил, помимо резко сократившихся османских «дивизий», было взять неоткуда, да и организовать снабжение более крупной группировки в окрестностях Баку было фактически невозможно. Лояльность азербайджанского населения и правительства хана Хойского уже подвергалась немалому испытанию из-за последствий османской оккупации Елизаветпольской и Бакинской губерний³³. При этом задачи перед Нури-пашой ставились самые широкие, включая будущее вторжение в Дагестан и налаживание связи с проосманскими силами в Туркестане³⁴. Младотурецкие лидеры осознавали все минусы участия крупного германского контингента в возможном взятии Баку и понимали, что время для самостоятельных действий истекает. Вполне возможным казалось и постепенное усиление британского контингента в Баку, особенно с учетом успехов английского влияния в Закаспии³⁵ и полного господства союзных британцам ВМС в акватории.

Сильнейшие опасения советского и османского командования, а также смутные подозрения в германских инстанциях были не оправданы: реальных возможностей для значительного укрепления британского контингента в Баку в ближайшей перспективе не существовало. Дополнительных сил не выделялось, ведь приоритет отдавался предстоящему вскоре наступлению в Палестине и Месопотамии³⁶. Отношения Данстервиля с его российскими союзниками, в том числе с Бичераховым, осложнялись, да и население Баку, не дождавшись снятия осады Исламской армией и решения основных проблем, особенно продовольственной, вновь стало выказывать симпатии большевикам. Всей остроты

³² См. текст 14-й статьи договора: Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора: в 2-х т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968. С. 612.

³³ Это подчеркивалось советской историографией в соответствующем подборе документов: Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957. Современная азербайджанская историография данной темы избегает, представляя османскую оккупацию исключительно освободительным походом см.: Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998.

³⁴ Талаат сделал эффектные заявления о миллионах мусульман, жаждающих вступить под власть султана и взять оружие ради победы Центральным державам: PA AA. RZ 201/11073/200-234; Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u.a., 2013. S. 158–167.

³⁵ См.: Лурия А.А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

³⁶ См.: The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922.

ситуации и дефицита сил британское командование в Месопотамии и курировавший британское влияние в Закаспии генерал Маллесон³⁷, по-видимому, не осознавали. Схватка за контроль над персидским Азербайджаном и Гиляном была далека от завершения, так что возникали опасения, что условно проосманские силы (Кучек-хан) вскоре могут пойти на штурм Энзели³⁸, что покончит с любыми бакинскими проектами англичан.

Таким образом, в середине сентября возникало впечатление равновесия сил, выходом из которого мог быть только альянс хотя бы двух империй (из четырех) против любой другой при нейтралитете оставшейся. Некоторые из возможных вариантов в текущей обстановке были исключены: например большевистско-британский альянс³⁹ против турок (и немцев), хотя подозрения в этом (и не беспочвенные) возникали постоянно. Еще более невероятным предстал сговор между Советской Россией и Турцией, балансирувавших на грани войны *de facto*, что стало очевидно в ближайшее время. Далеко не очевидным был вариант германо-турецкого взаимодействия, несмотря на формальный союз двух стран. Обе державы Четверного союза прилагали усилия к тому, чтобы парировать воздействие друг друга, и по возможности полностью, чтобы единолично распоряжаться ресурсами Баку. Однако цели Германии были сырьевыми и военно-оперативными, а Османской империи в первую очередь политическими и даже идеологическими. Значительно более вероятным, хотя и ни в коей мере не официальным, становилось взаимодействие пробольшевистских сил (как локальных, так и на базе Астрахани⁴⁰) с германскими войсками в случае наступления последних. Сравнительно успешная имплементация Добавочного договора к середине сентября была несомненна (выплата первого транша золотом, разблокирование ряда взаимовыгодных переговоров, резкое снижение военной напряженности под Петроградом и т.д.), поэтому выполнения тайных нот Москва и Берлин ожидали друг от друга со всей уверенностью, причем особенно заинтересованы в этом были в Совнаркоме. Условия тайных нот были таковы, что по ряду параметров их можно считать тайным «дисконтом» со стороны Германии к общему балансу базовой сделки с РСФСР в виде Добавочного договора. Позиции Германии и РСФСР сближал и общий страх перед возможным уничтожением нефтепромыслов британцами в случае затяжных боев за Баку в ходе новых неумелых попыток Исламской армии. Раньше чудовищными диверсиями (не считая и без того драматического падения производства)⁴¹ угрожали Кайзеррейху сами большевики (вне зависимости от реальных к тому возможностей). Теперь опасались повторения «румынского сценария»: т.е. осуществленного именно британцами в конце 1916 г. масштабного уничтожения нефтепромыслов перед оккупацией Валахии Центральными державами.

В такой стратегической обстановке состоялся апофеоз османского проекта на основе Батумской подсистемы: 14–15 сентября Исламская армия одержала неожиданную для всех (кроме находившихся в ее рядах турецких и германских офицеров) и сравнительно легкую победу, ликвидировав власть Центрокаспия и без особенного труда изгнав его британских покровителей. Ожесточенного боя Данстервиль (а тем более Бичерахов) не принял. Ожидаемые мощные погромы в городе бегству недавних «спасителей»

³⁷ См., подробнее: *Zürner W. Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344–380; Сергеев Е.Ю. Центральная Азия в советской и британской стратегии в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 122–134.*

³⁸ См., подробнее: *Zürner W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.*

³⁹ Его исключал по меньшей мере «заговор Локкарта», детальная реконструкция которого продолжает быть предметом различных предположений: *Шницер Д. Заговор Локкарта. Любовь, предательство, убийство и контрреволюция в России времен Ленина / пер. с англ. С. Мороз. СПб., 2022.*

⁴⁰ К сожалению, это геополитическое значение Астрахани недооценивалось советской историографией, хотя три разгромленных восстания в городе давали достаточно материала для подчеркивания этой проблемы. Современная историография проблемы невелика: *Шейн О.В. Астраханский край в годы революции и Гражданской войны (1917–1919). М., 2018.*

⁴¹ См. подробнее: *Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999.*

не помешали. Британский плацдарм в Баку так и остался эпизодом периода вакуума власти, быстро приобретаемым и столь же легко утрачиваемым. Фактом, весьма характерным для так и не упорядоченной структуры воздействия имперских участников, стало то, что благодаря информационному дефициту (или с его помощью?) и на основе неверной оценки манеры действий османского союзника решающий вклад во взятие города внесли германские генштабисты (Паракен и Майр), хотя в это же время их прямое начальство предпринимало все усилия, чтобы поставить все будущие операции против Баку под свой контроль и провести их только после прибытия значительных кайзеровских контингентов⁴². Османскому генералитету вновь удалось воспользоваться необходимой военно-технической помощью Кайзеррейха для целей, строго противоречивших намерениям последнего.

Известия о взятии Баку и поражении британцев стали полной неожиданностью для всех основных участников схватки за контроль над Закавказьем. Они вызвали очередную, но крайне непродолжительную флуктуацию в общей тенденции встраивания Батумской подсистемы в Брестскую систему международных отношений, т.е. помешали неуклонному блокированию османской экспансии и субъектной внешней политики Порты вообще, даже в том регионе, что пока оставался недосыгаемым для крупных силовых акций великих держав. Назревавший крах периферийных фронтов Четверного союза оказался лишь немного оттенен последней османской победой в Великой войне. Взятие Баку имело важное символическое значение, сыграло важнейшую роль в становлении азербайджанской государственности, но с точки зрения системных процессов представляло собой эпизод, логически завершавший прежний этап, но не способный заложить фундамент поступательного развития османской гегемонии в регионе. Последующие усилия Нури-паши по наступлению в Дагестане демонстрируют полный отрыв преследуемых целей от реально имевшихся в его распоряжении возможностей. Действительно настойчивые усилия лидеров эфемерной Горской республики по получению германо-османской военной помощи в любых видах⁴³ этой оценки не меняют.

Сворачивание самостоятельного османского проекта, направленного в сторону Каспийского моря и за него, было неизбежно еще с начала августа. Однако согласование его компромиссной ликвидации под управлением Берлина, оставившей Турции шансы на крупные территориальные приобретения, затянулось до момента, когда начался демонтаж — почти одновременно с Батумской подсистемой — и коалиции Центральных держав, и всей Брестской системы. Последняя, являясь масштабной попыткой переустройства Восточной Европы и Ближнего Востока без учета интересов Антанты и вопреки ее противодействию, была не способна пережить разгром Четверного союза, даже если бы его удалось затянуть на главных европейских фронтах, «отделавшись» сворачиванием далекой периферии. Любым расчетам на боевую ничью по итогам Великой войны пришел конец не позже 19 сентября, когда началось крушение турецких фронтов в Палестине и Месопотамии. По иронии судьбы в эти же часы назревала кульминация дипломатической борьбы вокруг определения статуса Баку в рамках упростившегося — до трех держав — межимперского компромисса.

Библиография / References

Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998.

Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. 1917–1919. М., 2011.

⁴² Поэтому решающие указания поступили к Крессу с огромным опозданием, а сам он, несмотря на все усилия, смог довести их до германских офицеров в Исламской армии только после взятия Баку: Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein. S. 679–682, 719–720; *Paraquin E.* Op. cit. Bl. 197–204.

⁴³ Дипломатическая переписка лидеров активно публикуется, например: Гайдар Баммат — известный и неизвестный. Сб. документов и материалов / сост. Х.М. Доного. Баку, 2015.

Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957.

Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сб. док. / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника, А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. М., 2022.

Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. Баку, 1971.

Воронович Н. Меж двух огней (записки зеленого) // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 53–183.

Гайдар Баммат – известный и неизвестный. Сб. документов и материалов / сост. Х.М. Доного. Баку, 2015.

Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918. Воспоминания / пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999.

Ланник Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Лишин Н.Н. На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938.

Маилан Б.В. Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918–1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 129–161.

Мирзаханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 5–22.

Мирзаханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь–август 1918 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 5–28.

Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 2. Россия в стратегии Центральных держав / под ред. И.Н. Новиковой, Н.А. Власова. СПб., 2014.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.

Сергеев Е.Ю. Центральная Азия в советской и британской стратегии в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 122–134.

Токаржевский Е.А. Бакинские большевики – организаторы борьбы против турецко-германских и английских интервентов в Азербайджане в 1918 г. Баку, 1949.

Улуян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Шейн О.В. Астраханский край в годы революции и Гражданской войны (1917–1919). М., 2018.

Шнир Д. Заговор Локкарта. Любовь, предательство, убийство и контрреволюция в России времен Ленина / пер. с англ. С. Мороз. СПб., 2022.

Azerbajdzhanskaja Demokratičeskaja Respublika (1918–1920). Armija (dokumenty i materialy) [Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920). Army (documents and materials)]. Baku, 1998. (In Russ.)

Bezugol'nyj A.Ju. General Bicherahov i ego Kavkazskaja armija [General Bicherakhov and his Caucasian Army] 1917–1919. Moskva, 2011. (In Russ.)

Bol'sheviki v bor'be za pobedu socialističeskoj revoljucii v Azerbajdzhane. Dokumenty i materialy 1917–1918 gg. [Bolsheviks in the struggle for the victory of the socialist revolution in Azerbaijan. Documents and materials of 1917–1918] / pod red. Z.I. Ibragimov et al. Baku, 1957. (In Russ.)

Brestskij mir: prolog, zaključenije, itogi: sbornik dokumentov [Brest World: prologue, conclusion, results: collection of documents] / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника, А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. Moskva, 2022. (In Russ.)

Denstervil'. Britanskij imperializm v Baku i Persii 1917–1918. Vospominanija [British Imperialism in Baku and Persia 1917–1918. Memoirs] / per. B. Rudenko. Tiflis, 1925. (In Russ.)

Gajdar Bammatt – izvestnyj i neizvestnyj. Sb. dokumentov i materialov [Gajdar Bammatt – known and unknown. Sat. documents and materials] / sost. H.M. Donogo. Baku, 2015. (In Russ.)

Igolkin A.A. Otečestvennaja neftjanaja promyšlennost' v 1917–1920 gg. [The domestic oil industry in 1917–1920]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii: Germanskaja okkupacija 1918 g. [After the Russian Empire: The German Occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Lishin N.N. Na Kaspijskom more. God Beloj bor'by [On the Caspian Sea. The Year of the White Struggle]. Praha, 1938. (In Russ.)

Mailjan B.V. Mezhdju Gruziej i Turciej: osobennosti irredentizma na primere Adzharii i Samche-Meshetii (1918–1921 gg.) [Between Georgia and Turkey: features of irredentism on the example of Adjara and

Samskhe-Meskhetia (1918–1921)] // *Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG* [Historical Space. Problems of the history of the CIS countries]. Moskva, 2015. S. 129–161. (In Russ.)

Mirzehanov V.S., Lannik L.V. Batumskaja podsystema kak prostranstvo osmanskoj gegemonii v Zakavkaz'e: k postanovke problemy [The Batumi subsystem as a space of Ottoman hegemony in Transcaucasia: towards the formulation of the problem] // *Novaja i novejschaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2021. № 3. S. 5–22. (In Russ.)

Mirzehanov V.S., Lannik L.V. Batumskaja podsystema mezhdunarodnyh odnoszenij: problemy stanovlenija i mezhimperskoj konkurencii, ijun'–avgust 1918 g. [The Batumi subsystem of international relations: problems of formation and inter–imperial competition, June–August 1918] // *Novaja i novejschaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2022. № 4. S. 5–28. (In Russ.)

Rossija v strategii Pervoj mirovoj vojny. Kn. 2. Rossija v strategii Central'nyh derzhav [Russia in the strategy of the First World War. T. 2. Russia in the Strategy of the Central Powers] / pod red. I.N. Novikova, N.A. Vlasova. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije odnoszenija: ot intervencii k priznaniju [Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations: from Intervention to Recognition], 1918–1924. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. Central'naja Azija v sovetskoj i britanskoj strategii v 1918 godu [Central Asia in Soviet and British strategy in 1918] // *Novaja i novejschaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2022. № 1. S. 122–134. (In Russ.)

Shein O.V. Astrahanskij kraj v gody revoljucii i Grazhdanskoj vojny [Astrakhan Region during the Revolution and Civil War] (1917–1919). Moskva, 2018. (In Russ.)

Shnir D. Zagovor Lokkarta. Ljubov', predateľ'stvo, ubijstvo i kontrrevoljucija v Rossii vremen Lenina [The Lockhart Conspiracy. Love, betrayal, murder and counterrevolution in Lenin's Russia] / per. s angl. S. Moroz. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Tokarzhevskij E.A. Bakinskije bol'sheviki – organizatory bor'by protiv turecko-germanskih i anglijskih interventov v Azerbajdzhane v 1918 g. [Baku Bolsheviks – organizers of the struggle against the Turkish-German and British interventionists in Azerbaijan in 1918]. Baku, 1949. (In Russ.)

Ulunjan A.A. Turkestanskij placdarm 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel'noe soobshhestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkestan bridgehead 1917–1922. The British Intelligence community and the British Government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Vatlin A.Ju., Lannik L.V. Tajnye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj szuzhet iz istorii sovetsko-germanskih odnoszenij na ishode Pervoj mirovoj vojny [Secret notes to the Supplementary Agreement of August 27, 1918: an unknown plot from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War] // *Novaja i novejschaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 208–230. (In Russ.)

Voennye morjaki v bor'be za vlast' Sovetov v Azerbajdzhane i Prikaspii [Sailors in the struggle for Soviet power in Azerbaijan and the Caspian region]. Baku, 1971. (In Russ.)

Voronovich N. Mezhdvuh ognij (zapiski zelenogo) [Between two fires (notes of the green)] // *Arhiv russkoj revoljucii* [Archive of the Russian revolution]. T. 7. Berlin, 1922. S. 53–183. (In Russ.)

Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhangigkeit und das deutsch-georgische Bundnis im Sudkaukasus. Paderborn, 2022.

Baumgart W. Das “Kaspi-Unternehmen” – Groenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // *JfGO*. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

Baumgart W. Die “geschaftliche Behandlung” des Berliner Erganzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte. *Historisches Jahrbuch fur den Kreis Herford*. Bd. 89 (1969). S. 116–152.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmachte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Koln; Weimar, 1992.

Friedrich Freiherr Kre von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebucher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

Horicka V. Die osterreichisch-ungarische Politik gegenuber Sowjetruland im Sommer und Herbst 1918. Die Mission des Generalkonsuls Georg de Pottere in Moskau // *osterreichische Osthefte*. 2004. Hf. 4. S. 485–514.

Jaschke G. Der Turanismus der Jungturken. Zur osmanischen Auenpolitik im Weltkrieg // *Die Welt des Islams*. 1941. Bd. 23. Hf. 1–2. S. 1–54.

Kreutzer M.S. Dschihad fur den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Graz, 2012.

Krug S. Die “Nachrichtenstelle fur den Orient” im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921). Strukturen – Akteure – Diskurse. Bielefeld, 2020.

Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u.a., 2013.

Muller M. Vernichtungsgedanke und Koalitionskriegsfuhrung. Das Deutsche Reich und osterreich-Ungarn in der Offensive 1917–1918. Eine Clausewitz-Studie. Graz, 2003.

Paraquin E. Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Engl. und Hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

Rabenau F.v., Seeckt H.v. Aus seinem Leben. (Bd. 2). Leipzig, 1940.

The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922 // URL: http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_main.html (access date: 01.06.2022).

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

Will A. Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.

Will A. Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis. Köln, 2012.

Zürrer W. Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344–380.

Zürrer W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.

DOI: 10.31857/S013038640020639-0

© 2022 г. **Е.Ю. ПОЛЯКОВА**

ИРЛАНДИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. ОТ ПЕРЕМИРИЯ К МИРНОМУ ДОГОВОРУ

Полякова Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: poleyu@mail.ru

Scopus Author ID: 57224407110; Researcher ID: ABE-5020-2020

Аннотация. В 2022 г. исполняется 100 лет со времени образования современного независимого ирландского государства. Ключевое значение для его создания и политической судьбы сыграл подписанный в декабре 1921 г. англо-ирландский договор, который на столетие определил направление политики ирландского государства, заложил основы современной ирландской государственности. Договор был подписан после двухлетней англо-ирландской войны, в которой провозглашенная в 1919 г. Ирландская Республика отстаивала свою независимость, когда обе стороны нашли в себе силы объявить перемирие и пойти на длившиеся пять месяцев переговоры. В статье рассматриваются события, повлиявшие на условия подписания договора, в том числе Закон 1920 г. об управлении Ирландией, предусматривавший создание двух ирландских парламентов – для Юга и Севера страны, фактически означавший ее раздел, а также комплекс сложных и драматических событий между перемирием и подписанием договора. Особое внимание уделено позиции британского премьера Д. Ллойд-Джорджа и лидера ирландских республиканцев И. Де Валеры по ключевым вопросам ирландского суверенитета и территориальной целостности, нашедшие отражение в их многомесячной переписке. Подписанный Британией мирный договор с непризнанной Ирландской Республикой стал отправной точкой ее движения к подлинной независимости.

Ключевые слова: англо-ирландский договор, Ирландская Республика, Британская империя, Ольстер, парламент, Доил, доминионы, И. Де Валера, Д. Ллойд-Джордж, Великобритания, национальные движения.

Е. Yu. Polyakova

Ireland During the War of Independence. From the Truce to the Treaty

Elena Polyakova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: poleyu@mail.ru

Scopus Author ID: 57224407110; Researcher ID: ABE-5020-2020

Abstract. The year 2022 is the 100th anniversary of the creation of the modern, independent Irish state. The Anglo-Irish Treaty of December 1921 was crucial to the political fortunes of the state, defining Irish state policy for a century and laying the foundations of modern Irish statehood. The treaty was signed after two years of Anglo-Irish war, in which the proclaimed Republic of Ireland fought for its independence, when both sides decided to declare a truce and began long-term negotiations. The author looks at the events that influenced the terms of the treaty, including the Government of Ireland Act 1920, which effectively divided the country by creating two parliaments, in the north and south of Ireland, and the complex and most dramatic events between the truce and the treaty. Particular attention is paid to the views of British Prime Minister David Lloyd-George

and Irish Republican leader Éamon de Valera. Their views on crucial issues of Irish sovereignty and territorial unity are reflected in their correspondence. The Treaty with the unrecognised Republic of Ireland became the starting point of its movement towards real independence.

Keywords: Anglo-Irish treaty, Republic of Ireland, British Empire, Ulster, parliament, Dáil Éireann, dominion, Éamon de Valera, David Lloyd George, Great Britain, national movements.

В 2022 г. исполняется 100 лет со времени образования современного независимого ирландского государства. В декабре 1921 г. был подписан англо-ирландский договор, который, по определению экс-премьера Ирландской Республики Л. Варадкара, на столетие определил направление политики ирландского государства. И хотя, пишет он, гражданская война в Ирландии закончилась в 1923 г., политика гражданской войны, т.е. раскола ирландского общества, реально закончилась лишь столетие спустя, в 2020 г., когда две крупнейшие политические партии, преодолев наследие гражданской войны, смогли сформировать правительство¹. Тем не менее отголоски векового раскола продолжают будоражить ирландское общество. Наиболее отчетливо это проявилось в отношении к юбилею открытия в июне 1921 г. североирландского парламента. Вопрос об участии в юбилейных торжествах вызвал в ирландском обществе острую дискуссию, а президент страны М. Хиггинс даже отказался принимать участие в церемонии.

Юбилей ирландской независимости привлек внимание не только политиков, но и историков, и публицистов. В республике было издано много книг и статей, освещающих связанные с договором события², что стало возможным благодаря открытию архивов и появлению новых документальных материалов, ставших доступными вследствие внедрения цифровых технологий. Так, продолжающие издаваться с 1998 г. «Документы ирландской внешней политики» теперь представлены в интернете³.

С появлением новых документов многие свойственные национальной историографии оценки договора подверглись сомнению или пересмотру. Кроме того, за прошедшие 100 лет сама история переговоров обросла множеством недостоверных деталей. В одной из недавно вышедших книг даже рассматриваются и разоблачаются бытующие в историографии и связанные с англо-ирландским договором мифы:

- Майкл Коллинз возглавлял ирландскую делегацию на переговорах;
- договор разделит Ирландию;
- Артур Гриффитс заключил секретную сделку;
- ирландская делегация нарушила обещание не признавать «присягу на верность королю»;
- подписанием договора делегаты фактически заблокировали для Ирландии другие возможности;
- делегаты не были едины при подписании договора и представлении его в Дойле⁴.

Следует заметить, что интерпретация этих утверждений зависит не только от новых документов, но и от позиции авторов. Опровержение или подтверждение их не является целью данной статьи. Этому посвящена указанная работа ирландского историка Кенни

¹ *Varadkar L.* The 1921 Treaty shaped Irish Politics for a century // *The Irish Times*. 25.V.2021. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/heritage/century/1921/leo-varadkar-the-1921-treaty-shaped-irish-politics-for-a-century-1.4555227> (дата обращения: 08.12.2021).

² *Friemann G.* The Treaty. The gripping story of the negotiations that brought about Irish independence and led to civil war. Newbridge, 2021; *McGreevy R.* Claim of British trickery in Anglo-Irish Treaty talks 'debunked' by memo // *The Irish Times*. 25.V.2021. URL: <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/claim-of-british-trickery-in-anglo-irish-treaty-talks-debunked-by-memo-1.4573673> (дата обращения: 28.01.2022); *Colum K.* *Midnight in London: The Anglo-Irish Treaty Crisis 1921*. Dublin, 2022; *Ireland 1922. Independence, Partition, Civil War* / eds D. Gannon, F. McGarry. Dublin, 2022.

³ Documents on Irish Foreign Policy: in 12 vol. Dublin, 1998–2022.

⁴ *Colum K.* Op. cit.

Колума. Однако приводимые в статье документы показывают фактическое развитие событий и роль каждого из участников переговоров.

Тем не менее, отмечая 100-летие современной ирландской истории, нельзя не согласиться с Лео Варадкарм в его оценке значимости договора, заложившего основу для создания современного ирландского государства⁵.

На протяжении последнего десятилетия в Ирландии отмечают 100-летие ирландской революции. 1910-е – начало 1920-х годов в Ирландии считают революционными, определившими судьбу ирландской революции, которая прошла две основные фазы: войну за независимость и гражданскую войну. В период войны за независимость 1919–1921 гг. параллельно с вооруженными действиями против британской армии, полиции и специальных сил осуществлялось строительство нового ирландского государства. Победившие на всеобщих парламентских выборах 1918 г. ирландские депутаты, большинство из которых представляло партию Шин Фейн, заявили о создании независимого ирландского парламента (Дойла), провозгласившего Ирландскую Республику. Было создано правительство в составе нескольких министерств и Ирландская республиканская армия (ИРА) для защиты молодого государства. Однако продолжали действовать и старые структуры: британская администрация, представители которой заседали в Дублинском замке, королевская полиция, суды, т.е. по факту существовало двоевластие.

Военное противостояние длилось более двух лет – с апреля 1919 г. по июль 1921 г., когда было объявлено перемирие. К середине 1921 г. военные действия достигли высшей точки и возникла патовая ситуация, когда ни одна из сторон не могла добиться преимущества. ИРА была малочисленна и истощена, ей не хватало вооружения. Британцы осуществляли интервенцию в Россию, сражались с Турцией в Малой Азии, подавляли выступления в колониях. В самой Англии росло движение против жестоких действий британских военных в Ирландии, которые подвергались критике со стороны Соединенных Штатов.

С осени 1920 г. были предприняты попытки договориться о перемирии, однако британская сторона выдвинула в качестве условий разоружение ИРА, участие Ирландии в оплате военного долга Великобритании, а для ее лидеров, в том числе для ее создателя и начальника разведки Майкла Коллинза, не предполагалась амнистия. Эти требования были отвергнуты Дойлом.

В конце 1920 г. перед Д. Ллойд-Джорджем возникла дилемма: продолжить охотиться за «бандой убийц», как он называл ИРА, но какой ценой и как долго? Или увеличить военный контингент в Ирландии, но тогда потребуются минимум год для восстановления там порядка.

10 декабря 1920 г. секретарь по делам Ирландии Х. Гринвуд заявил в палате общин британского парламента, что правительство готово предложить Ирландии перемирие при условии разоружения ИРА. Несмотря на неприемлемость выдвинутых предложений, идея перемирия разрабатывалась в кабинете Ллойд-Джорджа. В свою очередь, в интервью газете *New York Herald* в мае 1921 г. президент Ирландской Республики Де Валера выразил желание вступить в диалог с Ллойд-Джорджем⁶.

Параллельно с военными действиями в недрах британского кабинета разрабатывался очередной (четвертый) вариант гомруля – Акт об управлении Ирландией (*Government of Ireland Act*), предусматривавший создание в Ирландии двух парламентам – для Севера и Юга страны. Он получил королевское одобрение и стал законом в декабре 1920 г. По выражению британского экс-премьера Г. Асквита, «целью закона было предоставить части населения Ольстера парламента, который они не хотели, а остальной

⁵ *Varadcar L.* Op. cit.

⁶ *Torrance D.* The Anglo-Irish Treaty, 1921. Number CBP 9260. 11 October 2021. P. 8 // URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9260/> (дата обращения: 28.06.2022).

Ирландии – парламент, который не будет востребован»⁷. Этот закон положил начало разделу Ирландии. Замечание Асквита оказалось пророческим. В результате прошедших 24 мая 1921 г. выборов в Северной Ирландии был сформирован парламент, открывшийся в июне того же года. Избранный тогда же парламент Южной Ирландии (Доил) так и не приступил к работе.

Выступивший на открытии белфастского парламента король Георг V призывал ирландцев к миролюбию: «Я искренне желаю, чтобы мой приезд в Ирландию оказался первым шагом на пути к окончанию вражды между ее населением... Я призываю всех ирландцев проявить снисходительность, простить и забыть, и начать на земле, которую они любят, новую эру удовлетворенности, доброй воли. Открытие ольстерского парламента являет собой пример этого. Будущее – в руках самих ирландцев. Может быть, это историческое событие явится прелюдией к тому дню, когда ирландский народ на Севере и Юге ради любви к Ирландии начнет строить свои отношения на прочной основе взаимного уважения и справедливости»⁸.

Речь короля и его беспрецедентный визит в Белфаст были обращены не только к ольстерским юнионистам, но и к шинфейнерам, ведущим войну за независимость Ирландии. «Это событие, – сказал король, – касается всех, кого волнуют интересы Ирландии, и находит отклик в отдаленных частях империи»⁹. Инициатором послания короля стал южноафриканский премьер Ян Смагс. Находясь в Лондоне на имперской конференции за неделю до открытия белфастского парламента, он убедил Ллойд-Джорджа использовать визит короля для важного выступления, способного разрешить сложную ситуацию. Смагс полагал, что решение ольстерского вопроса будет способствовать миру в Ирландии.

Выступление короля было воспринято как сигнал к поиску политического решения, а неоднократное упоминание Ирландии как части Британской империи явилось установкой для будущих переговоров с ирландцами. Через несколько дней газета *The Times* писала, что настало время для перемирия¹⁰.

Созданием белфастского парламента британское руководство обеспечило себе плацдарм для переговоров о перемирии, условием которого становился раздел страны.

Против этого резко выступил лидер партии Шин Фейн и президент Доила Де Валера. В ответ на приглашение Ллойд-Джорджа приехать в Лондон для переговоров он написал, что «урегулирование невозможно, пока Ллойд-Джордж не признает единство Ирландии и ее право на самоопределение»¹¹. Тем не менее на протяжении двух последующих недель продолжалась переписка между Дублином, Белфастом и Лондоном, а также консультации в Дублине с участием ольстерских юнионистов.

Значительную роль в подготовке перемирия по поручению Ллойд-Джорджа сыграл генерал Смагс. 5 июля он прибыл в Дублин с миротворческой миссией, а 6 июля писал Ллойд-Джорджу: «Данная ситуация близка к катастрофе; рушатся все базовые принципы управления империей, что приведет к разрушению как внутриимперских, так и внешнеполитических отношений»¹². Он сумел убедить Де Валеру в необходимости мира и начала переговоров. 8 июля состоялся обмен телеграммами между Ллойд-Джорджем и Де Валерой о прекращении военных действий. 11 июля было объявлено перемирие, завершившее войну за независимость.

⁷ Ibidem.

⁸ *Torrance D.* Parliament and Northern Ireland, 1921–2021. House of Commons library. Number CBP-8884. 21 December 2020. P. 26 // URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8884.pdf> (дата обращения: 14.12.2021).

⁹ *Connell J.E.A., jr.* The Shadow War. Michael Collins and the Policy of Violence. Dublin, 2019. P. 301.

¹⁰ *The Times.* 24.VI.1921.

¹¹ Documents on Irish Foreign Policy. Vol. I. 1919–1922. Doc. № 136. P. 233.

¹² *Coogan T.P.* De Valera. Long Fellow, Long Shadow. London, 1995. P. 228.

Объявление перемирия стало определенным успехом шинфейнеров, поскольку означало признание их равноправной стороной переговорного процесса, а также легитимизацию ИРА. В переговорах, пишет У. Черчилль, «англичане и ирландцы выступали в качестве равноправных сторон»¹³. Перемирие означало готовность обеих сторон к переговорам на основе компромисса, хотя в обоих лагерях были противники этого решения. Британские консерваторы — члены кабинета и генералитет, в частности командующий британскими войсками в Ирландии генерал Н. Макреди, а также начальник имперского генштаба фельдмаршал Г. Вильсон, — будучи уверены в победе, настаивали на военном решении вопроса. В то же время многие республиканцы также были недовольны перемирием, считая, что у ИРА достаточно сил для продолжения борьбы. В республиканском лагере наметились разногласия, которые позднее проявились во время подготовки англо-ирландского договора, а в полной мере сказались во время дебатов по его ратификации в Дойле в начале 1922 г. На это указывал один из лидеров Шин Фейна, министр финансов ирландского правительства М. Коллинз, отмечавший, что после перемирия стало непонятно, кто друг, а кто враг¹⁴.

У. Черчилль в мемуарах пишет о стоявшей перед британским правительством альтернативе: «Или сокрушить их (шинфейнеров. — *Е.П.*) железом и беспощадным насилием, или дать им то, что они хотят». И далее: «Перед нами воистину стал ирландский призрак — страшный призрак, который не поддавался проклятью или убеждению»¹⁵. Перед британским правительством стояла сложная задача — не побояться потерять лицо и пойти (хотя и вынужденно) на соглашение, как принято сейчас говорить, с сепаратистами.

Из мемуаров Черчилля: «Ни одному британскому правительству нового времени не приходилось осуществлять столь полного и внезапного поворота в политике... В мае все силы государства и все влияние коалиции были направлены на то, чтобы “выкурить из нор банды убийц”, а в июне целью английской политики стало “прочное примирение с ирландским народом”»¹⁶. Конечно, как уже указывалось выше, это было вынужденное примирение.

14 июля 1921 г. в Лондоне начались переговоры между возглавляемой Де Валерой ирландской делегацией и англичанами во главе с Ллойд-Джорджем, а 20 июля были представлены «Предложения британского правительства по ирландскому урегулированию». Ирландии предлагался статус самоуправляющегося доминиона в составе 26 графств с автономией в области финансов и налогообложения, с ограниченной по размеру армией и отсутствием флота, при полном признании прав североирландского парламента. Получая ограниченное самоуправление, Ирландия становилась членом Британского Содружества во главе с британским монархом¹⁷. Де Валера настаивал на признании полного суверенитета Ирландии, но, получив отказ, отверг британские предложения.

В ходе продолжавшихся несколько месяцев переговоров между делегациями и переписки Де Валеры и Ллойд-Джорджа стало очевидно, что Ирландия не получит независимости в виде республики. Реальным вариантом решения был самоуправляющийся доминион в составе Британского Содружества с генерал-губернатором и присяга на верность британской короне при признании раздела страны.

Понимая это, Де Валера пытался расширить рамки возможности суверенитета для Ирландии. Он предложил свой план, получивший название «Внешняя ассоциация с Британским Содружеством». Согласно этому плану, Ирландия получала независимость во внутренних вопросах, будучи связанной с Британской империей на внешнеполитической арене, т.е. Ирландия становилась ассоциированным членом Британской империи, а не ее частью. Главой ассоциации становился британский король, но его власть была бы

¹³ Черчилль У. Мировой кризис. 1918—1925. М., 2014. С. 200.

¹⁴ Connell J.E.A., *junr.* Op. cit. P. 305.

¹⁵ Черчилль У. Указ. соч. С. 195.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Documents... P. 236.

номинальной. Фактически именно такой статус получила ставшая в 1948 г. республикой Индия. Однако в 1921 г. время для этого еще не настало.

За поддержкой Де Валера обратился к генералу Сматсу. В письме к нему 31 июля Де Валера писал, что предложения британского правительства не могут быть приняты ирландцами. Он указывал на невозможность раздела Ирландии и отказа от республики как символа национального самоопределения. При этом он отмечал, что по другим вопросам ирландский народ готов пойти на жертвы. «Нам необходимо Ваше понимание ситуации», — писал он, обращаясь к Сматсу¹⁸. Де Валера через посредников просил Сматса организовать встречу с премьером Северной Ирландии Дж. Крейгом для обсуждения статуса Ольстера и возможности создания единого ирландского государства.

В ответном письме Сматс отмечал, что в данной ситуации невозможно заставить Ольстер объединиться с остальной Ирландией: «Мой совет — оставить Ольстер в покое. Только так можно достичь практического решения. Я понимаю, как отталкивающе это звучит для ирландских патриотов, для которых ирландское единство является основой, без которой не может быть соглашения. Но в борьбе за идеал приходится мириться с неизбежным»¹⁹. Сматс считал в данный момент республику недостижимой целью и рекомендовал принять статус доминиона. Этот статус, по мнению Сматса, намного шире, чем предлагавшиеся либеральными правительствами У. Гладстона и Г. Асквита варианты гомруля. Статус доминиона дает возможность стать «свободным и равноправным членом великой Лиги государств (Британского Содружества. — *Е.П.*)»²⁰.

Не получив поддержки, Де Валера 10 августа отверг британские предложения, а 13 августа Ллойд-Джордж написал ему в ответ, что бессмысленно продолжать теоретическое обсуждение национального статуса Ирландии, указав, что британское правительство никогда не признает ее отказа от подданства монарху²¹.

Переписка продолжалась и во время отдыха Ллойд-Джорджа в Гэрлохе в Шотландии. В начале сентября в письме Де Валере он отметил, что их переписка затянулась и правительство Его Величества требует ответа на вопрос, готова ли ирландская делегация участвовать в конференции в Инвернесе (в Шотландии. — *Е.П.*) 20 сентября, чтобы понять, «каким образом ассоциация Ирландии с сообществом наций, известным как Британская империя, может соответствовать ирландским национальным интересам»²².

После жесткого ответа Де Валеры, что он может участвовать в конференции только как представитель независимого и суверенного государства, Ллойд-Джордж отменил встречу и взял время для консультаций с коллегами. «Ваши условия означают признание независимой республики, и пока Вы настаиваете на этом, конференция между нами невозможна», — писал он Де Валере. Премьер подчеркивал, что только британский король может оставаться во главе будущего ирландского государства: «лояльность монарху — основа империи и ее конституции»²³.

29 сентября Ллойд-Джордж отправил новое приглашение ирландской делегации посетить Лондон для переговоров 11 октября. На следующий день приглашение было принято. На этом закончилась длившаяся два месяца переписка Ллойд-Джорджа и Де Валеры. Из ее анализа очевидно, что после образования Северной Ирландии и отказа ее премьер-министра Дж. Крейга обсуждать с Де Валерой раздел Ирландии главным вопросом переговоров становилась лояльность британской короне. Отправляя делегацию в Лондон, Де Валера понимал, что республику отстоять не удастся, поскольку это фактически

¹⁸ Ibid. P. 250.

¹⁹ Letter from General Smuts to Mr. de Valera. 4 August 1921. P. 10 // URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/small/cab-24-128-CP-3331.pdf> (дата обращения: 16.02.2022).

²⁰ Ibid. P. 11.

²¹ The Prime Minister's Reply to Mr. de Valera's letter of August 10, 1921. August 13, 1921. P. 14 // Ibidem.

²² The Prime Minister's Reply to Mr. de Valera's letter of August 30, 1921. September 7, 1921. P. 19–20 // Ibidem.

²³ The Prime Minister's Reply to Mr. de Valera's letter of September 16, 1921. September 17, 1921. P. 21 // Ibidem.

было условием начала переговоров, но вопрос о границе будущего ирландского государства оставался открытым²⁴.

Завершившиеся англо-ирландским договором переговоры начались 11 октября и продолжились восемь недель. Неопытным ирландским политикам противостоял цвет британского истеблишмента. Британскую делегацию возглавлял Ллойд-Джордж. В нее входили лидер консерваторов в палате общин О. Чемберлен, секретарь по делам колоний У. Черчилль, лорд-канцлер Ф. Биркенхед, военный министр сэр Л. Вортингтон-Эванс, главный секретарь по делам Ирландии сэр Х. Гринвуд и главный прокурор сэр Г. Хьюарт.

Ирландскую сторону представляли министр иностранных дел А. Гриффитс (фактически глава делегации), министр финансов М. Коллинз, министр экономики Р. Бартон, адвокат И. Дагган, политик и дипломат Ч.К. Даффи и секретарь делегации Е. Чайлдс.

На самом деле вместе с ирландскими делегатами в Лондон приехало 70 человек: 4 секретаря, 28 советников и помощников, 13 телохранителей, 7 диспетчеров, 12 служащих по дому и др. Это были люди разного социального происхождения, отличавшиеся по своему культурному, финансовому, экономическому положению и политическим взглядам.

Цель приезда сопровождающего персонала заключалась в демонстрации ирландской независимости и серьезности предстоящей миссии. В целях безопасности делегацию разместили в двух разных помещениях в километре друг от друга. Существовали опасения, что в случае провала переговоров английские власти могут арестовать Коллинза. Министр финансов, приехавший в Лондон на день позже других делегатов и живший со своим штабом отдельно от них, ежедневно получал анонимные письма с угрозами, адресованными «лидеру ирландской банды убийц» с изображениями гробов, мертвых голов и других символов смерти. Его охранял отряд из пяти преданных вооруженных бойцов. Ввиду постоянных угроз делегация перемещалась в резиденцию премьер-министра на Даунинг стрит 10, где проходили переговоры, на роллс-ройсах и держала наготове самолет для экстренной эвакуации. Кроме того, не доверяя британской почтовой службе и телефонной связи, делегаты пользовались курьерами, ежедневно курсировавшими между Лондоном и Дублином.

Среди женщин были секретари, стенографистки, помощницы по дому, повара. Для незамужних женщин специальным решением кабинета были выделены сопровождающие, поскольку в соответствии с общественной моралью того времени они не могли жить в одном доме с мужчинами.

Отказ Де Валеры участвовать в переговорах произвел эффект разорвавшейся бомбы. Он сам объяснял это решение необходимостью оставаться в Дублине в качестве символа республики. Однако не все члены правительства поддерживали это решение. Гриффитс и Коллинз были в ярости. Они полагали, что Де Валера не хочет, чтобы его имя ассоциировалось с предстоящим компромиссом — с признанием статуса доминиона и отказом от провозглашенной республики. Это решение остается наиболее противоречивым во всей его политической карьере и до сих пор вызывает множество споров.

Среди членов делегации не было единства по поводу позиции на переговорах. Более компромиссно были настроены Гриффитс, чьим идеалом была дуалистическая монархия, и Коллинз. Последний вообще не хотел участвовать в так называемой мирной конференции, считая себя солдатом, а не дипломатом, но он понимал, что молодая ирландская армия истощена, недостаточно вооружена и любое мирное соглашение, даже компромиссное, предпочтительнее разрушительной войны. В то же время радикально настроенный Бартон считал ошибкой отказ от признания республиканского статуса в качестве условия для начала переговоров. «Англичане отказались признать нас как представителей Ирландской Республики, и наше согласие начать переговоры стало, возможно,

²⁴ Ibid. P. 24.

основной причиной нашей неудачи»²⁵. Разногласия между делегатами сыграли негативную роль в ходе переговоров.

В центре внимания переговорщиков было пять основных пунктов: лояльность британской короне, Северная Ирландия, торговля, фискальная автономия и оборона. Обсуждение вопросов торговли касалось возможности введения пошлин, финансовые проблемы затрагивали участие Ирландии в выплате долга Соединенного Королевства, пенсий и земельных платежей за выкуп принадлежавшей английским лендлордам ирландской земли. Вопросы обороны касались сохранения британского контроля над рядом ирландских портов. Для ирландской делегации в центре внимания были статус и территория Северной Ирландии, конституционный статус и суверенитет молодого ирландского государства, особо болезненный вопрос присяги на верность британской короне. Об этом свидетельствует регулярная переписка Гриффитса с Де Валерой.

Несмотря на то, что к моменту начала переговоров образование белфастского парламента сделало раздел Ирландии свершившимся фактом, деволуции, т.е. фактической передачи власти, не произошло. Переговоры по ольстерскому вопросу продолжались весь октябрь. Ирландцы требовали отказа Северной Ирландии от независимого парламента либо подчинения его парламенту в Дублине. Эти предложения были направлены североирландскому премьеру. Однако Крейг, опиравшийся на политическую поддержку Лондона, игнорировал предложения шинфейнеров. Он ответил решительным отказом, поставив вопрос о статусе доминиона для Северной Ирландии²⁶.

В целом, британские предложения сводились к следующему. Непризнанной ирландской республике предоставлялся статус доминиона в составе Британского Содружества во главе с королем Георгом V, представленным генерал-губернатором. Ирландская сторона регулярно сообщала в Дублин результаты многочисленных заседаний и получала рекомендации от кабинета министров, который отверг предложенный британцами проект договора.

К концу месяца ситуация накалилась настолько, что возникла угроза срыва переговоров и возобновления войны. Не удавалось прийти к соглашению и в вопросе признания верховной власти британского короля. Это было неприемлемо для большинства членов ирландской делегации, но особое неприятие вызывало требование принесения ирландскими парламентариями присяги на верность британскому монарху. «Мы все здесь считаем для ирландского народа невозможным признание верховной власти британской короны и принесение присяги на верность монарху. Если война является альтернативой, то мы к ней готовы», — писал Де Валера Гриффитсу в Лондон²⁷.

Отсутствие прогресса в переговорном процессе вызывало недовольство среди наиболее «твердолобых» представителей консервативной партии, состоявших в тесной связи с юнионистами Ольстера и опасавшихся за его судьбу. Имея большинство в коалиционном кабинете, они угрожали выходом из его состава и вотумом недоверия Ллойд-Джорджу. Предстоявший 17 ноября съезд консерваторов мог изменить ситуацию в партии в пользу «твердолобых» во главе с активным противником ирландской независимости А. Бонар Лоу.

Хитроумный премьер, зная о разногласиях среди лидеров Шин Фейна, сосредоточил усилия на Гриффитсе и Коллинзе. Во время нескольких личных встреч, увязав признание верховной власти короля с ольстерским вопросом, Ллойд-Джордж добился от министра иностранных дел Ирландии ряда уступок. В ответ на обещание не разделять Ирландию он вынудил последнего согласиться, хотя и в видоизмененном виде, на признание королевской власти. При этом Ллойд-Джордж потребовал от Гриффитса личных письменных гарантий. 2 ноября Гриффитс написал Ллойд-Джорджу: «Я готов рекомендовать

²⁵ Connell J.E.A., *junr.* Op. cit. P. 312.

²⁶ Torrance D. The Anglo-Irish Treaty, 1921. P. 12.

²⁷ Documents... P. 291.

свободное партнерство Ирландии с другими странами, входящими в Британское Содружество... На этих же условиях я готов рекомендовать Ирландии признать короля как главу предлагаемой ассоциации свободных государств. ...Мое отношение обусловлено признанием единства Ирландии»²⁸.

Весь ноябрь продолжалась дипломатическая эквилибристика и попытки сблизить позиции. В стремлении соединить несоединяемое Ллойд-Джордж обещал единство Ирландии, в то же время заверяя североирландского премьера, что права Ольстера не будут ущемлены и компромисса не потребуются. Было решено, что в течение года после подписания соглашения североирландский парламент должен решить, какую форму деволюции он предпочтет — в составе нового доминиона или Соединенного Королевства. Ллойд-Джордж предложил создать Пограничную комиссию для урегулирования территориальных вопросов, и ирландцы полагали, что оно будет в пользу ирландского государства, т.е. в него войдут два графства (Фермана и Тайрон) с преимущественно католическим населением. Это, по их мнению, сделало бы североирландское государство нежизнеспособным.

К началу декабря вопросы верховной власти монарха и связанной с этим парламентской присяги не были согласованы. Представленный англичанами проект договора не устраивал ирландских представителей, и они отправились в Дублин для консультаций. Ситуация вновь оказалась на грани срыва.

Дальше события развивались с необычайной скоростью и драматизмом. На заседании ирландского кабинета министров 3 декабря президент Де Валера твердо заявил, что не подпишет документ, в котором содержится присяга на верность британскому королю и возможность Ольстера голосовать за выход из состава ирландского государства. Он возложил всю ответственность на ирландскую делегацию, которая должна вернуться в Лондон и представить поправки к договору. В случае неудачи надо готовиться к последствиям вплоть до военных. Однако окончательное решение по утверждению договора, по предложению Гриффитса, должно было принадлежать Дойлу.

Большинством голосов проект договора был отвергнут. Де Валера предложил поправку, в которой присяга принималась на верность конституции Ирландского Свободного Государства, Договору об Ассоциации и признавала короля Великобритании главой ассоциации. Решением кабинета Де Валера на этой стадии переговоров оставался в Дублине. С этим ирландская делегация в тот же день отбыла в Лондон²⁹.

Фактически позиции обеих сторон вернулись к октябрьской точке. Провал переговоров был неизбежен. 4 декабря британская делегация прервала переговоры, но на следующий день состоялась личная встреча Ллойд-Джорджа с Коллинзом, на которой премьер использовал Пограничную комиссию как рычаг, убедив министра финансов Ирландии в возможности включения двух католических районов в состав Ирландского Свободного Государства.

В тот же день, 5 декабря, Ллойд-Джордж объявил ирландской делегации ультиматум. При этом он использовал шантаж против Гриффитса, предъявив полученное от него в ноябре письменное согласие, в котором говорилось о единстве Ирландии. Дав три часа на размышление, он потребовал всех делегатов подписать Статьи Соглашения, угрожая в противном случае немедленной войной.

Ирландская делегация раскололась. Гриффитс, Коллинз и Дагган были готовы подписать, Бартон, Даффи и Чайлдерс — нет. По воспоминаниям Чайлдерса, решающее обсуждение проходило в тяжелой атмосфере гнева, отчаяния и паники. Все вели себя по-разному. Гриффитс страстно агитировал за подпись, Коллинз молчал, Бартон и Даффи отстаивали свои позиции. По существу, выбор был между войной и миром. Через много лет Бартон признался, что это была страшная борьба: «Нас называли убийцами, которых

²⁸ Ibid. P. 299.

²⁹ Ibid. P. 346–347.

надо повесить на фонарных столбах, поскольку мы хотим разрушить все то, за что они боролись»³⁰.

Почему в этот решающий момент ирландские делегаты не позвонили в Дублин? На это нет однозначного ответа. Существует мнение, что Де Валера был вне доступа, а правительство не стало бы решать без него. Кроме того, у ирландских делегатов не было точного представления о своих полномочиях. Несмотря на то, что Дойл назначил их полномочными представителями на мирной конференции с правом заключить договор с Британией, Де Валера в сопроводительном письме ограничил действия делегатов. Отказавшись возглавить делегацию на переговорах в Лондоне, он хотел тем не менее контролировать происходящее из Дублина. Поэтому он предписал делегатам не принимать окончательного решения и не подписывать текст документа без консультации с членами кабинета. Это давало ему возможность наложить вето на проект договора³¹.

В любом случае ирландцы остались один на один с жесткой дилеммой — договор или война. И они сдались. В ночь на 6 декабря 1921 г. англо-ирландский договор был подписан.

Согласно Статьям Соглашения о договоре между Великобританией и Ирландией (таково его официальное название) через 12 месяцев Ирландия становилась доминионом под названием Ирландское Свободное Государство (ИСГ) в составе Британской империи и членом Британского Содружества. Главой государства признавался британский король, которого представлял генерал-губернатор. Ирландские парламентарии должны были присягать на верность конституции ИСГ и британскому королю Георгу V. Северная Ирландия получала право в течение месяца выйти из состава ИСГ, чем она незамедлительно и воспользовалась. Границы ее территории определялись создаваемой Пограничной комиссией, которая так и не приступила к работе. Британия сохраняла контроль над некоторыми ирландскими портами, а ИСГ брало на себя обязательство обслуживать часть долга Соединенного Королевства и обеспечивать земельные платежи за некогда принадлежавшую английским лендлордам землю.

Условия подписанного мирного договора для Ирландии были вынужденным компромиссом и дались ирландской делегации нелегко. В своих мемуарах Черчилль делится наблюдениями об эмоциях Коллинза во время подписания документа: «У него было выражение лица человека, готового убить кого-либо, вероятнее всего самого себя. За всю мою жизнь я никогда не видал лица, на котором читалось бы столько страсти и сдержанного страдания»³². Сам Коллинз говорил, что в то утро подписал себе смертный приговор, хотя был убежден, что в тех обстоятельствах условия договора были наиболее реалистичными³³.

К сожалению, подписанный договор не привел к миру, поскольку между его сторонниками и противниками разгорелась гражданская война. Но народ Ирландии получил, хоть и ограниченную, возможность строить национальную жизнь или, по выражению Коллинза, свободу, чтобы достичь свободы. По этому поводу Черчилль написал: «В этот памятный момент история изменила свое направление, и потоки судьбы потекли по новым руслам и в новые моря»³⁴.

После ратификации договора в Дойле и Вестминстере он получил королевское одобрение и 31 марта 1922 г. стал законом. Принятие 6 декабря 1922 г. конституции ИСГ считается официальной датой создания современного ирландского государства.

³⁰ *Friemann G.* “The British were braced for failure”. How the Anglo Irish Treaty of 1921 was negotiated // *The Irish Times*. 4.XI.2021. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/heritage/the-british-were-braced-for-failure-how-the-anglo-irish-treaty-of-1921-was-negotiated-1.4743814> (дата обращения: 28.06.2022).

³¹ *Documents...* P. 272.

³² *Черчилль У.* Указ. соч. С. 207.

³³ *Parkinson A.* *A Difficult Birth. The Early Years of Northern Ireland 1920–1925.* Dublin, 2020. P. 137.

³⁴ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 207.

В тяжелейший период послевоенной разрухи, революционных потрясений и распада империй обе стороны конфликта после двух лет военных действий смогли пойти на перемирие. Могущественная Британская империя, правда, под влиянием обстоятельств, нашла возможность начать переговоры с «сепаратистами и бандитами», по выражению того же Черчилля, и подписать мирный договор с непризнанной республикой, ставший отправной точкой ее движения к подлинной независимости.

Библиография / References

- Черчилль У.* Мировой кризис. 1918–1925. М., 2014.
Cherchill' U. Mirovoi krizis. 1918–1925 [The World Crisis. 1918–1925]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Colum K.* Midnight in London: The Anglo-Irish Treaty Crisis 1921. Dublin, 2022.
- Connell J.E.A., jnr.* The Shadow War. Michael Collins and the Policy of Violence. Dublin, 2019.
- Coogan T.P.* De Valera. Long Fellow, Long Shadow. London, 1995.
- Friemann G.* “The British were braced for failure”. How the Anglo Irish Treaty of 1921 was negotiated // The Irish Times. 4.XI.2021. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/heritage/the-british-were-braced-for-failure-how-the-anglo-irish-treaty-of-1921-was-negotiated-1.4743814> (access date: 24.01.2022).
- Friemann G.* The Treaty. The gripping story of the negotiations that brought about Irish independence and led to civil war. Newbridge, 2021.
- Ireland 1922. Independence, Partition, Civil War / eds D. Gannon, F. McGarry. Dublin, 2022.
- Kenny C.* Midnight in London: The Anglo-Irish Treaty Crisis 1921. Dublin, 2022.
- McGreevy R.* Claim of British trickery in Anglo-Irish Treaty talks ‘debunked’ by memo // The Irish Times. 25.V.2021. URL: <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/claim-of-british-trickery-in-anglo-irish-treaty-talks-debunked-by-memo-1.4573673> (access date: 28.01.2022).
- Mitchell A.* Revolutionary Government in Ireland. Dail Eireann 1919–1922. Dublin, 1995.
- Parkinson A.* A Difficult Birth. The Early Years of Northern Ireland 1920–1925. Dublin, 2020.
- Torrance D.* Parliament and Northern Ireland, 1921–2021. House of Commons library. Number CBP-8884. 21 December 2020. P. 26 // URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8884.pdf> (access date: 14.12.2021).
- Torrance D.* The Anglo-Irish Treaty, 1921. P. 8. Number CBP 9260. 11 October 2021 // URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9260/> (access date: 28.06.2022).
- Varadcar L.* The 1921 Treaty shaped Irish Politics for a century // The Irish Times. 25.V.2021. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/heritage/century/1921/leo-varadkar-the-1921-treaty-shaped-irish-politics-for-a-century-1.4555227> (access date: 08.12.2021).

DOI: 10.31857/S013038640019513-2

© 2022 г. Е.А. ОСИПОВ

К ВОПРОСУ О ДОЛГАХ ЦАРСКОЙ РОССИИ. СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1926–1927 годов ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА МИД ФРАНЦИИ

Осипов Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: eaossipov@gmail.com

Scopus Author ID: 57213980973; ORCID: 0000-0001-8907-4580

Аннотация. В статье на основе материалов из архива МИД Франции, большая часть из которых до сих пор не была введена в научный оборот, рассматриваются подготовка, ход и итоги советско-французской конференции 1926–1927 гг., в рамках которой обсуждался вопрос выплаты долгов Российской империи. Французские документы показывают, что советская сторона с самого начала обозначила, что вопрос выплаты царских долгов для нее в силу экономического положения в стране неразрывно связан с предоставлением кредитов. Французская делегация, хотя и не признавала связи между двумя этими вопросами, была готова обсуждать их параллельно и показывала реальную заинтересованность и в урегулировании долгового вопроса, и в предоставлении кредитов. Несмотря на значительные разногласия, позиции делегаций в ходе переговоров постепенно сближались, были согласованы конкретные цифры и детали по ключевым вопросам, достижение взаимоприемлемого результата казалось вполне возможным. Активным сторонником достижения договоренностей с Москвой был посол Франции в СССР Жан Эрбетт. Он неоднократно писал в Париж, что французской промышленности очень важен советский рынок, тем более что конкуренты Франции уже были там. Также он предполагал, что в случае успеха Парижской конференции советское государство перестало бы вести идеологическую пропаганду против Франции, как это произошло по отношению к Германии после Рапальского договора 1922 г.

Однако приход к власти во Франции в июле 1926 г. правительства Национального объединения во главе с Раймоном Пуанкаре вместо конструктивно настроенного по отношению к СССР Левого блока и особенно обострение британо-советских отношений с последующим разрывом дипломатических отношений между Москвой и Лондоном способствовали росту антисоветских настроений во Франции и, как следствие, ужесточению французской позиции на переговорах, что привело в итоге к провалу конференции. Проиграли от этого прежде всего французские держатели российских ценных бумаг.

Ключевые слова: внешние долги, внешние займы, СССР, Франция, внешняя политика, международные отношения, дипломатические переговоры, финансы, кредиты, Х.Г. Раковский.

Е.А. Osipov

On the Question of the Debts of Czarist Russia. The Soviet-French Conference of 1926–1927

Evgeny Osipov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: eaossipov@gmail.com

Scopus Author ID: 57213980973; ORCID: 0000-0001-8907-4580

Abstract. In this article based on materials from the French Ministry of Foreign Affairs archive, most of which have not yet been introduced into the academic circuit, the author examines the preparation, progress, and results of the Soviet-French conference in 1926–1927, where the question of repayment of debts of the Russian Empire, as well as the possibility of France's loans to the USSR were discussed. French documents show that the Soviet side from the very beginning indicated that the issue of paying off royal debts for it, due to the economic situation in the country, was inextricably linked with the provision of loans. The French delegation, although it did not recognize the connection between these two issues, was ready to discuss them in parallel and showed a real interest both in settling the debt issue and in providing loans. Despite considerable disagreement, the positions of the sides gradually converged during the negotiations, specific figures and details on key issues were agreed on, and a mutually acceptable outcome seemed quite possible.

However, the coming to power in France in July 1926 of the National Bloc government, headed by Raymond Poincaré, instead of the Left Bloc, which was constructively disposed towards the USSR, and, especially, the Anglo-Soviet flare-up, followed by a breakdown in diplomatic relations between Moscow and London, led to a rise in anti-Soviet sentiment in France and, consequently, a hardening of the French negotiating position, which ultimately led to the failure of the conference. French holders of Russian securities were primarily the ones who lost out.

Keywords: foreign debts, foreign loans, USSR, France, foreign policy, international relations, diplomatic negotiations, finances, credits, Christian Rakovsky.

Тема долгов Российской империи была ключевой для отношений молодого советского государства с европейскими странами в 1920-е годы. Сохранила она свою актуальность и в последующие десятилетия. До сих пор в информационном поле иногда появляются сообщения о новых судебных процессах и попытках наследников держателей российских ценных бумаг снова поднять вопрос о выплатах.

Для советско-французских отношений вопрос о царских долгах имел особое значение. Основными кредиторами дооктябрьской России были Великобритания и Франция, на которые приходилось более 80% всего внешнего долга (47 и 35% соответственно)¹. В конце XIX – начале XX в. во Франции проводилась широкомасштабная кампания в поддержку приобретения русских ценных бумаг. Лозунг «Одолжить России – это одолжить Франции» стал ее символом². В 1910 г. из каждых трех иностранных облигаций, обращавшихся на французской бирже, одна была российской, а в Париже в 1894–1914 гг. находился специальный представитель Министерства финансов России Артур Рафалович, который непосредственно «на месте» внимательно следил за продвижением российских ценных бумаг³. Таким образом, Декрет ВЦИК «Об аннулировании государственных займов» от 21 января 1918 г., по которому все займы, «заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии», были аннулированы, стал особенно сильным ударом по Франции. Важно, что значительную часть царских долгов во Франции составляли частные займы, соответственно, их возврат автоматически превращался в важную составляющую французской внутренней политики.

В акте от 28 октября 1924 г. о дипломатическом признании СССР Францией была специально прописана необходимость возврата долгов: «Ввиду этого оно (французское правительство. – *Е.О.*) особо оговаривает права французских граждан, основанные на обязательствах, принятых Россией или ее подданными при предшествующих правительствах, соблюдение которых гарантировано общими принципами права, остающимися для нас основами международных взаимоотношений... Руководствуясь этим и желая еще

¹ Хейфец Б.А. Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация // Россия и современный мир. 2002. №1 (34). С. 94.

² Раздорский Е.А. «Русские займы» во Франции: история размещения и текущее состояние дел // Современная научная мысль. 2016. № 1. С. 22.

³ Хейфец Б.А. Указ. соч. С. 93; Straus A. Les négociations franco-soviétiques sur les emprunts russes // Les crises de la dette publique. Sous la dir. Gérard Béaur et Laure Quennouëlle-Corre. Paris, 2019. P. 319.

раз служить интересам мира и будущего Европы, правительство республики преследует целью найти совместно с Союзом справедливый и практический выход, который позволил бы восстановить между двумя нациями нормальные дипломатические и торговые взаимоотношения, в случае, если французское доверие найдет справедливое удовлетворение»⁴. Важно отметить, что советская сторона в 1924 г. подтвердила готовность к диалогу по долговым вопросам: «Всемерно приветствуя предложение французского правительства о полном восстановлении нормальных дипломатических сношений между Союзом ССР и Францией с немедленным обменом послами и о безотлагательном открытии переговоров, имеющих целью установление дружественных отношений между народами Союза ССР и Франции, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР выражает уверенность в том, что по всем вопросам, упомянутым в телеграмме председателя совета министров Французской республики от сегодняшнего дня, может быть достигнуто соглашение между обоими государствами к величайшей выгоде для народов Союза ССР и Франции, при наличии доброй воли с обеих сторон и безусловного уважения к их взаимным интересам»⁵. Таким образом, в 1924 г. Москва и Париж подтвердили взаимное намерение решить вопрос с долгами и начать переговоры на эту тему.

И в российской, и в зарубежной историографии есть множество работ, посвященных вопросам выплаты царских долгов. Однако история проведения советско-французских переговоров по этой теме в 1926–1927 гг. изучена на недостаточном уровне. Исключением является монография Г.И. Чернявского, М.Г. Станчева, М.В. Тортикой⁶, посвященная биографии Х.Г. Раковского, главы советской делегации на переговорах. Книга вышла в России в 2014 г. и написана на российских архивах, в ней в том числе отражена роль Раковского на переговорах с Францией. Что касается данной статьи, то она основана на обширных материалах архива МИД Франции, большая часть из которых до этого не была введена в научный оборот ни в России, ни во Франции. Использование французских архивов позволяет дополнить собранный российскими биографами Раковского материал и восстановить полную картину советско-французской конференции 1926–1927 гг.

Контакты между Парижем и Москвой по долговой тематике начались в 1925 г. В сентябре 1925 г. нарком внешней торговли СССР Л.Б. Красин представил советскую позицию в официальном письме, в котором речь впервые шла уже о конкретных цифрах. Москва заявила о готовности рассмотреть возможность расчета золотом на процентной основе, соответствующей примерно двукратной номинальной стоимости на фондовом рынке ценных бумаг, выпущенных или гарантированных бывшими российскими правительствами и находившимися во владении французов на момент признания СССР Францией в 1924 г.⁷ В качестве необходимого условия для выплаты долгов указывалось предоставление Францией СССР кредитов на 5–7 лет на сумму, соответствующую сумме выплачиваемых долгов. Министерство финансов Франции отвергло советские предложения с формулировкой, что они «не могут быть базой для начала переговоров»⁸.

В декабре 1925 г. в Париже нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин и Х.Г. Раковский на встрече с председателем Совета министров Франции А. Брианом предложили возобновить переговоры на более высоком уровне в виде полноценной советско-французской конференции, в ходе которой можно было бы обсудить весь комплекс вопросов, мешавших полноценному развитию советско-французского сотрудничества. Советские представители заявили при этом, что Москва готова выдвинуть предложения, которые будут более приемлемыми для французской стороны. Таким образом, идея проведения

⁴ Правда. 29 октября, 1924.

⁵ Там же.

⁶ Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В. Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014.

⁷ Archives du ministère des affaires étrangères (далее – АМАЕ). Conférence franco-soviétique de Paris. 1926–1927. № 1. Section financière. Règlement de la dette russe et crédits.

⁸ Ibidem.

советско-французской конференции (во французских источниках ее стали называть Парижской) появилась в декабре 1925 г. и была поддержана обеими сторонами⁹.

Конференция открылась 25 февраля 1926 г. Интересно, что в советской делегации, прибывшей в Париж, в качестве секретарей были две женщины, в то время как французская состояла исключительно из мужчин¹⁰. Главой советской делегации был Раковский, французскую возглавлял Анатоль де Монзи. Первые же обмены мнениями показали, что позиция Москвы, действительно, стала более приемлемой для Франции. Советская делегация признавала, что выплата долгов является необходимым шагом, Раковский говорил по этому поводу, что «мы больше не в Генуе»¹¹, имея в виду, что в 1922 г. на конференции в Генуе Москва выдвигала западным странам встречные финансовые претензии, связанные с ущербом из-за иностранной интервенции в годы Гражданской войны. Однако выплату долгов советская делегация на Парижской конференции изначально связывала с рядом условий.

Как и раньше, выплата долгов для Москвы по-прежнему находилась в прямой зависимости от предоставления СССР кредитов. Москва также отказывалась от отмены декретов об аннулировании долгов и национализации иностранной собственности. Таким образом, юридически речь шла не о возврате царских долгов, а о частичном урегулировании финансовых претензий частных (не государственных) французских владельцев русских ценных бумаг. Москва обращала внимание и на то, что СССР не единственный правопреемник Российской империи, соответственно, и долговое бремя должно распределяться между всеми правопреемниками. Москва изначально готова была взять на себя не более 70% долга¹².

Учитывая, что Франция была одним из крупнейших кредиторов Российской империи, она была заинтересована в итоговом успехе конференции. Именно поэтому французская делегация не выдвигала требования по отмене советских декретов об аннулировании долгов и национализации промышленности в качестве предварительных условий для переговоров. Франция отказывалась увязывать тему долгов с выдачей кредитов для СССР, однако была готова рассматривать эти вопросы параллельно, прекрасно понимая, что экономическое положение СССР не позволит Москве выплачивать долги без иностранных кредитов. Более того, позиция французской делегации заключалась в том, что Франция объективно заинтересована в выдаче кредитов Москве, поскольку это позволит не только решить сложную и важную проблему долга, но и поможет закрепиться на советском рынке, который после неизбежной экономической и монетарной стабилизации мог стать одним из самых перспективных в мире¹³. Главная проблема для французов заключалась в том, что даже в случае частичного урегулирования (без аннуляции декретов) долгового вопроса выплаты были бы растянуты на много лет, а кредиты СССР надо было предоставлять сразу, такое решение могло бы вызвать негативную реакцию французской общественности и особенно парламента. Однако в целом исходные переговорные позиции обеих сторон вызвали осторожный оптимизм. И в Москве, и в Париже надеялись на итоговый успех конференции.

Регламент предполагал разделение работы на четыре секции: юридическую, экономическую, финансовую и политическую. Французская делегация рассчитывала, что юридическая секция, в рамках которой в основном обсуждалась судьба действовавших ранее соглашений между Российской империей и Францией, завершит свою работу уже к середине марта 1926 г. Экономическая секция, где в том числе обсуждался вопрос о режиме наибольшего благоприятствования в торговле, по плану французской делегации должна была завершить свою работу во второй половине апреля 1926 г. Самой тяжелой

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid. Séance inaugurale. Procès-verbal. 25.02.1926.

¹¹ Ibid. Section financière. Règlement de la dette russe et crédits.

¹² Ibid. Règlement de la dette russe et crédits.

¹³ Ibid. Séances plénières. Procès-verbaux. I.

изначально считалась финансовая секция, в рамках которой должен был быть решен вопрос долгов и кредитов. В Париже предполагали, что к маю 1926 г. удастся прийти к компромиссу. После этого политическая секция уже могла бы подвести итоги конференции. Важно, что в рамках работы экономической секции французская делегация изначально планировала представить Москве свой вариант соглашения, а по финансовой части французы предполагали дождаться конкретных советских предложений¹⁴.

С самого начала работа конференции затягивалась. В первый месяц не произошло никаких знаковых событий. Представители французской делегации писали в тот момент о сомнениях в достижении итогового результата¹⁵. Несмотря на изначально намерение дожидаться предложений от Москвы, 30 марта 1926 г. французы передали советской стороне меморандум с предложениями по финансовой секции. В нем представители Франции объясняли, что французские держатели долга хотя и готовы пойти на значительные уступки, но они отказываются от изменения юридической природы долга. В связи с чем французская сторона выступает за отказ от юридических новаций при решении долговой проблемы. Также французы считали необходимым подключение к переговорам других правопреемников Российской империи для комплексного решения проблемы. Конкретные предложения французской стороны звучали следующим образом: урегулирование долгового вопроса должно происходить в золотых франках, правительство СССР берет на себя обязательство по выплате аннуитета (годовая выплата), единовременная сумма которого устанавливалась на первые два года. Сумма этого аннуитета должна была позволить возобновление обслуживания российского долга в соответствии с процентом, который сопоставим с аналогичными случаями других стран-должников¹⁶. Иными словами, французская сторона предлагала временное решение проблемы на первые два года, ожидая, что монетарная ситуация в СССР может стабилизироваться и тогда возможно было бы продолжить переговоры уже на новых условиях.

Посол Франции в СССР Жан Эрбетт писал в Париж, что в Москве французский меморандум был раскритикован на высоком уровне. По мнению советских руководителей, французы требовали «размер аннуитета больше, чем царская Россия должна была бы платить, если бы еще существовала»¹⁷. А председатель ВЦСПС М.П. Томский в своем выступлении усомнился в серьезности французского стремления к достижению соглашения. Тем не менее советское руководство выступило за продолжение переговоров¹⁸. Советский ответ на французский меморандум состоялся 14 апреля 1926 г. В документе, переданном французской стороне, отвергалась идея временного урегулирования долга, Москва настаивала на окончательном решении вопроса. СССР предлагал установить ежегодную выплату в размере 40 млн золотых фр., включавших в себя и проценты, и амортизацию долга, на 62 года. Вначале сумма аннуитета должна была быть меньше и только лишь по прошествии трех лет достичь 40 млн золотых фр. Соглашение должно было вступить в силу после ратификации обеими сторонами и, что самое главное, после решения о предоставлении Москве кредитов¹⁹.

Советский ответ на французский меморандум от 30 марта 1926 г. был довольно жестким. Французы предлагали установить «переменный индекс», который мог бы меняться в зависимости от экономической ситуации в СССР²⁰. Обычно подобная процедура устанавливалась победителями в войнах по отношению к проигравшей стороне. Москва не считала себя проигравшей стороной и вполне справедливо восприняла подобное предложение как неуверенность Парижа в долговечности советского государства и как

¹⁴ Ibid. Délégation française. Réunions préparatoires. 25.02.1926.

¹⁵ Ibid. Section financière. Règlement de la dette russe et crédits.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid. Télégramme de Jean Herbette № 355. 15 avril 1926.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid. № 2. Délégation de l'U.R.S.S. en France. № 149. 14 avril 1926.

²⁰ Ibid. № 1. Etat des travaux de la conférence franco-soviétique. 31 mai 1926.

обстоятельство, идущее вразрез с советской экономикой, основанной на долговременном планировании. Также в СССР отвергли идею привлечения всех правопреемников Российской империи к переговорам. В Москве считали, что доля других стран в общем долге Российской империи составляет 30%, и СССР не несет ответственности за нее, соответственно, долги других правопреемников должны обсуждаться отдельно и без участия советской делегации. Пункт о том, что урегулирование долга возможно только после предоставления Москве кредитов, был написан также в достаточно жесткой для Франции форме. В ходе переговоров по данному вопросу советская делегация настаивала на предоставлении кредита в размере 450 млн руб. (примерно 1,1 млрд фр.), из которых 2/3 должны были составить заказы у французских промышленников, а 1/3 — в денежной форме²¹. Промышленность Франции была очень заинтересована в подобных заказах, и в целом французская делегация была готова пойти на предоставление большого кредита Москве. Но, как уже упоминалось выше, в Париже опасались реакции общественности и парламента на прямое уязвление кредитов с темой выплаты долгов.

Наличие же в советском ответе от 14 апреля 1926 г. конкретных цифр по урегулированию долга было скорее положительным моментом, хотя французская сторона рассчитывала на более значительную сумму (изначально Франция настаивала на 125 млн золотых фр. в год, впоследствии запрашиваемая сумма снизилась до 75 млн)²². В целом, на середину апреля 1926 г. между советской и французской делегациями было достигнуто соглашение, что выплаты должны быть в золотых франках и в фиксированных годовых платежах. По самым же важным вопросам (сумма долга, продолжительность выплат, правовой статус долговых обязательств, участие других стран-должников) к компромиссу на тот момент прийти не удалось.

Через неделю после советского ответа, 21 апреля 1926 г., французская делегация отклонила советские предложения и снова выдвинула Москве условия, прописанные в меморандуме от 30 марта 1926 г. Стороны договорились продолжить переговоры. В ходе визита Раковского к генеральному секретарю МИД Франции Филиппу Бертело в мае 1926 г. руководитель советской делегации справедливо отмечал, что «переговоры идут вокруг психологической черты: максимум, который СССР может заплатить, и минимум, на который Франция может согласиться»²³.

Разногласия были глубокими. По обоюдному решению редакционная комиссия финансовой секции получила задание проработать в течение мая 1926 г. компромиссные решения, которые позволили бы сдвинуть переговоры с мертвой точки. В начале июня 1926 г. французская делегация заявляла о распространявшихся в Европе слухах о возможном провале конференции и, соответственно, о необходимости активизировать совместную работу. В финансовой секции, по мнению Монзи, по-прежнему оставались серьезные разногласия, но по сравнению с началом конференции они уже не выглядели непреодолимыми²⁴.

Редакционный комитет финансовой секции согласился с советской позицией и раздел царские долги между правопреемниками Российской империи. В переговорах с Москвой, таким образом, речь теперь шла о 75% (до этого советская делегация заявляла о 70%) долгов Российской империи²⁵. В вопросе о кредитах — ключевом для СССР — также произошло продвижение вперед. Стороны детально обсуждали предоставление Москве кредита в размере 225 млн долл. (примерно 436 млн руб.). Советская делегация представила развернутый проект того, в каких отраслях французской промышленности могли бы быть размещены 2/3 кредитной суммы²⁶.

²¹ Ibid. Visite de M. Rakowsky à Berthelot. 10 mai 1926.

²² Ibid. Note sur l'attitude à adopter pour la suite des pourparlers franco-soviétiques. 19 juillet 1927.

²³ Ibid. Visite de M. Rakowsky à Berthelot. 10 mai 1926.

²⁴ Ibid. Séance plénière du 7 juin 1926.

²⁵ Ibid. Etat des travaux de la conférence franco-soviétique. 31 mai 1926.

²⁶ Ibid. № 2. Schéma des crédits à long term accordés par la France à l'U.R.S.S.

Что касается выплаты долгов – ключевого вопроса для французской стороны, – то к компромиссу прийти не удалось. Москва в июле 1926 г. улучшила свое предложение: выплата аннуитета по 60 млн золотых фр. в течение 62 лет, но с прогрессией, т.е. сумма годовых выплат должна была постепенно увеличиваться с 40 млн и достигнуть 60 млн золотых фр. только через 20 лет после начала выплат. Французская делегация была согласна с продолжительностью выплат (62 года), но рассчитывала на более значительные ежегодные выплаты – 75 млн золотых фр.²⁷

20 июля 1926 г. в связи с наступлением летних каникул было решено сделать перерыв в работе конференции до осени, однако в реальности конференция возобновила свою работу только 19 марта 1927 г. Главный вывод по итогам первого года работы для обеих делегаций заключался в том, что конференция затягивается. Тем не менее стороны придерживались сдержанного оптимизма. Серьезным шагом вперед стало начало обсуждения конкретных цифр в вопросе выплаты долга и предоставления кредитов, позиции делегаций постепенно сближались в ходе переговоров.

За две недели до возобновления Парижской конференции, 5 марта 1927 г., посол Франции в СССР Жан Эрбетт писал в Париж о важности переговоров для французской стороны. В частности, он в качестве позитивного сигнала отметил, что за переговоры по кредитам в советской делегации отвечает один из руководителей промышленности СССР А.О. Гуревич, впоследствии ставший начальником Главного управления металлургической промышленности Наркомата тяжелой промышленности СССР. Эрбетт описал Гуревича как человека «исключительно компетентного»²⁸ и имеющего идеи, которые могут быть очень интересны для французской стороны. Гуревич предлагал на полученные кредитные средства заказать во Франции строительство в СССР пяти электростанций и одного большого металлургического завода. Планировались заказы и в химической промышленности, что было особенно важно для Франции, конкурировавшей в этой сфере с Германией. Также советская делегация предлагала взаимовыгодное сотрудничество в нефтяной отрасли.

В своем письме посол Франции неоднократно возвращался к тому, что французской промышленности очень важен советский рынок, тем более что конкуренты Франции уже были там. Соответственно, необходимо продолжать переговоры с Москвой, даже несмотря на то, что советские предложения по выплате долга были ниже французских ожиданий. Жан Эрбетт отмечал, что Москва скорее всего согласилась бы на увеличение выплат по долгу, если удалось бы прийти к компромиссу по вопросу кредита. Также посол пишет, что в случае успеха Парижской конференции Москва перестала бы вести идеологическую пропаганду против Франции, как это произошло по отношению к Германии после Рапальского договора 1922 г.²⁹

Французский посол также отметил, что советская делегация перед возобновлением конференции была настроена пессимистично. Французские кредиторы не хотели изменения правового характера долга, Москва же не могла согласиться на отмену декретов об аннулировании долгов. Все это создавало очевидные проблемы для французской делегации, и в Москве опасались, что Париж будет искусственным образом затягивать переговоры. В то же время в Москве считали, что Великобритания будет оказывать давление на Францию с целью не допустить успеха Парижской конференции. Жан Эрбетт в своем письме особо отмечал, что для интересов Франции успех Парижской конференции очень важен и надо сделать все для достижения итогового результата³⁰. Отметим также, что еще одним негативным событием для Москвы стала смена правительства во Франции. Вместо потерявшего власть Левого блока, конструктивно настроенного по отношению к Москве,

²⁷ Ibid. № 1. Séance plénière du 19 mars 1927.

²⁸ Ibid. Télégramme de Jean Herbette № 165. 5 mars 1927.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

23 июля 1926 г. к власти во Франции пришло правое правительство Национального объединения во главе с Раймоном Пуанкаре. Пуанкаре изначально был настроен более требовательно к Москве³¹, соответственно, в будущем речь могла идти об изменении условий переговоров со стороны французской делегации.

Конференция возобновилась 19 марта 1927 г. На первом пленарном заседании с речью выступил Раковский. Как и на переговорах летом 1926 г., он подтвердил готовность Москвы в течение 62 лет выплачивать аннуитет в размере 60 млн золотых фр. с прогрессией, но при условии предоставления Москве кредитов. В своей речи глава советской делегации не упомянул про режим наибольшего благоприятствования для Франции в торговле, хотя это было важно для французской стороны. Впоследствии, в течение марта и апреля 1927 г. никаких значимых новых предложений не последовало ни от Москвы, ни от Парижа³².

В мае 1927 г. переговорный процесс заметно осложнился из-за советско-британского кризиса и разрыва дипломатических отношений между Москвой и Лондоном. Как и опасался посол Франции в СССР, британский фактор стал влиять на ход Парижской конференции. Заместитель руководителя французской делегации Виктор Далбье в специальной справке от 19 июля 1927 г. писал, что Франция находится в сложной ситуации. Германия и Италия в британо-советском конфликте заняли позицию нейтралитета и не планируют разрывать дипломатические отношения с Москвой, что уже, по мнению Далбье, говорило об отсутствии единства среди западных стран. Но Германия и Италия к тому времени уже установили с Москвой не только дипломатические отношения, но и заключили торговые договоры. Парижу же только предстояло заключить торговые соглашения с Москвой, причем еще и с предоставлением советской стороне кредитов. Далбье особо подчеркивал, что на момент начала Парижской конференции в 1926 г. общественное мнение во Франции было настроено позитивно, но после советско-британского обострения ситуация изменилась. Французская пресса требовала разорвать дипломатические отношения с Москвой, начались постоянные призывы к отмене конференции. Он писал: «Невозможно сегодня представить, что крупная финансовая организация во Франции или в другой стране предоставит Москве серьезные обязательства на промышленные товары на долгосрочной основе, а именно это и есть условие Москвы для выплаты долгов, и этот факт доминирует над всеми остальными»³³. При этом Далбье отмечает, что хороших решений для Парижа в этой ситуации не осталось: прекращать переговоры в ситуации, когда стороны почти пришли к компромиссу по ряду ключевых вопросов, было бы непродуктивно, а продолжать их в сложившихся условиях означало бы занять конкретную политическую позицию, что было бы негативно воспринято французским обществом.

Интересно, что советско-британский конфликт Далбье называет «проявлением традиционного антагонизма»³⁴ между Великобританией и Россией и добавляет, что если бы существовала не советская, а буржуазная Россия, то конфликт наверняка был бы еще более серьезным. Он также отмечает, что Франция не заинтересована на самом деле в смене режима в СССР, поскольку советское государство, хотя и ослабло, остается силой противовеса в Европе. Более того, советский режим он называет стабильным: «...крестьяне, которые были неблагосклонно настроены к коммунизму, ничего не делают для смены режима из-за боязни возвращения прежних хозяев. Рабочие и городская молодежь привержены коммунизму. Исчезновение буржуазии лишает контрреволюционное движение потенциальных лидеров»³⁵.

³¹ Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В. Указ. соч. С. 270.

³² АМАЕ. Conférence franco-soviétique de Paris. 1926—1927. № 1. Note sur les négociations franco-soviétiques depuis le mois de juillet 1927. 15 octobre 1927.

³³ Ibid. № 1. Note sur l'attitude à adopter pour la suite des pourparlers franco-soviétiques. 19 juillet 1927.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

В связи со сложившейся ситуацией Далбье писал, что французская тактика должна заключаться в том, чтобы не разрывать переговорный процесс, но и не продвигать его вперед (*ni rompre, ni négocier*)³⁶. По сути, речь шла о затягивании переговоров до очередного перерыва в работе конференции. В тактическом смысле он предлагал осуществить вербальный демарш перед советской делегацией и заявить, что в конфликте Москвы и Лондона Франция занимает благожелательный по отношению к Великобритании нейтралитет, что означало невозможность продолжения переговоров по предоставлению Москве кредитов в прежнем режиме. Соответственно, по мнению Далбье, советская делегация должна была сделать заметный шаг вперед на переговорах: отмена декретов об аннулировании долгов и отказ от вмешательства во внутренние дела других стран, т.е. речь шла о возвращении к повестке конференции в Генуе в 1922 г.³⁷, хотя до этого в течение двух лет переговоров французская сторона не выдвигала подобных требований.

30 июня 1927 г. руководитель советской делегации Раковский написал письмо своему французскому визави, в котором выразил недоумение тем фактом, что после 19 марта 1927 г. не состоялось ни одного пленарного заседания конференции, т.е. по сути она была прервана, хотя, по мнению советской делегации, объективных предпосылок к этому не было. Раковский отметил, что еще в 1926 г. позиции сторон сблизилась по основным вопросам и, таким образом, можно было надеяться, что в 1927 г. конференция придет к своему логическому завершению. По вопросу долгов удалось согласовать длительность выплат и договориться о размерах годовых платежей. Осталось только окончательно согласовать размер годовых выплат в первые несколько лет и договориться о режиме наибольшего благоприятствования между Москвой и Парижем. В вопросе кредитов также был достигнут прогресс. Раковский упоминает, что в кулуарных разговорах обе делегации согласились, что компромисс очень близок. Заканчивается же письмо призывом к «немедленному возобновлению переговоров с целью достижения позитивного результата не только в интересах двух делегаций, но и общественного мнения двух стран»³⁸. Отметим, что никаких новых предложений в письме Раковского не было.

Официальный ответ от французской делегации пришел 26 июля 1927 г. Монзи поблагодарил Раковского за его стремление к достижению взаимного успеха на переговорах и подтвердил, что, действительно, некоторого прогресса в ходе переговоров удалось добиться. Однако глава французской делегации отметил, что на тот момент «еще не все необходимые условия для согласия были найдены»³⁹. В конце своего письма Монзи предложил вернуться к обсуждению всех важных вопросов после каникул⁴⁰. Иными словами, глава французской делегации реализовывал уже упомянутую выше тактику затягивания переговоров (*ni rompre, ni négocier*).

На следующий день, 27 июля 1927 г., Далбье в письме, адресованном премьер-министру Франции Р. Пуанкаре, вновь подтвердил, что в дальнейшем успех на переговорах возможен только в случае согласия Москвы на невмешательство во внутренние дела других стран и признание долгов Российской империи и Временного правительства. Он особо отметил, что календарь благоприятствует французской стороне, поскольку в скором времени должен был состояться объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), в повестке которого были в том числе и внешнеполитические вопросы⁴¹.

После получения официального ответа от французской делегации Раковский встретился с Монзи. Он поставил в известность французского коллегу о своем скором отъезде

³⁶ Ibidem.

³⁷ Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 80–106.

³⁸ АМАЕ. Conférence franco-soviétique de Paris. 1926–1927. № 1. Délégation de l'U.R.S.S. en France. 30 juin 1927.

³⁹ Ibid. Lettre de M. de Monzie. 26 juillet 1927.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid. Lettre de M. Dalbiez. 27 juillet 1927.

в Москву для участия в пленуме и о том, что собирается получить от советского руководства согласие на французские требования о размере годовых выплат долга в сумме 60 млн золотых фр. без прогрессии в течение 62 лет и на режим наибольшего благоприятствования с Францией. Французская идея о возвращении к требованиям по отмене советских декретов и прекращении коммунистической пропаганды на тот момент не была официально озвучена французской делегацией, поэтому она не обсуждалась на встрече Раковского и Монзи. Однако подобное намерение французской стороны заранее делало бесперспективным возвращение Раковского в Париж.

17 августа 1927 г. Раковский вернулся в Париж и сообщил Монзи, что Москва согласна выплачивать долги в течение 61 года (раньше речь шла про 62 года) с размером годового платежа в 60 млн золотых фр. без прогрессии (ранее выход на сумму в 60 млн планировался только через 20 лет после начала платежей). Москва согласилась на режим наибольшего благоприятствования с Францией. Также Раковский сказал, что выплата долгов возможна при условии предоставления Москве кредита на 120 млн долл. на 6 лет, вся эта сумма должна была быть реализована в виде закупок во Франции⁴². В целом, Москва почти полностью согласилась на те французские условия, которые были сформулированы Парижем на переговорах в 1926 г. и в начале 1927 г., т.е. до обострения советско-британских отношений и роста антисоветских настроений во Франции. Монзи на предложение Раковского ответил, что советская позиция стала ближе к французской, однако заметил, что советские предложения в своей совокупности «не соответствуют программе, выработанной в конце июля 1927 г., и не дают никакой надежды на достижение положительного результата в ближайшее время»⁴³. Особо он отметил, что «прямая связь между урегулированием долгового вопроса и предоставления кредитов со стороны Франции»⁴⁴ не дает шансов на успех конференции, хотя ранее в течение двух лет эти вопросы обсуждались параллельно и был достигнут значительный прогресс.

В середине сентября 1927 г. французская сторона передала Раковскому новые предложения, которые по мнению Парижа могли бы разблокировать переговорный процесс. Суть их заключалась в разведении по времени темы долгов и кредитов. Прежде всего начались бы выплаты по долгам, а между первой и второй годовой выплатой можно было бы начать предоставлять кредиты СССР. В договоре кредиты прописывались как «оговорка о пересмотре льгот для СССР»⁴⁵. Такой подход был очень выгоден для французской стороны. Париж получал урегулирование долгового вопроса и закрепление на советском рынке благодаря выданным кредитам. Более того, этот вариант не требовал ратификации в парламенте, что было бы очень сложно для французского правительства в сложившейся тогда ситуации. Однако такое решение проблемы не было компромиссным и не учитывало изначальную позицию Москвы, для которой весь смысл переговорного процесса был в немедленном получении кредитов для стабилизации экономической ситуации в стране. В итоге СССР занял жесткую позицию и отверг французские условия, отметив, что по-прежнему настаивает на своих предложениях от 17 августа 1927 г.

Ситуация тем временем продолжала ухудшаться. Находясь в Москве в августе 1927 г., Раковский стал одним из заметных участников так называемой объединенной оппозиции и подписал заявление 13 деятелей оппозиции от 8 августа 1927 г., в котором было заявлено о «поражении всех буржуазных правительств, воюющих против СССР» и содержалось требование, чтобы «каждый честный пролетарий капиталистической страны активно работал для поражения “своего” правительства»⁴⁶. Во французской прессе все это было истолковано как призыв к дезертирству со стороны Раковского. В сложившихся условиях, очевидно, продолжать переговоры было очень сложно. В Москве, учитывая

⁴² Ibid. Note. Négociations franco-soviétiques depuis le mois de juillet 1927.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В. Указ. соч. С. 331.

оппозиционные выступления Раковского, ему также больше не доверяли. В итоге в сентябре 1927 г. Парижская конференция была прервана и больше не возобновлялась.

В целом документы, хранящиеся в архиве МИД Франции, показывают, что и Москва, и Париж серьезно относились к переговорам в 1926–1927 гг. и были близки к успеху. С самого начала советская сторона обозначила, что вопрос выплаты царских долгов для нее в силу экономического положения в стране неразрывно связан с предоставлением кредитов СССР. Французская делегация, хотя и не признавала связи между двумя этими вопросами, была готова обсуждать их параллельно и показывала реальную заинтересованность и в урегулировании долгового вопроса, и в предоставлении кредитов, поскольку это позволило бы французской промышленности закрепиться на советском рынке. Советская сторона в ходе переговоров постепенно приближала свои предложения к французским требованиям и в итоге, по сути, согласилась с ними. Однако возникший в 1927 г. советско-британский кризис и разрыв дипломатических отношений между Москвой и Лондоном повлияли на распространение антисоветских настроений в Париже. Французская делегация стала выдвигать дополнительные требования к Москве (отмена декрета об аннуляции царских долгов, отказ Москвы от вмешательства во внутренние дела других стран, разведение по времени вопросов о долгах и кредитах), что было неприемлемо для советской стороны и привело к провалу переговоров.

Таким образом, в 1927 г. Франция в основном из-за внешних факторов отказалась от урегулирования вопроса о долгах Российской империи, хотя это было важно для французских граждан, активно вкладывавших свои сбережения в российские ценные бумаги до 1917 г. Частичное урегулирование вопроса произошло уже после распада СССР, когда не осталось в живых никого из изначальных держателей долга, а сумма, выплаченная в итоге Российской Федерацией, оказалась гораздо меньше того, что предлагала советская сторона в 1926–1927 гг.

Библиография

- Раздорский Е.А.* «Русские займы» во Франции: история размещения и текущее состояние дел // Современная научная мысль. 2016. № 1. С. 18–24.
- Хейфец Б.А.* Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация // Россия и современный мир. 2002. № 1 (34). С. 85–107.
- Хормач И.А.* Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 80–106.
- Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского. Европейизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014.
- Straus A.* Les négociations franco-soviétiques sur les emprunts russes // Les crises de la dette publique. Sous la dir. Gérard Béaur et Laure Quennouëlle-Corre. Paris, 2019. P. 317–344.

References

- Chernyavskiy G.I., Stanchev M.G., Tortika (Lobanova) M.V.* Zhiznennyy put' Khristiana Rakovskogo. Yevropeizm i bol'shevizm: neokonchennaya duel' [Life path of Christian Rakovsky. Europeanism and Bolshevism: an unfinished duel]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Kheyfets B.A.* Vneshniye zaymy i dolgi tsarskoy Rossii: istoriya i sovremennaya situatsiya [Foreign loans and debts of tsarist Russia: history and current situation] // Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]. 2002. № 1 (34). S. 85–107. (In Russ.)
- Khormach I.A.* Sovetskoye gosudarstvo na mezhdunarodnoy konferentsii v Genuye po ekonomicheskim i finansovym voprosam. 10 aprelya – 19 maya 1922 goda [The Soviet state at the international conference in Genoa on economic and financial issues. April 10 – May 19, 1922] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and contemporary history]. 2020. № 3. S. 80–106. (In Russ.)
- Razdorskiy Ye.A.* “Russkiye zaymy” vo Frantsii: istoriya razmeshcheniya i tekushcheye sostoyaniye del [“Russian loans” in France: the history of the placement and the current state of affairs] // Sovremennaya nauchnaya mysl' [Modern scientific thought]. 2016. № 1. S. 18–24. (In Russ.)
- Straus A.* Les négociations franco-soviétiques sur les emprunts russes // Les crises de la dette publique. Sous la dir. Gérard Béaur et Laure Quennouëlle-Corre. Paris, 2019. P. 317–344.

DOI: 10.31857/S013038640019695-2

© 2022 г. С.О. БУРАНОК

ФИЛЬМ «ОСТРОВ УЭЙК» 1942 года: ОСОБЕННОСТИ ПРОПАГАНДЫ И ВИЗУАЛИЗАЦИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В США

Буранок Сергей Олегович — доктор исторических наук, профессор, кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

E-mail: witch-king-1@mail.ru

Scopus Author ID: 56682866300; ORCID: 0000-0001-8307-9428

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00099.

Аннотация. В современных исследованиях, посвященных истории войн, достаточно востребованным направлением является изучение специфики информационного дискурса. Обращение к методам исторической имагологии позволит более точно проследить эволюцию процесса визуализации и мифологизации Второй мировой войны в кинематографе США. Без изучения базовых принципов, методов, механизмов и инструментов данного процесса крайне сложно понять особенности развития и взаимодействия кинематографа и пропаганды США на последующих исторических этапах. Основная исследовательская цель — установить, какие особенности и приемы пропаганды использовались в фильме «Остров Уэйк» режиссера Джона Фэрроу, вышедшем на экраны в 1942 г. и рассказывающем об обороне Уэйка от японцев в декабре 1941 г. В анализируемом фильме сочетаются старые и новые методы пропаганды и визуализации войны. На примере этой картины хорошо видны особенности начального этапа эволюции государственной пропаганды США с помощью кино и развитие визуального образа Второй мировой войны, на который оказывали влияние и общественная мифология (связанная с историческим прошлым США), и внешнеполитические (военные) события (неудачные американо-японские переговоры 1941 г., поражения в войне в декабре 1941 г.), и социально-экономические изменения в США. Фильм «Остров Уэйк» создает новый образ морского пехотинца — настоящего солдата, способного решать любые задачи, сопротивляться многократно превосходящим силам врага. Фильм Фэрроу — первый шаг к тому образу морпеха, который будет так популярен в Голливуде во второй половине XX в.

Ключевые слова: «Остров Уэйк», кинематограф, международные отношения, Вторая мировая война, пропаганда, США, образ врага, образ героя.

S.O. Buranok

The 1942 Film “Wake Island”: Features of the Propaganda and Visualisation of World War II in the United States

Sergey Buranok, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: witch-king-1@mail.ru

Scopus Author ID: 56682866300; ORCID: 0000-0001-8307-9428

The research was funded by the Russian Science Foundation Grant № 22-28-00099.

Abstract. In contemporary studies in war history, the study of the specifics of the discourse in question is a fairly popular area of research. The evolution of the process of visualisation and mythologisation of World War II in American cinematography is analysed using the methods of historical imagology. It is hard to grasp the peculiarities of the evolution of and interaction between US cinema and propaganda without exploring the basic principles, methods, mechanisms, and tools of this process. The main research goal is to establish the features and methods of propaganda used in the film “Wake Island”. “Wake Island” combines old and new methods of war propaganda and visualisation. “Wake Island” is a good example of the early evolution of both US state propaganda through cinema and the development of the visual image of World War II, which was influenced by both the social mythology associated with the US historical past and foreign policy failures, such as the collapse of US-Japan negotiations in 1941, the attack on Pearl-Harbor, and the defeat in the Battle of Guam in December 1941, as well as socio-economic changes in the country. The film “Wake Island” created a new image of the Marine: a universal hero for a series of films from 1942–1945.

Keywords: Wake Island, American cinematography, international relations, Second World War, propaganda, international security, USA.

КИНЕМАТОГРАФ И ПРОПАГАНДА США: ВВЕДЕНИЕ

Изучение особенностей визуализации и мифологизации Второй мировой войны на Тихом океане в американском кинематографе очень важно для изучения развития специфики американской пропаганды, так как методы и приемы изображения войны, врагов и союзников, сформировавшиеся в 1941–1945 гг., сохраняют свое значение и сегодня. В кинематографе США военных лет есть фильмы, которые заложили целый ряд новых тенденций в сфере пропаганды. Одной из таких кинолент является «Остров Уэйк» (1942 г.). Основная исследовательская цель — установить, какие особенности и приемы пропаганды использовались в этом фильме. Для этого необходимо определить: какие образы японцев и американцев формировал данный фильм; каким образом режиссер Джон Фэрроу сочетал классические и новаторские приемы пропаганды через кинематограф; как происходил процесс реактуализации старых образов и создания новых.

В современных гуманитарных науках постоянно идет процесс расширения методов анализа, подходов к пониманию предмета исследования, междисциплинарному синтезу. Кинематограф США в годы войны и создавал новые мифы, и активно эксплуатировал старые, совмещая их с традиционными голливудскими клише о «хорошей войне», «счастливом финале», «благородном поражении», — все это служило краеугольным камнем в создании воображаемой войны на экране, которая была призвана решить множество внутривойсковых задач, связанных не только с пропагандой и агитацией в пользу военных займов. Изучение основных аспектов данной темы невозможно без обращения к междисциплинарным методам гуманитарных наук, разработанным в результате целого ряда «поворотов» в развитии современного гуманитарного знания, включая «антропологический», «лингвистический», «культурный», призывающие изучать восприятие мира, поведение человека в прошлом во всей совокупности социально-экономических, политических, культурных практик, принятых в изучаемом обществе в данное время.

В американской историографии существует большой массив работ, посвященный различным аспектам истории кинематографии периода Второй мировой войны. На данный момент сформировалось несколько направлений в изучении этой проблемы. Прежде всего труды, где анализируется идеологическая составляющая военных фильмов о Тихоокеанской войне. Так, наиболее известные историки боевого кинематографа Дж. Бейсингер и С. Нил поднимают вопрос о зависимости идеологии фильма от его жанра¹. Н. Браун и Р. Эбервейн, отмечая жанровый приоритет в изучении фильмов, доказывают, что и на идеологию, и на образы в кино

¹ Neale S. Genre and Hollywood. New York, 2000; Basinger J. The World War II Combat Film. Middletown, 2003.

вливают такие элементы, как «раса», «гендер» и «историзм»². Как правило, указанные авторы не делают больших различий между терминами «боевой фильм», «военный фильм», относя их к одному жанру, исходя из одинаковой идеологической базы данных фильмов. Картину «Остров Уэйк» 1942 г. эти авторы относят к числу первых «боевых фильмов».

Исследователи, принадлежащие к данному историографическому направлению, отмечают, что мифы и образы Второй мировой войны, созданные в американском кино, оказывали немедленное влияние на средства массовой информации, общественные настроения и мнения³. Многие из приемов по визуализации данных метафор, концептов и оценок продолжают функционировать и в современном кинематографе.

Другая группа авторов сосредоточена на изучении индустрии кино, специфики производства фильмов, на вопросах взаимодействия режиссеров, актеров, продюсеров и государственных структур. Для Г. Блэка и К. Копписа Вторая мировая война представляется ключевым временем, когда государственные ведомства США установили наиболее тесное сотрудничество с кинематографом и даже своего рода диктат над Голливудом⁴. Они показывают, что после Пёрл-Харбора старый конфликт интересов государства и Голливуда не исчез на волне патриотизма, как не исчезла и напряженная борьба между режиссерами и продюсерами за влияние, доходы и общественное мнение⁵. В указанных работах проводятся исторические параллели между процессом формирования образа войны на Тихом океане и другими ключевыми датами американской истории. В этом плане «Остров Уэйк» представляет яркий пример актуализации истории США и создания новой мифологизированной версии войны. Государственная пропаганда США с 1941 г. стремилась придать формированию визуальных образов новой войны исторический характер и контекст. А сами новые аудиовизуальные образы войны изучаются историками данного направления в контексте роли исторической памяти в массовом сознании⁶.

Следующее направление историков американского кинематографа изучает отражение культурно-исторических реалий в кинолентах периода войны⁷. Для Дж. Чемберса и Л. Саида особенно важным был процесс установления соответствия между историей и ее изображением на экране. И такой исследовательский посыл делал категорию жанра ключевой для данных авторов. Следовательно, анализ историографии процесса мифологизации и визуализации Второй мировой войны на Тихом океане через кинематограф США показывает, что подробное исследование фильма «Остров Уэйк» еще не проводилось, как и не была установлена особенность визуальных образов войны в данной киноленте и степень их влияния на американское общество. Изучение данной проблемы поможет восполнить эти лакуны.

«ОСТРОВ УЭЙК»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Фильм 1942 г. «Остров Уэйк» компании Paramount Pictures — один из первых боевых фильмов США, снятых о войне на Тихом океане. До него выходили либо шпионские киноленты («Пересекая Тихий океан», «Черные драконы», «Дама из Чунцина», «Тихоокеанское рандеву»), либо фильмы, где действия ВМС или ВМФ США против японцев не являются центральной сюжетной линией («Летающие тигры», «К бою готов»). Историк

² *Browne N.* Refiguring American Film Genres: History and Theory. Los Angeles, 1998; *Eberwein R.* The War Films. New York, 2004.

³ *Neale S.* Op. cit.

⁴ *Koppes C., Black G.* Hollywood Goes to War: How Politics, Profits and Propaganda Shaped World War II Movies. New York, 1990.

⁵ *Kane K.* Visions of war: Hollywood combat films of World War II. New York, 1982; *Hoopes R.* When the Stars Went to War: Hollywood and World War II. New York, 1994; *Doherty T.* Projections of War: Hollywood, American Culture, and World War II. Washington, 1999.

⁶ War, media, and propaganda: A global Perspective. New York, 2004.

⁷ *Chambers J.* World War II, Film, and History. Oxford, 1996; *Suid L.* Guts and Glory: The Making of the American Military Image in Film. Lexington, 2002.

Кристофер Харт называет его «первым серьезным фильмом США о Тихом океане»⁸. Однако это не первый американский фильм о морских пехотинцах. 24 марта 1942 г. вышла на экраны цветная картина «К берегам Триполи», рассказывавшая о подготовке морпехов до начала войны. В фильме есть сцена, где военнослужащие реагируют на весть о нападении на Пёрл-Харбор, но изображение жизни и подготовки морских пехотинцев критики уже в 1942 г. сочли далеким от реальности и сугубо фантастическим, а *New York Times* писала: «Если этот фильм является справедливой оценкой дисциплины и традиций морской пехоты, то это повод обратиться в Конгресс. Узнать в нем морских пехотинцев США очень сложно»⁹. Морпехи в фильме «К берегам Триполи» изображены чрезмерно легкомысленными, а служба — как временная мера, ступенька к будущей хорошей работе. «Остров Уэйк» позиционирует морских пехотинцев США совершенно с иной стороны.

Появление фильма «Остров Уэйк» стало возможным благодаря развитию информационной ситуации в США в первые месяцы войны с Японией. Оборона атолла Уэйк (7–23 декабря 1941 г.) почти сразу получила в США статус особого сражения, став символом стойкости и мужества. За годы войны стереотипы восприятия и оценки сражения за остров прочно вошли не только в массовое сознание американских граждан, но и популярную культуру, повлияв на кинематограф, музыку и даже мультипликацию 1940-х годов. А приемы и методы создания героического образа поражения, опробованные СМИ на Уэйке, оказались на столько эффективными, что их влияние прослеживается на всем этапе Тихоокеанской войны. Следовательно, изучение процесса формирования и эволюции героизации и мифологизации битвы за Уэйк с помощью кинематографа представляется важной и актуальной задачей. Именно Уэйк наиболее активно использовался американской пропагандой в начале войны как для корректировки информации о поражениях 1941–1942 гг., так и для информационного противовеса «позору Пёрл-Харбора».

Для съемок фильма о таком важном (с точки зрения пропаганды) сражении компания *Paramount Pictures* выбрала в начале весны 1942 г. режиссера Джона Фэрроу. Это выбор определялся несколькими мотивами: во-первых, он снял в 1939 г. драматический фильм «Пятеро вернулись домой», который высоко оценили критики; во-вторых, Фэрроу был опытным путешественником, не раз посещавшим острова Тихого океана, в том числе и Уэйк; в-третьих, режиссер в начале 1942 г. завершил службу в Канадском морском резерве¹⁰. Съемки «Острова Уэйк» начались 25 марта 1942 г., а уже 11 августа 1942 г. фильм вышел в прокат¹¹. Для достижения максимального пропагандистского эффекта при создании сценария были использованы документы об обороне Уэйка, а непосредственно со съемками помогли семь офицеров морской пехоты США во главе с генерал-майором Россом Ровеллом (долгое время перед войной Ровелл возглавлял авиацию морской пехоты США)¹². Сценарий написали Уильям Барнетт (специализировался на гангстерских фильмах) и Фрэнк Батлер (писал сценарии в основном к шпионским и приключенческим фильмам).

ИСТОРИЯ США И ПРОПАГАНДА В ФИЛЬМЕ

Особенностью «Острова Уэйк» является тесное переплетение истории и вымысла, комедии и трагедии, стереотипных и оригинальных образов. С первых кадров фильма режиссер и сценаристы эксплуатируют один из наиболее популярных пропагандистских приемов: использование исторических событий для мобилизации патриотических чувств граждан.

⁸ *Hart C., Hodgson G., Jones S. World War II and the media. A collection of original essays. New York, 2014. P. 10.*

⁹ *New York Times. 26.III.1942. P. 4.*

¹⁰ *Thompson E.N. Wake Island: 50 Years Ago - and Today // Periodical. 1991. № 18. P. 27–41.*

¹¹ *Polan D. Power and Paranoia: History, Narrative and the American Cinema, 1940–1950. New York, 1986. P. 83.*

¹² *Sherrod R. History of Marine Corps Aviation in World War II. Washington, 1952. P. 30.*

Сразу после вступления в кадр появляется текст: «Америка и американцы одерживали много побед, но великие события в нашей военной истории – Велли-Фордж, Последняя позиция Кастера, Потерянный Батальон – являются собой ее темные страницы. Горстки людей сражались до последнего и отдали жизни за свои идеалы. Такими были пилоты 211-й истребительной эскадрильи и 21-й авиагруппы морской пехоты, морпехи из первого оборонительного батальона, составлявшие гарнизон на острове Уэйк».

В этом небольшом вступлении представлены фундаментальные основы для мифологизации войны на Тихом океане, которые будут в дальнейшем многократно использоваться пропагандой США. Во-первых, актуализация и мобилизация патриотических чувств американцев с помощью исторических примеров. Любопытно, что в фильме «Остров Уэйк» режиссер и сценаристы не стали брать в качестве источника вдохновения одну историческую эпоху (как, например, сделал Джон Форд в «Сражении за Мидуэй»), а взяли три примера, причем расставив их в хронологическом порядке: 1) зимовка армии Вашингтона в Велли-Фордж в 1777–1778 гг.; 2) Последняя позиция Кастера – битва при Литтл-Бигхорн между индейцами и 7-м Мичиганским кавалерийским полком армии США в 1876 г.; 3) Потерянный Батальон – эпизод Мез-Аргоннского наступления 1918 г.

Объединяет эти события характер боевых столкновений: американские солдаты противостояли превосходящим силам противника, что закончилось крупными потерями и сформировало в общественном мнении устойчивую метафору «благородное поражение» или «героическая гибель». Данные три события подобраны таким образом, чтобы у зрителей (которые знали о них еще со школы) сформировалась уверенность, что почти в каждой войне присутствует трагическая гибель целых подразделений, но в любом случае – войны заканчиваются победой США. Для широкой общественности это сразу снимало два достаточно острых вопроса: по каким причинам произошло поражение у Уэйка и почему не пришла помощь¹³. А главное – формировало у американских граждан уверенность в победоносном завершении войны, следовательно, подобное обращение к истории решало важнейшие задачи в области пропаганды в 1942 г.¹⁴

Дополнительно указанный текст пропагандировал героическую гибель на войне и переплетался с боевой частью фильма, в которой детально показано уничтожение гарнизона Уэйка. И именно в этой части «Острова Уэйк» происходит второе значимое обращение режиссера и сценаристов к историческим событиям. В фильме с 52-й по 57-ю минуту режиссер Фэрроу создает образ чрезвычайно драматического и напряженного момента, когда японские корабли подходят к острову, а морпехи США каждые 30 секунд фиксируют неминуемо сокращающуюся дистанцию, пока она не достигает рубежа 4700 ярдов. В этой сцене герой актера Брайана Донлеви майор Кайтон (собирательный образ из двух реальных командующих на Уэйке – майора Деверо и майора Патнама) произносит слова: «Слышали о полковнике Уильяме Прескотте? Это он произнес в сражении при Банкер-Хилле: “Не стреляйте до тех пор, пока не увидите белки их глаз”».

Режиссер решил использовать историческое сравнение героев Уэйка и Банкер-Хилла по многим причинам: 1) оба сражения закончились поражением американцев, но с очень крупными потерями для противника; 2) Банкер-Хилл – один из знаковых моментов военной истории США, истории Войны за независимость, следовательно, и оборона Уэйка должна стать начальной вехой новых американских побед; 3) такое сравнение в пропаганде США придавало битве за Уэйк особый статус.

Режиссер Фэрроу встраивает данные аргументы в свой фильм, дополняя перечень «героических поражений», озвученных в самом начале фильма. Цитата из полковника Прескотта не только актуализирует историческое прошлое, но и мобилизует патриотические чувства зрителей.

¹³ Charleston Daily Mail. 22.XII.1941. P. 1; Helena Independent. 23.XII.1941. P. 1.

¹⁴ Sproule J.M. Propaganda and Democracy: The American Experience of Media and Mass Persuasion. Cambridge, 1997. P. 26.

Можно сделать вывод, что использование истории в пропагандистских целях применялось режиссером и сценаристами по примерно той же схеме, что была хорошо апробирована предыдущие исторические периоды: поиск в истории героических и мифологизированных примеров, с которыми можно сравнить актуальные военные события¹⁵. А реактуализация сразу нескольких мифологизированных и чрезвычайно знаковых для американцев исторических событий (Велли-Фордж, Банкер-Хилл, Последняя позиция Кастера, Потерянный батальон) повышала в глазах зрителей статус обороны Уэйка, формируя вокруг него уже новый национальный миф. Любопытен выбор режиссером приема реактуализации образов старых сражений: через текст в самом начале фильма. Это усилило официальный характер соответствующих сюжетов и обеспечило более эмоциональный настрой зрителей перед просмотром.

Новым приемом для американского кинематографа было обращение сразу к четырем военным событиям XVIII–XX вв., что создавало у зрителей ощущение постоянного присутствия «героического поражения» на протяжении всей истории США. При этом главную роль в процессе мобилизации истории для целей пропаганды в данном фильме играет Война за независимость: Велли-Фордж и Банкер-Хилл были с детства знакомы каждому гражданину. Именно после «Острова Уэйк» события XVIII в. в виде подобных исторических вставок, образов и музыки все чаще используются в американских игровых и анимационных фильмах о Второй мировой войне («Действия в Северной Африке» (1943 г.), «Цель – Токио» (1943 г.), «Воинственный мышонок» (1943 г.), «Воинственный Даффи» (1943 г.)).

ВОЙНА И МИР В ФИЛЬМЕ «ОСТРОВ УЭЙК»

Другим классическим приемом пропаганды было противопоставление мира и войны¹⁶. Однако средствами кинематографа такое традиционное противопоставление можно было сделать более выразительным и запоминающимся для зрителей. По структуре фильм делится на две части: «мирную» и «боевую», что было для американского кинематографа времен Второй мировой войны традиционным методом построения сюжета (это наблюдается в кинолентах «7 декабря», «Сражение за Мидуэй», «Пересекая Тихий океан», «Атлантический конвой», «Отчаянное путешествие»). Структурное противопоставление войны и мира будет наблюдаться и в послевоенных фильмах о Второй мировой войне (например, «Пёрл-Харбор» (2001 г.), «Тихий океан» (2010 г.), «Мидуэй» (2019 г.)). В «Острове Уэйк» мирная часть занимает 31 минуту из 88 (или 35,2% всего экранного времени). Визуализация мирного времени имеет в картине Джона Фэрроу несколько особенностей:

1. Остров показан как фронт в классическом вестерне: непокоренная природа, безграничные пустынные пространства (только прерии заменены на океан), суровые и грубоватые герои-мужчины, занятые военной подготовкой или тяжелой работой, а единственная связь с внешним миром – прилетающий раз в неделю самолет компании «Пан Америкэн» (играет ту же роль в фильме, что и дилижансы в вестернах 1920–1930-х годов). Для фильмов о Второй мировой войне это был совершенно новый прием, который уже в 1942 г. будут использовать другие режиссеры (Джон Форд в фильме «Сражение за Мидуэй»). До «Острова Уэйк» американская пропаганда никогда не сопоставляла в фильмах борьбу с японцами и освоение Дикого Запада.

2. В мирной жизни присутствует конфликт. В первые полчаса фильма Фэрроу показывает три типа конфликтов: 1) между гражданскими и военными на Уэйке; 2) между морскими пехотинцами и моряками; 3) между американцами и японцами. Причем последнему уделяется меньше всего времени. Образ разделенного, разобщенного, даже

¹⁵ Shulman H.C. The Voice of America: Propaganda and Democracy, 1941–1945. Madison, 1990. P. 105.

¹⁶ Sheppard W.A. An Exotic Enemy: Anti-Japanese Musical Propaganda in World War II Hollywood // Journal of the American Musicological Society. 2001. № 2. P. 305.

озлобленного американского общества в предвоенное время показан режиссером на примере первых двух типов конфликта.

Подобный прием пропаганды был впервые использован в американском кинематографе о Второй мировой войне. Он активно применялся в кинолентах о Великой депрессии (наиболее яркий пример – «Гроздь гнева» 1940 г.). Но боевые фильмы до «Острова Уэйк» демонстрировали полное сплочение всех родов войск и граждан перед общим врагом. Разрешение показанных в фильме конфликтов происходит во второй части фильма, когда перед гибелью морской пехотинец делится сигаретами с гражданским инженером и благодарит его за проделанную работу¹⁷. Такой сюжет полностью соответствует инструкции Управления военной информации (УВИ) США о формировании через кинематограф чувства единства всех американцев¹⁸. Фэрроу и сценаристы впервые в кинематографе военных лет показывают сам процесс становления «боевого единства» и строят его на контрасте с прошлым. В этом плане режиссер отчасти придерживается концепции «хорошей войны», которая несет не только смерть и разрушения, но и объединяет американцев, устраняя их разногласия¹⁹.

3. Термин «мир» используется в фильме для характеристики международных отношений: на 25-й минуте показан обед в честь японского посла в США, который «привез послание мира от императора». Слово «мир» дипломат произносит за короткую речь четырежды и всегда с улыбкой. Образ Японии как врага конструировался в 1941–1942 гг. на сочетании двух базовых элементов: антропологического и технического. Сюжет с обедом в фильме был важен для персонификации образа врага. Режиссер делает акцент на хитрости, коварстве и двуличии противника, что является еще одной моделью объяснения неудач первого периода войны. В американской пропаганде 1941–1942 гг. эти объяснения причин поражений использовались чаще всего²⁰. Режиссер Фэрроу в этом плане не ищет новых подходов, а использует уже ставшие классическими пропагандистские приемы в формировании образа врага.

4. «Мирная» часть фильма насыщена сугубо бытовыми эпизодами, где морские пехотинцы мечтают о будущей гражданской работе, рассуждают о начальстве, отдыхают, курят сигары и много шутят. Фэрроу показывает их как самых обычных американцев, чтобы контраст с «боевой» частью фильма (где с образом морских пехотинцев происходят значительные перемены) был еще сильнее. Кроме того, этот сюжет также соответствовал инструкциям УВИ о том, что каждый гражданин США может совершить подвиг.

Разделом между двумя частями фильма служит новость о нападении на Пёрл-Харбор. Режиссер Фэрроу помещает ее на 31-й минуте. В фильме данная новость приходит в разгар конфликта между гражданским инженером и командующим гарнизоном острова Уэйк. Новость о войне вызывает у героев фильма совершенно различные реакции: потрясение, растерянность и недоумение у гражданского персонала; решительность и готовность к сражениям у офицеров и саркастические шутки у рядовых морских пехотинцев. Так, режиссер подчеркивает контраст между легкомысленными настроениями американских морских пехотинцев до первых боевых столкновений и трагизмом в завершающей части фильма. Этот эпизод вступал в противоречие с указаниями УВИ США, однако хорошо отражал не только морально-психологический настрой гарнизона острова перед атакой, но и всего американского общества до Пёрл-Харбора²¹.

¹⁷ *Dierdorff R.A.* Pioneer party – Wake Island // *Proceedings of the U.S. Naval Institute*. 1943. № 69. P. 499–508.

¹⁸ *Bird W., Rubenstein H.* Design for Victory: World War II Poster on the American Home Front. New York, 1998. P. 162.

¹⁹ *Sheppard W.A.* Op. cit.

²⁰ *Murphy W.T.* The United States Government and the Use of Motion Pictures during World War II // *The Japan/America Film Wars World War II Propaganda and its Cultural Contexts*. London, 1994. P. 38.

²¹ *Richardson K.* Reflections of Pearl Harbor: An Oral History of December 7, 1941. Greenwood, 2005. P. 29.

Изображение операции японцев по захвату атолла создается Фэрроу с использованием как классических для начального периода войны приемов пропаганды, так и внедрением некоторых новаторских подходов.

Первый налет на остров показан в фильме с максимально возможным для 1942 г. реализмом. На 33-й минуте показана атака 24 одномоторных японских бомбардировщиков (заметно явное стремление режиссера придать самолетам очертания пикирующего бомбардировщика японского флота Д3А «Val»), которые прошли незамеченными мимо воздушного патруля и были обнаружены лишь непосредственно перед боем. Это весьма любопытный прием пропаганды США: конструирование образа врага с помощью военной техники. В этом процессе, как правило, ведущую роль играл истребитель А6М «Зеро», который очень быстро стал в американской пропаганде одним из символов войны на Тихом океане²². Фэрроу вопреки этой традиции целенаправленно во всех сценах с боевыми столкновениями демонстрирует иной тип боевых машин, не так знакомых американцам. С одной стороны, это придавало киноленте дополнительный реализм, с другой — создавало образ более опасного и серьезного противника, обладающего самыми различными типами самолетов.

В первых боевых сценах режиссер Фэрроу применяет новый для игрового кино пропагандистский прием: показывает на экране действие сразу нескольких десятков самолетов. Такой масштаб был не свойствен предшествующим фильмам, где подобные сцены заменяли кадрами из кинохроники. Поскольку большая часть самолетов, показанных в картине, были японскими, у зрителей создавался специфический образ врага, обладающего количественным и качественным превосходством над силами морских пехотинцев. Это усиливало элемент трагизма в фильме, добавляя мотив жертвенности — одного из наиболее эмоционально сильных и хорошо апробированных пропагандистских приемов²³.

Кроме того, в фильме «Остров Уэйк» использование образа японской военной техники служит для введения еще одного классического метода пропаганды: «герой-одиночка». Сюжет боевой части фильма построен на том, как несколько десятков морских пехотинцев сражаются с целым японским оперативным соединением. Но война в воздухе в картине Фэрроу утрирует элемент неравного соотношения сил: многочисленным японским самолетам противостоит всего один американский (под управлением пилота Корпуса морской пехоты), которому (по сюжету фильма) удается сбить несколько самолетов противника и уничтожить крейсер. Это чрезвычайно популярный прием пропаганды США, который после 1941 г. приобрел одно из доминирующих значений в системе государственной пропаганды²⁴. В «Острове Уэйк» образ «героя-одиночки» служит переходом к изображению массового героизма морских пехотинцев — каждый из которых показан режиссером как потенциальный герой.

Главными действующими лицами в отражении первой атаки в фильме Фэрроу становятся именно морские пехотинцы и пилоты Корпуса морской пехоты США. Это был новый акцент и для Голливуда, и для пропаганды США. До «Острова Уэйк» фильмов о морских пехотинцах было очень мало, а в таких кинолентах, как «К берегам Триполи», морпехи изображались шутниками и искателями приключений, а максимальный подвиг — устраивать мелкие хулиганства и не подчиняться начальству. Весьма показательно, что мирная часть фильма «Остров Уэйк» изображает морских пехотинцев США в таком же стиле. Однако в боевой части фильма морпехи приобретают совершенно новый образ.

²² *Elving R.D.* How Americans View Japan // *Congressional Quarterly Weekly Review*. 1990. № 3. P. 968; *Roeder J., George H.* The Censored War—American Visual Experience During World War Two. New Haven, 1993. P. 73; *Fyne R.W.* The Hollywood Propaganda of World War II. Metuchen, 1994. P. 47; *Miles H.* WWII Propaganda: The Influence of Racism // *Artifacts Journal*. 2012. № 6. P. 35.

²³ *Migliucci D.* Legislative Investigations into Propaganda Activities (1919—1941): The Tacit Collusion Between U.S. Politicians and the Press // *Historia y comunicación social*. 2021. № 1. P. 72.

²⁴ *Miller V.L.* Doris Miller: A Silent Medal of Honor. Austin, 1997. P. 93; *Idem.* The Messman Chronicles: African-Americans in the United States Navy 1932—1943. Annapolis, 2004. P. 57.

Новый образ морских пехотинцев строится в фильме на сочетании таких классических элементов, как мужество, героизм, самопожертвование, но с добавлением универсальности: в «Острове Уэйк» на протяжении всего экранного времени подчеркивается, что морские пехотинцы с одинаковым мастерством владеют любыми видами стрелкового вооружения, орудиями береговых батарей, управляют самолетами, автотранспортом. Инструкции по пропаганде для кинематографа от УВИ (1942 г.) подразумевали акцент в новых фильмах на героизме и мужестве²⁵, поэтому «универсальный морпех», придуманный Фэрроу, оказался не только новаторской, но и весьма актуальной идеей. Подтверждением этому служит то, что после «Острова Уэйк» УВИ заказывает съемку нескольких коротких фильмов именно о службе морских пехотинцев США («Морпехи США на Гуадалканале отбросили японские войска», «Силы США на юге Тихого океана», «Морпехи в битвах с японцами на Тихом океане»²⁶). И в каждом из этих фильмов уже эксплуатируется новый образ морпеха: солдата, готового к решению любых задач и на суше, и на море, и в воздухе. Следовательно, в «Острове Уэйк» был создан образ морского пехотинца, который очень быстро оказал воздействие на всю американскую пропаганду через кинематограф.

Для актуализации и оптимального восприятия этого нового образа в фильме сразу после начала сражения все остальные персонажи киноленты отходят на второй план. Безусловно, подобная тенденция появилась после публикаций в прессе США (особенно с 12 по 25 декабря 1941 г.). Причем сам режиссер использует первые полосы газет в фильме для демонстрации общественной реакции не только на оборону Уэйка, но и на героизм морских пехотинцев. В период с 1 часа 08 минут до 1 часа 15 минут в фильме показаны журналисты, редакторы в США за работой и передовицы двух газет: Star Sentinel (газета небольшого, но известного в США города Геттисберг, штат Пенсильвания) и News Express (еженедельная газета маленького города Боуи, штат Мэриленд).

Выбор этих периодических изданий не случаен. Первая газета акцентирует внимание читателей на известном историческом событии, фактически уравнивая — если не по значению, то по остроте восприятия — битву при Геттисберге и оборону Уэйка. Кроме того, именно исторические образы гражданской войны в США стали основой для патриотической пропаганды в начальный период войны на Тихом океане.

Вторая газета была выбрана, чтобы дополнительно подчеркнуть общеамериканскую известность защитников Уэйка, о которых пишут издания даже самых маленьких городков, традиционно ориентированных на местные новости. Так, режиссер показывает, что новости о подвиге морских пехотинцев пришли в каждый американский город, коснулись каждого гражданина США.

ПОРАЖЕНИЕ КАК ПОБЕДА: ФИНАЛ «ОСТРОВА УЭЙК»

Завершается фильм демонстрацией событий 23 декабря 1941 г., когда в ходе второй десантной операции японцам удается захватить Уэйк²⁷. В фильме гарнизон острова полностью погибает, а последних раненых расстреливает японский офицер. Последние кадры фильма — марширующий строй новых морпехов на фоне флага США, а закадровый голос произносит: «Эти морские пехотинцы сражались до самого конца. Они вошли в историю. Но это еще не конец. За их спинами — другие американцы. Целых 140 миллионов. И они сделают все, чтобы отомстить врагу за них».

Здесь переплетается сразу несколько очень популярных мотивов и идей американской пропаганды начального периода войны.

Во-первых, концепция «героического поражения», когда подвиги отдельных частей и соединений героизируются в ходе массовой информационной кампании при общем

²⁵ National Archives and Records Administration. RG 208 “Records of the Office of war information”. Series: Records Pertaining to Film Control. NC148 329.

²⁶ Ibid. Series: Motion Picture Films from “United News” Newsreels, 1942–1945. 208-UN-27.

²⁷ Heintl R.D. The Defense of Wake. Washington, 1947. P. 62.

ухудшении ситуации на фронте²⁸. Для США в 1941–1942 гг. такими классическими примерами стали лейтенант Колин Келли, майор Лофтон Хендерсон, матрос Дорис Миллер, битва за Коррехидор, но наиболее известным и в информационном плане самым активным стал образ сражения за атолл Уэйк. Фильм Джона Фэрроу завершает кампанию по героизации Уэйка, так как летом 1942 г. начинает меняться положение дел на Тихом океане и у США появляются новые герои, чьи имена связаны уже с победами.

Во-вторых, идея мести. Это один из главных мотивов выступлений президента Ф.Д. Рузвельта 8 и 9 декабря 1941 г.²⁹, а также газетных публикаций и общественных настроений³⁰. Месть за Пёрл-Харбор обсуждалась и ожидалась американским обществом с декабря 1941 по июнь 1942 г. Американские художники обыгрывали этот сюжет в карикатурах³¹. Режиссер и сценаристы фильма «Остров Уэйк» очень точно визуализировали подобные общественные настроения с помощью яркого образа марширующих морских пехотинцев и слов: «Но это еще не конец». Образ строя солдат – один из классических примеров пропаганды, однако в своем фильме Фэрроу использует два нововведения: часть сцен снята из-за спин морских пехотинцев, чтобы каждый зритель в кинотеатре буквально ощутил себя под защитой данных солдат; впервые для роли защитников всей Америки были выбраны не солдаты и офицеры сухопутных сил, не моряки и пилоты, а морские пехотинцы. Очень скоро на американские экраны выйдут новые фильмы о морских пехотинцах: «Сражение за Мидуэй», «Дневники Гуадалканал», «Коррехидор», «Возвращение на Гуам», «6-я дивизия морпехов на Окинаве», «Берега Иводзимы». Это свидетельствует о потребности американского общества в образе нового героя (морского пехотинца) при визуализации Второй мировой войны на Тихом океане.

В-третьих, особенности демонизации японцев, которые присутствовали в пропаганде США с первых дней войны, в фильме Фэрроу они имеют как традиционные для 1941–1942 гг. черты, так и обретают новые. К традиционным относятся коварные улыбки, круглые очки, фанатичное служение императору. К новым – отсутствие милосердия и убийства раненых американских солдат. Все это в целом выступает сильным эмоциональным завершающим моментом картины, который оценили многие критики.

Анализ фильма «Остров Уэйк» позволяет сделать некоторые выводы об особенностях визуализации и мифологизации Второй мировой войны на Тихом океане в американском кинематографе.

1. В фильме Фэрроу присутствует целый комплекс конкретных структурно-содержательных элементов, формирующих кинообразы войны в США и повлиявших на корректировку американской Я-концепции в XX–XXI вв.: образ «героического поражения», восприятия Тихого океана как нового фронта, демонизация образа японцев, разделение мира на «довоенный» и «военный» с границей между ними в виде Пёрл-Харбора, изображение войны как работы, актуализация исторического прошлого для укрепления патриотических чувств граждан.

2. В «Острове Уэйк» создается совершенно новый образ морского пехотинца – не избалованного хулигана (как в фильмах 1920–1930-х годов), а почти суперсолдата, способного решать любые задачи, сопротивляться многократно превосходящим силам врага, при этом сохраняя чувство юмора и даже грубоватого цинизма. Следовательно, фильм Фэрроу – первый шаг к тому образу морпеха, который будет особенно популярен в Голливуде во второй половине XX в.

3. На примере «Острова Уэйк» хорошо видны особенности начального этапа эволюции и государственной пропаганды США с помощью кино и развитие визуального

²⁸ Miller B. War in Visual Culture // At War: The Military and American Culture in the Twentieth Century and Beyond. New York, 2018. P. 279–307.

²⁹ Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Washington, 1942. P. 126.

³⁰ Library of Congress. American Folklife Center. After the Day of Infamy: “Man-on-the-Street” Interviews Following the Attack on Pearl Harbor. LWO 4872, Reel 406, Side B, AFS 6358.

³¹ Chicago Tribune. 8.XII.1941. P. 1.

образа Второй мировой войны, на который оказывали влияние и общественная мифология (связанная с историческим прошлым США), и внешнеполитические (военные) события (неудачные американо-японские переговоры 1941 г., поражения в войне в декабре 1941 г.), и социально-экономические изменения в США. Взаимодействие традиционных образов войны, сформировавшихся еще в XVIII–XIX вв., с новыми, появившимися уже во Вторую мировую, приводит к созданию оригинальных социальных мифов, где остров Уэйк занял особо важное место, став не только одной из базовых мифологем, но и дав старт к появлению нового героя для американской киноиндустрии – морского пехотинца.

Библиография / References

- Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Washington, 1942.
- Basinger J.* The World War II Combat Film. Middletown, 2003.
- Bird W., Rubenstein H.* Design for Victory: World War II Poster on the American Home Front. New York, 1998.
- Browne N.* Refiguring American Film Genres: History and Theory. Los Angeles, 1998.
- Chambers J.* World War II, Film, and History. Oxford, 1996.
- Dierdorff R.A.* Pioneer party – Wake Island // Proceedings of the U.S. Naval Institute. 1943. № 69. P. 499–508.
- Doherty T.* Projections of War: Hollywood, American Culture, and World War II. Washington, 1999.
- Eberwein R.* The War Films. New York, 2004.
- Elving R.D.* How Americans View Japan // Congressional Quarterly Weekly Review. 1990. № 3. P. 967–971.
- Fyne R.W.* The Hollywood Propaganda of World War II. Metuchen, 1994.
- Hart C., Hodgson G., Jones S.* World War II and the media. A collection of original essays. New York, 2014.
- Heinl R.D.* The Defense of Wake. Washington, 1947.
- Hoopes R.* When the Stars Went to War: Hollywood and World War II. New York, 1994.
- Kane K.* Visions of war: Hollywood combat films of World War II. New York, 1982.
- Koppes C., Black G.* Hollywood Goes to War: How Politics, Profits and Propaganda Shaped World War II Movies. New York, 1990.
- Migliucci D.* Legislative Investigations into Propaganda Activities (1919–1941): The Tacit Collusion between U.S. Politicians and the Press // Historia y comunicación social. 2021. № 1. P. 70–78.
- Miles H.* WWII Propaganda: The Influence of Racism // Artifacts Journal. 2012. № 6. P. 32–43.
- Miller B.* War in Visual Culture // At War: The Military and American Culture in the Twentieth Century and Beyond. New York, 2018. P. 279–307.
- Miller R.E.* The Messman Chronicles: African-Americans in the United States Navy 1932–1943. Annapolis, 2004.
- Miller V.L.* Doris Miller: A Silent Medal of Honor. Austin, 1997.
- Murphy W.T.* The United States Government and the Use of Motion Pictures during World War II // The Japan/America Film Wars World War II Propaganda and its Cultural Contexts. London, 1994. P. 35–44.
- Neale S.* Genre and Hollywood. New York, 2000.
- Polan D.* Power and Paranoia: History, Narrative and the American Cinema, 1940–1950. New York, 1986.
- Richardson K.* Reflections of Pearl Harbor: An Oral History of December 7, 1941. Greenwood, 2005.
- Roeder J., George H.* The Censored War-American Visual Experience during World War Two. New Haven, 1993.
- Sheppard W.A.* An Exotic Enemy: Anti-Japanese Musical Propaganda in World War II Hollywood // Journal of the American Musicological Society. 2001. № 2. P. 301–314.
- Sherrod R.* History of Marine Corps Aviation in World War II. Washington, 1952.
- Shulman H.C.* The Voice of America: Propaganda and Democracy, 1941–1945. Madison, 1990.
- Sproule J.M.* Propaganda and Democracy: The American Experience of Media and Mass Persuasion. Cambridge, 1997.
- Suid L.* Guts and Glory: The Making of the American Military Image in Film. Lexington, 2002.
- Thompson E.N.* Wake Island: 50 Years Ago - and Today // Periodical. 1991. № 18. P. 27–41.
- War, media, and propaganda: A global Perspective. New York, 2004.

DOI: 10.31857/S013038640020036-7

© 2022 г. **Е.С. ТОКАРЕВА**

ИТАЛЬЯНСКИЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ КАПЕЛЛАНЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Токарева Евгения Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: estokareva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57190089895; ORCID: 0000-0002-5652-2348; Researcher ID: AAQ-4754-2020

Аннотация. Статья посвящена деятельности католических священников, сопровождавших итальянские войска на Восточном фронте в 1941–1943 гг. В основе статьи – воспоминания, дневники, письма и отчеты капелланов, в том числе их доклады, направленные в Ватикан в период военных действий, которые стали доступны для исследователей лишь в марте 2020 г., когда были открыты архивы Ватикана, относящиеся к понтификату Пия XII (1939–1958 гг.). Затронутая тема никогда не освещалась в отечественной историографии и мало подвергалась изучению в итальянских исследованиях. Цель статьи – проанализировать переданную капелланами информацию о территориях, где дислоцировалась итальянская армия: о положении местного населения, в том числе людей разных национальностей, особенно русских, украинцев, поляков, евреев; о религиозной ситуации на оккупированных территориях как в районах с преобладанием католиков или греко-католиков (Польша, Западная Украина), так и в районах, где преобладало православное население (главным образом Восточная Украина); действиях военных (итальянских и немецких солдат и офицеров); о собственной деятельности капелланов, заключавшейся не только в духовном окормлении итальянских войск, но и в совершении таинств и проведении богослужений для местного населения. Используемые впервые источники позволяют понять, какой им виделась жизнь местного населения на территориях, оккупированных итальянскими войсками, был ли Ватикан осведомлен о реальном положении вещей, а также сделать вывод о том, что Ватикан пытался или собирался предпринять для апостольской деятельности военных капелланов в Советском Союзе.

Ключевые слова: Католическая церковь, капелланы, Италия, вооруженные силы, церковь и государство, церковь и армия, оккупационный режим, Вторая мировая война, оккупированные территории СССР.

E.S. Tokareva

Italian Catholic Chaplains on the Eastern Front During World War II: Perception of Soviet Reality, Military Realities, and Apostolate in the Territories Occupied by Italy

Eugenia Tokareva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: estokareva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57190089895; ORCID: 0000-0002-5652-2348; Researcher ID: AAQ-4754-2020

Abstract. The author focuses on the role of Catholic chaplains accompanying Italian troops on the Eastern Front between 1941 and 1943. It draws on the memoirs, diaries, letters and reports of the

chaplains, including direct reports sent by them to the Holy See during the war, which only became available to scholars in March 2020 when the Vatican archives relating to the pontificate of Pius XII (1939–1958) were unsealed. This subject has never been addressed in Russian historiography and has been barely explored in Italian studies. The aim of this article is to analyse the information relayed by chaplains about the territories where the Italian army was deployed, the situation of the local population, including people of different nationalities, the religious situation on the occupied territories, the actions of the armed forces (mainly Italian and German) and the activities of chaplains themselves, including not only the spiritual care of the Italian troops, but also the administration of sacraments and the holding of religious services for the local population. Newly discovered sources make it possible to understand how the chaplains saw life among the local population in the territories occupied by Italian troops, whether the Vatican was aware of the real situation, and to infer what the Vatican tried or intended to do for the apostolic work of the military chaplains in the Soviet Union.

Keywords: Catholic Church, chaplains, Italy, armed forces, church and state, church and army, occupation regime, World War II, occupied territories of the USSR.

Судьба итальянской армии на Восточном фронте — тема, в достаточной степени изученная главным образом итальянскими специалистами, хотя и в наши дни историки обнаруживают документы, позволяющие уточнить известные факты и добавить новые детали.

Среди российских исследований наибольшего внимания заслуживают фундаментальная монография Г.С. Филатова «Восточный поход Муссолини»¹ и несколько более поздних работ: книга В.Г. Софронова², статьи И.И. Баринова³, М.Г. Талалая в соавторстве с М.Т. Джусти⁴, Б.Н. Петрова⁵. В западной историографии хотелось бы отметить сравнительно недавние книги Шемлера и Скотони⁶. Есть значимые публикации документов⁷, в том числе в России⁸. Однако статус и деятельность капелланов, сопровождавших итальянские войска, отдельным сюжетом не представлены ни в одном из перечисленных трудов.

Имеют место отдельные исследования, посвященные роли итальянских капелланов на Восточном фронте или в целом в годы Второй мировой войны⁹. Другие, более многочисленные работы сосредоточены на судьбах тех или иных капелланов, при этом около половины этих трудов посвящены капеллану дону Карло Ньюкки. Это особое внимание,

¹ Филатов Г.С. Восточный поход Муссолини. М., 1968.

² Софронов В.Г. Итальянские войска на Восточном фронте. 1941–1943. М., 1990.

³ Баринов И.И. Итальянские войска на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 4. С. 5–14.

⁴ Талалай М.Г., Джусти М.Т. Восточная кампания Муссолини: факты, оценки, мемуары // Россия и Италия. Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней. Вып. 6 / под ред. Е.С. Токаревой, М.Г. Талалая. М., 2015. С. 130–144.

⁵ Петров Б.Н. Как делили Украину Гитлер и Муссолини // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 10–15.

⁶ Schlemmer Th. Die Italiener an der Ostfront. München, 2005; Scotoni G. L'Armata Rossa e la disfatta italiana. 1942–43. Trento, 2007; Invasori, non vittime. La campagna italiana di Russia, 1941–1943. Bari; Roma, 2009.

⁷ Italianzy Kaputt? (con l'Armir in Russia). Roma, 1959; Le operazioni delle unità italiane al fronte russo (1941–1943). Roma, 1977.

⁸ Баринов И.И. «Первый наш долг как военнослужащих на войне: молчать!». Итальянские оккупационные войска на территории СССР. 1942 г. / публ. И.И. Баринова // Исторический архив. 2013. № 2. С. 96–100; Терехова Н.Г. «Дом мой и постройки сожгли итальянцы». Свидетельские показания советских граждан о преступлениях итальянских военнослужащих на оккупированных территориях СССР. 1943 г. // Исторический архив. 2018. № 3 (150). С. 53–60.

⁹ Fontana padre Fr. Croce ed armi: l'assistenza spirituale alle forze armate italiane in pace e in guerra: 1915–1955. Torino, 1956; Marchisio Fr. Cappellani militari, 1870–1970. Roma, 1970; Serafini R. L'assistenza religiosa nella campagna di Russia. Roma, 1985; Franzinelli M. Il riarmo dello spirito: i cappellani militari nella seconda guerra mondiale. Quinto di Treviso, 1991; Cavaterra E. Sacerdoti in grigioverde — Storia dell'Ordinariato militare italiano. Milano, 1993; Chiesa P. Dio e patria: i cappellani militari lombardi nella seconda guerra mondiale. Milano, 2011; Onesti R., De Meis D.M. I soldati della croce. Roma, 1942.

по-видимому, связано с тем, что после возвращения с фронта дон Ньюкки участвовал в антифашистской деятельности, в частности был членом OSCAR, католической ассоциации помощи беженцам, помогал евреям и сбежавшим военнопленным перебраться в Швейцарию, а после войны посвятил себя детям-инвалидам войны, основав для них обширную сеть колледжей во многих городах Италии. Источником для исследований, как правило, являются воспоминания, дневники и письма итальянских военных капелланов, побывавших на Восточном фронте, как попавших в плен вместе с остатками разбитой итальянской армии, так и тех, кому удалось вернуться в Италию с отступающими войсками¹⁰.

Представленная статья опирается главным образом на открытые в 2020 г. фонды Архивов Ватикана, относящиеся к периоду 1939–1948 гг., а именно рубрики: 695 – «Донесения священника Пирро Скавицци о Германии, Польше и России, оккупированной войсками “Оси”»; 696 – «Донесения военных капелланов о религиозной ситуации на территориях, оккупированных войсками “Оси”»; 706 – «Отец Пьетро Леони S.J., капеллан при итальянском экспедиционном корпусе в России»; 714 – «Сертификаты таинств, предоставленных военными капелланами русским» Исторического архива Второй секции Государственного секретариата¹¹, а также на мемуары¹².

Италия объявила войну СССР сразу же после нападения на Советский Союз Германии. История участия в войне итальянских войск традиционно делится историками на четыре этапа:

- 1) победоносное продвижение итальянцев к Дону;
- 2) их стойкое сопротивление во время контратаки Красной армии;
- 3) разгром и отступление;
- 4) плен и репатриация¹³.

Итальянский экспедиционный корпус (CSIR) в составе 62 тыс. человек был отправлен в Россию в июле 1941 г. К концу октября 1941 г. он добрался до бассейна Донца, а в результате нового наступления совместно с немцами в июле 1942 г. продвинулся на расстояние 500 км в сторону Дона. Летом же 1942 г. в Россию были направлены и дополнительные войска. Все вместе (в том числе CSIR, шесть альпийских дивизий – Кунезане, Тридентина, Юлия, Пасубио, Торино и Виченца, несколько пехотных дивизий и подразделений чернорубашечников, лыжный батальон и два отряда кавалеристов) они составили 8-ю армию, получившую название Итальянская армия в России (*Armata Italiana in Russia*, сокр. ARMIR), численностью 229 тыс. человек. Итальянский фронт был растянут на 250 км (на флангах располагались венгерские и румынские войска). В связи с этим во

¹⁰ Согласно библиографии, собранной на сайте дивизии «Пасубио» и обновленной в 2022 г., таких изданий около тридцати пяти. См.: *Bibliografia // La Divisione Pasubio*. URL: <https://www.divisionepasubio.it/bibliografia/> (дата обращения: 04.05.2022).

¹¹ Archivio Storico della Sezione per i Rapporti con gli Stati della Segreteria di Stato, Città del Vaticano. Fondo Affari Ecclesiastici Straordinari (далее – AA.EE.SS.). Periodo V [Pontificato di Pio XII (1939–1958)]. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 695. Relazioni del Sac. Pirro Scavizzi sulla Germania, Polonia e Russia occupata dall’ “Asse”. 1942; Pos. 696. Relazioni di cappellani militari sulla situazione religiosa dei territori occupati dall’ “Asse”. 1941–1945; Pos. 706. P. Pietro Leoni S.I. cappellano presso il corpo di spedizione italiano in Russia. 1942–55. Ff. 14; Pos. 714. Certificati di sacramenti conferiti da cappellani militari a russi. 1943.

¹² *Maccarone S.* [don]. Un cappellano nell’URSS. Roma, 1950; *Alagiani P.* [padre]. Le mie prigionie nel paradiso sovietico. Roma, 1956; *D’Auria M.* [don]. L’Armata della neve. La tragedia dei soldati italiani in Russia. Roma, 1974; *Turla G.M.* [don]. Sette rubli per il cappellano. Gli alpini nelle battaglie e nei campi di prigionia russi della Russia. Milano 1974; *Bonadeo A.* Sangue sul Don. Milano, 1980; *Mangani G.* Sangue sulla neve. Missione del cappellano alpino al fronte russo. Urbana, 1990; *Дель Монте А.* Крест на подсолнухах. Дневник капеллана в России (1942–1943). М., 2000; *Ruffino I.* Bianco, rosso e grigioverde. Un cappellano militare: tre mesi in Russia e venti mesi in attesa della liberazione. Torino, 2003; *Chiavazza C.* [don]. Scritto sulla neve. Diario di un cappellano militare in Russia. Brescia, 2006; *Леони П.* «Шпионы Ватикана...». О трагическом пути священников-миссионеров: воспоминания Пьетро Леони, обзор материалов следственных дел. М., 2012; *Brevi G.* [don]. Ricordi di prigionia. Russia 1942–1954. Bologna, 2013.

¹³ *Талалай М.Г., Дзюсти М.Т.* Указ. соч. С. 131.

время летнего наступления Красной армии ей удалось вклиниться между 8-й итальянской армией и 6-й немецкой под командованием Ф. Паулюса. Зимнее наступление Красной армии, начавшееся с атаки 11 декабря, привело к полному разгрому итальянской армии к февралю 1943 г. Итальянские потери составляли 95 тыс. (80 тыс. пленными и 15 тыс. убитыми), всего за время отступления погибло около 100 тыс. человек, 80 тыс. попали в плен¹⁴.

Итальянскую армию сопровождали 180 капелланов¹⁵. 53 из них погибли в боях и в лагерях для военнопленных¹⁶ или пропали без вести; от 30 до 40 из оставшихся в живых опубликовали впоследствии свои воспоминания.

Институт капелланов итальянских войск в том виде, в каком он находился к моменту Второй мировой войны, сформировался в результате переговоров между Святым Престолом и Итальянским государством на основании декрета Конгрегации епископов от 6 марта 1925 г., одобренного итальянским законодательством 11 марта 1926 г.¹⁷ Капелланы итальянских вооруженных сил возглавлялись военным Ординарием в чине генерала армейского корпуса, подчинявшимся ординарному военному архиепископу, тот в свою очередь назначался декретом главы государства. Помощниками Ординария были генеральный vikарий в чине дивизионного генерала и инспекторы в чине бригадных генералов. На конкретных территориях корпус капелланов возглавлялся Первыми главными капелланами (в чине майоров), Главными капелланами (в чине капитанов) и помощниками (в чине лейтенантов). На Восточном фронте должность Главного капеллана (*capellano capo*) в 1941–1942 гг. занимал Арриго Пинтонелло¹⁸, который был отправлен на Восток 5 августа 1941 г. и захвачен в плен русскими партизанами 27 декабря 1942 г. Пинтонелло вернулся в Италию после освобождения 5 апреля 1943 г.

Рубрика «Донесения военных капелланов о религиозной ситуации на территориях, оккупированных войсками “Оси”» Исторического архива Второй секции Государственного секретариата Святого Престола содержит в числе прочих донесения Главного капеллана, сделанные им на основании собственных наблюдений, а также материалов от подчиненных ему капелланов. Там имеются также отчеты некоторых других капелланов, попавшие в Ватикан иными способами, например, через епископов, в юрисдикции которых капелланы (в то время приходские священники) находились до отправки на фронт, и т.д.

¹⁴ Данные, приведенные в книге другого исследователя, Эмилио Вио Сопраниса, несколько отличаются от названных. Согласно Сопранису, из 235 тыс. человек в Италию после поражения в 1943 г. вернулись не более половины. Число погибших и пропавших без вести равняется 85 000 человек. Вернулись после плена около 10 000 человек (*Sopranis E. V. ARMIR: La tragica avventura dell'Armata italiana in Russia. Milano, 2016*).

¹⁵ Эта цифра приводится в ряде воспоминаний. Однако дон Итало Руффино утверждал в своих воспоминаниях, что капелланов было 250. Согласно его данным, капелланов было больше, чем предусматривалось регламентациями. *Ruffino I. Op. cit. P. 39.*

¹⁶ Цифра высокая, если учесть, что, согласно официальным данным, за годы участия итальянских войск во Второй мировой войне (1940–1945 гг.) на всех фронтах погибло 125 капелланов. См.: *Accornero P.G. Cappellani militari caduti durante la seconda guerra mondiale // La Voce E il Tempo. 18.VIII.2015. URL: <https://www.lavocedeltempo.com/Chiesa/Diocesi/Cappellani-militari-caduti-durante-la-seconda-guerra-mondiale> (дата обращения: 05.05.2022).* Полный список имен погибших на Восточном фронте с подробностями их службы и гибели приводится в книге: *Turla G.M. [don]. Op. cit. P. 235–239.* Данные о назначениях военных капелланов можно найти также в периодическом издании: *Bollettino ufficiale delle nomine, promozioni e destinazioni negli ufficiali e sottufficiali del R. esercito italiano e nel personale dell'amministrazione militare. 1941–1943.*

¹⁷ Данный декрет был подтвержден Латеранскими соглашениями 1929 г. и новым законом от 16 января 1936 г.

¹⁸ *Arrigo Пинтонелло (Arrigo Pintonello)* – с 1932 г. епископ Падуи, с 5 августа 1941 г. – глава Бюро духовной помощи при CSIR. В 1942 г. в России его штаб-квартира располагалась в Миллерово, откуда он совершал инспекционные поездки по окрестным городам. После освобождения в 1945 г. был назначен ректором Папской семинарии в Витербо, в 1946 г. – ректором Папской семинарии в Салерно. В 1953 г. стал титулярным архиепископом Феодосиополиса в Аркадии и военным ординарием вооруженных сил Италии.

Религиозное окормление итальянского войска считалось превосходным. Капелланы имелись во всех полках и во многих батальонах. В отличие от немецких войск¹⁹ итальянские капелланы служили также в госпиталях и санитарных поездах.

Интересным источником являются донесения священника Пирро Скавицци²⁰, который начиная с 1940 г. служил капелланом санитарных поездов военного корпуса Итальянской ассоциации кавалеров Суверенного Мальтийского ордена²¹. В этом качестве он шесть раз побывал в России²² и Восточной Европе от Кракова до Днепропетровска, Ясиноватой и Дебальцево, его последняя поездка в Дебальцево завершилась 28 ноября 1942 г. Дон Скавицци собрал важную информацию о положении населения в оккупированных районах, о религиозных преследованиях в Польше и Австрии, сведения о концентрационных лагерях в Польше, о систематическом уничтожении русских военнопленных, раненных на фронте. Он также служил посредником между епископами в оккупированных странах и Святым Престолом. Свои наблюдения он изложил (по просьбе государственного секретаря Ватикана кардинала Луиджи Мальоне) в четырех отчетах, адресованных папе Пию XII.

Мемуары капелланов в большинстве своем гораздо менее содержательны в плане сведений о положении населения. Воспоминания тех, кто прошел через лагеря для военнопленных, главным образом концентрируются на жизни в плену. Например, в записях отца Пьетро Аладжани²³, попавшего на Восточный фронт лишь в сентябре 1942 г., периоду до плена посвящено всего две страницы. Аналогично кратки воспоминания помощника главного капеллана альпийского корпуса в чине лейтенанта Джованни Бреви²⁴. Ряд воспоминаний описывают период 1941–1943 гг. достаточно подробно, однако в центре их внимания обязанности капелланов в отношении итальянских солдат и офицеров, а также ход военных действий²⁵. В числе документальных свидетельств есть письма с фронта капеллана Микеле Мангани, пропавшего без вести в марте 1943 г., а также ряд других публикаций писем и дневников²⁶.

Особый случай представляют собой воспоминания отца-иезуита Пьетро Леони. В августе 1941 г. он был назначен капелланом в резервный госпиталь дивизии «Торино» в Днепропетровске. В мае 1943 г. с армией вернулся в Италию и демобилизовался. Но в сентябре 1943 г. он вновь отправился в Россию, где служил настоятелем в Одессе.

¹⁹ В немецкой армии капелланов не было в санитарных подразделениях и в дивизиях СС. АА.ЕЕ. SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 695. F. 14.

²⁰ Поездки Пирро Скавицци: 1) 17 октября – 15 ноября 1941 г. до Днепропетровска; 2) 12 января – 20 февраля 1942 г. до Ясиноватой; 3) 8 апреля – 3 мая 1942 г. до Кракова; 4) 29 июня – 23 июля 1942 г. до Днепропетровска; 5) 16 сентября – 11 октября 1942 г. до Днепропетровска; 6) 4–28 ноября 1942 г. до Дебальцево. 22 декабря 1983 г. был начат процесс беатификации отца Пирро Скавицци. 21 февраля 2020 г. он был назван папой Франциском досточтимым. О нем см.: *Manzo M. Don Pirro Scavizzi. Prete romano. Casale Monferrato, 1997.*

²¹ Специальный добровольческий вспомогательный корпус Итальянской армии.

²² Капелланы, как и большинство итальянских исследователей, употребляли название «Россия» применительно ко всей территории СССР. В данной статье мы сохранили их понятийный аппарат.

²³ *Alagiani P. [padre]. Op. cit.*

²⁴ *Brevi G. [don]. Op. cit.*

²⁵ *D'Auria M. [don]. Op. cit.; Turla G.M. [don]. Op. cit.; и др.*

²⁶ *Lerda M. [don]. Russia e Germania. Diario di guerra e di prigionia di un cappellano alpino. Revello, 1974; Salvi A. (prefazione di mons. Arrigo Pintonello; a cura di Cesare Patelli). Dalla steppa ghiacciata ai lager nazisti: diari di guerra (1942–43) e di prigionia (1943–45). Firenze, 1979; Pigato G.B. [padre]. Diario di un cappellano militare: fronte russo 1942–1943. Como, 1986; Bernardetto V. Dalle lettere di don Emilio Berto cappellano degli alpini disperso a Nikolajewka. Torino, 1990; Marigo Z. [don]. Nessuno si tolga le scarpe. Diario della campagna di Russia e della prigionia in Germania. Bologna, 1990; Balletti Fr. Un saio nella steppa: diario del cappellano militare in Russia padre Gherardo Gubertini. Piacenza, 1992; Del Fabbro L. Odissea nella steppa russa. Diario di un cappellano militare nella Campagna di Russia 1941–1943. Latisana, 2002; Militello G. “Padre generoso stammi vicino... muoio” – I diari di un Cappellano degli Alpini nella Seconda Guerra Mondiale. Genova, 2011; Zanlucchi P. E qui, quando fiorirà la terra? Lettere del tenente cappellano don Onorio Spada (marzo 1942 – settembre 1943). Rovereto, 2011.*

Оставался в Одессе и после освобождения ее советскими войсками, был арестован и провел десять лет в тюрьмах и лагерях. Его воспоминания отличаются высокой степенью информативности как о работе его в качестве капеллана, так и о службе в Одессе, входившей частью в созданное Румынией губернаторство Транснистрия, на территории которой Ватиканом была создана в 1941 г. епархия Транснистрия.

Итальянские войска дислоцировались на левом фланге по отношению к немецким войскам. Ряд исследователей утверждает, что таково было желание Гитлера, который стремился держать итальянские войска как можно дальше от Крыма и Черного моря. Направляясь на Восток, эшелоны с итальянскими военными (включая капелланов) пересекали южную часть Польши, Галицию со Львовом, северную часть Украины. Среди мест, где побывали итальянские войска, были также Харьков и Гомель. Поэтому наблюдения и донесения капелланов, очень внимательно относившихся к ситуации на территориях, которые они пересекали и на которых задерживались, касались всех этих регионов.

КАПЕЛЛАНЫ ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙСК: ПОЛОЖЕНИЕ, ОБЯЗАННОСТИ, ТРУДНОСТИ

В итальянских войсках положение капеллана было весьма почетным. Его служение всячески поощрялось военным командованием. Если капеллан погибал в бою, на его место, по возможности, почти сразу же направлялся другой.

В их обязанности входило прежде всего служить мессы для военных, выслушивать исповеди, причащать, утешать раненых и умирающих. Часто именно через капелланов солдаты связывались со своими семьями в Италии, они же передавали семьям прощальные послания и последнюю волю погибших. Одной из обязанностей капелланов было также обустройство кладбищ. Главным капелланом была разработана система идентификации умерших: им в руки вкладывались бутылочки со свидетельствами о смерти, подписанные капелланами. Военные капелланы в целом обладали всеми правами и обязанностями настоятеля прихода²⁷. Кроме того, в октябре 1941 г. Конгрегация дисциплины таинств и Восточных церквей специальными распоряжениями предоставили итальянским капелланам особые права заключения браков²⁸.

Работа капеллана не предполагала его непосредственного участия в военных действиях, что, по сути, означало, что он не должен был применять оружие. Носить и применять пистолеты капелланы могли лишь в исключительных случаях. В действительности это соблюдалось далеко не всегда. Микеле Д'Ауриа рассказывал о том, как обратился к командующему с просьбой дать ему в руки, помимо пистолета и ручных гранат, еще противотанковые мины²⁹. Также можно встретить ряд свидетельств того, как капелланы сопровождали солдат в самой гуще битвы и подхватывали оружие из рук погибших.

Исследователи, рассматривающие присутствие капелланов в немецких войсках, обращают внимание на проблемы совести. В частности, американская исследовательница Д. Бергман пишет, что «просто присутствие капелланов на местах массовых казней в Польше, Югославии, Греции, Белоруссии и Украине было достаточно для немецких солдат для создания удобной иллюзии, что, несмотря на пролитую ими кровь, они оставались достойными людьми, связанными почтенной религиозной традицией»³⁰. Кроме

²⁷ Согласно статье 14 Конкордата, заключенного в 1929 г. между Ватиканом и Италией: URL: https://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/archivio/documents/rc_seg-st_19290211_patti-lateranensi_it.html#CONCORDATO_FRA_LA_SANTA_SEDE_E_LITALIA. (дата обращения: 30.04.2022). См. также: *Pugliese A.* Storia e legislazione della cura pastorale delle forze armate. Roma, 1956.

²⁸ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 702. F. 16v.

²⁹ *D'Auria M.* [don]. Op. cit. P. 12–13.

³⁰ *Bergen D.L.* Totalitarianism: German Military Chaplains in World War II and the Dilemmas of Legitimacy // *Church History: Studies in Christianity and Culture*. 2001. Vol. 70. № 2. P. 232–247. URL: <http://www.thefreelibrary.com/German+Military+Chaplains+in+World+War+II+and+the+Dilemmas+of...-a076751697> (дата обращения: 07.05.2022).

того, по ее словам, «немецкие капелланы демонстрировали глубокую лояльность целям своей нации. Заявления о любви к Отчизне и преданности Гитлеру и его войне были не просто лексическими цветастостями; они сопровождали каждый шаг капелланской работы. ... Именно этот национальный консерватизм мог придать силу гласу немецких капелланов для успокоения угрызений совести у части солдат, вовлеченных в неконвенциональную войну. ... Некоторые немецкие ветераны с горечью вспоминали, что капелланы, призванные способствовать их духовной жизни, не высказали протеста относительно убийств гражданских лиц. ... Одним из наиболее очевидных примеров этого было проведение публичного отпущения грехов солдатам — норма, которая применялась достаточно часто, в результате чего в 1944 г. появилось предупреждение от католического военного епископа не переусердствовать»³¹.

Принято считать, что, за некоторыми исключениями, поведение итальянских военных в отношении местного населения было радикально другим. Как подавляющее большинство исследователей, так и участники событий в своих воспоминаниях постоянно подчеркивают, что русские и украинцы при столкновениях с итальянскими военными повторяли фразу «итальянцы хорошие» или «итальянцы добрые». В воспоминаниях и донесениях капелланов также не раз упоминается о том, что итальянцы делились с населением хлебом, печеньем и другими продуктами, в редких случаях даже платили им деньги за постой и т.д. Они быстро заводили дружбу с населением, выучивали несколько десятков русских слов, чтобы быть понятыми, помогали хозяевам в домашней работе. Население не только отвечало им гостеприимством³², но и во время отступления итальянских войск укрывало раненых, дабы они не попали в плен. Некоторые отмечали, что и русские солдаты различали немецких и итальянских пленных, а последних иногда даже отпускали³³.

В донесениях присутствуют и рассказы о том, как в ряде случаев итальянские солдаты спасали того или иного еврея³⁴. Таким образом, итальянские капелланы не только не видели причин осуждать итальянских военных, но, напротив, всячески восхваляли их за героизм, гуманное поведение в отношении гражданских лиц и отношение к военнопленным. Этот мотив проходит красной нитью практически через все воспоминания, письма, дневники и донесения. «Дорогой мой итальянский солдат! — писал Дель Монте. — Никогда не испытывал я к тебе такой любви, как теперь... Ты слышал горестные истории о массовых побоищах; сам наблюдал душераздирающие сцены. Не допытывайся, как и отчего: утешайся тем, что твой народ не таков. Это — великодушие, достойное чистейшей итальянской традиции, ибо оно идет от самой сути римского и христианского духа»³⁵.

ОТНОШЕНИЕ К БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ И КОММУНИЗМУ

Многие капелланы были уверены, что отправляются на Восточный фронт с целью участия «в легкой и быстрой войне для освобождения русского народа от большевистской тирании»³⁶. Военные действия на территории России/СССР в глазах капелланов были законной войной против антигуманного и безбожного режима. И потому часто использовались такие лексические обороты, как «безжалостный враг», «варварские методы ведения войны и отношения к пленным и раненым» и т.д.

Многие донесения и воспоминания рисуют печальную картину разоренной местности и нищеты населения³⁷. Особенно потрясало количество беженцев. «По полям бегут

³¹ Ibidem.

³² AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 34, 21.

³³ Ibid. F. 59.

³⁴ Ibid. F. 12.

³⁵ Дель Монте А. Указ. соч. С. 64–65.

³⁶ Mangani G. Op. cit. P. 42.

³⁷ Об этом, в частности, можно прочитать в отчете Арриго Пинтонелло от 18 ноября 1941 г., утверждавшего, что этот отчет составлен на основе наблюдений многих капелланов. AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 34.

все, — писал Дель Монте, — за исключением людей, которые просят хлеба, на этих необозримых равнинах никто не стоит на месте. Это похоже на особый мир людей и вещей, втянутых в вихреобразное движение»³⁸. Аналогичны и впечатления отца Леони: «Больше всего поражали толпы несчастных беженцев, передвигавшихся в разных направлениях, иногда и навстречу друг другу; все они несли пожитки и скудные запасы продуктов. Было похоже на растревоженный муравейник»³⁹.

Некоторые капелланы подробно рассказывали о своих беседах с гражданами СССР, из которых следовало, что жизнь в СССР была тяжелой, зарплаты не соответствовали ценам, а работать требовалось очень много⁴⁰. Людям казалось, что они представляют собой всего лишь частичку какой-то огромной машины.

Осуждающие заметки капелланов, однако, почти всегда относились к религиозной политике советской власти. Закрытие церквей и аресты духовенства — тот мотив, который звучит почти во всех воспоминаниях и сообщениях. Пирро Скавицци уже в своем первом донесении от января 1942 г. констатировал, что «Советы уничтожили все, что связано с религией, кроме лишь нескольких церквей и капелл»⁴¹. Местные люди рассказывали ему, что советские власти убили всех православных священников и осквернили все святые места. «Ни в одном из городов Украины, которые я посетил, не оставалось ни одной даже маленькой церкви, открытой для богослужений (за исключением Галиции, где советская власть существовала менее двух лет)», — писал отец Леони.

Различие в политике советской власти по отношению к восточным и западным районам Украины было одной из тем, отраженных в донесениях. При этом капелланы не имели возможности сравнить религиозную политику на Украине с ситуацией в других республиках Советского Союза, поэтому не имели оснований судить, была ли эта политика типичной для всех регионов России или нет. Так, согласно статистике, приведенной в работе М.В. Шкаровского, ни одной церкви действительно не осталось к 1941 г. в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской и Хмельницкой областях Украины, но в СССР все еще оставалось 122 действующих храма⁴², что, разумеется, было ничтожным количеством для огромной территории Советского Союза.

Но помимо депортаций и действий, направленных на искоренение религии, капелланы в целом не отмечали репрессий большевиков в отношении населения, особенно в Западной части Украины.

Часто звучал мотив сравнения коммунизма и нацизма, в частности в их подходе к религии. Один из монахов (padre Guardinao) францисканского монастыря во Львове, закрытого в 1939 г. и в котором разместился впоследствии офис Государственного политического управления (ГПУ), заявил, что немцы превзошли даже жестокость большевиков. И насельники францисканского монастыря в Пшемьсле, и францисканцы во Львове признавали, что власть русских предпочтительнее, чем власть немцев, отмечал Лино Доппиони. Однако расспросив людей о том, как им жилось при большевиках, Доппиони нашел методы и действия ГПУ и гестапо идентичными⁴³. Наиболее ярко и образно сравнение двух режимов прозвучало в воспоминаниях Альдо Дель Монте. «Миллионы людей и машин, — писал он, — посланных на убой, шли под одним стягом: “Без Бога”. А на месте Бога были два эмиссара князя тьмы — Гитлер и Сталин»⁴⁴.

Встречались те, кто под влиянием жестокой действительности радикально менял свои убеждения, однако трудно сказать, много ли было таких случаев. Священник Сальваторе

³⁸ Дель Монте А. Указ. соч. С. 63.

³⁹ Леони П. Указ. соч. С. 50.

⁴⁰ АА.ЕЕ.СС. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 17–19.

⁴¹ Ibid. Pos. 695. F. 11.

⁴² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 117–118.

⁴³ АА.ЕЕ.СС. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 19.

⁴⁴ Дель Монте А. Указ. соч. С. 13. Альдо Дель Монте (1915 г.р.) стал священником в 1939 г. В 1942–1943 гг. находился в России, где получил тяжелое ранение. С 1972 г. — епископ Новары.

Маккароне признавался в своих воспоминаниях, что столкновения с немецкими войсками и командованием вызвали в нем «внутренний кризис, который обнажил все лицемерие и всю лживость так называемой “западной цивилизации”, под чьей вывеской скрывался необъективный и лживый антикоммунизм»⁴⁵. Но при попытке обсудить свои сомнения с другими священнослужителями неизменно слышал в ответ о необходимости придерживаться установки Пия XII. Еще в декабре 1939 г. Папа призвал «объединить усилия для борьбы с общим врагом: атеизмом». Слова Пия XII были искусственно вырваны из контекста, причем, возможно, самим автором воспоминаний.

Разумеется, тех, кто видел в СССР воплощение справедливости и торжества разумного закона, были считанные единицы. Некоторые другие усматривали в коммунистических идеях не зло, а лишь заблуждение. Так, Дель Монте писал: «Беда, если кто-то скажет, что коммунизм преднамеренно античеловечен — полагающий так, не понимает его души. В действительности это все та же тоска по освобождению, только перелившаяся в пятилетние планы и машинную цивилизацию. ... Положительные стороны? Возможно, их больше, чем нам представляется»⁴⁶.

В некоторых донесениях звучат и попытки понимания большевистской власти, особенно в сравнении с германским нацизмом. Сильвио Неграто услышал в беседе «с одним армянским священником», что «русские, хотя нечестивцы и безбожники, но не злобные. ... Они борются за идеалы коммунизма. Немцы же действительно кровожадны, и их борьба — это борьба на уничтожение всего, что не является немецким»⁴⁷.

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ

В отчетах капелланов почти всегда затрагивалось положение евреев⁴⁸. Дон Пирро Скавицци утверждал в своем первом же докладе, что еврейская проблема является исключительно серьезной, особенно в Кракове и Львове. Описав подробно условия проживания евреев (гетто, желтые звезды, ограничения в посещении магазинов, в поездках в общественном транспорте и т.д.), дон Скавицци указал, что целью немецких властей является уничтожение всех евреев, чему служат массовые расстрелы в местах вблизи городов, где евреи сами вынуждены рыть огромные общие могилы. Дон Скавицци описывает и другой метод уничтожения: евреев загоняют в вагоны, закрывают их, отгоняют подальше, где и бросают. Люди в них один за другим умирают. В регионах, которые описывает дон Скавицци, по его сведениям, был уничтожен на момент отчета (начало 1942 г.) 1 млн евреев.

Количество пищи, которая выделялась евреям, было ничтожным, еще меньше, чем для поляков. С ужасом указывает дон Скавицци на известные ему случаи каннибализма среди евреев и пленных. Они так кошмарны, что, по словам дона Скавицци, «перо отказывается писать, а разум вспоминать об этом»⁴⁹. Один из описанных эпизодов, видимо, даже вызвал недоверие читавших его отчет: дон Скавицци изложил рассказ немецкого офицера, наблюдавшего, как человек ел легкое убитого пленного. На полях отчета карандашом сделана пометка: «Кто это видел?»⁵⁰.

Капеллан Сильвио Неграто (май 1942 г.), находившийся в марте—апреле в Кракове и Львове, отмечал, что численность евреев в Кракове, достигавшая до войны 150 тыс. человек, в результате резни (massacri) и депортаций сократилась до 20 тыс. человек. Во Львове — с 200 тыс. до 80 тыс. (вместо намеченных планами гестапо 40 тыс.)⁵¹. В своем отчете Неграто ссылался, помимо увиденного собственными глазами, на свидетельства местных ординариев, священников, в том числе восточного обряда, монахов и офице-

⁴⁵ *Maccarone S.* [don]. Op. cit. P. 10.

⁴⁶ *Дель Монте А.* Указ. соч. С. 221.

⁴⁷ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 88.

⁴⁸ Интересно, что в воспоминаниях эта тема звучит лишь отрывочно и косвенно.

⁴⁹ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 695. F. 18.

⁵⁰ *Ibid.* F. 19.

⁵¹ *Ibid.* Pos. 696. F. 78.

ров. Его описания положения евреев и методов их уничтожения почти во всем совпадают с материалами отчетов дон Пирро Скавицци. Массовые расстрелы во Львове, по его сведениям, осуществлялись 3–4 раза в неделю. При расстрелах – 500–600 человек за раз – часто использовались огнеметы. В некоторых населенных пунктах не осталось ни одного еврея. Неграто подчеркивал, что любое проявление протеста с их стороны каралось немедленной смертью и самого провинившегося, и некоторого числа других евреев. Неграто указывал на крайнюю неприязнь итальянских солдат и капелланов итальянских войск к подобной жестокости. О том же пишет в своих воспоминаниях Альдо Дель Монте: «На станции В. после массовой казни евреев мои ребята жались друг к другу у палатки и содрогались при мысли о победе немцев»⁵².

Интересно, однако, сделанное доном Неграто заключение этой части отчета: нынешнее положение евреев, по его словам, – это не что иное, как возмездие за тот урон, который они нанесли Польше и Церкви⁵³.

Переводчик в Итальянской армии Луиджи Габини⁵⁴ (подписавший свой отчет как отец Храбец) также отметил, что на Украине в годы власти большевиков хорошо жили только евреи, коммунисты, комсомольцы и те, кто служил в партийных организациях. Остальная часть населения находилась практически в рабстве. Евреев и коммунистов, которых местные, по словам отца Храбца, называли общим понятием «иудеи» (*judy*), обвиняли в голоде (упоминался, в числе прочего, и голод 1932–1933 гг.), а потому ненавидят с евреями в этих регионах очень велика. Отец Храбец пересказывал услышанные им истории о том, как евреи убегали с отступающими русскими войсками, захватив с собой огромные продовольственные запасы.

Иное видение можно встретить в донесении капеллана-францисканца Лино Доппиони. Разного рода свидетельства о преступлениях немцев он услышал от солдат и офицеров итальянской армии, однако вначале ему эти истории казались преувеличенными. Но в районе Харькова ему показывали фотографии мертвых польских евреев на рельсах железной дороги, расстрелянных из-за отказа подниматься в вагоны, которые так или иначе должны были отвезти их к месту казни. И наконец в районе Ивано-Франковска, куда капеллан поехал после начала наступления советской армии, он убедился в правдивости слышанных рассказов. По его словам, в лесу в пяти километрах от Коломые (городе в 200 км от Львова) было уничтожено 30 тыс. евреев, как местных, так и доставленных туда специально для расстрела⁵⁵. Хозяева дома, в котором остановился капеллан, рассказали ему, как людей засыпали землей, хотя многие были еще живы, и из могил слышались крики и стоны. Некоторым евреям удавалось убежать, но населению было категорически запрещено под угрозой как минимум ареста оказывать им мало-мальскую помощь. Отец Доппиони упоминал, что поляки и украинцы, хотя и осуждали преступления немцев, все же с неудовольствием вспоминали, как во времена правления большевиков евреи занимали привилегированное положение и пользовались им, чтобы мучить и тех и других⁵⁶.

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЯКОВ

Особое внимание в донесениях того времени уделялось Польше, но эта тема почти не отразилась в воспоминаниях капелланов. Положение поляков на оккупированных территориях дон Скавицци назвал «впечатляющим и плачевным». Он отметил состояние тотального голода, который охватил все слои населения. Выдаваемые полякам

⁵² Дель Монте А. Указ. соч. С. 17.

⁵³ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 80.

⁵⁴ Настоящее имя Петр Дачишин, родился в селе Оброшино в Львовской области, учился в Риме в Урбанианском университете.

⁵⁵ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 10. К докладу отца Доппиони были приложены также фотографии.

⁵⁶ Ibid. F. 12.

продовольственные карточки не покрывали их нужды. Один из капелланов рассказал, как кто-то из поляков обратился к немецкому командованию с жалобой на крайне низкую оплату труда, на что получил ответ: «Да, для рабочих вы получаете мало, но в качестве рабов слишком много». «Везде царствует голод», — писал капеллан⁵⁷.

Дома и кварталы, в которых жили немцы, по словам Пирро Скавицци, радикально отличались от тех, где жили поляки. Для поляков существовала масса запретов, как и для евреев. Существовали кафе, театры, кино, предназначенные только для немцев. Лучшие кварталы в городах (например, в Кракове, где находилась резиденция губернатора) были заняты немцами, а владельцы домов изгнаны на улицу без имущества. Польское население, отмечал дон Скавицци, лишено гражданских прав и находится практически в рабстве.

Отправка польских девушек на работу в Германию осуществлялась немцами гораздо более грубыми методами, чем русских на Украине⁵⁸. Ночью врываются в дома, во время службы — в церкви, во время сеанса — в кинотеатры. Отец Скавицци утверждал, что методы, применяемые немцами для депортации польского населения, итальянцы называли варварскими. Из страха быть захваченными не только девушки, но и другие лица, в том числе монахи, не решались выходить из своих жилищ или стремились куда-то уехать.

Капеллан Лино Доппиони, описывая путешествие на Восточный фронт через район Пшемысля, отмечал, что поляки, занятые в полевых работах, кидались к проезжающим поездам в надежде получить от проезжающих итальянских солдат печенье, сигареты и пр. Между тем они опасались приближаться к немецким поездам, потому что из вагонов стреляли по местным⁵⁹. В самом городе поезда осаждали толпы голодных детей.

Интерес представляет наблюдение дона Неграто: поляки боялись украинских полицейских даже больше, чем немецких. На его собственных глазах два украинских полицейских подвергли избиению двух священников латинского обряда⁶⁰.

В донесении Арриго Пинтонелло отмечалось различное отношение немцев к польскому и украинскому населению. По его сведениям, польским детям запрещалось посещать школы, где преподавались латинский язык, история и география. Для них были открыты лишь частные школы. Украинским детям разрешалось посещение классических школ. Цели германских властей по отношению к полякам Пирро Скавицци называет «интеллектуальной стерилизацией»⁶¹.

Особое внимание капелланы уделяли состоянию на территориях Польши и Западной Украины Католической церкви и католического духовенства. Общение епископов между собой, значилось в отчетах, на этих территориях крайне затруднено, а контакты с Ватиканом просто невозможны. Контролю подвергалось также взаимодействие епископов со священниками их епархий. Сами священники, по крайней мере самые молодые из них и наиболее способные, помогавшие епископам, были отправлены в тюрьмы или в концентрационные лагеря, где многие из них погибли. Дон Неграто упомянул двух епископов, умерших в тюрьме⁶². Католическому духовенству вменялась в вину приверженность к польскому государству, поэтому запрещались все контакты не только с Римом, но и с нунцием в Германии.

Немецким солдатам не разрешалось посещать мессы, если служил священник-поляк, а также исповедоваться поляку. Хотя официально католическая религия не была запрещена, на деле на территориях, объявленных окончательно вошедшими в состав Рейха, многие церкви были аннексированы и приспособлены для других целей. Дон Неграто пишет, что народ чувствовал себя покинутым Святым Престолом, и считал, что Ватикан слишком благосклонен к немецкой политике. Многие высказывались весьма критично

⁵⁷ Ibid. F. 14.

⁵⁸ Ibid. F. 13.

⁵⁹ Ibid. F. 9.

⁶⁰ Ibid. F. 82–83.

⁶¹ Ibid. Pos. 695. F. 35.

⁶² Ibid. Pos. 696. F. 87.

по отношению к Ватикану. Это наблюдение подтверждал и отец Скавицци. Население оккупированных регионов считает, писал он, что Святой Престол не интересуется условиями их жизни. Духовенство этих мест также с осуждением относилось к союзу Италии и Германии. Так, епископ Кракова заявил дону Неграто: «Мы не можем понять ваш союз с Германией в ущерб Польше и Франции, которые имеют так много общего с Италией в вере и культуре»⁶³.

Печально обстояло дело и с религиозным образованием. В семинарии были закрыты новые наборы, учились только те, кто поступил в них до войны. Религиозное образование было запрещено и в коммерческих школах.

Главный капеллан Арриго Пинтонелло, описывая ситуацию в оккупированной Польше, отмечал различия между положением поляков в Генерал-губернаторстве и ситуацией в той части Польши, которая была полностью присоединена к Германии. Если в Генерал-губернаторстве (напр., Пшемьсль) церкви оставались открыты и активно посещались населением, то в аннексированной части Польши большая часть церквей оказались закрыты, многие священники отправлены в тюрьмы или привлечены к принудительным работам⁶⁴. Из Силезии были изгнаны два епископа. Помощник священника в Леслау в тюрьме. Весьма интересным наблюдением главного капеллана являлся тот факт, что части папских энциклик, вырванные из контекста, использовались немецкой пропагандой, из-за чего население ощущало себя покинутым Святым Престолом⁶⁵.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ

Капелланы, находившиеся в самых восточных точках фронта, например близ города Сталино (до 1924 г. Юзовка, совр. Донецк), обращали особое внимание на религиозные чувства и убеждения населения.

Как дон Неграто, Лино Доппиони, отец Храбец, так и многие другие капелланы отмечали, что на территории России верующими остаются лишь представители старшего поколения, молодежь выросла полностью в атеистических традициях. Открытые после оккупации церкви посещали только старики. Один армянский священник, следовавший за отступающими советскими войсками, предлагал свои услуги раненым и умирающим молодым людям, но те отказались, заявив, что им достаточно того, что они умирают за Сталина и за Москву⁶⁶. Отец Храбец объяснял это тем, что многие молодые люди окончили не только десятилетнюю школу, но и получили бесплатное высшее образование, которое имело в том числе целью внушить молодежи идеи коммунизма и атеизма. Однако Пирро Скавицци утверждал, что многие родители старались сохранить в семьях веру и передать ее своим детям.

Кроме того, многие капелланы отмечали, что религиозные чувства населения уменьшались по мере продвижения армии на восток. Так, в районе Днестра стремление присутствовать на мессах и получать медальоны и образки намного выше, чем за Днепром, где гораздо сильнее ощущаются результаты антирелигиозной пропаганды большевиков и молодежь полностью равнодушна к религии. «Мало даже таких, кто знает, как осенять себя крестом»⁶⁷, — писал Арриго Пинтонелло.

Пинтонелло заметил также, что, несмотря на угрозы властей, во многих домах иконы оставались на видных местах⁶⁸. Отец Гуидо Маурилио Турла сообщал, что «священные предметы были украдены из церквей самим населением во время революции 1917 г. и ревностно спрятаны в подземельях»⁶⁹. Однако первым действием после вторжения

⁶³ Ibid. F. 81.

⁶⁴ Об этом же пишет и дон Сильвио Неграто. Ibid. F. 87.

⁶⁵ Ibid. F. 58.

⁶⁶ Ibid. F. 89.

⁶⁷ Ibid. F. 38.

⁶⁸ Ibid. Pos. 696. F. 35.

⁶⁹ Turla G.M. [don]. Op. cit. P. 9.

итальянских и немецких войск стало водворение на свои места сохранных икон. Медальоны и образки стали главным предметом обмена с итальянскими солдатами, которые охотно раздавали их народу⁷⁰. Почти все капелланы описывают, как раздают населению медальоны и священные изображения. Так, например, иезуит Пьетро Аладжани рассказывал в своих воспоминаниях о том, что все солдаты и офицеры восхищались приверженностью вере русских, которые за образок, крестик или другой священный предмет были готовы предлагать солдатам яйца, масло, кур либо даже ягненка или козу⁷¹. Подобное отношение к священным предметам с удовлетворением описал и дон Пирро Скавицци: «С какой набожностью они принимали их и с каким умилением вешали их на шею и покрывали поцелуями»⁷².

Участие в католических мессах местного населения отмечалось многими капелланами. Военным капелланам не полагалось служить для местного населения (это было предписано циркуляром немецкого командования⁷³), однако по большей части препятствие было несложно преодолеть: мессы служились для войск, но на открытом воздухе, и все желающие присоединялись к ним. К тому же в циркуляре указывалось, что для итальянских войск это предписание действительно только там, где есть местное немецкое командование. Священник из Монополи (чью подпись не удалось разобрать) описывал мессу в поле, как постепенно прибывала толпа местных жителей, все увеличиваясь и увеличиваясь. «Были молодые, которые не видели ничего подобного в своей жизни; были матери с малышами... на груди; были старики, которые с ностальгией вспоминали о “Святой Руси” тридцатилетней давности»⁷⁴. Интересной деталью является то, что слова священника переводчик повторял на русском языке⁷⁵. Однако уже в начале 1942 г. в Ватикане осознали необходимость отправки на Восточный фронт, в частности на Украину, капелланов, знающих русский язык⁷⁶. О таких мессах упоминает и П. Леони, который отслужил первую мессу в местечке севернее Сталино (Донецка)⁷⁷ в конце ноября 1942 г. «В воскресное утро помещение⁷⁸ заполнилось народом; собралось более двухсот верующих. Я подготовил себе помощника, но, как только раздались первые слова литургии, верующие соединились в настоящий хор, заглушивший, конечно, слабый и неуверенный голос моего помощника. ... Слова краткой проповеди, подсказанные мне окружающей обстановкой, вызвали во взволнованной толпе такие слезы и рыдания, что своей простой человечностью тронули сердца даже наших офицеров»⁷⁹. Г.М. Турла признавался, что был поражен благочестивым поведением народа, столь давно лишенного утешения верой⁸⁰.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕЛИ СЛУЖЕНИЯ КАПЕЛЛАНОВ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Для многих капелланов отправка на Восточный фронт была связана также с их стремлением к евангелизации и духовному возрождению населения России, их надеждами, что население «все еще морально здоровое и исконно религиозное ...откроет вновь и полностью свои разум и сердце свету истинной религии Христа»⁸¹.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Alajani P. Op. cit. P. 23.

⁷² AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 695. F. 12.

⁷³ Циркуляр был передан командиру CSIR генералу Дж. Мессе 5 января 1942 г.

⁷⁴ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 102.

⁷⁵ Ibid. F. 102–104.

⁷⁶ Ibid. F. 99.

⁷⁷ Автор обозначает место только заглавной буквой А. Можно предположить, что речь идет об Авдеевке.

⁷⁸ Отец Леони проводил мессу в здании амбулатории.

⁷⁹ Леони П. Указ. соч. С. 51.

⁸⁰ Отец Турла описал мессу на открытом воздухе, состоявшуюся в районе между селом Успенское и Изюмом.

⁸¹ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 39.

Упомянувшийся выше священник из Монополи, находясь в районе Сталино-Ростова, писал о том, каким огромным полем для миссионерской деятельности были эти места, какие духовные сокровища там сокрыты. «Мы несем этим людям, в течение долгих лет тонувшим в глубоком одиночестве атеизма, жар нашей веры и свет нашего римского христианства»⁸². Дон Скавицци высказал свое глубокое убеждение в том, что небольшая группа священников и монахов могла бы легко принести этим людям истинную веру⁸³. Однако главный капеллан Пинтонелло выражал большие сомнения относительно этих планов. По его мнению, будущая евангелизация этого народа натолкнется на большие трудности, связанные как со значительными сдвигами в сознании молодежи, особенно получившей высшее образование, так и с низким моральным уровнем населения. Пинтонелло отмечал многочисленные разводы, аборт и проституцию среди женщин, а также отсутствие духовных устремлений, но лишь желание хорошо есть и пить водку⁸⁴.

Даже офицеры считали своим долгом подчеркнуть, что находятся в России исключительно ради того, чтобы «пропагандировать свою веру»⁸⁵. Тот же Пинтонелло сообщал, что все итальянские офицеры были очень религиозны, гордились своей принадлежностью к Католической церкви и стремились приобщить местное население к римской вере⁸⁶. Он особенно отмечал в этом плане дивизию «Пасубио» и ее полковника Рикка. Центральное командование заботилось о том, чтобы снабжать гостями всех капелланов. А в конце ноября 1942 г. капелланы получили предложение от командования армией позаботиться об изготовлении рождественских вертепов⁸⁷. Итальянские военные с торжеством сообщали на родину, что «Христианство возрождается в России» и некоторые даже были убеждены, что в России это будет христианство по католическому образцу. «В России нет больше попов-схизматиков»⁸⁸, — утверждал один из них.

Одно из важнейших действий капелланов — это совершение таинств, особенно таинства крещения. Многие капелланы описывали, что местные жители обращались к ним с просьбой окрестить своих детей. «Как только распространяется слух, что вместе с итальянскими солдатами прибыл “поп” (pìp), военный капеллан, выстраивается процессия женщин и мужчин с просьбой о медальонах и крещении»⁸⁹. Причем капелланы редко указывали, крестили они детей католиков или православных. «Население было тронуту нашими действиями, — писал дон Джузеппе Боджани. — Они заходили в церкви и брали освященные гостии. ... Я окрестил очень многих детей... Я раздал множество медальонов... За один медальон давали курицу, яйца или даже телят. Я пережил эмоции, которые переживали великие миссионеры»⁹⁰. Отец Ромуальдо Боретти окрестил четверых детей⁹¹. Леони вспоминал о многочисленных актах крещения, которые он посылал на утверждение главному капеллану. Трудно установить точное количество окрещенных капелланами детей. В Архиве Второй секции Государственного секретариата сохранилось более 400 свидетельств о крещении, совершенных капелланами, но следует учитывать, что, возможно, далеко не все свидетельства достигли Ватикана и сохранились. К тому же, согласно установленным Ватиканом правилам, акты о крещении должны были отправляться совершившим их капелланом в ближайшую нунциатуру. В большинстве таковой оказывалась нунциатура в Будапеште. Указанные сертификаты позволяют определить ряд мест, где крещений совершалось особенно много, — это Днепропетровск, Гомель, Жлобин,

⁸² Ibid. F. 102–104.

⁸³ Ibid. Pos. 695. F. 12.

⁸⁴ Ibid. Pos. 696. F. 38–39.

⁸⁵ Ibid. Нет номера листа.

⁸⁶ Ibid. F. 36.

⁸⁷ Дель Монте А. Указ. соч. С. 289.

⁸⁸ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 133.

⁸⁹ Ibid. F. 36.

⁹⁰ Ibid. F. 133.

⁹¹ Ibid. F. 72.

Рыково, Краснопавловка, Жуковка и некоторые другие места⁹². В них сохранились также имена капелланов, которые эти крещения совершали. Помимо тех, кто уже упоминался здесь, можно отметить Сальваторе Марра, Адженоре Манфреди, Эдоардо Гирарди, Джованни Баравелли, Марио Моччи, Доменико Еванджелиди, Доминуса Арктуруса Бареля и ряд других имен⁹³.

Следует отметить, что, хотя итальянские капелланы обладали правом совершения таинства брака, в отчетах и воспоминаниях не встречаются данные об этом. И, по-видимому, совершенно особо должны были оговариваться случаи совершения таинства конфирмации. В Католической церкви это таинство совершает, как правило, епископ, что не исключает возможности передачи этой функции отдельным священникам. В одном из отчетов сообщается, что капеллан дон Луиджи Джарди совершил церемонию первого причастия двух детей немецкого происхождения в городе Верховцево, однако исследованные документы не позволяют установить, было ли такое право предоставлено всем капелланам итальянской армии или же Л. Джарди получил в этом случае особое разрешение.

КАТОЛИЧЕСКИЕ КАПЕЛЛАНЫ И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО

На территориях расположения итальянских войск капелланам приходилось сталкиваться с православными священниками. Почти все они отмечали, что за время советской власти священники подвергались полной дискриминации, а их служба, если и разрешалась в ряде случаев, была крайне затруднена различными мерами, как, например, высочайшие налоги и т.д. Встречи с ними были не только мирными, но и довольно дружескими. Один из наиболее ярких и получивших большую известность случаев описывает в своем письме к тетке от 27 октября 1942 г. капеллан Микеле Мангани. Он пригласил на обед православного епископа, с которым долго беседовал. Епископ показывал капеллану следы от наручников на своих запястьях и рассказал, что более года находился в тюрьме в Днепропетровске. Имя епископа не приводится, однако через несколько дней дон Мангани приехал по его приглашению в Ворошиловград (совр. Луганск) и получил от него в подарок старинную икону Владимирской Божьей Матери, которую по его просьбе Витторио Фоски, капеллан госпиталя № 614, переслал в Италию, в небольшой городок Урбания, куда икона прибыла в феврале 1943 г. и где хранится и почитается поныне в церкви Святого Андрея.

О своей встрече с «епископом украинской автокефальной Церкви» поведал в своих воспоминаниях и Леони: «Присутствующие священники стали изливать мне душу, высказываясь против политики Москвы, Берлина и Варшавы. Они разоблачали подлую тактику нацистов, которые старались держать разобщенным население на оккупированных территориях»⁹⁴.

Стремление к независимости украинской церкви на территории Западной Украины отмечал и отец Храбец. По его словам, православные священники этих мест (батюшки), которые не были высланы на Соловки, в Казахстан и другие места, собрались на сход, избрали благочинного (*blagocynnyi, decano*) и договорились с другими священниками о создании автокефальной украинской церкви, независимой от Москвы.

Более точные сведения об Украинской автокефальной церкви, возглавлявшейся Поликарпом, архиепископом Луцким, изложены Леони. «Эта Церковь явилась в определенном смысле продолжением “Церкви”, возникшей из праха, кажется, в 1922 г. Да, возникшей из праха, потому что задумавшие ее создать священники не нашли среди живых православных епископов никого, кто согласился бы передать апостольское преемство новым кандидатам в епископы. И тогда кандидатов привели к месту захоронения одного

⁹² Некоторые названия написаны так неразборчиво, что не дают возможности установить точное место.

⁹³ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 714.

⁹⁴ Леони П. Указ. соч. С. 62–63.

украинского епископа, возложили на него руки умершего и с тех пор питали иллюзию, что у них есть настоящие рукоположенные иерархи. Новая “Автокефальная” Церковь исцелилась от этой язвы: в новой Церкви действовали настоящие епископы, т.е. заново рукоположенные священники старой “Автокефальной” Церкви, которая позднее установила связь с Константинопольским патриархом для официального признания ее “каноничности” и была признана легитимной Православной Церковью. В ней было учреждено четыре или пять епархий. Ее особенностью было использование в богослужениях современного украинского языка. Достоянейший Львовский митрополит Андрей Шептицкий отправил пастырское послание этой новой Церкви, приглашая ее к союзу с Римом, но призыв не был услышан из-за вечных амбиций православных иерархов»⁹⁵.

О встрече с православным «попом» рассказывал и отец Турла. На его вопрос о том, была ли полностью уничтожена вера в русских людях, священник решительно ответил, что на Украине вера полностью сохранилась, «хотя большевики верят в обратное»⁹⁶. Но из общения с православным духовенством капелланы не всегда выносили положительную оценку. Лино Доппиони сообщал, что немногочисленные священники, с которыми ему удалось пообщаться, произвели не него впечатление «невежественных и самонадеянных». «Это не столько священники, сколько ремесленники»⁹⁷, — утверждал он.

А. Дель Монте свидетельствовал, что и в годы оккупации православным священникам жилось весьма тяжело: знакомый ему священник города Горловка неоднократно жаловался в письмах на голод и отсутствие одежды⁹⁸. Сильвио Неграто отмечал, что на западе Украины ради сохранения церкви открытой священник обязан был платить огромный налог, в противном случае церковь секвестровали, священника отправляли на принудительные работы. «Таким образом, многие церкви, секвестрованные большевиками и национализированные, остаются таковыми же и при немецком режиме»⁹⁹.

По мнению Леони, проблему создавал и тот факт, что священники зачастую не были местными, известными коренному населению. Они приходили в тот или иной населенный пункт и порой довольно скоро покидали его. «Местное население все равно относилось к ним с подозрительностью, зная, что среди них были и такие, кто во время гонений вел себя недостойно»¹⁰⁰. Народ подозревал этих священников и в том, что они не все были рукоположены, а являлись самозванцами, что, по-видимому, было особенно верно в отношении священников Украинской автокефальной церкви.

КАТОЛИКИ НА УКРАИНЕ

Но если православных священников (попов, как они их часто называли) капелланам удавалось встретить, то все католические священники были тем или иным способом устранены из этих районов — сосланы в Сибирь или расстреляны. Однако большинство, как, например, капуцин отец Ромуальдо Боретти, капеллан дивизии «Торино», находили семьи

---

⁹⁵ Леони П. Указ. соч. С. 70–71. О посланиях Шептицкого к православному духовенству см., например: *Babiak A. Le métropolitain André Sheptytskyi et les Synodes de 1940 à 1944: couronnement d'une oeuvre pastorale au service de Dieu et du peuple ukrainien.* Lyon, 1999; *Вишиванюк А.В., Токарева Е.С.* Отношения главы УГКЦ митрополита Андрея Шептицкого с православными в 1920-е — 1940-е гг. (Из корреспонденции митрополита Андрея Шептицкого) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 7 (93). URL: <https://history.jes.su/s207987840010692-0-1/> (дата обращения: 18.11.2020).

⁹⁶ *Turla G.M.* [don]. Op. cit. P. 8.

⁹⁷ АА.ЕЕ.СС. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 20.

⁹⁸ *Дель Монте А.* Указ. соч. С. 115, 121.

⁹⁹ АА.ЕЕ.СС. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 89.

¹⁰⁰ *Леони П.* Указ. соч. С. 57.

католиков, сильно радовавшихся встрече со священником¹⁰¹. Об этом писал, в частности, обобщая полученные донесения капелланов, Пинтонелло, упоминая о большом ядре католиков, в первую очередь поляков, в районе Днепропетровска¹⁰². Главный капеллан передал просьбу этих католиков прислать им священника и советовал кандидатуру капеллана Пьетро Леони, которого действительно перевели в Днепропетровск в мае 1942 г. О подобных просьбах католиков Днепропетровска и Гомеля сообщали капеллан Манфреди Микельанджело, прошедший на территории России 26 месяцев, и польский священник Джузеппе Карп¹⁰³, вывезенный в район Днепропетровска немецкой организацией «Тод» в качестве рабочего. Местные католики просили папу назначить отца Карпа их приходским священником. Вероятность возвращения советской власти в эти края была уже очень велика, но местные католики надеялись, что остаться на приходе отцу Карпу позволят и русские власти, поскольку в религиозной политике СССР произошли изменения¹⁰⁴.

Пинтонелло писал также о больших общинах католиков, сохранившихся в районах городов Ольгополь и Ямполь в Подолье. Он добавлял, что и православное население посещало капеллу на католическом кладбище в Ольгополе, в которой служил немецкий семинарист. Капеллан Д. Маццокки из Пьяченцы исполнял обязанности приходского священника в небольшом городке Чечельник поблизости от Ольгополя. В Ямполье и окрестностях, по его словам, община достигала 750 человек, и там каждое воскресенье служил вторую мессу для населения капеллан Джузеппе Нардо из Тревизо.

В районе Харькова дон Доппиони начал еженедельно служить воскресную мессу, официально для итальянских солдат, а в действительности — для католиков Харькова. Количество местных католиков, посещавших мессу, достигало 600 человек¹⁰⁵. Маленькая церковь в Харькове, хотя и лишенная полностью священных предметов, сохранилась благодаря нескольким женщинам, проявившим большое рвение и набожность.

Пьетро Леони нашел в районе Сталино (Донецка) шесть или семь католических семей, среди которых две или три семьи армянского происхождения.

УКРАИНЦЫ И ГРЕКО-КАТОЛИКИ

От некоторых капелланов не ускользнули политическое соперничество и сепаратистские тенденции на западе Украины, которые, по их мнению, служили опорой для различий в культе. Это отразилось и на взаимоотношениях между латинским и греко-католическим епископами, между которыми не было никакой связи и никакого сотрудничества. Более того, как утверждал, например дон Неграто, именно конфессиональная принадлежность у украинцев превалировала над национальной. Так, обращенный в униатство поляк признавался украинцами за своего. И это как раз случай греко-католического епископа, выходца из знатного польского рода (Неграто не называет имени, но очевидно, что речь идет о митрополите Андрее Шептицком). Немцы поддерживали устремления украинцев ради ослабления связи католиков с Римом. Они чуть ли не были готовы создать украинскую национальную церковь. В частности, глава немецкого командования нанес визит греко-католическому епископу, но полностью проигнорировал епископа латинского. Причем латинское духовенство полагало, что в Ватикане недооценивают всей

¹⁰¹ Р. Боретти сообщает о нескольких семьях католиков в Рыково, в 50 км от Сталино. По-видимому, имеется в виду совр. Енакиево (в 1928–1937 гг. — Рыково, в 1938–1943 гг. — Орджоникидзе). Хотя письмо Р. Боретти было написано 13 февраля 1943 г., когда город именовался Орджоникидзе, это название оказалось для капеллана слишком трудным и он назвал город его прежним именем. Другие данные им приметы совпадают именно с городом Енакиево. См.: AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 71–72.

¹⁰² Ibid. F. 62.

¹⁰³ По-польски Юзеф Карп. Однако, возможно, что Карп происходил из украинской семьи, жившей в Польше. Тогда его имя, возможно, звучало как Йосип.

¹⁰⁴ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 696. F. 53.

¹⁰⁵ Ibid. F. 19.

серьезности этой проблемы¹⁰⁶. Что, по словам капелланов, снижало симпатию польского народа к царствующему понтифику. Главный капеллан также сообщал о частых конфликтах между священниками латинских и греко-католических приходов, в частности по вопросам браков и др.

«За две недели нашего пребывания в этом милом городке¹⁰⁷ у подножия Карпат, — писал Леони, — я увидел, что ни у советской власти с 1939 по 1941 г., ни у нацистов за период почти двухлетнего порабощения не хватило времени примирить украинское население с польским, хотя при небольшой разнице в обрядах они исповедуют общую веру. Несмотря на вновь возникшую опасность стать рабами большевизма, они продолжали причинять друг другу всевозможные обиды, поджидая удобного момента, чтобы истребить друг друга»¹⁰⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Донесения итальянских капелланов, отправленные в течение 1941–1943 гг., позволяют дополнить свидетельства о том, что в Ватикане были осведомлены о той трагедии, которая разворачивалась на оккупированных территориях. Возможно, присланные бумаги не отражали всего масштаба происходящего, но не могло быть и речи о какой-либо дезинформации. Сведения поступали от католических священников.

Наблюдения капелланов являются важным источником для изучения жизни различных слоев населения и людей разных национальностей на оккупированных территориях. В то же время важным фактом является и то, что переданная информация побуждала Ватикан к определенным действиям. Об этом свидетельствует «Памятная записка», составленная в июне 1942 г. на бланке Генерального настоятеля Ордена иезуитов. Отметив, что все отчеты капелланов (как, впрочем, и все воспоминания. — *Е. Т.*) фиксировали «невероятное желание народа принимать участие в религиозных церемониях, их почитание и уважение священников, их радость в связи с тем, что они могут извлечь из тайников кресты и иконы, которые они несли священникам, чтобы заново освятить их, иметь возможность петь литургические песнопения, которые они все еще помнили после стольких лет антирелигиозного большевизма, что они могут крестить детей и т.д.; многие хотели исповедаться и причаститься, невзирая на конфессию священников, которых они встречали»¹⁰⁹, автор записки, хотя и признавал, что все сказанное справедливо по отношению к Украине, Белоруссии и Центральной России, да и то в отношении людей старше 30 лет, предлагал составить масштабный план действий для обращения населения этих регионов в католичество. «Сейчас эти добрые люди хотят религию и священника, не глядя на то, будет ли он восточным или латинским»¹¹⁰, — говорилось в «Памятной записке». Указывалось, что, хотя принцип необщения в таинствах и остается неизменным, все же он не должен иметь преваляющее значение, чтобы не препятствовать спасению душ. Разумеется, вернувшиеся к своему служению православные священники стали бы препятствовать этому плану латинизации, напирая в том числе на связь конфессии с патриотизмом. Но эти препоны закалились автору записки преодолимыми, особенно на Украине.

Было бы неверно утверждать, что такой план был реально составлен и начал претворяться в жизнь, однако важно отметить, что значительная часть населения, судя по всем свидетельствам, действительно была готова принять священника любой конфессии, который мог бы служить литургию и совершать таинства.

Таким образом, капелланы на территории СССР выполняли не только те функции, для которых они были предназначены, т.е. духовное окормление войск. Вероятно, на территории других европейских государств случаи месс для местного населения и

¹⁰⁶ Ibid. F. 90–91.

¹⁰⁷ Город Коломыя в Ивано-Франковской области.

¹⁰⁸ Леони П. Указ. соч. С. 75–76.

¹⁰⁹ AA.EE.SS. Pont. Pio XII. Parte I. Russia. Pos. 704. F. 5.

¹¹⁰ Ibid. Pos. 704. F. 7.

совершения таинств были скорее исключением, ввиду наличия в большинстве населенных пунктов своих приходских священников; на территории же СССР они стали достаточно распространенной практикой.

Библиография / References

Баринов И.И. Итальянские войска на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 4. С. 5–14.

Баринов И.И. «Первый наш долг как военнослужащих на войне: молчать!». Итальянские оккупационные войска на территории СССР. 1942 г. // Исторический архив. 2013. № 2. С. 96–100.

Вишиванюк А.В., Токарева Е.С. Отношения главы УГКЦ митрополита Андрея Шептицкого с православными в 1920-е – 1940-е гг. (Из корреспонденции митрополита Андрея Шептицкого) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 7 (93). URL: <https://history.jes.su/s207987840010692-0-1/> (дата обращения: 18.11.2020).

Дель Монте А. Крест на подсолнухах. Дневник капеллана в России (1942–1943). М., 2000.

Леони П. «Шпионы Ватикана...». О трагическом пути священников-миссионеров: воспоминания Пьетро Леони, обзор материалов следственных дел. М., 2012.

Петров Б.Н. Как делили Украину Гитлер и Муссолини // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 10–15.

Софронов В.Г. Итальянские войска на Восточном фронте. 1941–1943. М., 1990.

Талалай М.Г., Джусти М.Т. Восточная кампания Муссолини: факты, оценки, мемуары // Россия и Италия. Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней. Вып. 6 / под ред. Е.С. Токаревой, М.Г. Талалай. М., 2015. С. 130–144.

Терехова Н.Г. «Дом мой и постройки сожгли итальянцы». Свидетельские показания советских граждан о преступлениях итальянских военнослужащих на оккупированных территориях СССР. 1943 г. // Исторический архив. 2018. № 3 (150). С. 53–60.

Филатов Г.С. Восточный поход Муссолини. М., 1968.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

Barinov I.I. Ital'yanskije vojska na okkupirovannyh territoriyah SSSR v 1941–1944 gg. [Italian troops in the occupied territories of the USSR in 1941–1944] // Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii [Bulletin of the RUDN University. History of Russia series]. 2011. №4. S. 5–14. (In Russ.)

Barinov I.I. “Pervyj nash dolg kak voennosluzhashchih na vojne: molchat’!” Ital'yanskije okkupacionnye vojska na territorii SSSR. 1942 g. [“Our first duty as military personnel in the war is to be silent!” Italian occupation troops on the territory of the USSR. 1942] // Istoricheskij arhiv [Historical Archive]. 2013. № 2. S. 96–100. (In Russ.)

Del Monte A. Krest na podsolnuhah. Dnevnik kapellana v Rossii (1942–1943) [Cross on sunflowers. Diary of a chaplain in Russia (1942–1943)]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Filatov G.S. Vostochnyj pohod Mussolini [Mussolini’s Eastern Campaign]. Moskva, 1968. (In Russ.)

Leoni P. “Shpiony Vatikana...”. O tragicheskom puti svyashchennikov-missionerov: vospominaniya P’etro Leoni, obzor materialov sledstvennyh del [“Spies of the Vatican...”. About the tragic path of the missionary priests: memoirs of Pietro Leoni, review of materials of investigative cases]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Petrov B.N. Kak delili Ukrainu Gitler i Mussolini [How Hitler and Mussolini divided Ukraine] // Voенно-istoricheskij zhurnal [Military History Magazine]. 1993. № 8. S.10–15. (In Russ.)

Shkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov’ pri Staline i Hrushcheve [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Sofronov V.G. Ital'yanskije vojska na Vostochnom fronte. 1941–1943 [Italian troops on the Eastern Front. 1941–1943]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Talalay M.G., Giusti M.T. Vostochnaya kampaniya Mussolini: fakty, ocenki, memuary [Mussolini’s Eastern campaign: facts, assessments, memoirs] // Rossiya i Italiya. Ital'yancy v Rossii ot Drevnej Rusi do nashih dnei [Russia and Italy. Italians in Russia from Ancient Russia to the present day]. Vyp. 6 / pod red. E.S. Tokarevoj, M.G. Talalaya. Moskva, 2015. S. 130–144. (In Russ.)

Terekhova N.G. “Dom moj i postrojki sozhgli ital'yancy”. Svidetel’skie pokazaniya sovetskih grazhdan o prestupleniyah ital'yanskij voennosluzhashchih na okkupirovannyh territoriyah SSSR. 1943 g. [“My house and buildings were burned by the Italians”. Testimonies of Soviet citizens about the crimes of Italian servicemen in the occupied territories of the USSR. 1943] // Istoricheskij arhiv [Historical Archive]. 2018. № 3 (150). S. 53–60. (In Russ.)

Vishivanyuk A.V., Tokareva E.S. Otnosheniya glavy UGKC mитрополита Andreyа Sheptickogo s pravoslavnyimi v 1920-e – 1940-e gg. (Iz korespondencii mитрополита Andreyа Sheptickogo) [Relations of the Head of the Ukrainian Greek Catholic Church, Metropolitan Andrey Sheptytsky, with the Orthodox in 1920–1940 (From the Correspondence of Metropolitan Andrey Sheptytsky)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj

zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational magazine “History”]. 2020. Т. 11. Vyp. 7 (93). URL: <https://history.jes.su/s207987840010692-0-1/> (access date: 11.18.2020). (In Russ.)

Alagiani P. [padre]. Le mie prigioni nel paradiso sovietico. Roma, 1956.

Babiak A. Le métropoleite André Cheptytskyi et les Synodes de 1940 à 1944: couronnement d’une oeuvre pastorale au service de Dieu et du peuple ukrainien. Lyon, 1999.

Balletti Fr. Un saio nella steppa: diario del cappellano militare in Russia padre Gherardo Gubertini. Piacenza, 1992.

Bergen D.L. Totalitarianism: German Military Chaplains in World War II and the Dilemmas of Legitimacy // Church History: Studies in Christianity and Culture. 2001. Vol. 70. № 2. P. 232–247. URL: <http://www.thefreelibrary.com/German+Military+Chaplains+in+World+War+II+and+the+Dilemmas+of...-a076751697> (access date: 07.05.2022).

Bernardetto V. Dalle lettere di don Emilio Berto cappellano degli alpini disperso a Nikolajewka. Torino, 1990. Bibliografia // La Divisione Pasubio. URL: <https://www.divisionepasubio.it/bibliografia/> (access date: 04.05.2022).

Bollettino ufficiale delle nomine, promozioni e destinazioni negli ufficiali e sottufficiali del R. esercito italiano e nel personale dell’amministrazione militare. 1941–1943.

Bonadeo A. Sanguie sul Don. Milano, 1980.

Brevi G. [don]. Ricordi di prigionia. Russia 1942–1954. Bologna, 2013.

Cavaterra E. Sacerdoti in grigioverde – Storia dell’Ordinariato militare italiano. Milano, 1993.

Chiavazza C. [don]. Scritto sulla neve. Diario di un cappellano militare in Russia. Brescia, 2006.

Chiesa P. Dio e patria: i cappellani militari lombardi nella seconda guerra mondiale. Milano, 2011.

D’Auria M. [don]. L’Armata della neve. La tragedia dei soldati italiani in Russia. Roma, 1974.

Del Fabbro L. Odissea nella steppa russa. Diario di un cappellano militare nella Campagna di Russia 1941–1943. Latisana, 2002.

Fontana Fr. Croce ed armi: l’assistenza spirituale alle forze armate italiane in pace e in guerra: 1915–1955. Torino, 1956.

Franzinelli M. Il riarmo dello spirito: i cappellani militari nella seconda guerra mondiale. Quinto di Treviso, 1991.

Invasori, non vittime. La campagna italiana di Russia, 1941–1943. Bari; Roma, 2009.

Italianzy Kaputt? (con l’Armir in Russia). Roma, 1959.

La Voce E il Tempo. 18.VIII.2015. URL: <https://www.lavocedeltempo.com/Chiesa/Diocesi/Cappellani-militari-caduti-durante-la-seconda-guerra-mondiale> (access date: 05.05.2022).

Le operazioni delle unità italiane al fronte russo (1941–1943). Roma, 1977.

Lerda M. [don]. Russia e Germania. Diario di guerra e di prigionia di un cappellano alpino. Revello, 1974.

Maccarone S. [don]. Un cappellano nell’URSS. Roma, 1950.

Mangani G. Sanguie sulla neve. Missione del cappellano alpino al fronte russo. Urbana, 1990.

Manzo M. Don Pirro Scavizzi. Prete romano. Casale Monferrato, 1997.

Marchisio Fr. Cappellani militari, 1870–1970. Roma, 1970.

Marigo Z. [don]. Nessuno si tolga le scarpe. Diario della campagna di Russia e della prigionia in Germania. Bologna, 1990.

Militello G. “Padre generoso stammi vicino... muoio” – I diari di un Cappellano degli Alpini nella Seconda Guerra Mondiale. Genova, 2011.

Onesti R., De Meis D.M. I soldati della croce. Roma: Ministero della cultura popolare, 1942.

Pigato G.B. [padre]. Diario di un cappellano militare: fronte russo 1942–1943. Como, 1986.

Pugliese A. Storia e legislazione della cura pastorale delle forze armate. Roma, 1956.

Ruffino I. Bianco, rosso e grigioverde. Un cappellano militare: tre mesi in Russia e venti mesi in attesa della liberazione. Torino, 2003.

Salvi A. (prefazione di mons. Arrigo Pintonello; a cura di Cesare Patelli). Dalla steppa ghiacciata ai lager nazisti: diari di guerra (1942–43) e di prigionia (1943–45). Firenze, 1979.

Schlemmer Th. Die Italiener an der Ostfront. München, 2005.

Scotoni G. L’Armata Rossa e la disfatta italiana. 1942–43. Trento, 2007.

Serafini R. L’assistenza religiosa nella campagna di Russia. Roma, 1985.

Turla G.M. [don]. Sette rubli per il cappellano. Gli alpini nelle battaglie e nei campi di prigionia russi della Russia. Milano 1974.

Zanlucchi P. E qui, quando fiorirà la terra? Lettere del tenente cappellano don Onorio Spada (marzo 1942 – settembre 1943). Rovereto, 2011.

DOI: 10.31857/S013038640020319-8

© 2022 г. А.Л. БЕГЛОВ

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В СССР И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С СОЮЗНИКАМИ В 1943 году ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО АССУМПЦИОНИСТА

Беглов Алексей Львович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: al.beglov@igh.ru

Scopus Author ID: 55531443600; ORCID: 0000-0001-8656-1615; Researcher ID: ABH-1734-2020

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов изменения религиозной политики советского руководства в ходе Великой Отечественной войны. Известно, что в 1941–1943 гг. одним из главных адресатов этой политики были союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Документ, на анализе которого построена данная статья, отражает взгляд английской стороны на происходившее в 1943 г. сближение Русской православной и Англиканской церквей. Это доклад в Ватикан, составленный отцом Леопольдом Брауном, настоятелем московского католического прихода св. Людовика. Американский священник описывает общую картину религиозной и околорелигиозной жизни страны с лета по осень 1943 г.; информирует Ватикан о ставших ему известными обстоятельствах проведения собора Русской православной церкви 1943 г. и избрания на нем патриарха Сергия; подробно останавливается на визите в Москву архиепископа Йоркского Англиканской церкви Гарбетта. Отец Браун акцентирует внимание на религиозной стороне этого визита. Он утверждает, что часть представителей британского дипломатического корпуса и журналистов ожидала, что между Русской православной и Англиканской церквями будет установлено литургическое общение. Эти предположения не были подтверждены членами английской делегации, но отражали настроения части британского общества.

Ключевые слова: СССР, антигитлеровская коалиция, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, церковь и государство, внешняя политика, Ватикан, Англиканская церковь, Русская православная церковь, исторические источники.

A.L. Beglov

Religious Life in the USSR and the Allied Policy of 1943: The Perspective of an American Assumptionist

Aleksey Beglov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: al.beglov@igh.ru

Scopus Author ID: 55531443600; ORCID: 0000-0001-8656-1615; Researcher ID: ABH-1734-2020

Abstract. The article considers one of the aspects of the transformation of the religious policy of the Soviet leaders during the Great Patriotic War. In 1941–1943 one of the main addressees of this policy were the allies of the USSR in the anti-Hitler coalition. The document on which this article is centred reflects the British view of the rapprochement between the Russian Orthodox Church and the Church of England in 1943. It is a report to the Vatican compiled by Fr Leopold Braun

AA, Rector of the Catholic parish of St Louis in Moscow. The American priest describes the overall picture of religious and near-religious life in the country from the summer to the autumn of 1943; informs the Holy See of the circumstances of the 1943 Council of the Russian Orthodox Church and the election of Patriarch Sergius; details the visit to Moscow of Archbishop Cyril Garbett of York. Fr Braun emphasises the religious dimension of this visit. He claims that some members of the British diplomatic corps and journalists expected liturgical communion to be established between the Russian Orthodox Church and the Church of England. These assumptions were not confirmed by members of the British delegation, but reflected the sentiments of part of British society.

Keywords: USSR, anti-Hitler coalition, World War II, Great Patriotic War, church and state, foreign policy, Vatican, Church of England, Russian Orthodox Church, historical sources.

Вопрос о причинах и обстоятельствах изменения советской религиозной политики в 1940-е годы привлекал как современников, так и более поздних исследователей. Истории сталинского «нового курса»¹ в отношении религии в СССР и Русской православной церкви в частности посвящена достаточно представительная литература². Большинство авторов признают, что ключевым фактором, побудившим советское руководство сначала негласно, а затем и публично отойти от откровенно антирелигиозной политики, было его стремление мобилизовать авторитет отечественных религиозных организаций, прежде всего Православной церкви, в интересах советской внешней политики. Вместе с тем обращалось внимание и на другие моменты, такие как подъем религиозной жизни на оккупированных территориях³, а также патриотический поворот советской идеологии, наблюдавшийся со второй половины 1930-х годов.

Мы разделяем позицию историков, писавших о ведущей роли международного аспекта в формировании политики «нового курса». При этом отмечалось⁴, что в 1941–1943 гг. ее пропагандистский эффект во многом был ориентирован на союзников СССР по антигитлеровской коалиции. В данном контексте встает вопрос о ее восприятии представителями союзных держав. Документ, на анализе которого построена данная статья, особенно примечателен с этой точки зрения. Его создатель — отец Леопольд Браун, представитель Католической церкви в Москве. Он приехал в советскую столицу в 1934 г. в составе американской дипломатической миссии, что стало возможным в результате признания Соединенными Штатами СССР и заключения соглашения Рузвельта — Литвина 1933 г. Первоначально отец Браун выступал как помощник епископа Пия Невё, настоятеля московского католического прихода церкви Святого Людовика, а после его отъезда возглавил этот

¹ Выражение О.Ю. Васильевой. См.: *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 105.

² *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь...; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008; *Его же.* Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика право.* 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129> (дата обращения: 15.05.2022); *Одинцов М.И., Кочетова А.С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014; *Роккуччи А.* Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958. М., 2016; и др.

³ *Алексеев В.И., Ставру Ф.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // *Русское возрождение.* 1980. № 11. С. 91–118; № 12. С. 108–126; 1981. № 1 (13). С. 75–97; № 2 (14). С. 118–154; № 3 (15). С. 85–100; № 4 (16). С. 91–121; № 5 (17). С. 97–114; № 6 (18). С. 105–125; *Обозный К.П.* История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М., 2008; *Петров И.В.* Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. М., 2021.

⁴ *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь... С. 128–129; *Беглов А.Л.* Международная деятельность Русской Православной... С. 104–129.

приход⁵. В определенный период отец Браун был единственным католическим священником в Москве.

Ватикан не был адресатом новой советской религиозной политики, но его позиция в определенной степени принималась во внимание советским руководством, тем более что о желательности сближения с Папским престолом Кремлю регулярно напоминали его союзники. Вообще взаимоотношения Советского Союза и Ватикана в течение Второй мировой войны прошли два основных этапа. До 1943 г. советское руководство рассматривало возможность политического сближения с давним идеологическим противником. Коммунистическая пропаганда, направленная на католические страны, порой с симпатией отзывалась о католическом духовенстве как реальном или потенциальном участнике движения Сопротивления. Однако, начиная как раз с 1943 г., по мере развития военных успехов СССР и все более отчетливо проявившейся позиции Ватикана относительно послевоенного устройства Европы, в частности неприятия Ватиканом требования о безоговорочной капитуляции Германии, отношения снова ухудшились⁶. Тем интереснее корреспонденция отца Л. Брауна, подготовленная в тот период, когда происходила смена упомянутых этапов.

Ко времени составления анализируемого документа отец Браун уже довольно давно жил в Москве и был знаком с особенностями советской (анти)религиозной политики⁷. Он очень критично смотрел на советскую власть и воспринимал «новый курс», скорее, как временный маневр, а не новую политику, рассчитанную на далекую перспективу (в чем советское руководство стремилось уверить своих союзников). Вместе с тем отец Браун был американским ассумпционистом⁸, представителем союзной державы с достаточно широкими связями в американском истеблишменте и дипломатическом корпусе в Москве. Именно союзнические аспекты новой религиозной политики сталинского руководства интересовали его в первую очередь, на них он обращал больше всего внимания. А в этих отношениях он особое внимание обращал на религиозную составляющую в силу своего положения как представителя Ватикана и священника Католической церкви.

Отец Браун регулярно информировал Святой Престол и руководство своего ордена не только об обстоятельствах священнического служения и происходящем в приходе, но и о различных сторонах советской действительности, политических и экономических процессах, повседневной и религиозной жизни граждан. В этом он следовал практике своего непосредственного предшественника епископа Пия Невё. Все сообщения отправлялись дипломатической почтой, а в годы войны часто через третьи страны⁹.

6—9 ноября 1943 г. отец Браун составил обширный документ с подробным изложением событий в религиозной жизни советской России в период с лета по осень указанного

⁵ Подробнее об обстоятельствах его назначения см.: *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* Судьба католического храма св. Людовика в Москве в освещении американского ассумпциониста // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/> (дата обращения: 29.04.2022).

⁶ Подробно см.: *Токарева Е.С.* Ватикан в советской политике и пропаганде в годы Второй мировой войны // *Иоанн XXIII и современный мир.* М., 2002. С. 98—128; *Васильева О.Ю.* Сталин и Ватикан // *Наука и религия.* 1995. № 8. С. 16—18.

⁷ См., например: «В тени Лубянки...» О судьбах настоятелей церкви Святого Людовика Французского в Москве: воспоминания Леопольда Брауна и обзор материалов следственных дел / сост. И.И. Осипова. М., 2012. С. 61—307.

⁸ Ассумпционисты (от латинского *Assumptio (Mariae Virginis)* — «Успение (Девы Марии)»), Августинцы Успения Пресвятой Богородицы — католическая монашеская конгрегация, основанная в 1845 г. Основные направления деятельности — просвещение и миссионерство. В XIX — первой половине XX в. вели активную миссию в Восточной и Южной Европе.

⁹ Например, через Иран, Ливан, США. См.: *Archivio della Segreteria di Stato. Fondo Affari Ecclesiastici Straordinari* (далее — АА.ЕЕ.СС.). Periodo V: Pontificato di Pio XII (1939—1958). Parte I (1939—1948). Russia. Pos. 691A. Ff. 32—63, 541—602; Pos. 691B. Ff. 170—196. Pos. 716. Ff. 112—168.

года¹⁰. Текст интересен по своей структуре и расставленным акцентам. В фокусе внимания находятся три основных сюжета. Во-первых, отец Браун описывает общую картину религиозной или околорелигиозной жизни страны (в основном, конечно, столичного региона) за рассматриваемый им период. Во-вторых, информирует адресата о ставших ему известными обстоятельствах проведения собора Русской православной церкви 1943 г. и избрания на нем митрополита Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси. В-третьих, представлен визит в Москву англиканского архиепископа Йоркского Гарбетта. Кроме того, к отчету приложены материалы советской прессы в переводе отца Брауна и с его же комментариями. Например, телеграммы, направленные в адрес Сталина лидерами религиозных объединений в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции¹¹.

Нужно отметить, что только в случае визита архиепископа отец Браун черпал информацию о происшедшем у непосредственных участников событий. В остальных случаях ему приходилось довольствоваться сообщениями прессы или слухами. В чем-то его записи оказываются довольно точны, какие-то факты из них не поддаются проверке или откровенно сомнительны¹². Однако в целом представляется, что корреспонденция американского ассумпциониста передает то информационное поле, которое существовало вокруг описываемых им событий, а значит, фиксирует существовавшие тогда общественные настроения.

Рисуя общую картину религиозной жизни, автор доклада прежде всего останавливается на публичных молитвах, прошедших в Загорске (совр. Сергиев Посад) в годовщину начала войны 22 июня 1943 г. Они проходили в единственной открытой тогда церкви Загорска — во имя Св. пророка Божия Илии. Сама Троице-Сергиева лавра еще не была передана Церкви; это случилось только в 1946 г. Отец Браун подчеркивает массовость этих молитв, возносившихся «за Родину и за погибших», и пишет, что толпа была огромной. На церемонию были приглашены крестьяне из соседних колхозов, а также дети и школьники. Данное сообщение вызывает сомнение. Власти сдерживали массовость даже патриотических мероприятий. Скорее всего эти люди пришли по собственной инициативе, что было свидетельством религиозного подъема, наблюдавшегося в эти годы¹³. Затем американский ассумпционист рассказывает о передаче 3 июля предметов культа из закрытых в свое время католических церквей польской дивизии имени Костюшко¹⁴.

Под заголовком «Приметы времени» отец Браун упоминает о появлении в Ленинской библиотеке портрета Александра Невского с подписью на церковно-славянском языке, которую католический священник перевел следующим образом: «Боже мой, стань судьей между мной и этим самонадеянным народом»¹⁵. «Это новшество для такого места», — замечает он в своем письме. Далее следует рассказ о богослужении в патриаршем Богоявленском соборе в Елохове, приуроченном к годовщине 22 июня, в ходе которого делались многочисленные фотографии духовенства и особенно возглавлявшего богослужение митрополита Киевского Николая (Ярушевича), единственного¹⁶ епископа Русской православной церкви, остававшегося в Москве до осени 1943 г. Среди фотографов, по рассказу отца Брауна, были слышны насмешки над необходимостью делать эти многочисленные

¹⁰ Ibid. Pos. 716. Patriarcato «ortodosso» di Mosca. 1943–1944. Ff. 175–185. Документ написан по-французски. За помощь с его переводом автор благодарит Е.С. Токареву.

¹¹ Ibid. Pos. 716. Ff. 184–185.

¹² Надо сказать, что пересказом подобных слухов наполнены и воспоминания о. Брауна. См., например: «В тени Лубянки...» С. 340–341.

¹³ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 176.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid. Ff. 176–177. В оригинале: «Mon Dieu faites-vous juge entre moi et ce peuple présomptueux». Речь, очевидно, идет о библейском изречении, источник которого установить в ситуации двойного перевода (с церковнославянского на русский и затем на французский) не представляется возможным.

¹⁶ Остальные епископы, находившиеся в Москве, были принудительно эвакуированы в октябре 1941 г.

кадры; утверждалось, что снимки предназначены для союзников — Англии и Соединенных Штатов. В заключение этого сообщения есть ремарка, отмечающая: «многие русские говорят, что у них не лежит душа к митрополиту Николаю»¹⁷. Слухи о том, что адресатом новой политики в отношении религии были союзные СССР державы, были достаточно широко распространены в тот период и фиксировались спецсообщениями госбезопасности и партийных органов¹⁸.

Отец Браун обращает внимание на несколько новостей в сфере образования. Он пишет, что «5 июля во время педагогической ассамблеи были сделаны предложения направить усилия на более духовное образование»¹⁹. Впрочем, из его фразы неясно, что это была за ассамблея и что подразумевается под «духовным образованием». Также священник утверждает, что с сентября 1943 г. решено преподавать латынь в высших учебных заведениях²⁰. Это утверждение также не вполне точно. Преподавание латинского языка как общеобразовательного предмета возобновилось в ряде вузов еще в 1934 г. (в московском и ленинградском Институтах философии, литературы и истории, на филологических и исторических факультетах университетов и педагогических институтов). В 1940-е годы преподавание латыни было введено в ряде школ (отменено в 1955 г.)²¹. Отголоском этого события, видимо, и является сообщение отца Брауна.

Здесь же ассумпционист отмечает введение раздельного обучения мальчиков и девочек в школах, что, по его словам, учителя восприняли как «борьбу за мораль»²². Процесс шел поэтапно с начала 1943 г. При этом новая модель обучения внедрялась только в крупных городах, на селе обучение по-прежнему оставалось совместным. На первом этапе раздельные школы существовали в 81 городе СССР, а в 1953—1954 уч. г., накануне отмены раздельного обучения — в 150 городах. Официальная мотивация введения новой модели хотя и предполагала необходимость укрепления дисциплины и борьбу с «не всегда здоровыми взаимоотношениями, создающимися между мальчиками и девочками при совместном обучении» (что можно было интерпретировать как «борьбу за мораль»), но основной акцент делала на физиологических и психологических особенностях полов, что учитывал подобный подход, способствуя более качественному усвоению знаний²³.

К сообщениям отца Брауна касательно сферы образования примыкает зафиксированный им в контексте обсуждения последствий собора Русской церкви 1943 г. слух: «Люди задаются вопросом, не будет ли введен в школах Закон Божий»²⁴. Действительно, такой слух ходил, но не был широко распространен²⁵.

Следующий блок информации посвящен состоявшемуся 8 сентября 1943 г. собору Русской православной церкви. В целом отец Браун довольно точно, опираясь на официальные материалы (например, сообщения ТАСС), пересказывает основные детали собора: избрание митрополита Сергия патриархом, перечисляет епископов, вошедших в состав Синода, излагает биографию патриарха Сергия, отмечает, что «на соборе было принято также обращение архиепископа Саратова Григория (Чукова. — А.Б.) об объединении

¹⁷ Ibid. F. 177.

¹⁸ См., например: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009. С. 205, 208, 214, 216—219, 221—222, 226, 234, 243, 381 и др.

¹⁹ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939—1948). Russia. Pos. 716. F. 176.

²⁰ Ibid. F. 177.

²¹ Кацман Н.Л. Латинский язык как общеобразовательный предмет обучения в России на протяжении XX века // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № 2. С. 22—24.

²² AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939—1948). Russia. Pos. 716. F. 177.

²³ Пыжиков А.В. Раздельное обучение в советской школе // Педагогика. 2004. № 5. С. 78—84; Гончарова Г.Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943—1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М., 2013.

²⁴ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939—1948). Russia. Pos. 716. F. 180.

²⁵ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 232, 234, 381. Суждение о том, что преподавание Закона Божия в школах невозможно: Там же. С. 235.

всех (христианских. — А.Б.) сил для борьбы с гитлеризмом»²⁶. Однако в остальном американский священник говорит о соборе, скорее, как о казусе: «Все удивляются таинственным обстоятельствам проведения Собора (в такие короткие сроки)»²⁷. Действительно, для большинства советских граждан и иностранных наблюдателей собор, как и предшествовавшая ему встреча в Кремле И.В. Сталина, В.М. Молотова, Г.Г. Карпова (будущего председателя новосозданного Совета по делам Русской православной церкви) с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским), Николаем (Ярушевичем), был полной неожиданностью²⁸.

Отец Браун писал: «Был также привлечен епископ, который прежде был сослан». Речь в данном случае, скорее всего, шла о епископе Луке (Войно-Ясенецком), привезенном на самолете из Красноярска. Впрочем, он был не единственным ранее репрессированным епископом на соборе. Далее наш автор отмечает неожиданные подробности: «Всех поселили за счет правительства в новой гостинице Москва, которая была предназначена только для членов компартии. И в дни короткого пребывания в Москве эти епископы (в числе 22-х) ходили по улицам в церковных одеждах!»²⁹. Здесь отец Браун преувеличивает слух о роскоши размещения епископов (которых было 18, а не 22). Также он приводит интересную деталь: власти «искали одного священника, который пять лет назад был сослан», но (так можно понять по контексту) не нашли его. Возможно, это сообщение является отдаленным отзвуком разговоров о списке из 26 фамилий епископов и священников, поданном патриархом Сергием Г.Г. Карпову с просьбой об их освобождении. Как известно, в живых из них оставался только один — архиепископ Николай (Могилевский), находившийся в ссылке в Казахстане³⁰.

Наконец, отец Браун приводил в своем письме перевод опубликованного в «Правде» 8 сентября официального сообщения о создании Совета по делам Русской православной церкви под председательством Г.Г. Карпова³¹.

В заключение изложения описываемых событий американец дает свой комментарий. Встреча в Кремле и собор Русской церкви — «это запоздалый ответ на “крестовый поход” Гитлера», который не внес «существенных перемен» в религиозную политику советской власти. Ведь «декрет от 8 апреля 1929 г. остается в силе», а «комиссия, которая тогда была создана, в 1939 г. еще точно существовала. Но факт все же в том, что Православная церковь получила благожелательное отношение правительства»³². Под декретом от 8 апреля 1929 г. подразумевается Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», которое запрещало внебогослужебные стороны жизни религиозных организаций в СССР и вводило жесткую систему регистрации существовавших общин³³.

В целом, мнение касательно «нового курса» советского руководства в отношении религии как реакции на политику оккупационных властей было распространено среди зарубежных и иностранных наблюдателей, а также русских эмигрантов. Отец Браун придерживался такой точки зрения и многие годы спустя. В своих мемуарах он описывал намерения германского руководства в самых фантастических чертах, упоминая о планах по восстановлению православия и о ящиках с церковными облачениями и богослужебными

²⁶ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. Ff. 177–178. Собор принял три официальных документа: обращение к Советскому правительству с благодарностью за удовлетворение нужд Церкви, постановление об отлучении и лишении сана «изменников вере и Отечеству», обращение ко всем христианам мира. Последний документ и упоминает о Браун. См.: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 67–72.

²⁷ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 178.

²⁸ См.: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 207–227.

²⁹ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 178.

³⁰ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 78–79, 651.

³¹ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 179.

³² Ibidem.

³³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 250–261.

предметами, которые «держали в готовности» подразделения германской армии³⁴. Разумеется, никакого восстановления православия руководством рейха не планировалось, а творцами неожиданного и стремительного религиозного возрождения на оккупированных территориях были не оккупационные власти, а рядовые верующие³⁵.

В отношении же Постановления от 8 апреля 1929 г. отец Браун формально прав: положение религиозных объединений СССР в 1943 г. де-юре не изменилось. Однако он не учитывал (и не мог этого знать) многочисленные секретные постановления правительства с формулировкой «до особого распоряжения не препятствовать». Такими постановлениями регулировался весь «новый курс» в отношении Православной церкви, а затем и других религиозных объединений СССР³⁶. Отец Браун ошибается и относительно судьбы упоминаемой им Комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР — органе, призванном наблюдать за проведением в жизнь законодательства 1929 г. Она была упразднена 16 апреля 1938 г.³⁷ Однако с выводом, который делал американец, нельзя не согласиться. Советское правительство во второй половине 1943 г. действительно демонстрировало подчеркнуто благожелательное отношение к Православной церкви.

Третий и особенно важный для отца Брауна сюжет в его записях связан с визитом в Москву архиепископа Йоркского Англиканской церкви Серила Гарбетта³⁸. Подготовка этого события началась еще в сентябре 1942 г. Тогда в Куйбышеве (современная Самара), куда были эвакуированы из Москвы иностранные посольства, состоялась встреча митрополита Николая (Ярушевича) с советником британского посольства господином Баггалеем. В ходе этой встречи впервые была высказана идея об обмене визитами между русской и английской церквями, что способствовало бы «достижению лучшего понимания» между ними, а также между союзными народами. Дата визита была подтверждена в июле 1943 г. Английские прелаты планировали вылететь из Соединенного Королевства 15 сентября и прибыть в Москву 18 сентября через Тегеран. Предстоящее прибытие англиканской делегации упоминалось на исторической встрече в Кремле в ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. и было одним из факторов, заставивших советское руководство спешить с проведением собора и интронизацией патриарха Сергия³⁹.

Визит проходил 18–28 сентября 1943 г. В делегацию, помимо архиепископа Йоркского, входили два священника — Ф.Г. Хаус и Г.М. Уаддамс. За десять дней английские священнослужители несколько раз виделись с патриархом Сергием и другими иерархами Русской православной церкви (в основном митрополитами Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), настоятелем Елоховского Богоявленского собора, управляющим делами Московской патриархии протоиереем Николаем Колчицким, и др.). 20 сентября состоялась первая встреча с патриархом, в ходе которой архиепископ Йоркский передал ему приветственное письмо, подписанное им и архиепископом Кентерберийским. 21 сентября (праздник Рождества Богородицы) делегация присутствовала на литургии в патриаршем Богоявленском соборе вместе с английским послом, членами посольства и английской военной миссии. В тот же день в патриархии англичанам показали фильм «Александр Невский». 22 сентября состоялась новая деловая беседа с патриархом, а затем

³⁴ «В тени Лубянки...» С. 328.

³⁵ См.: *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь (нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002. С. 150–186.

³⁶ Ср.: *Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* С. 474–475.

³⁷ Об истории комиссии см., например: *Д.Н.Н.* Комиссия по вопросам культов // *Православная энциклопедия.* Т. 36. М., 2014. С. 520–526; *Приказчикова О.Б.* Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.* Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 41–76.

³⁸ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. Ff. 181–183.

³⁹ *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь... С. 128, 132–135.

экскурсия по двум московским храмам. На следующий день делегация, а также «большое число лиц из английского посольства и военной миссии» присутствовали в патриаршем соборе на молебне о даровании победы. Вечером патриарх Сергей дал торжественный обед в честь гостей, после которого был предложен сеанс документального кино. 24 сентября англичане осмотрели разрушенный немцами Ново-Иерусалимский монастырь. 26 сентября посетили церковь и музей в Коломенском, а 27 сентября был сделан прощальный визит к патриарху⁴⁰.

Для Русской православной церкви, как и для советского руководства, эти встречи имели исключительно политический характер как часть негосударственных контактов между союзниками. Для советской власти архиепископ Гарбетт был еще одним иностранцем, который должен был засвидетельствовать свободу вероисповедания перед западным общественным мнением, и он сделал это. На последней встрече с патриархом Сергием он произнес: «По приезде в Англию меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать “есть ли в России свобода отправления религиозного культа”, и я отвечу, что, “безусловно, да”»⁴¹. Его визит — один из первых крупных успехов Совета по делам Русской православной церкви и лично его председателя Г.Г. Карпова.

Однако отец Браун (а отчасти, видимо, и англичане), описывая обстоятельства визита, расставил несколько иные акценты. Он велел за английским корреспондентом (неуказанного издания), с которым имел беседу, говорит о цели визита как религиозной. Подразумевалось, что речь пойдет о сближении церквей и взаимном «признании обрядов», то есть об установлении литургического общения. Однако отец Браун не столько утверждает, сколько ставит вопросы относительно переговоров по вероучительным вопросам: «По поводу взаимного признания были ли переговоры? На какой основе они могли быть, если исключить сакраментальный аспект?». При этом он отмечает как интересный факт: «Некоторые члены английской военной миссии спросили, смогут ли они во время первой торжественной службы принять причастие. Им вежливо ответили, что нет. Они были не очень довольны этим ответом»⁴². Тем самым констатируются более широкие ожидания со стороны англикан, хотя, видимо, и не самих членов делегации.

Конечно, со стороны Русской церкви речь о литургическом общении не шла. Когда в 1948 г. на Совещании глав и представителей православных церквей в Москве встанет вопрос о каноничности англиканской иерархии, вывод будет дипломатичным, но достаточно осторожным: быстрое установление литургического общения между Православной и Англиканской церквями невозможно⁴³.

Чтобы «удовлетворить религиозное чувство англикан, которые получили отказ от православных», архиепископ Йоркский сам организовал литургическое богослужение (Communion Service) в большом зале гостиницы Националь, где размещалась делегация. Католический священник несколько раз с удовлетворением подчеркивает, что православные «дали понять высокому гостю, что, несмотря на любезный прием, считают его еретиком»⁴⁴. При этом он обращает внимание своего корреспондента, что богослужение «в публичном месте, каким является гостиница Националь, является нарушением статьи 55 Декрета от 8 апреля 1929 г.». Было ли это разрешено «из уважения к гостю или он сам

⁴⁰ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 73–74, 76–77, 237–242 — письма, переданные делегацией, 16 вклейки — совместная фотография делегации с иерархами Русской Церкви.

⁴¹ Там же. С. 242.

⁴² AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 183.

⁴³ Деяния Совещания глав и представителей автокефальных Православных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. 8–18 июля 1948 года: в 2-х т. Т. 2. М., 1949. С. 430–432.

⁴⁴ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 183.

потребовал таким образом компенсировать отказ православных властей? Только единицы знают ответ на этот вопрос», замечает отец Браун⁴⁵.

О самом торжественном богослужении 21 сентября (в бумагах ошибочно указано 22 сентября) рассказывается следующим образом: «22-го в церкви Епифании (Богоявления. — А.Б.) состоялась торжественная служба, возглавляемая патриархом в присутствии двух митрополитов, 16 епископов, 20 священников и трех диаконов», на которой присутствовал архиепископ, посольство Англии «в полном составе» и «австралийский советник». Все они, как мы знаем из других источников, находились во время богослужения в алтаре Елоховского собора⁴⁶. Архиепископ Йоркский «в полном облачении» держался «в стороне от сослужащих», ему не было «разрешено принимать активное участие в таинствах, потому что он еретик», но ему предложили сказать слово⁴⁷. Это была ответная речь на приветствие патриарха Сергия⁴⁸. Отец Браун упоминает также второе богослужение — молебен, который состоялся «с большой помпой и почти с тем же участием, чтобы испросить благословение небес для отечественных войск»⁴⁹.

Американский священник отмечает и прием в честь архиепископа в английском посольстве, где присутствовали почти весь дипломатический корпус и иностранные корреспонденты, но сам отец Браун не был на него приглашен. Однако один из двух сопровождавших архиепископа священников, Г.М. Уаддамс, в среду, 22 сентября, нанес ему визит. Во время часовой встречи гость ничего не сказал о теологических переговорах. Но рассказал, что «год назад» митрополит Николай передал архиепископу Кентерберийскому 500 экземпляров книги «Правда о религии в России»⁵⁰. И, по его словам, архиепископ Кентерберийский был так завален этими книгами, что сложил их в подвал архиепископства. В одной из глав этого тома «содержатся восхваления в адрес Англиканской церкви». Из разговора с англиканским священником отец Браун заключил, что Англиканская церковь сотрудничает с британским Министерством иностранных дел «в политико-религиозных целях», но «где интересы веры не на первом плане». Министерство информации Великобритании, «как кажется, и до этого визита знало, кто является истинным издателем этой книги», разумеется, она была подготовлена при участии советских властей. Англиканский капеллан сказал американцу, что в Лондоне начали переводить «если не всю, то хотя бы часть этой книги с благоприятными комментариями. Он мне подарил этот еще не вышедший труд»⁵¹.

Отец Браун не спешил с утверждениями о каких-то положительных результатах этого визита, кроме того, что Би-би-си анонсировала визит в Лондон представителей православного епископата. «Говорят также о каких-то декларациях, который сделал архиепископ Йоркский по дороге в Лондон»⁵². Возможно, имеется в виду благодарственное письмо архиепископа Йоркского патриарху Сергию, направленное 27 сентября⁵³. После отъезда делегации американский священник снова встречался с английским корреспондентом, который ранее говорил о возможном «признании обрядов»; теперь он уже развивал эту тему. «Публика об этом ничего не знает», — замечает отец Браун, даже если такие переговоры и имели место⁵⁴.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 238.

⁴⁷ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 181.

⁴⁸ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 238–239.

⁴⁹ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 181.

⁵⁰ См.: Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь... С. 139–148. Книга действительно активно распространялась за рубежом, однако то, что архиепископу Кентерберийскому было направлено столь большое количество экземпляров, представляется сомнительным.

⁵¹ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 182.

⁵² Ibid. F. 183.

⁵³ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 76–77.

⁵⁴ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 716. F. 183.

Таким образом, в лице отца Леопольда Брауна мы видим внимательного наблюдателя за государственной и общественной жизнью СССР, делающего особый акцент на его религиозной жизни. В основе его сведений — беседы с представителями дипломатического корпуса, зарубежной прессы, союзнических делегаций, с его прихожанами, которые передавали своему настоятелю те или иные слухи, которые часто бывает невозможно проверить или которые хотя выглядят сомнительно, но характеризуют общественные настроения того периода. Не оставлял священник без внимания и материалы прессы.

В течение второй половины 1943 г. он отмечает рост религиозных настроений у советских людей, что в той или иной форме прорывалось в публичную сферу. Важными событиями этого периода были сентябрьский собор Русской православной церкви и интронизация патриарха Сергия, а также визит представителей Англиканской церкви в СССР. Об этом визите имеются довольно подробные сведения с советской стороны, однако отец Браун акцентировал внимание не столько на политической, сколько на гипотетической религиозной стороне визита, якобы предполагавшей установление литургического общения между Русской православной и Англиканской церквями. И хотя члены английской делегации не подтвердили эти предположения, в них отразились настроения части британского общества, представителей дипломатического корпуса и журналистов.

Библиография

Алексеев В.И., Ставр Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1980. № 11. С. 91–118; № 12. С. 108–126; 1981. № 1 (13). С. 75–97; № 2 (14). С. 118–154; № 3 (15). С. 85–100; № 4 (16). С. 91–121; № 5 (17). С. 97–114; № 6 (18). С. 105–125.

Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.

Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика право. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129> (дата обращения: 15.05.2022).

Беглов А.Л., Фадеев И.А. Судьба католического храма св. Людовика в Москве в освещении американского ассумпциониста // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/> (дата обращения: 29.04.2022).

«В тени Лубянки...» О судьбах настоятелей церкви Святого Людовика Французского в Москве: воспоминания Леопольда Брауна и обзор материалов следственных дел / сост. И.И. Осипова. М., 2012.

Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999.

Васильева О.Ю. Сталин и Ватикан // Наука и религия. 1995. № 8. С. 16–18.

Гончарова Г.Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М., 2013.

Д.Н.Н. Комиссия по вопросам культов // Православная энциклопедия. Т. 36. М., 2014. С. 520–526.

Деяния Совещания глав и представителей автокефальных Православных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. 8–18 июля 1948 года: в 2-х т. М., 1949.

Кацман Н.Л. Латинский язык как общеобразовательный предмет обучения в России на протяжении XX века // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № 2. С. 17–32.

Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М., 2008.

Одинцов М.И., Кочетова А.С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014.

Петров И.В. Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. М., 2021.

Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 41–76.

Пыжиков А.В. Раздельное обучение в советской школе // Педагогика. 2004. № 5. С. 78–84.

Рокутчи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958. М., 2016.

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996.

Токарева Е.С. Ватикан в советской политике и пропаганде в годы Второй мировой войны // Иоанн XXIII и современный мир. М., 2002. С. 98–128.

Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.

Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь (нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999.

References

Alekseev V.I., Stavru F. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' na okkupirovannoi nemtsami territorii [The Russian Orthodox Church in the German-occupied territory] // Russkoe vozrozhdenie [Russian Renaissance]. 1980. № 11. S. 91–118; № 12. S. 108–126; 1981. № 1 (13). S. 75–97; № 2 (14). S. 118–154; № 3 (15). S. 85–100; № 4 (16). S. 91–121; № 5 (17). S. 97–114; № 6 (18). S. 105–125. (In Russ.)

Beglov A.L. Mezhdunarodnaia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v period "novogo kursa" v gosudarstvenno-tserkovnykh otноsheniakh. Osnovnye etapy i krizisnye iavleniia [International Activity of the Russian Orthodox Church during the "New Deal" between the State and the Church] // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika pravo [Contours of Global Transformations: Politics, Economics and Law]. 2018. T. 11. № 4. S. 104–129. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129> (access date: 29.04.2022). (In Russ.)

Beglov A.L. V poiskakh "bezgreshnykh katakomb". Tserkovnoe podpol'e v SSSR. [In Search of "Ideal Church Catacombs". Church Underground in the USSR]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Beglov A.L., Fadeev I.A. Sud'ba katolicheskogo khrama sv. Liudovika v Moskve v osveshchenii amerikanskogo assumptsionista [The Fate of the Catholic Church of St. Louis of the French in Soviet Moscow: The Perspective of an American Assumptionist] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia" [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2021. Vol. 12. Iss. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/> (access date: 29.04.2022). (In Russ.)

Chumachenko T.A. Gosudarstvo, pravoslavnaia tserkov', veruiushchie. 1941–1961 gg. [The state, the Orthodox Church, believers. 1941–1961]. Moskva, 1999. (In Russ.)

D.N.N. Komissiiia po voprosam kul'tov [Commission on Cults] // Pravoslavnaia entsiklopediia [Orthodox Encyclopedia]. T. 36. Moskva, 2014. S. 520–526. (In Russ.)

Deianiia Soveshchaniia glav i predstavitelei avtokefal'nykh Pravoslavnykh tserkvei v sviazi s prazdnovaniem 500-letii avtokefalii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 8–18 iuliia 1948 goda: v 3-h t. [Acts of the Meeting of Heads and Representatives of Autocephalous Orthodox Churches in connection with the celebration of the 500th anniversary of the Autocephaly of the Russian Orthodox Church. July 8–18, 1948: in 3 vol.]. Moskva, 1949. (In Russ.)

Goncharova G.D. Period razdel'nogo obucheniia v SSSR v 1943–1945 gg. i ego otrazhenie v literature i kinematografe [The period of separate education in the USSR in 1943–1945 and its reflection in literature and cinema]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Katsman N.L. Latinskii iazyk kak obshcheobrazovatel'nyi predmet obucheniia v Rossii na protiazhenii XX veka [Latin as a general education subject in Russia during the 20th century] // Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia [Indo-European linguistics and Classical philology]. 2010. № 2. S. 17–32. (In Russ.)

Oboznyi K.P. Istoriia Pskovskoi Pravoslavnoi Missii. 1941–1944 gg. [The History of the Pskov Orthodox Mission. 1941–1944]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Odintsov M.I., Kochetova A.S. Konfessional'naia politika v Sovetskom Soiuze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [Confessional politics in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Petrov I.V. Mezhdvukh zol. Pravoslavnoe dukhovenstvo na vremenno okkupirovannoi territorii RSFSR v 1941–1944 gg. [Between two evils. Orthodox clergy in the temporarily Occupied Territory of the RSFSR in 1941–1944]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Prikazchikova O.B. Deiatel'nost' Postoiannoi tsentral'noi komissii po voprosam kul'tov (1929–1938 gg.) [Activities of the Permanent Central Commission on Cults (1929–1938)] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii II. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Bulletin of the Orthodox Holy-Tikhonov University for the Humanities. Series II. History. History of the Russian Orthodox Church]. 2009. Vyp. 2 (31). S. 41–76. (In Russ.)

Pyzhikov A.V. Razdel'noe obuchenie v sovetskoj shkole [Separate education in a Soviet school] // Pedagogika [Pedagogy]. 2004. № 5. S. 78–84. (In Russ.)

Rokkuchchi A. Stalin i patriarkh: Pravoslavnaia tserkov' i sovetskaja vlast', 1917–1958 [Stalin and the Patriarch: The Orthodox Church and Soviet Power, 1917–1958]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941. Dokumenty i fotomaterialy [The Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917–1941. Documents and photographic materials]. Moskva, 1996. (In Russ.)

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of documents] / sost. O.Iu. Vasil'eva, I.I. Kudriavtsev, L.A. Lykova. Moskva, 2009. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. Natsistskaia Germaniia i Pravoslavnaia Tserkov' (natsistskaia politika v otnoshenii Pravoslavnoi Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoi territorii SSSR). [Nazi Germany and the Orthodox Church (Nazi policy towards the Orthodox Church and religious revival in the occupied Territory of the USSR)]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 gg.) [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-Church relations in the USSR in 1939–1964)]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Tokareva E.S. Vatikan v sovetskoj politike i propagande v gody Vtoroi mirovoi voiny [The Vatican in Soviet Politics and propaganda during the Second World War] // Ioann XXIII i sovremennyi mir [John XXIII and the modern world]. Moskva, 2002. S. 98–128.

“V teni Lubiianki...” O sud'bakh nastoiatelei tserkvi Sviatogo Liudovika Frantsuzskogo v Moskve: vospominaniia Leopol'da Brauna i obzor materialov sledstvennykh del [“In the shadow of the Lubyanka...” About the fate of the rectors of the Church of St. Louis of France in Moscow: memoirs of Leopold Brown and a review of investigative materials] / sost. I.I. Osipova. Moskva, 2012. (In Russ.)

Vasil'eva O.Iu. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg. [The Russian Orthodox Church in the Politics of the Soviet State in 1943–1948]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Vasil'eva O.Iu. Stalin i Vatikan [Stalin and the Vatican] // Nauka i religiiia [Science and Religion]. 1995. № 8. S. 16–18. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640020004-2

© 2022 г. Е.С. ЖДАНОВА

ПОМОЩЬ ВАТИКАНА СОВЕТСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Жданова Екатерина Сергеевна – специалист лаборатории теоретико-методологических проблем исторического образования исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: zhdanovacaterina@gmail.com

Scopus Author ID: 57291710300

Аннотация. В годы Второй мировой войны Ватикан развернул активную гуманитарную деятельность, для чего создавал свои благотворительные структуры, среди которых была Комиссия Помощи. В статье впервые в российской историографии рассмотрены принципы и методы ее работы с советскими военнопленными, изучен процесс сбора информации об их положении и численности, рассказано о подготовке и передаче подарков военнопленным, названы финансовые затраты Комиссии, рассмотрены взгляды членов Государственного секретариата Святого Престола на проблему репатриации. Источниковую базу статьи составили материалы Апостольского архива Ватикана, открытые для исследователей весной 2020 г.: делопроизводственные документы Комиссии Помощи, архива нунциатуры и Конгрегации чрезвычайных церковных дел 2-й секции Госсекретариата Святого Престола, которые содержат информацию о способах получения Комиссией сведений о военнопленных, а также дают возможность реконструировать процесс принятия решений по вопросам об оказании поддержки. В основе деятельности Комиссии Помощи лежали принципы помощи нуждающимся и убеждения в необходимости защиты прав человека. В результате исследования был установлен механизм работы Комиссии Помощи, определена ключевая роль нунциев в этом механизме. Через представителей Святого Престола в лагеря передавались иконы, религиозная литература, вещи, символические подарки. Для этих нужд Ватикан систематически пополнял фонд средств Комиссии. В послевоенные годы на первый план вышла проблема насильственной репатриации советских военнопленных в СССР.

Ключевые слова: Католическая церковь, Ватикан, Пий XII, Вторая мировая война, советские военнопленные, репатриация.

E.S. Zhdanova

Vatican Assistance to Soviet Prisoners of War During and After World War II

Ekaterina Zhdanova, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow).

E-mail: zhdanovacaterina@gmail.com

Scopus Author ID: 57291710300

Abstract. During the Second World War, the Vatican was active in humanitarian work, setting up its own charitable institutions, among them the Aid Commission. For the first time in Russian historiography, the article examines the principles and methods of its work with Soviet prisoners of war, examines the process of gathering information on their situation and numbers, describes the preparation and distribution of gifts to prisoners of war, states the financial costs of the Commission, examines the views of members of the State Secretariat of the Holy See on the issue of

repatriation. The article draws on the materials of the Vatican Apostolic Archives that were opened to researchers in spring 2020: the records of the Aid Commission, the Nunciature and the Congregation for Extraordinary Church Affairs of the 2nd Section of the State Secretariat of the Holy See, which contain information on how the Commission obtained information on POWs and also make it possible to reconstruct the decision-making process on aid issues. The work of the Aid Commission followed the principles of helping those in need and advocating for the protection of human rights. The study identified the mechanism behind the work of the Aid Commission and the key role of the Nuncios in it. Through representatives of the Holy See, icons, religious literature, clothing and symbolic gifts were sent to the camps. The Vatican systematically replenished the Commission's funds towards these needs. In the post-war years, the problem of the forced repatriation of Soviet prisoners of war to the USSR came to the fore.

Keywords: Catholic Church, Vatican, Pius XII, World War II, Soviet prisoners of war, repatriation.

XX в. с его глобальными социальными потрясениями стал серьезным вызовом для христианской благотворительности Ватикана: установление тоталитарных режимов, экономические кризисы, распад колониальной системы вели к появлению массовых миграционных потоков, обострили проблему беженцев. Появлялась еще одна категория лиц, оторванных от своего дома, — военнопленные, чья судьба в момент конфликта зависела от решений враждебного правительства, а после окончания войны — от договоренностей, достигнутых победителями. Положение военнопленных регламентировалось международным гуманитарным правом¹.

В годы Второй мировой войны Международный комитет Красного Креста (МККК) начал обсуждение уточнений к соглашению, касавшихся возможности духовного окормления военнопленных: в конвенции 1929 г. было указано, что военнопленный имеет свободу отправления культа или присутствия на богослужениях (в дальнейшем это положение было подтверждено Женевской конвенцией 1949 г.²). В 1929 г. предполагалось уравнять в правах медицинский персонал и священнослужителей, чтобы последние получили больше свободы для контакта с внешним миром — в Германии священнослужители получили возможность перемещаться между различными лагерями и трудовыми отрядами³. Священники получили большую свободу передвижения, но каждый случай их визита в лагерь военнопленных необходимо было согласовывать с местными властями.

Святой Престол с большим интересом следил за деятельностью МККК, на конференциях которого представители Папы присутствовали в 1934 и 1938 гг⁴. В годы Второй мировой войны Ватикан создавал организации⁵, которые оказывали помощь беженцам,

¹ Международные соглашения, которые затрагивали положение военнопленных, стали заключаться со второй половины XIX в.: Женевские конвенции 1864 и 1906 гг., Гагские конференции 1899 и 1907 гг. Накануне Второй мировой войны правовой статус военнопленных был определен двумя Женевскими конвенциями 1929 г.: «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Хотя обе конвенции были тесно связаны друг с другом, СССР признал лишь одну из них — «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Во время Второй мировой войны на территории СССР действовало «Положение о военнопленных» от 19 марта 1931 г. Женевскую конвенцию от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными» СССР ратифицировал в 1954 г.

² Статья 34 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными» гласит: «Военнопленным будет предоставлена полная свобода для выполнения обрядов их религии, включая посещение богослужений, при условии соблюдения ими дисциплинарного порядка, предписанного военными властями. Для религиозных служб будут отведены надлежащие помещения». См.: Права человека. Сборник международных договоров. Т. I (часть вторая): универсальные договоры. Женева, 1994.

³ Report of the International Committee of the Red Cross on its activities during the Second World War (September 1, 1939 – June 30, 1947). V. 1. International Committee of the Red Cross.

⁴ *Blet P.* Pio XII e la Seconda Guerra Mondiale negli Archivi Vaticani. Milano, 1999. P. 186.

⁵ Среди них были, например, Папская комиссия помощи и благотворительное отделение «Магадино».

перемещенным лицам, нуждающимся и скрывающимся, а также поддерживал связи с благотворительными организациями разного рода⁶. Не были обделены вниманием военнопленные, судьбой которых интересовалась Католическая церковь. Важными организациями стали Информационный отдел по военнопленным (*Ufficio Informazioni dei prigionieri di guerra*) и Комиссия Помощи (*Commissione Soccorsi*), созданная в сентябре 1939 г. сразу после начала Второй мировой войны. Цель этих двух структур, участниками которых были члены Государственного секретариата Святого Престола, представляется одинаковой, но их задачи рознились: информационный отдел занимался установлением связей между военнопленными и их семьями, передачей новостей и сообщений; Комиссия же оказывала материальную и духовную помощь во всех странах, где находились нунции.

Долгое время материалы Комиссии не были доступны исследователям — лишь некоторые отчеты (например отчет А. Кассуло⁷ о посещении румынских лагерей) были опубликованы в 11-томнике «Акты и документы Святого Престола, относящиеся ко Второй мировой войне»⁸. Благодаря открытию архивов Ватикана времен Пия XII весной 2020 г. стало возможным ввести в научный оборот новые документы и описать механизм помощи Ватикана советским гражданам. В статье были использованы документы из архивных коробок (*busta*) 225 и 226, отражающие помощь Святого Престола советским военнопленным в период с 1941 по 1947 г. Также в работе были использованы документы архива нунциатуры в Италии и фонда Конгрегации чрезвычайных церковных дел, открытые весной 2020 г., представляющие собой делопроизводственные документы Государственного секретариата Ватикана и частично освещающие его взгляды на проблему репатриации военнопленных. Эти материалы являются внутренними документами Госсекретариата и позволяют реконструировать процесс оказания помощи военнопленным. При этом следует учитывать, что отчеты нунциев не всегда соответствовали действительности.

Появление Комиссии Помощи в составе II секции Госсекретариата Святого Престола произошло спонтанно: группа прелатов под руководством члена Госсекретариата Святого Престола Дж. Монтини⁹ решила оказать помощь обратившимся к ним полякам. Война набирала обороты, поэтому уже 12 ноября 1941 г. Монтини пригласил к участию в Комиссии П. Джоббе¹⁰, К. Кьярло¹¹, А. Рибери¹², Л. Чентозо¹³ и дона М. Брини¹⁴ в качестве секретаря. В дальнейшем в работе стали участвовать нунции и иные представители Святого Престола. Комиссия регулярно заседала с ноября 1941 до июня 1946 г.; помощь пострадавшим оказывалась через местный епископат или Красный Крест.

Последние обсуждения Комиссии были связаны с репатриацией, обменом пленными, помощью больным и раненым, беженцам и перемещенным лицам. В послевоенное время ее деятельность преимущественно была связана с частными запросами. Судя по документам, помощь Комиссии гражданам СССР прекратилась в начале 50-х годов XX в.

⁶ О благотворительной деятельности Ватикана и его связях с гуманитарными организациями мы писали в статье, посвященной обзору документов архива Комиссии Помощи. См.: *Жданова Е. С. Помощь Святого Престола гражданам СССР, оказавшимся за границей, в 1941–1947 гг.* (по материалам Апостольского архива Ватикана) // *Россия и современный мир*. 2020. № 4. С. 213–214.

⁷ *Андреа Кассуло* (1869–1952) — апостольский нунций в Румынии с 1936 по 1947 г.

⁸ *Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale: 11 Vols. Città del Vaticano, 1970–1981.*

⁹ *Джованни Баттиста Монтини* (будущий папа Павел VI; 1897–1978) — член Госсекретариата Ватикана, архиепископ Милана с 1954 г., помощник государственного секретаря Святого Престола по общим вопросам (1937–1952 гг.).

¹⁰ *Паоло Джоббе* (1880–1972) — интернунций в Голландии.

¹¹ *Карло Кьярло* (1881–1972) — апостольский нунций в Коста-Рике, Никарагуа и Панаме в 1933–1941 гг.

¹² *Антонио Рибери* (1897–1967) — участник службы поддержки апостольской нунциатуры в Италии.

¹³ *Луиджи Чентозо* (1883–1969) — апостольский нунций в Литве в 1940–1941 гг.

¹⁴ *Марио Брини* (1908–1995) — священник, член Госсекретариата.

Документы архива нунциатуры представляют собой подборку делопроизводственных материалов, связанных с деятельностью Боргонджини Дуки¹⁵ в качестве апостольского нунция в Италии. По теме исследования архив содержит несколько документов, связанных с проблемой выдачи пленных Советскому Союзу и соблюдении Советским Союзом Женевской конвенции. Материалы, освещающие эти вопросы, отложились в фонде Конгрегации чрезвычайных церковных дел, в частности в переписке членов Госсекретариата Д. Тардини¹⁶ и Дж. Пиццардо¹⁷ по вопросу о перспективах эмиграции военнопленных в страны Латинской Америки. Эти письма позволяют довести исследование до 1947 г. и рассмотреть позицию некоторых членов Государственного секретариата Святого Престола в связи с проблемой экстрадиции военнопленных.

Научная ценность новых документов велика: каких-либо иных сведений о помощи Ватикана советским военнопленным (за исключением отдельных материалов упомянутого 11-томника) сегодня в распоряжении исследователей не имеется (этим объясняется отсутствие работ по заявленной теме). В целом же вопрос благотворительности Святого Престола изучен хорошо: нападки на Папу Римского Пия XII за отсутствие официальных выступлений с осуждением нацизма и фашизма актуализировали изучение помощи пострадавшим от нацизма и войны — в первую очередь евреям¹⁸. Исследование помощи Ватикана военнопленным принадлежит французскому историку Л. Папелё¹⁹, который изучил взаимодействие Святого Престола и Красного Креста. Автор пишет, что МККК помогал Святому Престолу в доставке посылок нуждающимся и обещал попытаться обеспечить реализацию пунктов Женевской конвенции 1929 г. о религиозной поддержке военнопленных.

Во втором десятилетии XXI в. исследователи стали уделять внимание освещению помощи Ватикана советским гражданам. В работах А.Л. Беглова и Е.С. Токаревой нашли место сюжеты, связанные с благотворительной миссией Святого Престола в СССР в 20-е годы XX в. и с письмами, которые Святой Престол получал из СССР в 30-х годах²⁰. Итальянский автор К. Доммарко воссоздала механизм работы миссии священника-иезуита Э. Уолша и процесс принятия решений Святым Престолом по оказанию помощи СССР²¹. В 20-е годы XX в., когда в России разразился голод, миссия Уолша помогала нуждающимся продуктами питания, одеждой и медикаментами²². Материальная (финансовая) и ду-

¹⁵ *Боргонджини Дука* (1884–1954) — нунций в Италии в 1929–1953 гг., кардинал с 1953 г.

¹⁶ *Доменико Тардини* (1888–1961) — член Госсекретариата Святого Престола, кардинал с 1958 г.

¹⁷ *Джузеппе Пиццардо* (1877–1970) — член Госсекретариата, префект конгрегации университетов и семинарий.

¹⁸ *Zuccotti S. Under His Very Windows: The Vatican and the Holocaust in Italy.* Yale University Press, 2000; *Marchione M. Pope Pius XII: Architect for Peace.* New Jersey, 2000; *Miccoli G. I dilemmi e i silenzi di Pio XII.* Milano, 2000; *Tornielli A. Pio XII: il papa degli ebrei.* Piemme: Casale Monferrato, 2001; *Rychlak R. Righteous Gentiles: How Pope Pius XII and the Catholic Church Saved Half a Million Jews from the Nazis.* Dallas, Texas, 2005; *Jack J. Pio XII e gli ebrei.* Milano, 2021.

¹⁹ *Papeleux L. L'action caritative du Saint-Siege en faveur des prisonniers de guerre (1939–1945).* Rome, 1991.

²⁰ *Беглов А.Л.* Мольбы о помощи. Письма православных верующих Папе Римскому 1931 г.: новые документы из архивов Ватикана // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 91. С. 135–152; *Токарева Е.С.* Эдмунд Уолш, планы Ватикана и российская действительность 1922–1923 гг. // Российская история. 2020. № 4. С. 188–204; *Ее же.* Приключения иезуита в России: как советская власть боролась с о. Эдмундом Уолшем (1922–1923 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016690-8-1/> (дата обращения: 27.01.2022).

²¹ *Доммарко К.* Modus operandi Святого Престола при рассмотрении некоторых запросов о помощи, направленных в Ватикан в 1920–1930-е гг.: на основе новых архивных документов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 11 (85); *Dommarco C. Un compito eccezionale e rischioso: il governo bolscevico e la missione della Santa Sede al tempo della carestia degli anni Venti.* Mosca, 2020.

²² *Dommarco C.* Op. cit. P. 134.

ховная помощь советским гражданам и эмигрантам, как отмечает итальянский исследователь К. Доммарко, оказывалась Ватиканом и в 1930-е годы²³.

Отметим, что зарубежные исследователи, изучающие благотворительную деятельность Святого Престола, не рассматривают вопрос поддержки, которую Ватикан оказывал советским военнопленным; анализ помощи Ватикана советским гражданам доведен авторами до времен Второй мировой войны. Данная статья является как вкладом в воссоздание масштабной картины благотворительности Ватикана в целом, так и первым опытом реконструкции его благотворительной активности в отношении советских военнопленных Второй мировой войны на примере деятельности Комиссии Помощи.

ПОСЕЩЕНИЕ НУНЦИЯМИ ЛАГЕРЕЙ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Миротворчество Святого Престола в годы Второй мировой войны тесным образом связано с его гуманитарной деятельностью. Осознав тщетность попыток избежать войны, Святой Престол посвятил себя помощи ее жертвам, желая облегчить их материальные и духовные страдания²⁴. Одной из групп, которой полагалась помощь Ватикана, стали военнопленные.

Летом 1941 г., после нападения Германии и ее сателлитов на СССР, с предложением собрать информацию о русских²⁵ военнопленных Комиссия обратилась к нунциям Венгрии, Румынии и Италии²⁶, с которыми Святой Престол поддерживал дипломатические отношения на протяжении Второй мировой войны.

Архив содержит скудные сведения о положении советских военнопленных в Венгрии. Нунций А. Ротта²⁷ в сентябре 1941 г. в письме кардиналу Л. Мальоне сообщил, что, побывавшись с министерством иностранных дел, узнал об отсутствии русских пленных на территории Венгрии²⁸. В октябре 1941 г. нунций уточнил информацию: в Венгрии находилось четыре раненых русских, которые вскоре должны были быть переданы в руки немецких властей²⁹.

Иная ситуация сложилась с Румынией. На ее территории находилось, по разным подсчетам, от 10 и больше лагерей военнопленных³⁰. Данными о точном числе советских военнопленных исследователи не располагают, но, по подсчетам российского историка М.Н. Поляна, в румынских лагерях содержалось (с учетом смертности) около 40 тыс. советских военнопленных³¹. Нунций в Румынии Кассуло в 1941 г. сообщал, что лагеря для военнопленных в стране есть и он может нанести туда визит³².

30 августа 1941 г. А. Кассуло написал кардиналу Л. Мальоне³³ о своей встрече с министром иностранных дел М. Антонеску: «Накануне, 29 августа, министр выразил благодарность заинтересованностью Ватикана проблемой пленных, но сказал, что не представляет, каким образом можно организовать визит в лагерь»³⁴. Видимо, это было связано

²³ Доммарко К. Указ. соч.

²⁴ *Blet P.* Op. cit. P. 185.

²⁵ Вероятнее всего, под «русскими» Комиссия подразумевала всех граждан Советского Союза. Документы Комиссии Помощи, относящиеся к СССР, размещены в папке Russi («русские»), и, как правило, именно такое наименование фигурирует в отчетах. Лишь в редких сведениях нунциев упоминаются иные национальности.

²⁶ *Ibid.* Fasc. 3. F. 3.

²⁷ Анджело Ротта (1872–1965) – апостольский нунций в Венгрии с 1930 по 1945 г.

²⁸ Апостольский архив Ватикана (далее – AAV). Commissione Soccorsi. Busta 225. Pos. 1. F. 6.

²⁹ *Ibid.* Fasc. 3. F. 9.

³⁰ Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: воспоминания и документы / сост. П.М. Полян, А. Шнеер. М., 2006. С. 53.

³¹ Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 130.

³² AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 3. F. 3.

³³ Луджи Мальоне (1877–1944) – государственный секретарь Святого Престола с 1939 по 1944 г.

³⁴ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 2. F. 7.

с тем, что Румыния в этот момент только ожидала наплыва пленных после оставления советскими войсками Одессы в октябре 1941 года, — такая информация приведена в письме Кассуло от ноября 1941 г.³⁵

Нунций не сдавался. 25 ноября 1941 г. он написал Л. Мальоне еще одно письмо, в котором вновь просил у М. Антонеску аудиенцию для прояснения ситуации с военнопленными. В том же письме он отметил, что министр был занят, в результате чего встреча была отложена³⁶. Тогда Кассуло обратился к Давидеску³⁷ с тем же самым вопросом — существует ли возможность попасть в места, где содержатся русские военнопленные? Ответ Давидеску не был многообещающим: в такой критичный момент, по его словам, совершить поездку в лагеря было бы весьма проблематично³⁸.

По военнопленным Кассуло в конечном счете удалось получить информацию: группа советских пленных была расположена в Бухаресте, часть из них находилась под контролем немецких властей, а часть — под румынским надзором³⁹.

Информация, которую долгое время собирал нунций, была связана не только с количеством военнопленных и месторасположением лагерей, но и с религиозной принадлежностью их узников. В 1942 г. нунций смог переговорить с В. Яворкой⁴⁰, на тот момент находившимся в Румынии. Он был в курсе религиозной принадлежности заключенных (пленные, по его словам, были православными и евреями⁴¹), а также сообщил нунцию о своей беседе с немцем — румынским гражданином. Из беседы следовало, что в Будешти, в 40 км от Бухареста, находился подконтрольный немцам лагерь пленных русских (примерно 20–25 тыс. человек). Таким образом, накануне поездки нунцию удалось собрать информацию о расположении военнопленных и их религиозной принадлежности; никакой другой информации ни от правительства, ни от священнослужителей получить не удалось.

В 1942 г. попытки Кассуло добраться до военнопленных увенчались успехом — в июне он предоставил отчет о масштабной поездке по четырем лагерям: Владень, Корбень, Васлуй и Индепенденца. Нунций сообщил точные данные о религиозной принадлежности русских военнопленных из этих лагерей. Во Владени находилось 1400 человек (1260 православных, 64 мусульманина, 31 католик и 45 человек других вероисповеданий), в Корбени — 995 (845 православных, 70 мусульман, 80 атеистов), в Васлуе — 2538 (1400 православных, 375 мусульман, 763 атеиста), в Индепенденце — 2440 (1600 православных, 300 мусульман, 60 человек других вероисповеданий, 480 атеистов)⁴². 1–2 июля 1942 г. нунций вновь побывал в лагерях Индепенденца и Васлуй, куда были переведены красноармейцы, попавшие в плен в районе Керчи и Харькова⁴³.

Весной 1943 г. шли приготовления ко второй большой поездке Кассуло в лагерь, которая обсуждалась на заседании Комиссии Помощи 2 марта 1943 г. Участники заседания решили передать военнопленным подарки к Пасхе, потому что, во-первых, они ничего не получили на Рождество⁴⁴, а во-вторых, потому что у русских Пасха отмечается более торжественно⁴⁵. В качестве подарков было решено отправить изображения Богородицы,

³⁵ Ibid. F.10.

³⁶ Ibid. F. 12.

³⁷ Судя по тому, что Кассуло решал вопрос с военнопленными через министерство иностранных дел, речь может идти о Георге Давидеску — генеральном секретаре министерства иностранных дел Румынии.

³⁸ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 2. F. 12.

³⁹ Ibid. F. 13.

⁴⁰ Венделин Михайлович Яворка (1882–1966) — католический священник византийского обряда, ректор Руссикума; был отправлен в 1942 г. на Буковину для пастырской работы.

⁴¹ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 2. F. 10.

⁴² Ibid. Fasc. 6. F. 7–12.

⁴³ Ibid. F. 2.

⁴⁴ Судя по документам, Комиссия Помощи готовила рождественские подарки военнопленным разных государств.

⁴⁵ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 18. F. 2.

на котором было размещено пасхальное поздравление понтифика⁴⁶. Текст поздравления был подготовлен А. Евреиновым⁴⁷.

31 марта 1943 г. Кассуло передал Комиссии, что договорился с М. Антонеску о посещении лагерей⁴⁸. 7 апреля 1943 г. Госсекретариат получил подробный отчет о встрече нунция с вице-президентом Совета министров. В ходе беседы последний сказал, что перед приездом в лагерь надо будет поместить военнопленных в лучшие условия (это место в отчете подчеркнуто, так как, видимо, вызывало определенное недоумение Комиссии). Кассуло сообщил, что посетит лагерь только в окрестностях Одессы, так как передвижение в другие места опасно. Обратный путь, по его мнению, должен был пролегать через Буковину⁴⁹.

Поездка состоялась с 27 апреля по 5 мая 1943 г.⁵⁰ Нунций отправился в путь не один, его сопровождала группа представителей властей Транснистрии, Бессарабии и Буковины⁵¹. После поездки Кассуло отправил кардиналу Мальоне благодарственное письмо от военнопленных из лагеря в Будешти⁵².

Летом 1943 г. Кассуло планировал еще одну поездку по лагерям, но из-за летней жары, которая способствовала распространению болезней в лагерях, ее пришлось отложить до октября⁵³. Деятельность этого нунция является примером энтузиазма: несмотря на бюрократические трудности, болезни, погодные условия, ему удалось организовать новое посещение военнопленных. Третья поездка состоялась с 28 октября по 4 ноября 1943 г. После нее нунций предоставил Комиссии подробный отчет, где было отмечено, что часть русских все еще сохраняла веру⁵⁴. Католиков в лагере было мало, только среди поляков и выходцев из Галиции, большинство – православные. Кассуло встретил в лагере Тимишоара пленного священника, который не совершал литургию, но, как написал нунций, управлял пением и молитвой. «Он делает, что может, бедняжка»⁵⁵. Пленным разрешили построить капеллу, которую украшали солдаты. Нунций комментировал: «Говорят, что большевики превращают церкви в конюшни; румыны, наоборот, обращают конюшни в церкви»⁵⁶.

В ходе поездки нунцию удалось посетить несколько лагерей советских военнопленных (Тимиш, Синая, Калафат, Тимишоара, Вулкан и Лупени), в которых каждому пленному были розданы по 20 сигарет, бутылке вина или пива, изображения Мадонны (2200 шт.) и 1200 маленьких металлических крестиков⁵⁷. Это была последняя поездка Кассуло в лагерь.

Финляндия, как и Румыния, содержала на своей территории советских военнопленных и использовала их труд⁵⁸. Первое упоминание в архиве Ватикана о советских пленниках в Финляндии относится к ноябрю 1942 г. – в сообщении секретариату было передано содержание статьи газеты Красного Креста о поездке представителей организации к русским пленным в Финляндии с целью раздачи 5000 пакетов-подарков от Швейцарии⁵⁹. Военнопленные получали по 1000 калорий в день, около 20 тыс. человек скончалось от

⁴⁶ Ibid. F. 7

⁴⁷ Александр Евреинов (1877–1959) – глава информационного бюро Госсекретариата Ватикана в годы Второй мировой войны; занимался розыском военнопленных.

⁴⁸ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 18. F. 18.

⁴⁹ Ibid. F. 23.

⁵⁰ Ibid. F. 82.

⁵¹ Ibid. F. 80. Губернаторства Транснистрия, Бессарабия и Буковина были восстановлены румынскими властями на территории оккупированных Молдавской и Украинской ССР в 1941 г.

⁵² AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 18. F. 88–89.

⁵³ Ibid. F. 101.

⁵⁴ Ibid. F. 103.

⁵⁵ Ibid. F. 104.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibid. F. 117.

⁵⁸ Полян П. М. Указ. соч. С. 130.

⁵⁹ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 12. F. 2. В архиве это издание названо *Revue Internationale* от сентября 1942 г. № 285.

голода⁶⁰. Эти сведения содержались в информационном бюллетене от декабря 1942 г.⁶¹ По данным П.М. Поляна, в финском плену оказалось 64 188 советских солдат и офицеров, из которых погибло 19 016 человек⁶².

Комиссия запросила у апостольского vicария в Финляндии В. Коббена⁶³ подробную информацию о советских военнопленных⁶⁴. 14 января 1943 г. vicарий сообщил, что на июль 1942 г. в Финляндии в плену находилось 56 тыс. русских, из которых скончались 12 тыс. человек, но не от голода, а от ран. Финляндское правительство испытывает финансовые трудности с тем, чтобы прокормить пленных⁶⁵. Возможно, передавая все эти сведения, vicарий ориентировался на содержание беседы шведского журналиста с комендантом лагеря в декабре 1942 г.: этот текст Коббен прислал в Комиссию в апреле 1943 г. Содержание беседы подтверждает, что к августу 1942 г. скончались 12 тыс. человек, но причиной их гибели был не голод, а полученные ранения. Комендант отметил, что в целом смертность в лагерях снижалась: в феврале она составляла 1,73%, в мае — 0,86%, в октябре — 0,14%. Обвинения в низкой калорийности пищи, по его словам, не имели смысла, так как обычная норма питания составляла 1898 калорий, но для работающих — 2398 калорий, для лиц, занятых тяжелым физическим трудом, и для больных — 2780 калорий⁶⁶.

Документ заседания Комиссии 28 марта 1943 г. подтверждает получение vicарием разрешения на поездку в лагерь, для чего Ватикан выделил 16 тыс. шведских крон⁶⁷. Можно увидеть, как быстро Комиссия принимала решения и как скоро они поступали к нунциям, — уже через 2 дня, 30 марта 1943 г., Коббен совершил свой визит к военнопленным⁶⁸. В отчете он указал, что почти все пленные — это поляки и выходцы из балтийских стран; среди них примерно 150 католиков, а также некоторое число греко-католиков⁶⁹. Коббен отметил человечность и хорошее отношение к пленным — интересным ему показалось наличие в центре двора лагеря ящика, куда каждый мог бросить письмо или жалобу: он считал, что, таким образом, управление лагерем было в курсе возникавших проблем и могло их решить⁷⁰. Вопрос о том, не был ли лагерь подготовлен специальным образом к визиту нунция, остается открытым.

Проблемой военнопленных в Италии занимался нунций Дука. От него в конце 1941 г. Комиссия получила информацию о наличии на территории Италии советских военнопленных⁷¹. Святой Престол сразу же попытался получить поименные списки или хотя бы актуальную информацию о военнопленных. В письме, адресованном в январе 1942 г. послу Италии при Святом Престоле, сообщалось, что Ватикан желает организовать информационную службу для русских пленных⁷². Однако ответ посла противоречил информации, предоставленной нунцием: он сообщил, что советские пленные в Италии пока

⁶⁰ Ibid. F. 13.

⁶¹ Ibid. Fasc. 17. F. 3.

⁶² Полян П.М. Указ. соч. С. 130.

⁶³ Виллем Кобен (1897–1985) — апостольский vicарий в Финляндии с 1933 г.

⁶⁴ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 12. F. 2.

⁶⁵ Ibid. Fasc. 17. F. 3.

⁶⁶ Ibid. Fasc. 12. F. 14.

⁶⁷ Ibid. Fasc. 19. F. 5.

⁶⁸ В.Е. Колупаев сообщает, что помощь советским военнопленным оказывал также Роберт де Калуве — католический священник византийского обряда, работавший также с русскими эмигрантами. См.: Колупаев В.Е. Русские в Финляндии по эмигрантским католическим источникам // Studia Humanitatis. 2014. № 3. URL: <http://st-hum.ru/content/kolupaev-ve-russkie-v-finlyandii-po-emigrantskim-katolicheskim-istochnikam> (дата обращения: 15.01.2022).

⁶⁹ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 12. F. 10; Fasc. 19. F. 9.

⁷⁰ Ibid. F. 11.

⁷¹ Ibid. Fasc. 3. F. 3.

⁷² Ibid. Fasc. 4. F. 3.

что не появились⁷³. В июне 1942 г. правительство Италии и вовсе сообщило, что не может передавать новости о советских пленниках, так как это должно быть согласовано с германским правительством⁷⁴.

По всей видимости, в декабре 1942 г. от нунциатуры в Италии Комиссия смогла получить поименные списки военнопленных⁷⁵, затем эти списки были переданы Майрону Тэйлору (личному представителю Рузвельта при Святом Престоле), который направил их своему правительству⁷⁶. Такое решение встретило одобрение со стороны США, что способствовало развитию «взаимовыгодного и продуктивного»⁷⁷ диалога между президентом США и Святым Престолом.

Дуке не удалось посетить лагеря лично: был ли он не очень настойчив в этом вопросе или же ему противодействовало итальянское правительство — не ясно. В марте 1943 г. итальянское правительство сообщило, что условия жизни в лагерях были абсолютно приемлемыми⁷⁸. Таким образом, в случае с Италией Комиссия Помощи не могла получить личного отчета нунция, располагая лишь переданной ему информацией.

Если правительства Финляндии и Румынии пустили нунциев на территории лагерей военнопленных, а Италия пошла на контакт со Святым Престолом в этом вопросе, германское правительство не разрешило нунцию Ч. Орсениго⁷⁹ посетить лагеря для советских военнопленных. Ватикан желал организовать передачу сведений о военнопленных на русском языке по радио, однако трудность представляло получение достоверной информации из Германии. Уже в момент возникновения идеи сбора информации о пленных А. Рибери писал кардиналу Л. Мальоне, что немцы никогда не предоставляли сведений о пленниках и вряд ли их позиция изменится в отношении русских⁸⁰.

Причину провала задумки Ватикана можно усмотреть в недоверии Германии к проекту и ее требованиям о предоставлении информации о пленниках немцах в России⁸¹. От СССР такие сведения Святой Престол получить не мог, так как не имел там официального представителя. Действовать через Италию тоже было затруднительно: как сообщал нунций Дука кардиналу Мальоне, СССР не подписал Женевские соглашения 1929 г., в связи с чем у СССР и Италии не было общей базы для общения по этому вопросу⁸².

Проявленная в годы Второй мировой войны гуманитарная активность Святого Престола была встречена с одобрением: архив Комиссии Помощи содержит письма благодарности, которые поступали в военное и послевоенное время. Например, в сентябре 1943 г. представитель Всемирного еврейского конгресса выражал английскому епископу У. Годфри благодарность в связи с работой Святого Престола⁸³.

Как пишет итальянский историк К. Доммарко о работе одной из папских комиссий в 30-е годы XX в., «папская комиссия Pro Russia и нунциатуры активно сотрудничали, чтобы рассматривать просьбы о помощи»⁸⁴. Нунциатуры в годы Второй мировой войны были ключевым звеном международной гуманитарной деятельности Святого Престола. Дипломатические связи, установленные Святым Престолом со странами — союзниками

⁷³ Ibid. F. 4. М. Талалай сообщает, что первые советские военнопленные появились в Италии весной 1942 г.; основной приток пришелся на осень 1943 г. См.: *Талалай М.* Русские участники Итальянской войны 1943—1945: партизаны, казаки, легионеры. М., 2015. С. 17.

⁷⁴ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 4. F. 5.

⁷⁵ Ibid. Fasc. 15. F. 15.

⁷⁶ Ibid. F. 20.

⁷⁷ *Краснов П. П.* Трансатлантическая дипломатия папы Пия XII и Ф. Рузвельта в период Второй мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 5. С. 10.

⁷⁸ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 20. F. 3.

⁷⁹ *Чезаре Орсениго* (1873—1946) — апостольский нунций в Германии в 1930—1946 гг.

⁸⁰ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 2. F. 3.

⁸¹ Ibid. Fasc. 3. F. 5.

⁸² AAV. Nunz. Borg. Fasc. 56. F. 11.

⁸³ *Blet P.* Op. cit. P. 210.

⁸⁴ *Доммарко К.* Указ. соч.

Германии до войны, помогали ему в реализации гуманитарных планов во время войны. При наличии возможности и готовности правительств нунциям удавалось посещать лагерь, где они могли духовно окормить военнопленных и раздать им подарки. При этом представители Святого Престола фиксировали условия, в которых находились пленные, в подробностях передавая эту информацию Ватикану.

Так как картина, которую наблюдали нунции, не вполне совпадала с реальным положением дел в лагерях, или же нунции получали информацию через третьи руки (как это было в случае с Италией), то у Комиссии могло сложиться искаженное представление о положении пленных. В Хорватии, например, лагеря специальным образом подготавливали перед официальным визитом высоких гостей⁸⁵. Вероятно, отсутствие объективных данных создавало в Госсекретариате иллюзорное представление о жизни военнопленных в целом.

ВИДЫ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

Комиссия Помощи уделяла большое внимание вопросу духовного окормления военнопленных, которые в силу обстоятельств были ограничены в отправлении религиозного культа. Практика распространения среди пленных иконок была достаточно популярна: 8 апреля 1942 г. Кассуло в письме Мальоне предложил оставлять русским пленным изображения Богородицы⁸⁶. Документы заседания Комиссии от 8 мая 1942 г. и сообщение нунцию от 24 мая 1942 г. свидетельствуют, что для раздачи военнопленным были приобретены несколько тысяч иконок с молитвами на русском и украинском и 100 катехизисов на русском языке⁸⁷.

Через два месяца изображения были получены, однако в первую поездку их передать не удалось. Второй визит был более успешным — иконки были розданы, при этом, видимо, Комиссия подготовила их в избытке — часть изображений даже осталась на руках у нунция, который предполагал раздать их, так как пленные продолжали прибывать⁸⁸. 21 августа 1942 г. Комиссией Помощи были дополнительно отправлены нунцию 100 катехизисов, 11 000 изображений Спасителя с молитвой на русском языке, 5000 изображений Девы Марии с молитвой на украинском языке⁸⁹.

В архиве отложились документы, рассказывающие, что 17 марта 1945 г. Кассуло попросил Секретариат прислать ему Новый Завет на русском языке⁹⁰. Запрос был передан в Руссикум⁹¹, откуда в июне нунцию были отправлены книги и иконки с молитвами⁹².

Комиссия также организовывала отправку книг. В октябре 1942 г. в журнале «Ацьоне» появилась статья, в которой один швейцарский священник рассказывал о своем опыте посещения лагеря советских солдат, бежавших из немецкого плена. Эта новость вызвала интерес государственного секретаря Л. Мальоне, попросившего нунция в Швейцарии Ф. Бернардини уточнить эту информацию⁹³. Бернардини подтвердил пребывание русских в Швейцарии и попросил для них книги. С помощью донна Брини нунцием были получены книги В. Соловьева, энциклики по поводу рабочего вопроса, книги о католическом учении и его отношении к марксизму⁹⁴. Видимо, в какой-то мере рассуждения нунция, что «у русских ничего в голове нет кроме советского правительства; все остальное — семья,

⁸⁵ Paris E. Genocide in Satellite Croatia, 1941–1945. Winnipeg, 1961. P. 140–141; Rhodes A. The Vatican in the Age of the dictators, 1922–1945. New York, 1974. P. 334.

⁸⁶ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 6. F. 6.

⁸⁷ Ibid. Fasc. 11. F. 8; Ibid. Fasc. 6. F. 6.

⁸⁸ Ibid. Fasc. 11. F. 16.

⁸⁹ Ibid. F. 17.

⁹⁰ Ibid. Fasc. 39. F. 2.

⁹¹ Ibid. F. 3.

⁹² Ibid. F. 4.

⁹³ Ibid. Fasc. 16. F. 5.

⁹⁴ Ibid. F. 16. F. 9.

дружба — берется в расчет, только если не препятствует планам правительства»⁹⁵, определили выбор этой литературы.

По архивным документам, связанным с Финляндией, можно видеть, как Комиссия, помимо религиозных предметов и книг, отправляла советским военнопленным денежные средства, что подтверждается телеграммой папского представительства от 30 октября 1942 г. из Хельсинки, в которой было указано, что папское представительство получило 4115 шведских крон (1050 долл. США). Судя по сообщению от 5 февраля 1943 г., деньги не напрямую вручались пленным, а передавались министерству иностранных дел Финляндии; нунций предложил министерству приобрести необходимые вещи и для военнопленных других государств, если не все средства будут истрачены⁹⁶. Как следует из отчета Коббена, в ходе своего визита в лагерь он вручил пленным подарки, приобретенные на деньги Святого Престола⁹⁷. В подарочный набор входили шерстяные носки и коробка мармелада. Кроме того, пленные по запросу получили бритвенные приборы, средства для чистки обуви, игру в кольца, мишень со стрелами, шашки, карманные зеркала и даже музыкальные инструменты (мандолину)⁹⁸.

На примере Италии мы видим, как на просьбу священника Папского восточного института Олсера выделить средства на покупку подарков для 20 советских военнопленных, находившихся в руках немцев недалеко от Турина⁹⁹, Комиссия выделила 2050 лир на сигареты¹⁰⁰; позже для военнопленных в Италии были отпечатаны Евангелия на русском языке и иконки с молитвами¹⁰¹. По возможности поддержка оказывалась как деньгами, так и вещами. Это следовало из письма апостольской нунциатуры в Италии, полученного в июне 1944 г.¹⁰²

В документах, как правило, отсутствуют упоминания о передаче русским пленным продовольствия и одежды. Примеры деятельности нунциев демонстрируют, что Ватикан оказывал помощь советским военнопленным как религиозными предметами (отправкой иконок, религиозной литературы, крестиков), так и бытовыми вещами; в число подарков от Комиссии входило вино и табак. Кроме посильного вспомоществования Комиссию Помощи занимал вопрос духовного окормления и возрождения религиозности военнопленных — этим можно объяснить издание тысяч иконок, переводов религиозной литературы, изготовления крестиков, которыми занимались связанные с Комиссией организации. Однако задачи обращения русских пленных в католичество перед участниками миссий не стояло.

Подробных сведений о реакции военнопленных на визиты представителей Ватикана архив не содержит, но некоторые впечатления от этих визитов среди документов все же можно найти. Кассуло отмечал, что многие православные ценят помощь католического клира и духовенства, а многие, если были бы свободными, хотели бы участвовать в религиозных обрядах с участием католических священников¹⁰³.

Апостольский викарий в Финляндии Коббен сообщал, что все пленные благодарили Папу — в момент благословения католики преклонили колени, а неверующие выказывали знаки уважения¹⁰⁴. 17 июля 1943 г. Коббен отправил Мальоне благодарность, составленную пленными (написана на русском языке): «Мы, военнопленные лагеря 8, от всего сердца благодарим Вас за ваше внимание к нам, к людям, по несчастью отрекшимся от

⁹⁵ Ibid. F. 10.

⁹⁶ Ibid. Fasc. 12. F. 7.

⁹⁷ Ibid. F. 10.

⁹⁸ Ibid. Fasc. 19. F. 15.

⁹⁹ Ibid. Fasc. 26. F. 2.

¹⁰⁰ Ibid. F. 3–4.

¹⁰¹ Ibid. Fasc. 27. F. 2.

¹⁰² Ibid. Fasc. 31. F. 3.

¹⁰³ Ibid. Fasc. 2. F. 13.

¹⁰⁴ Ibid. Fasc. 12. F. 11.

Бога, и теперь мы благодарим Господа Бога, что нам довелось попасть на путь истины и восстановить веру в Бога, которую у нас большевики старались отнять, заменяя враждой и невежеством. Благодарим Вас и желаем Вам всего наилучшего в жизни»¹⁰⁵.

В июньском сообщении отдела помощи апостольской нунциатуры в Италии говорилось о всеобщей благодарности военнопленных за милость Святого Отца; также сообщалось, что иногда русские возвращаются к вере в Божественное Провидение¹⁰⁶.

Конечно, три отложившихся в архиве примера положительной реакции военнопленных на помощь Ватикана не могут быть подтверждением их всеобщей благодарности Папе за оказанную помощь, но люди, оказавшиеся в тяжелых условиях, были благодарны и за такое внимание, передавая понтифику слова благодарности устно и письменно.

РАСХОДЫ КОМИССИИ ПОМОЩИ

В документах часть расходов обозначена в итальянских лирах, часть в долларах США. Нередко на полях указан перевод из лир в доллары.

Печать иконок, молитв и катехизисов, изготовление крестиков требовали финансовых затрат — в зависимости от места производства и покупки этих предметов цены могли различаться. Для подготовки подарков Комиссия обращалась в разные религиозные учреждения и организации, с которыми заключала договоры. В августе 1942 г. для Кассуло изображения святых были напечатаны бесплатно, а катехизис — по цене 1 лира за штуку. Место печати не указано, но в документах отмечено, что Комиссия смогла получить скидку в 800 лир¹⁰⁷.

Размеры выделяемых сумм зависели от конкретных обстоятельств. Для пасхальной поездки Кассуло весной 1943 г. изначально на человека была определена норма — четверть доллара (такая же норма существовала и на рождественские подарки декабря 1942 г., когда русским пленным ничего не отправили)¹⁰⁸. Однако после беседы с доном Брини стало понятно, что четверти доллара в Румынии не хватит даже на коробку дешевых сигарет¹⁰⁹. По всей видимости, Комиссия приняла решение увеличить сумму расходов на подарки, так как дары нунция не ограничились сигаретами, а включали еще пиво и вино.

В апреле 1943 г. князь П. Урусов¹¹⁰ попросил пасхальные наборы для пяти русских в Италии (в список входили как беженцы, так и военнопленные из лагеря Санта Мария дей Луми), на что Комиссия выделила 1000 лир¹¹¹.

Затраты на печать зависели в первую очередь от условий типографии: это видно на примере печати Евангелий на русском языке в Италии весной 1944 г. Ф. де Режис¹¹², выступивший с инициативой напечатать Евангелия на русском языке, посчитал примерные затраты — требовалось около 1750 долл. США на типографские расходы; иконки (количество не указано) стоили около 85 долл. США¹¹³. С типографией, на которую рассчитывал де Режис, по техническим причинам не удалось заключить договор; было решено обратиться в типографию Ватикана — печать Евангелий там обошлась Святому Престолу в 150 000 итальянских лир за 4000 копий¹¹⁴.

¹⁰⁵ Ibid. Fasc. 19. F. 15.

¹⁰⁶ Ibid. Fasc. 31. F. 2.

¹⁰⁷ Ibid. Fasc. 11. F. 17.

¹⁰⁸ Ibid. Fasc. 18. F. 2.

¹⁰⁹ Ibid. F. 3.

¹¹⁰ Материалы сообщают, что Петр Урусов — князь, имевший отношение к ордену иезуитов (вероятно, поступивший в новициат; более конкретной информации документы не предоставляют).

¹¹¹ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 21. F. 2.

¹¹² *Filippo de Regis* (1897–1954) — иезуит, ректор Руссикума, выступал против насильственной репатриации военнопленных и помогал им перебираться в Латинскую Америку.

¹¹³ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225. Fasc. 27. F. 2.

¹¹⁴ Ibid. F. 40.

Расходы Комиссии Помощи (без разделения затрат на военнопленных и гражданских лиц) выглядели следующим образом: летом 1942 г. — 16 284,55 долл. США; в октябре 1942 г. — 13 580,45 долл. США; в декабре 1942 г. — 17 518,25 долл. США; в январе 1943 г. — 12 558 долл. США; в марте 1943 г. — 17 448,53 долл. США; в апреле 1943 г. — 9487,45 долл. США; в июне 1943 г. — 9366,25 долл. США; в сентябре 1943 г. — 8726,05 долл. США; в марте 1944 г. — 1994,75 долл. США; в июне 1944 г. — 11 994,67 долл. США; в июне 1945 г. — 27 205 долл. США, в августе 1945 г. — 26 700 долл. США.

Сумма расходов была примерно на одном уровне за исключением периода с апреля 1943 г. до весны 1944 г. Возможно, это было связано либо с крупными актами помощи в отношении граждан других стран (Комиссия оказывала поддержку не только советским гражданам), либо с финансовыми трудностями Святого Престола (этот временной промежуток был периодом смены правительства и оккупации Рима немцами).

ПОСЛЕВОЕННАЯ РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Красная армия при освобождении оккупированных территорий и продвижении в Европу встречала многих советских жителей, которые в годы войны были угнаны на работы в Германию, оказались в плену, добровольно покинули СССР или встали на сторону врага. Исследователи называют цифру — около 5 млн¹¹⁵ советских граждан, которые оказались за пределами СССР в военное время. Проблему перемещенных лиц советская власть предполагала решить путем создания специальных органов для проведения массовой репатриации, правовой основой для которой стали Ялтинские соглашения, заключенные в феврале 1945 г. Вопрос с военнопленными¹¹⁶ решался следующим образом: исходя из договоренностей, Великобритания и США были обязаны выявлять советских военнопленных и содержать их в специальных лагерях или сборных пунктах до момента их передачи властям СССР¹¹⁷.

Первое время союзники выдавали перемещенных лиц — граждан СССР до 1939 г. — без учета их желания, тем самым соблюдая договоренности, достигнутые в Ялте. Массовая репатриация прошла в 1945 — начале 1946 г.: 1 марта 1946 г. англо-американские власти заявили об отказе от обязательной репатриации¹¹⁸. К этому времени на родину вернулись 1 825 774 военнопленных¹¹⁹.

Кроме Ялтинских соглашений, вопрос с репатриацией регламентировали договоры, заключенные союзниками с проигравшими государствами. По договору 1947 г. Италия была обязана принять необходимые меры, чтобы задержать и выдать СССР обвиняемых в совершении преступлений против человечества, а также тех, кто запятнал себя

¹¹⁵ Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 4. В.Ю. Кулагина со ссылкой на В.Н. Земскова сообщает о 4 864 457 человек, оказавшихся за пределами СССР к концу войны, и 1 153 457 человеках, которые были «внутренними перемещенными лицами». См.: Кулагина В.Ю. Создание и основные направления деятельности органов репатриации в СССР в годы Второй мировой войны // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 759. Л.А. Крушанова со ссылкой на В.Г. Первышина называет похожую цифру 5 734 528 человеках. См.: Крушанова Л.А. Репатрианты из стран Европы на Дальнем Востоке СССР в 1945 — середине 1950-х годов // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 66.

¹¹⁶ Ю.Н. Арзамаскин и А.П. Волков приводят данные о 5 675 544 человеках, которые были учтены к репатриации, из которых 2 016 480 были военнопленные. См.: Арзамаскин Ю.Н., Волков А.П. Заложники Второй мировой войны: итоги репатриации советских и иностранных граждан в 1944–1953 гг. // Вестник Екатеринбургского института. 2012. № 1 (17). С. 109.

¹¹⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). М., 1984. С. 264. В сборнике приведены только соглашения, достигнутые советской и британской сторонами, так как договор с американцами был идентичным.

¹¹⁸ Кулагина В.Ю. Указ. соч. С. 761.

¹¹⁹ Арзамаскин Ю.Н., Волков А.П. Указ. соч. С. 106.

сотрудничеством с врагом или изменой советскому государству¹²⁰. Историк А.А. Шевяков сообщает, что на территории Италии после войны оказалось 71 152 военнопленных, из которых к февралю 1946 г. было репатрировано 44 189 человек¹²¹. По имеющимся данным трудно сказать, сколько человек из них можно было отнести к нацистским и фашистским пособникам: на практике установление факта коллаборационизма происходило в ходе проверки «возвращенцев» в специальных лагерях и пунктах, из которых в случае особых подозрений их переводили в проверочно-фильтрационные лагеря при Наркомате внутренних дел.

Среди содержащихся в британском лагере для перемещенных лиц Риччоне (рядом с Римини) были граждане СССР — бывшие военнопленные, репатриация которых прошла в 1947 году¹²². Среди пленных были и военнослужащие дивизии СС «Галичина»¹²³, и власовцы¹²⁴, которые, согласно всем договоренностям, как военные преступники должны были быть переданы в руки советских властей.

Процесс выдачи осложнялся тем, что еще до заключения соглашения с Италией часть интернированных была переведена британской администрацией из разряда военнопленных в статус «сдавшихся», чему способствовало ходатайство перед понтификом архиепископа И.Г. Бучко¹²⁵ и последовавшее за ним обращение Ватикана к британским властям¹²⁶. В 1947 г. управление лагерем перешло итальянской администрации, но интерес Лондона к нему сохранялся¹²⁷.

В связи с угрозой репатриации из Риччоне Ватикан обратился к Великобритании. В мае 1947 г. Комиссией была подготовлена нота о том, что если британское правительство затрудняется предоставить новое место жительства интернированным, то Ватикан может посодействовать в этом вопросе, договорившись с Аргентиной о переправке пленных¹²⁸. В мае 1947 г. было получено письмо о согласии британских властей передать военнопленных лагеря Риччоне в руки советской власти¹²⁹, что и было сделано. В итоге, по сведениям российского историка В.Н. Земскова, с января по июнь 1947 г. из Италии в СССР были репатрированы 438 человек¹³⁰. Сколько из них было отправлено в СССР из Риччоне — сказать трудно¹³¹.

¹²⁰ AAV. Nunz. Borg. Fasc. 11. F 19. То же: United Nations Treaty Series: Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. 1950. V. 49. С. 255.

¹²¹ Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 9.

¹²² Толстой Н.Д. Указ. соч. С. 408. Автор отмечает, что эта операция стала последней крупной операцией по насильственной репатриации.

¹²³ Margolian H. Unauthorized entry: the truth about Nazi war criminals in Canada, 1946–1956. Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 135.

¹²⁴ AAV. Busta 226. Fasc. 54. Russi-Civili-Italia. 1946. F. 9. Документы Комиссии Помощи не разделяют власовцев и бойцов 14-й дивизии СС «Галичина». Российский историк Н.М. Маркдорф считает, что «к «власовцам» относились все, кто сотрудничал с врагом». Маркдорф Н.М. «Власовцы» в лагерях и на спецпоселении в Сибири: люди и судьбы // Советские военнопленные. Сопrotивление. Коллаборационизм. Память: материалы Международной научной конференции 21–24 октября 2018 г., Новосибирск. Новосибирск, 2018. С. 163.

¹²⁵ Бучко Иван Григорьевич — архиепископ Украинской греко-католической церкви. Бучко Иван // Энциклопедія історії України: Т. 1. Інститут історії України. Київ. 2003. С. 421.

¹²⁶ Margolian H. Op. cit. P. 135.

¹²⁷ В мае–июне 1947 г. часть бывших пленных была переведена в Великобританию. Ibid. P. 137.

¹²⁸ AAV. Commissione Soccorsi. Busta 226. Fasc. 59. F. 40.

¹²⁹ Историк М.Г. Талалай отмечает, что британцы изначально предпочитали следовать соглашениям с советской стороной. См.: Талалай М.Г. Указ. соч. С. 204.

¹³⁰ Земсков В.Н. «Возвращенцы» и «невозвращенцы» (о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1. С. 110.

¹³¹ По данным Н.Д. Толстого, в Риччоне содержалось чуть более 400 советских пленных, из которых в список подлежащих репатриации попали чуть менее 200 человек. См.: Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1988. С. 407.

Еще один лагерь, судьба которого кратко отражена в архивных документах, — Липари; его пленным Комиссия выделила в 1947 г. обувь, одежду и другие вещи¹³². Можно с уверенностью сказать, что Святой Престол был в курсе того, что в лагере находились военные преступники: это видно из документов фонда Конгрегации чрезвычайных церковных дел. В архиве отложилось письмо Конгрегации по делам Восточных церквей от 26 июля 1949 г. к Д. Тардини, где было сказано, что в тюрьме Реджина Коэли находятся 25 русских, которых СССР запрашивает как военных преступников; еще 40 человек в лагере Липари обвинялись в военных преступлениях. Как и в случае с Риччоне, Госсекретариат проявил интерес к судьбам военнопленных. Конгрегация была обеспокоена «покорностью» итальянского правительства, подозревая его в намерениях выдать пленных Советскому Союзу¹³³.

Что двигало Святым Престолом, когда он пытался помочь подлежащим репатриации, можно проследить по обмену мнениями членов Государственного секретариата Д. Тардини и, вероятно всего, Дж. Пиццардо в июле 1947 г. по поводу репатриации хорватов и словенцев-католиков, которых требовали выдать власти Югославии. Напрямую эти письма не относятся к советским военнопленным, но помогают воссоздать точку зрения Госсекретариата Святого Престола по проблеме насильственной репатриации. Д. Тардини писал: «В некоторых случаях, действительно, представляется уместным предвидеть, что возвращение беженцев к тем же властям приведет к тому, что большое число людей будет обречено на несправедливые судебные процессы и незаслуженные приговоры. Новости, также недавно полученные Государственным секретариатом, подтверждают, что положение хорватских и словенских католиков, сбежавших в Италию, будет особенно тяжелым, особенно после ратификации мирного договора или эвакуации оккупационных войск, поскольку в соответствии с 45-й статьей договора Итальянская Республика должна выдать тех, кого обвиняют в том, что они являются “военными преступниками”, предателями или коллаборационистами»¹³⁴. Будучи убежден, что по возвращении беженцам будут вынесены «несправедливые приговоры»¹³⁵, Тардини озадачился вопросом, как итальянские власти вообще планировали «согласовать обязательства, подписанные в отношении “военных преступников”, с защитой прав человеческой личности»¹³⁶.

Ответ гласил: «Высказывается мнение, что лучше всего добиться скорейшего отъезда хорватских “коллаборационистов” и “предателей”, так как невозможно установить, в какой степени можно обеспечить права человека перед требованиями об их выдаче, выдвинутых Югославией на основании мирного договора»¹³⁷. Решение проблемы могло заключаться в том, чтобы подлежащие экстрадиции как можно скорее покинули бы Италию, так как представления о том, как защитить их от будущего наказания, не было.

Далее отмечалось: «Понятие “военный преступник” приобрело в разных странах разное значение и применение в соответствии с законодательством самих стран, и поэтому часто поступают запросы о выдаче “коллаборационистов” и “предателей” в форме запросов о военных преступниках с указанием того, что имена запрошенных лиц включены в списки военных преступников Комиссии Организации Объединенных Наций по военным преступникам»¹³⁸. Госсекретариат еще больше убеждался, что его опасения за будущее военнопленных не были беспочвенными и подтверждались тем, что запрашиваемые лица фигурировали как «военные преступники», что влекло за собой тяжелые наказания.

¹³² AAV. Commissione Soccorsi. Busta 226. Fasc. 64. F. 2.

¹³³ Historical Archive of the Secretariat of State — Section for Relations with States (ASRS), Congregazione degli Affari Ecclesiastici Straordinari (AA.EE.SS), Pius XII, part II, Affari generali, Pos. 742, f. 321.

¹³⁴ AAV. Nunz. Borg. 31. Fasc. 11. F. 5.

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Ibid. F. 7.

¹³⁸ Ibid.

К сожалению, письма не дают ответа на вопрос, кто высказывал мнение, чтобы военные преступники покинули страну. В то же время переписку Гардини и Дуки можно рассматривать как объяснение логики действий Ватикана, связанной с озабоченностью судьбами военнопленных. Для Ватикана вопрос о выдаче и наказании военных преступников упирался в тяжелые последствия для пособников нацистов и даже смертные приговоры, что противоречило основам христианского учения.

Таким образом, в послевоенное время на первый план среди забот Комиссии вышла проблема репатриации советских военнопленных, которых на родине могли признать военными преступниками. Члены Комиссии выступали против выдачи этой категории советских граждан по запросу СССР; одной из причин такой позиции был страх за судьбы репатриантов. Ввиду этого Церковь, издревле проповедовавшая идеи посильной помощи ближнему, могла облегчить бремя жертв войны. Рассмотренная нами помощь советским военнопленным, хотя и является лишь небольшой составляющей всей благотворительной деятельности Святого Престола, помогает в определенной степени восстановить механизм работы Ватикана на этом направлении.

Подводя итоги, можно сказать, что благотворительная деятельность Ватикана в годы Второй мировой войны стала продолжением его предшествовавшей гуманитарной активности. Комиссия Помощи стала одним из благотворительных органов Святого Престола, посредством которого он выполнял свою гуманитарную миссию. В деятельности Комиссии наблюдается четкость и слаженность. Механизм ее работы состоял из этапов запроса сведений, обработки полученной информации, принятия решения по каждому отдельному вопросу и контроля за их исполнением. При этом скорость принятия решений была достаточно высокой. Комиссия работала весьма оперативно. Она не только инициировала сбор актуальной информации о военнопленных, но и реагировала на поступавшие к ней просьбы.

Если члены Госсекретариата, входившие в Комиссию, были управленческим центром, то ее «руками» в вопросе по военнопленным практически всегда были нунции, на плечи которых и легла обязанность сбора сведений и организации поездок в лагеря военнопленных. Вероятно, не всегда точная, но наиболее полная информация, полученная Святым Престолом о советских военнопленных и условиях их проживания в лагерях, могла быть отправлена заинтересованным правительствам или же использована Комиссией для организации поездок нунциев в лагерь и подготовки подарков. Их раздача проходила либо напрямую в ходе личных визитов, если дело касалось вещей, продуктов или религиозных предметов, либо опосредованно, если возникал вопрос о выделении денежных сумм. Для Святого Престола гуманитарная помощь была одним из важнейших компонентов в его деятельности, что обуславливало регулярное пополнение денежного фонда Комиссии. На его средства для сотен советских военнопленных были закуплены табак, книги, сладости, бытовые предметы, религиозная литература, иконки, крестики и многое другое.

Хотя нунции регулярно интересовались религиозными убеждениями адресатов помощи и передавали им католическую литературу, мы не наблюдаем цели обращения советских военнопленных в католицизм. Если такая идея и была привлекательна для католических священников, тем не менее первостепенной причиной разворачивания деятельности Комиссии среди советских граждан стало стремление защитить права человека и помочь людям, оказавшимся в трудной ситуации.

Ватикан, опасаясь за судьбы военнопленных, решительно выступил против насильственной репатриации, расценивая ее как насилие над человеческой личностью. Вопрос о военных преступниках и их выдаче властям СССР рассматривался Комиссией Помощи с позиции христианского гуманизма, защиты человеческих прав и жизней. Завоевывая признание с помощью активной гуманитарной политики, Святой Престол ратифицировал Женевские конвенции 1949 г. Благотворительность и миротворчество Ватикана стали одним из путей укрепления его позиций на международной арене в 40-е годы XX в.

В военное и послевоенное время для молодого (с точки зрения обретения суверенитета) Святого Престола одобрение его деятельности служило для укрепления влияния Церкви.

Библиография

- Арзамаскин Ю.Н., Волков А.П.* Заложники Второй мировой войны: итоги репатриации советских и иностранных граждан в 1944–1953 гг. // Вестник Екатеринбургского института. 2012. № 1 (17). С. 103–110.
- Беглов А.Л.* Мольбы о помощи. Письма православных верующих Папе Римскому 1931 г.: новые документы из архивов Ватикана // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 91. С. 135–152.
- Доммарко К.* Modus orandi Святого Престола при рассмотрении некоторых запросов о помощи, направленных в Ватикан в 1920–1930-е гг.: на основе новых архивных документов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 11 (85). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840008073-9-1/> (дата обращения: 20.06.2022).
- Жданова Е.С.* Помощь Святого Престола гражданам СССР, оказавшимся за границей, в 1941–1947 гг. (по материалам Апостольского архива Ватикана) // Россия и современный мир. 2020. № 4. С. 210–224.
- Земсков В.Н.* «Возвращенцы» и «невозвращенцы» (о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1. С. 110–116.
- Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3–13.
- Колупаев В.Е.* Русские в Финляндии по эмигрантским католическим источникам // Studia Humanitatis. 2014. № 3. URL: <http://st-hum.ru/content/kolupaev-ve-russkie-v-finlyandii-po-emigrantskim-katolicheskim-istochnikam>. (дата обращения: 15.01.2022).
- Краснов П.П.* Трансатлантическая дипломатия папы Пия XII и Ф. Рузвельта в период Второй мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 5. С. 4–11.
- Крушанова Л.А.* Репатрианты из стран Европы на Дальнем Востоке СССР в 1945 – середине 1950-х годов // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 66–72.
- Кулагина В.Ю.* Создание и основные направления деятельности органов репатриации в СССР в годы Второй мировой войны // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 750–761.
- Маркдорф Н.М.* «Власовцы» в лагерях и на спецпоселении в Сибири: люди и судьбы // Советские военнопленные. Сопротивление. Коллаборационизм. Память: материалы Международной научной конференции 21–24 октября 2018 г., Новосибирск. Новосибирск, 2018. С. 160–177.
- Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.
- Талалай М.* Русские участники Итальянской войны 1943–1945: партизаны, казаки, легионеры. М., 2015.
- Токарева Е.С.* Приключения иезуита в России: как советская власть боролась с о. Эдмундом Уолшем (1922–1923 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016690-8-1/> (дата обращения: 20.06.2022).
- Токарева Е.С.* Эдмунд Уолш, планы Ватикана и российская действительность 1922–1923 гг. // Российская история. 2020. № 4. С. 188–204.
- Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М., 1988.
- Шевяков А.А.* «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3–11.
- Blet P.* Pio XII e la Seconda Guerra Mondiale negli Archivi Vaticani. Milano, 1999.
- Dommarco C.* Un compito eccezionale e rischioso: il governo bolscevico e la missione della Santa Sede al tempo della carestia degli anni Venti. Mosca 2020.
- Ickx J.* Pio XII e gli ebrei. Milano. 2021.
- Marchione M.* Pope Pius XII: Architect for Peace. New Jersey, 2000.
- Margolian H.* Unauthorized entry: the truth about Nazi war criminals in Canada, 1946–1956. Toronto, 2000.
- Miccoli G.* I dilemmi e i silenzi di Pio XII. Milano, 2000.
- Papeleux L.* L'action caritative du Saint-Siege en faveur des prisonniers de guerre (1939–1945). Rome, 1991.
- Paris E.* Genocide in Satellite Croatia, 1941–1945. Winnipeg, 1961.
- Rhodes A.* The Vatican in the Age of the dictators, 1922–1945. New York, 1974.
- Rychlak R.* Righteous Gentiles: How Pope Pius XII and the Catholic Church Saved Half a Million Jews from the Nazis. Dallas; Texas, 2005.
- Tornielli A.* Pio XII: il papa degli ebrei. Piemme, 2001.

United Nations Treaty Series: Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. 1950. V. 49.

Zuccotti S. Under His Very Windows: The Vatican and the Holocaust in Italy. Yale University Press, 2000.

References

Arzamaskin Iu.N., Volkov A.P. Zalozhnikhi Vtoroi mirovoi voiny: itogi repatriatsii sovetskikh i inostrannykh grazhdan v 1944–1953 gg. [Hostages of the Second World War: the results of the repatriation of Soviet and foreign citizens in 1944–1953] // Vestnik Ekaterininskogo instituta [Bulletin of the Catherine Institute]. 2012. № 1 (17). S. 103–110. (In Russ.)

Beglov A.L. Mol'by o pomoshchi. Pis'ma pravoslavnykh veruyushchih Pape Rimskomu 1931 g.: novye dokumenty iz arhivov Vatikana [Plea for help. Letters of orthodox believers to the Pope in 1931: new documents from the Vatican Archives] // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoj Cerkvi [St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History]. 2019. Vyp. 91. S. 135–152. (In Russ.)

Dommarco M.K. The Holy See's Modus Operandi in Dealing with Some Requests for Assistance Sent to the Vatican in the 1920s and 1930s: Based on New Archival Documents // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [The Journal of Education and Science "History"]. 2019. V. 10. Iss. 11 (85). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840008073-9-1/> (access date: 20.06.2022). (In Russ.)

Kolupaev V.E. Russkie v Finlyandii po emigrantskim katolicheskim istochnikam [Russians in Finland according to emigrant Catholic sources] // Studia Humanitatis. 2014. № 3. URL: <http://st-hum.ru/content/kolupaev-ve-russkie-v-finlyandii-po-emigrantskim-katolicheskim-istochnikam> (access date: 15.01.2022). (In Russ.)

Krasnov P.P. Transatlanticheskaya diplomatiya papy Piya XII i F. Ruzvel'ta v period Vtoroj mirovoj vojny [Transatlantic diplomacy of Pope Pius XII and F. Roosevelt during World War II] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Orenburg State University]. 2010. № 5. S. 4–11. (In Russ.)

Krushanova L.A. Repatrianty iz stran Evropy na Dal'nem Vostoke SSSR v 1945 – seredine 1950-h godov [Repatriates from European countries in the Far East of the USSR in 1945 – mid-1950s] // Vestnik DVO RAN [Vestnik of the Far East branch of the Russian Academy of Sciences]. 2008. № 2. S. 66–72. (In Russ.)

Kulagina V.Y. Sozdanie i osnovnye napravleniya deyatel'nosti organov repatriatsii v SSSR v gody Vtoroj mirovoj vojny [Creation and main activities of repatriation bodies in the USSR during the Second World War] // Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo [Izvestiya of Belinsky Penza State Pedagogical University]. 2012. № 27. S. 750–761. (In Russ.)

Markdorf N.M. "Vlasovcy" v lageryah i na specposelenii v Sibiri: lyudi i sud'by ["Vlasovites" in camps and special settlements in Siberia: people and destinies] // Sovetskie voennoplennye. Soprotivlenie. Kollaboracionizm. Pamyat': materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii 21–24 oktyabrya 2018 g., Novosibirsk [Soviet prisoners of war. Resistance. Collaboration. Memory: Materials of the International Scientific Conference on October 21–24, 2018, Novosibirsk, Russia]. Novosibirsk, 2018. S. 160–177. (In Russ.)

Polyan P.M. Zhertvy dvuh diktatur. Zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbajterov na chuzhbine i na rodine [Victims of two dictatorships. The life, labor, humiliation and death of Soviet prisoners of war and ostarbeiters in a foreign land and at home]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Shevyakov A.A. "Tajny" poslevoennoj repatriatsii ["Secrets" of post-war repatriation] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 1993. № 8. S. 3–11. (In Russ.)

Talalaj M. Russkie uchastniki Ital'yanskoj vojny 1943–1945: partizany, kazaki, legionary [Russian participants of the Italian War of 1943–1945: partisans, Cossacks, legionnaires]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Tokareva E.S. Priklucheniya iezuita v Rossii: kak sovetskaya vlast' borolas' s o. Edmundom Uolshem (1922–1923 gg.) [The Adventures of a Jesuit in Russia: how the Soviet government fought with fr. Edmund Walsh (1922–1923)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [The Journal of Education and Science "History"]. 2021. T. 12. Iss. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016690-8-1/> (access date: 20.06.2022). (In Russ.)

Tokareva E.S. Edmund Uolsh, plany Vatikana i rossijskaya dejstvitel'nost' 1922–1923 gg. [Edmund Walsh, Vatican Plans and Russian Reality 1922–1923] // Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2020. № 4. S. 188–204. (In Russ.)

Tolstoj N.D. Zhertvy Yalty [Victims of Yalta]. Moskva, 1988. (In Russ.)

Zemskov V.N. "Vozvrashchency" i "nevozvrashchency" (o sud'be sovetskikh peremeshchennykh lic v 1944–1956 gg.) ["Returnees" and "non-returnees" (about the fate of Soviet displaced persons in 1944–1956)] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2013. T. 15. № 1. S. 110–116. (In Russ.)

Zemskov V.N. Repatriatsiya sovetskikh grazhdan i ih dal'nejshaya sud'ba (1944–1956) [Repatriation of Soviet citizens and their subsequent fate (1944–1956)] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 1995. № 5. S. 3–13. (In Russ.)

Zhdanova E.S. Pomoshch' Svyatogo Prestola grazhdanam SSSR, okazavshimsya za granicej, v 1941–1947 gg. (po materialam Apostol'skogo arhiva Vatikana) [Assistance of the Holy See to the Citizens of the USSR Who Were Abroad in 1941–1947 (Based on the Materials of the Vatican Apostolic Archives)] // *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world]. 2020. № 4. S. 210–224. (In Russ.)

Blet P. Pio XII e la Seconda Guerra Mondiale negli Archivi Vaticani. Milano, 1999.

Dommarco C. Un compito eccezionale e rischioso: il governo bolscevico e la missione della Santa Sede al tempo della carestia degli anni Venti. Mosca, 2020.

Ickx J. Pio XII e gli ebrei. Milano, 2021.

Marchione M. Pope Pius XII: Architect for Peace. New Jersey, 2000.

Margolian H. Unauthorized entry: the truth about Nazi war criminals in Canada, 1946–1956. Toronto, 2000.

Miccoli G. I dilemmi e I silenzi di Pio XII. Milano, 2000.

Papeleux L. L'action caritative du Saint-Siege en faveur des prisonniers de guerre (1939–1945). Rome, 1991.

Paris E. Genocide in Satellite Croatia, 1941–1945. Winnipeg, 1961.

Rhodes A. The Vatican in the Age of the dictators, 1922–1945. New York, 1974.

Rychlak R. Righteous Gentiles: How Pope Pius XII and the Catholic Church Saved Half a Million Jews from the Nazis. Dallas; Texas, 2005.

Tornielli A. Pio XII: il papa degli ebrei. Piemme, 2001.

United Nations Treaty Series: Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. 1950. V. 49.

Zuccotti S. Under His Very Windows: The Vatican and the Holocaust in Italy. Yale University Press, 2000.

DOI: 10.31857/S013038640020222-2

© 2022 г. Е.И. ПИВОВАР, А.В. ГУЩИН, А.С. ЛЕВЧЕНКОВ

ОДКБ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (к 30-летию Договора о коллективной безопасности)

Пивовар Ефим Иосифович — академик, доктор исторических наук, профессор, президент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), директор Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ (Москва, Россия).

E-mail: rggu@rggu.ru

Scopus Author ID: 55652860200; ORCID: 0000-0002-4854-4264; Researcher ID: AAV-7213-2021

Гущин Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: aguschin78@mail.ru

Scopus Author ID: 57216939435; ORCID: 0000-0002-4582-1692; Researcher ID: D-5733-2018

Левченков Александр Станиславович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: bohem2001@mail.ru

Scopus Author ID: 57212920894; ORCID: 0000-0002-0058-9391; Researcher ID: P-8294-2016

Аннотация. Цель статьи — анализ деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и ее роли в истории современных международных отношений на постсоветском пространстве и развитии сотрудничества в области комплексной безопасности. Авторы отмечают, что формируемая с 1990-х годов организация развилась в многофункциональную разветвленную структуру, обладающую как серьезной правовой базой, так и большим спектром элементов и непосредственных инструментов решения задач, стоящих перед ОДКБ. Они анализируют основные документы, определившие ход развития организации, сходство и различие в позициях ее членов по отдельным вопросам ее деятельности, эффективность миротворческой деятельности ОДКБ.

Подчеркивается, что, несмотря на серьезные успехи в развитии ОДКБ, ее деятельность сопряжена с рядом проблем, связанных с различиями внешнеполитической ориентированности государств-членов, влиянием внерегиональных сил, конфликтами на постсоветском пространстве и целым рядом других аспектов. Тем не менее делается вывод, что ОДКБ сегодня является единственным механизмом поддержания безопасности на постсоветском пространстве, прошедшим проверку временем по вопросу коллективного реагирования на угрозы, и развитие этой организации является одним из приоритетов российской внешней политики в регионе.

Ключевые слова: военно-политическое сотрудничество, интеграция, коллективная безопасность, Организация Договора о коллективной безопасности, НАТО.

E.I. Pivovarov, A.V. Guschin, A.S. Levchenkov

CSTO and Problems of Regional Security in the Eurasian Space (on the 30th Anniversary of the Collective Security Treaty)

Efim Pivovarov, academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Director of the Institute for post-soviet and interregional studies of RSUH (Moscow, Russia).

E-mail: rgggu@rggu.ru

Scopus Author ID: 55652860200; ORCID: 0000-0002-4854-4264; Researcher ID: AAV-7213-2021

Alexander Guschin, the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: aguschin78@mail.ru

Scopus Author ID: 57216939435; ORCID: 0000-0002-4582-1692; Researcher ID: D-5733-2018

Alexander Levchenkov, the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: bohem2001@mail.ru

Scopus Author ID: 57212920894; ORCID: 0000-0002-0058-9391; Researcher ID: P-8294-2016

Abstract. The aim of the article is to analyse the activities of the Collective Security Treaty Organisation and its role in the history of contemporary international relations in the post-Soviet space, within which comprehensive security cooperation is developing. The authors note that the organisation, formed in the 1990s, has evolved into a multifunctional and multifaceted organisation with both a strong legal basis and a wide range of structures and direct instruments to address the challenges faced by the CSTO. They analyse the key documents that have shaped the development of the organisation, the similarities and differences in the positions of its members towards its activities, and the effectiveness of the peacekeeping activities of the CSTO.

They emphasise that despite significant progress in the development of the CSTO, its activities are beset by a number of problems related to the different foreign policy orientations of the member states, the influence of non-regional actors, conflicts in the post-Soviet space, and a number of other aspects. Nevertheless, they conclude that at present the CSTO is the only security mechanism in the post-Soviet space that has passed the test of its ability to collectively respond to threats, and its development has been one of the priorities of Russian foreign policy in the region.

Keywords: military-political cooperation, integration, collective security, Collective Security Treaty Organization, NATO.

С образованием Содружества Независимых Государств (СНГ) после распада СССР перед его членами встал вопрос о необходимости обеспечения коллективной безопасности на постсоветском пространстве. Главным структурным элементом этого взаимодействия стал Договор о коллективной безопасности, трансформировавшийся впоследствии в Организацию Договора о коллективной безопасности.

История формирования ОДКБ началась 15 мая 1992 г., когда в Ташкенте главами Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана был подписан Договор о коллективной безопасности (ДКБ) сроком на пять лет с возможностью последующего продления, к которому в 1993 г. присоединились также Азербайджан, Грузия и Белоруссия. Договор вступил в силу в 1994 г., а в 1999 г. шесть стран-участниц (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан) его продлили.

В договоре содержался ряд положений, ставших ключевыми для последующей возможности использования документа как основы полноценной международной военно-политической организации. Отметим три наиболее важных положения.

Во-первых, договор предусматривал обязательство государств-членов не вступать «в военные союзы или принимать участие в каких-либо группировках государств, а также в действиях, направленных против другого государства-участника» (ст. 1 договора)¹, что с течением времени стало особенно важным в контексте расширения НАТО на восток.

Во-вторых, договором устанавливалось, что если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться другими участниками как агрессия против всех государств — участников договора, и в этом случае все остальные участники предоставят подвергнувшемуся агрессии необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимся в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН (ст. 4 договора)². При этом отмечалось, что о принятых мерах участники незамедлительно проинформируют Совет Безопасности³.

Наконец, в-третьих, оговаривалась возможность использования вооруженных сил за пределами государств-участников исключительно в интересах международной безопасности в строгом соответствии с Уставом ООН и законодательством стран-участниц (ст. 6 договора)⁴.

Все страны — участницы ДКБ находились в 1990-е годы в сложных условиях, порожденных неопределенностью внешнеполитического курса и геополитических приоритетов, а также наличием ряда противоречий друг с другом. В рамках ДКБ не были созданы единые штабные структуры. Договор не стал документом, определяющим возможности совместного реагирования на ситуацию в Афганистане. Что касается объединенной системы ПВО, то она тоже функционировала не в полном объеме, не охватывая Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Не была реализована на практике и идея управления пограничной зоной.

Важным фактором, серьезно повлиявшим на состав участников договора после завершения пятилетнего срока в 1999 г., стали противоречия между его членами, отношения между некоторыми обострялись наличием неразрешенных конфликтов.

Так, и Баку, и Ереван активно искали на международной арене дополнительные возможности для урегулирования ситуации вокруг Нагорного Карабаха в свою пользу. О глубоких противоречиях между Договором о коллективной безопасности и внешнеполитическим курсом Баку азербайджанские политологи, например, прямо говорили вплоть до последнего времени⁵.

Выход Грузии из ДКБ был во многом продиктован наличием этнотерриториальных конфликтов в Абхазии и Южной Осетии, и неудачи в их разрешении возлагались грузинским руководством на Москву как основного миротворца на Южном Кавказе, вынуждающего Грузию придерживаться мирных путей урегулирования.

Наконец, позиция Узбекистана была продиктована рядом факторов, в их числе и напряженные отношения с рядом других центральноазиатских государств, и стремление избежать потенциального вовлечения в военно-политический союз под эгидой Москвы, и временное сближение с США, результатом которого немного позже стало размещение американской военной базы в Карши-Ханабаде (2001–2005 гг.).

---

¹ Договор о коллективной безопасности (Ташкент, 15 мая 1992 г.) // URL: <https://base.garant.ru/58162805/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/> (дата обращения: 12.03.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Членство в ОДКБ не отвечает интересам Азербайджана — мнения экспертов // URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2018/08/23/chlenstvo-v-odkb-ne-otvechaet-interesam-azerbaydzhana-mneniya-ekspertov> (дата обращения: 15.03.2022).

Показательным стало то, что Азербайджан и Грузия вошли в число стран-основательниц нацеленной на евроатлантическую интеграцию организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия), а Узбекистан присоединился к ним именно в 1999 г. (находился в организации, именуемой в связи с этим ГУУАМ, до 2005 г.).

Но, пожалуй, главной проблемой ДКБ, перешедшей по наследству к ОДКБ, был изначальный отказ от серьезных попыток интегрировать в организацию крупнейшую после России в военном отношении постсоветскую республику Украину. Разумеется, Киев и Москва в 1990-е годы подвергались серьезному давлению со стороны Запада, «нейтральность» Украины была одним из условий вывода ядерного оружия с ее территории. Но отсутствие Украины в созданном Россией оборонительном союзе, безусловно, заложило предпосылки для дрейфа этой страны в сторону НАТО и нарастающей антироссийской направленности украинской политики⁶.

В целом во внешней политике практически всех государств, подписавших договор, на первых порах, очевидно, доминировало желание наладить сотрудничество с западными партнерами, прежде всего бывшими противниками СССР, — государствами — членами НАТО. Когда в 1994 г. Североатлантический альянс запустил масштабную программу сотрудничества с бывшими участниками социалистического блока в Восточной Европе и на постсоветском пространстве «Партнерство ради мира», разработанную в рамках развития Совета североатлантического сотрудничества, все государства — участники ДКБ к ней присоединились. Так, Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия, Россия и Узбекистан вошли в число участников программы в 1994 г., Белоруссия — в 1995 г., Таджикистан — в 2002 г. При этом в числе целей и задач программы значился ряд положений, направленных на обеспечение привязки процесса военного планирования и формирования оборонных бюджетов государств-партнеров к стратегии альянса и фактического усиления влияния Брюсселя на их военно-политическую деятельность⁷.

Довольно скоро стали проявляться серьезные противоречия между актуальными задачами в обеспечении безопасности ряда членов ДКБ, прежде всего России, и подходами к решению данных задач со стороны НАТО. Открыто противоречия между Москвой, с одной стороны, и Вашингтоном и Брюсселем — с другой, впервые проявились в ходе военной агрессии альянса против Югославии в 1999 г.

Политика НАТО, направленная на расширение блока с 1994 г., решение Вашингтонского саммита альянса в 1999 г. о введении процедуры Плана действий по членству и активизация усилий Брюсселя по вовлечению стран постсоветского зарубежья в сферу своих интересов сыграли определенную роль в том, что в 1999 г. Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались пролонгировать свое участие в ДКБ.

В дальнейшем отношения Москвы и Брюсселя продолжали ухудшаться и обострились во время грузино-южноосетинского конфликта 2008 г., а после прямой поддержки странами НАТО государственного переворота на Украине в 2014 г. и санкций, введенных против России в связи с воссоединением Крыма, сотрудничество в рамках программы было приостановлено⁸. Формальное партнерство Белоруссии с альянсом было также приостановлено в 2021 г. на фоне наращивания военного присутствия НАТО на западных границах республики⁹.

⁶ Доклад: «ОДКБ: история и перспективы» // URL: <https://iines.org/node/2395> (дата обращения: 12.03.2022).

⁷ Partnership for Peace programme // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50349.htm (дата обращения: 12.03.2022).

⁸ НАТО приостанавливает военное сотрудничество с Россией // URL: <https://ria.ru/20140401/1002131597.html?in-t> (дата обращения: 12.03.2022).

⁹ НАТО свернула канал диалога и приостановила сотрудничество с Белоруссией // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12998515> (дата обращения: 12.03.2022).

Тем не менее другие участники ДКБ по настоящее время продолжают сотрудничество в рамках программы «Партнерство ради мира» и в других проектах НАТО. Это в условиях беспрецедентного обострения отношений между Москвой и Минском, с одной стороны, и альянсом — с другой, с конца 2021 г., и особенно после начала специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации на Украине 24 февраля 2022 г., поднимает вопрос относительно сочетания данных форматов с развитием ОДКБ.

При этом рассматривать ОДКБ в качестве прямого антагониста НАТО было бы неверно по причине того, что в отличие от последнего ОДКБ ставит перед собой лишь задачи обеспечения региональной безопасности, а также, как показывает практика, не стремится к применению своей юрисдикции за пределами зоны своей территориальной ответственности.

Вплоть до 2002 г. ДКБ, как отмечается на официальном интернет-портале Организации Договора о коллективной безопасности, представлял собой «региональное соглашение, которое сыграло важную роль в поддержании тесного сотрудничества и взаимопонимания в военно-политической области»¹⁰.

На первом этапе существования договора основной движущей силой, безусловно, было Содружество Независимых Государств, которое вплоть до настоящего времени сохраняет свое значение не только как переговорная площадка, но и как институционализируемая структура, предлагающая участникам определенный инструментарий для взаимодействия по широкому спектру вопросов в области безопасности и урегулировании конфликтов, решение которых требует коллективных усилий¹¹. По линии противостояния таким угрозам, как нелегальная миграция, наркотрафик, экстремизм и терроризм, страны СНГ сформировали солидную нормативно-правовую базу и накопили серьезный опыт совместной работы¹².

В начале 2000-х годов сложились условия, диктующие участникам необходимость трансформации ДКБ в полноценную международную военно-политическую организацию. С одной стороны, этому способствовали укрепление государственности и кристаллизация национальных интересов государств — участников ДКБ на международной арене. С другой — очевидным был рост угрозы международного терроризма и экстремизма, особенно ярко проявившийся в полной дестабилизации обстановки в Афганистане и беспрецедентной активности террористических ячеек по всему миру, включая террористические акты в США в 2001 г. Тесно сопряженной с терроризмом оказалась проблема роста объемов наркоторговли. Данные угрозы требовали коллективных международных усилий. Наконец, одним из важнейших для России стал фактор продвижения НАТО на восток, что ставило перед российским руководством вопрос о формировании пояса безопасности.

Надо отметить, что еще в 1990-е годы возможности договора были задействованы осенью 1996 г. и летом 1998 г. в связи с опасным развитием событий в Афганистане в непосредственной близости к границам центральноазиатских государств — участников ДКБ для предотвращения попыток экстремистов дестабилизировать обстановку в этом регионе. В 1999 и 2000 гг. в результате оперативно осуществленных мер государствами — членами ДКБ, с участием Узбекистана, была нейтрализована угроза, созданная широкомасштабными действиями вооруженных группировок международных террористов на юге Киргизии и в других районах Центральной Азии¹³.

¹⁰ От Договора к Организации // URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 15.03.2022).

¹¹ Пивовар Е.И., Гуцин А.В., Левченко А.С. Региональная безопасность на пространстве СНГ в конце XX — начале XXI века (к 30-летию образования Содружества) // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 186.

¹² Шаруева М.Ю. Сотрудничество в сфере правовой безопасности на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2019. № 2. С. 103.

¹³ Доклад: «ОДКБ: История и перспективы». // URL: https://iines.org/sites/default/files/attach/article/2016/11/2395/odkb_ming_itog.pdf (дата обращения: 19.07.2022).

Усиление исходящих из Афганистана угроз, Баткенские события и их последствия привели к интенсификации двустороннего военного и военно-технического сотрудничества России с Киргизией и Узбекистаном, позволили российскому руководству приступить к реформе Договора о коллективной безопасности. В июне 2000 г. страны ДКБ заключили Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества, открывшее возможность для поставок российской военной техники союзникам по внутренним ценам. В мае 2001 г. на саммите ДКБ было принято решение о создании первого совместного военного формирования – Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР). В результате были сформированы КСБР в Центрально-Азиатском регионе коллективной безопасности численностью до 5 тыс. человек¹⁴.

С начала первого десятилетия XXI в. коллективная безопасность на постсоветском пространстве претерпела существенные структурные изменения. 14 мая 2002 г. была учреждена Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), объединившая Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан.

7 октября 2002 г. был принят Устав ОДКБ. В соответствии с ним основными целями организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам¹⁵. Согласно определению заместителя министра иностранных дел России А.В. Панкина, «организация стала авторитетной многогранной международной и региональной структурой, обладающей солидной разветвленной договорно-правовой базой, которая регламентирует ее деятельность по всем основным направлениям обеспечения безопасности»¹⁶. На основании анализа Устава и положений об институтах и органах ОДКБ можно заключить, что организация является режимом коллективной обороны, в котором обеспечены глубокая формализация и согласованность принципов и норм, но ряд положений Устава, в частности 4 статья, не получил впоследствии разработанной процедуры применения.

Сформирован и с 1 января 2004 г. приступил к работе Объединенный штаб ОДКБ. Деятельность штаба сосредоточена на решении практических задач, связанных с формированием, функционированием и применением коллективных сил; подготовкой и проведением совместно с министерствами обороны государств-членов совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки, с военно-техническим сотрудничеством; координацией совместной подготовки кадров и специалистов для вооруженных сил государств-членов; организацией функционирования Центра кризисного реагирования ОДКБ и взаимодействия его с уполномоченными национальными органами.

23 июня 2006 г. минская сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ определила необходимость развития парламентского измерения ОДКБ в рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Основываясь на этом решении и на Конвенции о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств, председатели парламентов государств СНГ – членов ОДКБ на заседании 16 ноября 2006 г. приняли постановление о создании Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности.

В 2007 г. главами государств – членов ОДКБ было подписано Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ, которое вступило в силу и зарегистрировано в Секретариате ООН в 2009 г. Для участия в миротворческих операциях были созданы на постоянной основе Миротворческие силы ОДКБ численностью около 3 тыс. военнослужащих вооруженных сил и порядка 600 представителей органов внутренних дел государств-членов.

¹⁴ ОДКБ: от Договора к Организации.

¹⁵ Устав Организации Договора о коллективной безопасности // URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded (дата обращения: 15.03.2022).

¹⁶ Панкин А.А. ОДКБ: ориентиры стратегического развития // Международная жизнь. 2020. № 11. С. 7.

Миротворческие силы ОДКБ могут применяться как в зоне ответственности организации решением Совета коллективной безопасности, так и за ее пределами по мандату Совета Безопасности ООН.

Одной из самых важных вех в эволюции ОДКБ стало решение о создании коллективных сил быстрого реагирования. Тем не менее переговоры об этом были сопряжены с так называемой «молочной войной» между Россией и Белоруссией. В результате представители Минска отказались участвовать в заседании ОДКБ под предлогом, что военная безопасность невозможна без экономической. Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко подписал пакет документов о присоединении Белоруссии к Коллективным силам оперативного реагирования только 20 октября 2009 г.

В 2009 г. созданы Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), предназначенные для оперативного реагирования на вызовы и угрозы безопасности государств — членов ОДКБ. Проводятся совместные комплексные учения с участием контингентов и оперативных групп государств — членов ОДКБ.

На региональном уровне расширялось сотрудничество с Антитеррористическим центром СНГ и Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Летом 2011 г. между ШОС и ОДКБ был подписан протокол по контртеррористической деятельности, увеличивался уровень взаимодействия не только с другими государствами не членами ОДКБ по разным направлениям деятельности организации, а также и с другими международными организациями, в первую очередь это ООН и ШОС. Так, в 2016 г. между ООН и ОДКБ был подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Исполнительным директором Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН.

Организация вовлечена в активную работу в области военно-экономического сотрудничества, противодействия терроризму и радикальному экстремизму, наркоторговле, незаконной миграции, киберугрозам и др. Так, с 2006 г. работает Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству ОДКБ. В 2005 г. был создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств — членов ОДКБ. С 2003 г. на территории государств — членов ОДКБ проводится международная комплексная антинаркотическая операция «Канал» (с 2008 г. преобразована в постоянно действующую).

В сфере противодействия незаконной миграции граждан третьих (по отношению к ОДКБ) стран под эгидой организации был создан Координационный совет руководителей компетентных органов государств — членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией. С 2008 г. с целью выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства проводятся оперативно-профилактические мероприятия «Нелегал». С 2018 г. «Нелегалу» был придан статус постоянно действующей операции.

В 2007 г. был создан Координационный совет по чрезвычайным ситуациям ОДКБ. В 2014 г. был образован консультационный Координационный центр ОДКБ по вопросам реагирования на компьютерные инциденты. В целях борьбы с преступлениями в информационной среде осуществляется операция «ПРОКСИ».

1990 и 2000-е годы внесли серьезные корректировки в отношении понимания государствами-участниками угроз государственности. В 2003–2005 гг. по постсоветскому пространству прокатилась волна «цветных революций», которая привела к усилению позиций евроатлантистов, особенно в Грузии и на Украине, и росту геополитической напряженности в регионе. Дестабилизация внутривосточной и социальной ситуации и насильственная смена власти стали восприниматься как одна из основных угроз странам — членам ОДКБ¹⁷. Кроме того, первая редакция ДКБ 1992 г. не учитывала гибридные угрозы вооруженного проникновения на территорию государств-участников различных вооруженных формирований, зачастую напрямую не связанных с конкретными

¹⁷ Панарин И.Н. ОДКБ и безопасность Евразии // ОБЗОР. НЦПТИ. 2015. Вып. 7. С. 21.

странами-агрессорами. Особенно большая опасность таких вооруженных проникновений сохранялась в Центральной Азии.

В 2010 г. в Киргизии произошла «тюльпановая революция», которая привела к смене власти и столкновениям на этнической почве. ОДКБ отказалась вмешаться в кризисные события, так как в Уставе ОДКБ отсутствовала статья, предусматривающая помощь в пресечении беспорядков и их ликвидации. В июне 2010 г. президент Киргизии Р.И. Отумбаева сделала официальный запрос президенту России Д.А. Медведеву о вводе КСОР на территорию Киргизии для подавления межэтнических столкновений в Ошской и Жалал-Абадской областях. Ответ российской стороны опирался на Устав ОДКБ: чтобы задействовать силы КСОР, нужно, чтобы одно государство нарушило суверенитет и границы другого государства, входящего в ОДКБ. События 2010 г. в Киргизии не нарушали ее границ. В свою очередь, президент Белоруссии А.Г. Лукашенко заявил, что следует ввести Коллективные силы оперативного реагирования на территорию Киргизии и помочь государству в решении внутренних проблем.

В итоге было принято решение о вводе одного батальона десантно-штурмового отряда ВДВ на российскую авиабазу Кант для обеспечения внутренней безопасности граждан. Реакция Москвы на киргизский кризис позволила России избежать немалых затрат, возможных человеческих жертв и неизбежно поднявшейся бы волны критики на международной арене. Однако проявился разрыв между ожиданиями одной из малых стран-участниц, связываемыми с лидером организации.

Эти события помогли согласовать и принять корректировки в ДКБ, утвержденные Протоколом о внесении изменений, подписанным 10 декабря 2010 г. Прежде всего была серьезно изменена статья 4 договора, в которой было дано расширительное определение агрессии, отныне не сводящейся непосредственно к враждебным действиям каких-либо других государств. Оговаривалось, что если одна из стран-участниц «подвергнется агрессии (вооруженному нападению, угрожающему безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету)», то это будет рассматриваться другими участниками как агрессия на все государства, входящие в договор¹⁸. При этом другие участники должны незамедлительно предоставить необходимую помощь, включая военную, а также поддержку имеющимися средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН по просьбе подвергшейся агрессии страны¹⁹.

В договоре были отражены успехи, достигнутые в вопросах формирования коллективных сил ОДКБ. В частности, в новой редакции статьи 6 оговаривалась возможность использования «сил и средств системы коллективной безопасности за пределами территории государств-участников ... в интересах международной безопасности в соответствии с Уставом ООН и законодательством государств – участников настоящего договора»²⁰.

На фоне ухудшения отношений с США Узбекистан в 2005 г. вышел из ГУУАМ и вернулся к идее участия в строительстве коллективной системы безопасности в Центральной Азии, в связи с чем в июне 2006 г. было принято решение «О восстановлении членства Республики Узбекистан в ОДКБ». Однако в декабре 2012 г. членство Ташкента в организации было приостановлено по его инициативе из-за возврата к концепции внеблоковости во внешней политике.

Отсутствие единых подходов среди стран ОДКБ к решению вопросов безопасности в различных регионах проявилось во время возобновления боевых действий в Нагорном Карабахе в апреле 2016 г. Ереван тогда выступил с критикой позиции Казахстана

¹⁸ Договор о коллективной безопасности // URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 15.03.2022).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

и Белоруссии, которые, по мнению Армении, не поддержали ее позицию²¹. Белорусскому послу, вызванному в министерство иностранных дел Армении, был выражен протест в связи с нарушением Минском обязательств в рамках ОДКБ²². Вместе с тем генеральный секретарь ОДКБ Н.Н. Бордюжа по итогам заседания комитета секретарей Совбезов стран ОДКБ в начале июня 2016 г. отметил, что организация «не обделяет вниманием то, что происходит в зоне карабахского конфликта» и что «Россия в начале апреля сыграла ключевую роль в достижении договоренности о прекращении огня»²³.

Серьезным маркером дееспособности ОДКБ стали события в Казахстане в январе 2022 г. Специалисты отмечают, что изначально собственно миротворческая деятельность не являлась одним из приоритетных направлений организации, но с принятием в 2007 г. Соглашения о миротворческой деятельности ситуация стала меняться²⁴. Тем не менее, несмотря на наличие разработанной нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы миротворчества, а также возникновение ряда кризисных ситуаций за последние 15 лет в зоне ответственности ОДКБ, организация ни разу до недавнего времени не применяла свои миротворческие силы.

Однако в связи с резким ухудшением внутривнутриполитической обстановки в Казахстане президент К.-Ж.К. Токаев 5 января 2022 г. обратился в ОДКБ за помощью, назвав происходящее в республике актом агрессии, а участников беспорядков – «террористическими бандами», прошедшими подготовку за рубежом²⁵. Уже на следующий день началась миротворческая операция, в рамках которой наиболее оперативное развертывание осуществили российские миротворцы. Также в Казахстан были переброшены белорусские, армянские и киргизские подразделения.

В ходе подготовки к миротворческой операции среди союзников наблюдались колебания. В частности, известно, что руководство Киргизии несколько раз меняло свое решение. Так, 6 января поступили сообщения о том, что Бишкек, предположительно из-за недовольства части населения, отказался от прямого участия в миротворческой миссии²⁶. Однако вскоре президент Киргизии С.Н. Жапаров все же принял решение об отправке миротворцев. В апреле 2022 г. он наградил военных, принявших участие в операции в Казахстане, за «успешное выполнение задачи по стабилизации и нормализации обстановки в республике в составе миротворческих сил ОДКБ»²⁷.

Миротворцы взяли под охрану важные государственные и военные объекты Казахстана. Контролирование миротворцами стратегических объектов (здания правительственных учреждений, аэродромы и другие объекты критически важной инфраструктуры) позволило правоохранительным органам Казахстана действовать более свободно при подавлении сопротивления экстремистов. Действия ОДКБ в Казахстане показали, что,

---

²¹ Троицкий Е.Ф., Зиновьев В.П. Организация Договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза // Русин. 2018. № 4 (54). С. 344–345.

²² МИД Армении: заявление Минска идет вразрез с обязательствами в ОДКБ // URL: <https://russia-armenia.info/node/26054> (дата обращения: 20.03.2022).

²³ Бордюжа: Конфликт в Карабахе – угроза для всех членов ОДКБ // URL: <https://easaily.com/ru/news/2016/06/08/bordyuzha-konflikt-v-karabahe-ugroza-dlya-vseh-chlenov-odkb> (дата обращения: 12.03.2022).

²⁴ Корнев Е. Миротворцы ОДКБ в Казахстане: детали операции и перспективы блока // URL: https://eurasia.expert/mirotvortsy-odkb-v-kazakhstane-detali-i-perspektivy/?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (дата обращения: 20.03.2022).

²⁵ Токаев обратился за помощью к ОДКБ. Он считает протесты «актом агрессии» // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13360183?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (дата обращения: 12.04.2022).

²⁶ Киргизия официально отказалась в рамках ОДКБ вводить войска в Казахстан // URL: <https://avia.pro/news/kirgiziya-oficialno-otkazalas-v-ramkah-odkb-vvodit-voyska-v-kazakhstan> (дата обращения: 12.04.2022).

²⁷ Садыр Жапаров наградил военных, которые участвовали в миссии ОДКБ в Казахстане // URL: <https://ru.sputnik.kg/20220409/kyrgyzstan-kazakhstan-voennye-odkb-nagrazhdenie-sadyr-zhaporov-1063524106.html> (дата обращения: 12.04.2022).

несмотря на высказывающиеся порой экспертами скептические оценки деятельности ОДКБ, организация продемонстрировала свои коллективные возможности.

Наблюдается некоторое дублирование функций с другими региональными организациями, действующими на территории постсоветского пространства, в частности с СНГ и ШОС, что в известной степени размывает границы и рамки деятельности ОДКБ, так как все эти организации несут и военно-политические обязанности²⁸.

Тем не менее ОДКБ сегодня представляет безальтернативный с точки зрения своей перспективности вариант развития военно-политической кооперации. Организация стала единственным механизмом поддержания безопасности на постсоветском пространстве, прошедшим проверку возможностей коллективного реагирования на угрозы, и развитие ОДКБ будет оставаться одним из приоритетов российской внешней политики в регионе. Об этом, в частности, свидетельствует заявление российского президента В.В. Путина на сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ: «События в Казахстане не первая и далеко не последняя попытка вмешательства извне во внутренние дела наших государств... И принятые по линии ОДКБ меры ясно показали, что мы не позволим раскачивать ситуацию у себя дома и не дадим реализовать сценарии так называемых цветных революций»²⁹.

ОДКБ на современном этапе развития отличают прагматизм и инновационная ориентация, в основу сотрудничества положены принципы взаимного консультирования, а также консенсусного согласования предложений и проектов как на экспертном, так и на политическом уровне³⁰.

Перспективы развития ОДКБ, ее сильные стороны получили отражение в выступлении генерального секретаря организации С.В. Зася на заседании Совбеза ООН 16 февраля 2022 г. В частности, в его выступлении обращалось внимание на нарабатанные в рамках ОДКБ практики по борьбе с терроризмом и противодействию незаконному обороту наркотиков, отмечалось сотрудничество с Региональной антитеррористической структурой ШОС и Антитеррористическим центром СНГ, а также предлагалось использовать имеющийся потенциал при объединении усилий ОДКБ и профильных структур ООН в сфере безопасности. В этом же выступлении от лица организации выражалась озабоченность проблемами безопасности на западном фланге ОДКБ – в Восточно-Европейском регионе – в связи с углубляющимся конфликтом на Украине³¹.

Начало специальной военной операции России на Украине, безусловно, открыло новый этап в формировании архитектуры безопасности на евразийском пространстве. 3 марта 2022 г. президент России внес на ратификацию в Госдуму протокол о внесении изменений в Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ. Вводилось понятие «координирующего государства», под эгидой которого могли бы формироваться миротворческие силы для участия в операциях под эгидой ООН³². Фактически данное нововведение было направлено на повышение скорости реагирования на неотложные угрозы за счет сокращения временных издержек, требуемых на общее согласование государств-членов. В ОДКБ было особо подчеркнуто, что изменения не были связаны с какими-либо

²⁸ Есеев В.В. ОДКБ и безопасность на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. 2021. № 2 (30). С. 13.

²⁹ Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67568> (дата обращения: 15.04.2022).

³⁰ Пивовар Е.И. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. СПб., 2022. С. 393.

³¹ Генеральный секретарь ОДКБ по видеосвязи принял участие в заседании Совета Безопасности ООН // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-prinyal-uchastie-v-zasedanii-soveta-bezopasnosti-onn/#loaded (дата обращения: 25.03.2022).

³² Путин предложил Думе ввести статус координирующего государства в ОДКБ при операциях ООН // URL: <https://tass.ru/politika/13943819> (дата обращения: 21.03.2022).

планами участия организации в решении украинского кризиса³³. Вместе с тем отдельные эксперты отмечали, что при определенных условиях после окончания спецоперации миротворцы ОДКБ могли бы быть задействованы в дальнейшем урегулировании³⁴.

В целом специальная военная операция на Украине, безусловно, станет рубежным этапом в дальнейшей судьбе ОДКБ. Из стран – членов организации действия России, начиная с признания ДНР и ЛНР, были однозначно поддержаны со стороны Белоруссии. Белорусский МИД заявил, что республика «с уважением и пониманием относится к решению России признать Донецкую и Луганскую народные республики и намерена его учитывать в своих действиях»³⁵. Президент Киргизии Касым Жапаров отметил, что, «возможно, это была вынужденная мера для защиты мирного населения территорий Донбасса, где проживает большое количество российских граждан. Хочу заметить, что признание того или иного государства является суверенным правом любой страны»³⁶. Другие участники ОДКБ в своих официальных выступлениях старались дистанцироваться от оценок ситуации.

В то же время очевидно, что для России дальнейшее развитие сотрудничества по линии ОДКБ становится все более безальтернативным приоритетом, что находит понимание и поддержку у других членов организации. Об этом свидетельствуют, в частности, телефонные переговоры президента В.В. Путина с казахстанским президентом К.-Ж.К. Токаевым 29 апреля 2022 г., в ходе которых обсуждались вопросы взаимодействия в рамках ОДКБ и стратегического партнерства двух стран³⁷ и анонсированные мероприятия коллективных сил в рамках оперативно-стратегических учений «Боевое братство – 2022» на территории Казахстана, Киргизии и Таджикистана³⁸.

Понимание важности ОДКБ как механизма региональной безопасности демонстрируют такие крупные игроки, как Китай. Председатель постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР Ли Чжаньшу в ходе переговоров со спикером Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко 15 апреля 2022 г. заявил о готовности «продолжать взаимодействие с этой организацией в гибком формате, совместно защищать региональную безопасность и стабильность»³⁹.

Определяющее значение, безусловно, будет иметь комплексный подход, заключающийся в комбинировании и умелом использовании различных форм и методов к обеспечению региональной безопасности на евразийском пространстве. Так, одним из значимых механизмов, дополняющих роль ОДКБ, является реализация ресурсного потенциала «мягкой силы» Российской Федерации на постсоветском пространстве⁴⁰.

³³ Украина ни при чем // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5240328> (дата обращения: 21.03.2022).

³⁴ Миротворцы ОДКБ могут принять участие в операции по принуждению Украины к миру – эксперт // URL: https://eurasia.expert/mirotvortsy-odkb-mogut-prinyat-uchastie-v-operatsii-po-prinuzhdeniyu-ukrainy-k-miru/?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (дата обращения: 21.03.2022).

³⁵ Минск отреагировал на признание суверенитета республик Донбасса в РФ // URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220222/minsk-otreaigiroval-na-priznanie-suvereniteta-respublik-donbassa-v-rf-20578076.html> (дата обращения: 25.04.2022).

³⁶ Союзники разделились по уровням понимания и поддержки // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5229554> (дата обращения: 15.04.2022).

³⁷ Телефонный разговор с Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68307> (дата обращения: 29.04.2022).

³⁸ ОДКБ провела первые штабные переговоры по организации учений в 2022 г. // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14508569?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (дата обращения: 29.04.2022).

³⁹ В режиме «гибкого формата»: почему в Пекине заговорили о готовности развивать взаимодействие с ОДКБ // URL: <https://russian.rt.com/world/article/990985-kitai-odkb-sotrudnichestvo> (дата обращения: 25.04.2022).

⁴⁰ Наумов А.О. «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2019. № 1. С. 109.

Наконец, проблемы региональной безопасности на евразийском пространстве могут решаться наиболее эффективно в сочетании с развитием двусторонних отношений и наращиванием сотрудничества ОДКБ с другими региональными и межрегиональными форматами, прежде всего с СНГ и ШОС.

Библиография

Большаков А.Г., Зазанаев О.И. Эффективность миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве: опыт и перспективы ОДКБ // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 107–111.

Евсеев В.В. ОДКБ и безопасность на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. 2021. № 2 (30). С. 13–24.

Корнев Е. Миротворцы ОДКБ в Казахстане: детали операции и перспективы блока // URL: https://eurasia.expert/mirotvortsy-odkb-v-kazakhstane-detali-i-perspektivy/?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (дата обращения: 20.03.2022).

Наумов А.О. «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2019. № 1. С. 100–110.

Панарин И.Н. ОДКБ и безопасность Евразии // ОБЗОР. НЦПТИ. 2015. Вып. 7. С. 20–31.

Панкин А.А. ОДКБ: ориентиры стратегического развития // Международная жизнь. 2020. № 11. С. 7–17.

Пивовар Е.И. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. СПб., 2022.

Пивовар Е.И., Гушин А.В., Левченко А.С. Региональная безопасность на пространстве СНГ в конце XX – начале XXI века (к 30-летию образования Содружества) // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 178–188.

Ступаков Н.В. Совместные меры антитеррористического и военного сотрудничества стран СНГ, ОДКБ, ШОС 2017–2020 гг. как гаранты евразийской коллективной безопасности и обороны // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 6–16.

Троицкий Е.Ф., Зиновьев В.П. Организация Договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза // Русин. 2018. № 4 (54). С. 335–351.

Шаруева М.Ю. Сотрудничество в сфере правовой безопасности на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2019. № 2. С. 96–104.

References

Bol'shakov A.G., Zazanaev O.I. Effektivnost' mirotvorcheskoj deyatel'nosti Rossii na postsovetskom prostranstve: opyt i perspektivy ODKB [The effectiveness of Russia's peacekeeping activities in the post-Soviet space: experience and prospects of the CSTO] // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. 2011. № 3. S. 107–111. (In Russ.)

Evsseev V.V. ODKB i bezopasnost' na postsovetskom prostranstve [CSTO and security in the post-Soviet space] // Postsovetskij materik [Post-Soviet continent]. 2021. № 2 (30). S. 13–24. (In Russ.)

Korenev E. Mirotvorcy ODKB v Kazakhstane: Detali operacii i perspektivy bloka [Post-Soviet continent] // URL: https://eurasia.expert/mirotvortsy-odkb-v-kazakhstane-detali-i-perspektivy/?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (access date: 20.03.2022). (In Russ.)

Naumov A.O. "Myagkaya sila" Rossijskoj Federacii kak resurs vliyaniya na prostranstve Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza ["Soft power" of the Russian Federation as a resource of influence on the Eurasian Economic Union] // Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Russian State University. Series: History. Politics. International relations]. 2019. № 1. S. 100–110. (In Russ.)

Panarin I.N. ODKB i bezopasnost' Evrazii [CSTO and the security of Eurasia] // OBZOR.NCPTI [REVIEW.NCPTI]. 2015. Vyp. 7. S. 20–31. (In Russ.)

Pankin A.A. ODKB: orientiry strategicheskogo razvitiya [CSTO: guidelines for strategic development] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International life]. 2020. № 11. S. 7–17. (In Russ.)

Pivovar E.I. Prostranstvo Bol'shoj Evrazii XXI veka. Integracionnye processy: instituty, napravleniya, vyzovy [The space of Greater Eurasia of the 21st century. Integration processes: institutions, directions, challenges]. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Pivovarov E.I., Gushchin A.V., Levchenkov A.S. Regional'naya bezopasnost' na prostranstve SNG v konce XX – nachale XXI veka (k 30-letiyu obrazovaniya Sodruzhestva) [Regional security in the CIS at the end of the 20th – beginning of the 21st century (to the 30th anniversary of the formation of the Commonwealth)] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 6. S. 178–188. (In Russ.)

Sharueva M.Yu. Sotrudnichestvo v sfere pravovoj bezopasnosti na postsovetskom prostranstve [Cooperation in the field of legal security in the post-Soviet space] // Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Russian State University. Series: History. Political science. International relations]. 2019. № 2. S. 96–104. (In Russ.)

Stupakov N.V. Sovmestnye mery antiterroristicheskogo i voennogo sotrudnichestva stran SNG, ODKB, SHOS 2017–2020 gg. kak garanty evrazijskoj kollektivnoj bezopasnosti i oborony [Joint measures of anti-terrorist and military cooperation of the CIS, CSTO, SCO countries 2017–2020 as guarantors of the Eurasian collective security and defense] // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo [International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law]. 2017. № 4. S. 6–16. (In Russ.)

Troickij E.F., Zinov'ev V.P. Organizaciya Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti: stanovlenie, evolyuciya i krizis voenno-politicheskogo soyuza [Collective Security Treaty Organization: formation, evolution and crisis of the military-political Union] // Rusin. 2018. № 4 (54). S. 335–351. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640022419-8

© 2022 г. И.С. РЫБАЧЁНОК

ПАТРИАРХ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЕГОР ЕГОРОВИЧ СТААЛЬ (1822–1907)

Рыбачёнок Ирина Сергеевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: rybachenok@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8221-7291

Аннотация. Один из старейших российских дипломатов Е.Е. Стааль значительную часть карьеры являлся чрезвычайным и полномочным послом при королеве Великобритании и Ирландии, императрице Индии. Он внес существенный вклад в стабилизацию русско-английских отношений. Это был период острых конфликтов и кризисов на международной арене середины 80-х — конца 90-х годов XIX в. Специальных исследований, посвященных Стаалю, пока не опубликовано. Ограниченные рамки статьи не позволяют представить полную картину его деятельности на дипломатическом поприще. Автор статьи видела свою задачу в том, чтобы осветить основные вехи жизни и взгляды Стааля, профессиональные приемы и методы, которые он использовал в работе в ходе переговоров по афганскому разграничению 1884–1885 гг. и как глава российской делегации на Первой конференции мира 1899 г. в Гааге. Источниковой базой исследования послужили публикации дипломатических документов, неопубликованные донесения Стааля в Министерство иностранных дел, материалы его личного архива, сохранившегося в Архиве внешней политики Российской империи, а также его письма, отложившиеся в Государственном архиве РФ. Награды, полученные Стаалем в родном отечестве и тех государствах, где он представлял интересы России, свидетельствуют о высокой оценке его плодотворных трудов.

Ключевые слова: Е.Е. Стааль, внешняя политика России, международные отношения, афганское разграничение, Первая конференция мира в Гааге.

I.S. Rybachenok

Patriarch of Russian Diplomacy Yegor Yegorovich Staal (1822–1907)

Irina Rybachenok, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: rybachenok@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8221-7291

Abstract. One of the oldest Russian diplomats, Yegor Yegorovich Staal, spent a significant part of his career as Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary to the Queen of Great Britain and Ireland, the Empress of India. He made a significant contribution to the stabilisation of Anglo-Russian relations. It was a period of acute conflicts and crises on the international stage in the mid-1880s and late 1890s. No special studies on Staal have yet been published. The limited scope of the article does not allow to present a complete picture of his activities in the diplomatic field. The author saw her task as highlighting the major milestones of the diplomat's life and views, the professional techniques and methods he used in his work during the negotiations for the Afghan delimitation of 1884–1885 and as head of the Russian delegation to the First Peace Conference in the Hague in 1899. The study is based on the publication of diplomatic documents, unpublished reports from Staal to the Ministry of Foreign Affairs, materials from his personal archive preserved in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, and his letters deposited in the State Archive of the Russian Federation.

The honours Staal received in his home country and in those countries where he represented Russia show the high appreciation of his fruitful labours.

Keywords: Yegor Staal, Russian foreign policy, international relations, Afghan demarcation, First Peace Conference in 1899 in the Hague.

Хрестоматийно известный тезис английского дипломата Генри Воттона — «посланник есть благонадежный муж, посылаемый в чужие края для сокрытия истины в видах пользы государства», — разделяется не всеми. Но всем ясна та огромная ответственность, которая ложится на представителя державы за рубежом. Дипломатический этикет основан на соблюдении обычаев страны пребывания, а также на учете принципа старшинства ранга иностранного дипломата и даты его аккредитации.

Уровень представительства России в Великобритании со временем менялся от миссии до посольства. В конце XIX в. Лондон являлся одной из шести, а в начале XX в. — одной из девяти столиц, где Россия имела посла. Этот пост считался престижным, однако назначение на него не всегда зависело от профессионализма или дипломатического старшинства, но определялось решением царя, который прислушивался или нет к советам близкого окружения. С 27 марта (8 апреля) 1884 г. по 30 августа (11 сентября) 1902 г. Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Великобритании являлся Егор Егорович (Георг Фридрих Карл) Стааль.

Он происходил из балтийско-немецкого рода, получившего дворянство от шведского короля Карла XI в 1684 г. По высочайшему указу от 25 апреля (7 мая) 1901 г. Е.Е. Стаалю разрешили пользоваться баронским титулом Российской империи. Егор Егорович родился 10 (22) марта 1822 г. в имении Райкюль Ревельского уезда Эстляндской губернии в семье Георга Йохана фон Стаала (1777—1862), генерала в отставке с 1813 г., и Амалии Юлианы, урожденной фон Лиленфельд (1801—1861). Он был старшим из четырех сыновей и имел четырех сестер. В родовом имении под руководством матери шведские гувернеры занимались домашним образованием Георга до 15 лет, затем обучение продолжилось в старинной школе эстонской знати *Dom Schule* в Ревеле, а три года спустя — в Московском университете. По окончании юридического факультета в январе 1845 г. Стаала приняли в Азиатский департамент МИД с чином губернского секретаря, в феврале 1846 г. назначили младшим помощником столоначальника, в сентября 1848 г. — старшим помощником столоначальника, а в 1850 г. — помощником секретаря миссии в Турции.

В годы Крымской войны Стааль выполнял поручения по дипломатической части. Позже он стал секретарем Генерального консульства в Бухаресте (1857—1859 гг.), а затем старшим секретарем миссии в Греции (1859—1861 гг.), в мае 1861 г. он получил офицерский крест греческого ордена Спасителя. После краткого пребывания в центральном аппарате МИД Егора Егоровича в марте 1862 г. назначили старшим секретарем, а в ноябре 1864 г. — советником миссии в Турции. Там Стааль был удостоен турецкого ордена Меджидие 3 степени. С марта 1871 по март 1884 г. дипломат занимал пост Чрезвычайного Посланника и Полномочного министра в Вюртемберге, а также с весны 1883 г. — одновременно аналогичные посты в Баварии, Бадене и Гессене, где также был отмечен наградами.

Семейная жизнь Егора Егоровича складывалась в целом удачно. В 1867 г. он женился на третьей дочери князя Михаила Дмитриевича Горчакова, Софье (1835—1917). Любезная, обворожительная и остроумная дама умело и успешно выполняла представительские обязанности супруги посланника, а позже — посла.

Единственная их дочь Агафокля (1867—1917) в 1900 г. вышла замуж за графа А.А. Орлова-Давыдова. Спустя шесть лет у мужа завязался роман с певицей Марией Пуаре, выступавшей на подмостках московских театров под сценическим именем Марусина. Она сумела добиться развода графа, а затем и официального брака с ним в 1914 г.

Несчастливая в личной жизни, А.Е. Стааль активно содействовала подготовке издания дипломатической переписки отца, сохранившейся в архиве лондонского посольства¹.

Российское посольство в Лондоне располагалось в Мэйфер – зеленом районе тихих улиц и уютных площадей. Купить здесь достаточно большой дом было трудно, и русское правительство приобрело два. Из-за необходимости соединить здания архитектор отвел очень много места для огромной парадной лестницы, которая придавала пышность резиденции. В втором этаже находились помещения для приемов и жилые апартаменты, а канцелярия располагалась в двух маленьких комнатах на четвертом этаже.

Финансовая обеспеченность жителя Стааля в Лондоне позволяла устроиться с удобством. Обычно чиновники заграничной службы имели оклад, в два-три раза превышавший жалование сотрудников центрального аппарата МИД. В зависимости от страны пребывания послы получали по 50 тыс. руб. в год (после 1900 г. – по 75–80 тыс. руб.). Обосновавшись в посольстве, он лишь отчасти воспользовался мебелью, оставшейся от предместника – барона А.П. Моренгейма, и купил свою². Сменивший на этом посту Е.Е. Стааля граф А.К. Бенкендорф привез из России только личные вещи. Пообщавшись с коллегой лично, в ноябре 1902 г. он писал жене: «Стааль очарователен, но ему не достаёт проницательности... он говорит о политике, как Дарвин говорит о науке, настолько доступно, что даже дети могут его понять»³.

Штат служащих при Стаале был небольшим: советник, первый секретарь и два вторых секретаря. Егор Егорович очень внимательно относился к нуждам и здоровью своих сотрудников, заботился об их карьерном росте, но был требователен в выполнении служебного долга. Его доброжелательность высоко ценили коллеги, со многими из которых – Н.К. Гирсом, А.Е. Влангали, А.К. Базили, Д.А. Капнистом, Н.П. Шишкиным, графом В.Н. Ламздорфом – он дружил долгие годы, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Хотя, отойдя от дел летом 1897 г., Шишкин сообщал, как он счастлив, получив свободу от каждодневных трудов в здании на Мойке, и советовал коллеге отдохнуть, поскольку отставка лучше врачей поддержит здоровье, но при этом он желал Стаалю «нести знамя поколения, единственным представителем которого тот оставался»⁴.

Стааль действительно являлся представителем старой гвардии МИД. Как дипломат он отличался наблюдательностью, его донесения были не только информативны, но всегда сопровождалась вдумчивой трактовкой внутреннего положения страны пребывания и текущей международной ситуации. 14-летнее пребывание Стааля на берегах Темзы оказалось насыщенным множеством событий на международной арене (Японо-китайская война 1895 г., Ближневосточный кризис 1895–1897 гг., Англо-бурская война 1899–1902 гг., Дальневосточная экспансия России 1898–1905 гг.), и крайне важной для МИД была позиция Лондона, о которой информировал Стааль. В эти годы он участвовал в переговорах по урегулированию двусторонних отношений: после событий на реке Кушке в 1885 г., о разграничении на Памире в 1891–1895 гг., об определении сфер влияния России и Англии на Дальнем Востоке в 1898 г., а в 1899 г. возглавлял российскую делегацию на Первой конференции мира в Гааге.

На протяжении длительного времени Петербург и Лондон разделяло множество противоречий. В годовом отчете МИД за 1895 г. констатировалось: «Англия, интересы которой постоянно встречаются с нашими на Востоке, старалась противодействовать политике императорского правительства»⁵. Противостояние Российской и Британской империй в Центральной Азии в литературе именуется термином «Большая игра».

¹ Correspondance diplomatique de M. de Staal (1884–1900). Publiee par le baron A. Meyendorff. T. 1–2. Paris, 1929.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 340. Оп. 588. Д. 1. Л. 57–58.

³ Цит. по: *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Aleksander Benkendorff (1903–16). Farnham, 2011. P. 38.

⁴ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 8. Л. 237–239, 243–244.

⁵ Там же. Ф. 137. Оп. 475. 1895 г. Л. 75 об.

Хронологические и географические рамки, периодизация, предпосылки и итоги этого явления породили значительную историографию с различными подходами и трактовками⁶.

Соперничество двух держав за влияние в регионе завязалось в 30-х годах XIX в. и, то обостряясь, то затихая, длилось до начала 1900-х. Главным призом, утверждал В.С. Мясников, была не Индия, «а возможность контроля над обширнейшими рынками сбыта и источниками сырья в глубинных районах Евразийского континента»⁷. Ставкой в этой игре оказались судьбы стран Ближнего и Дальнего Востока, Южной Азии. В борьбе России и Британии прослеживается несколько периодов.

Г.В. Чичерин, одним из первых в советской историографии обратившийся к этой проблеме, различал два периода. Первый, начавшийся продвижением России в Средней Азии от Оренбургской и Сибирской кордонных линий, завершился взятием Ташкента и Самарканда; второй – после занятия Красноводска в 1869 г., вызвав озабоченность англичан, стимулировал разжигание пропаганды об «угрозе Индии», хотя в Петербурге не помышляли об этом, но старались сохранять с Лондоном лояльные отношения.

Предложенную периодизацию, очевидно, следует дополнить, поскольку стычка у реки Кушки в 1885 г. и последовавшие затем англо-русские переговоры стали отдельным периодом соперничества, а ее кульминацией – разграничение на Памире. Военно-топографические изыскания и дипломатические переговоры вылились в Памирское соглашение 1895 г., завершившее размежевание сфер влияния России, Англии, Афганистана и Китая в этой стратегической точке, а пограничная линия Российской империи здесь была окончательно устновлена.

Автор статьи, не вдаваясь в перипетии так называемой «Большой игры», ставила задачу выявить позицию российской дипломатии и основные приемы профессиональной деятельности Стааля в ходе переговоров по афганскому разграничению 1884–1885 гг. и в роли главы делегации России на Первой конференции мира 1899 г. в Гааге.

В условиях, когда жупел «русской угрозы» зачастую доминировал в правительственных кругах и общественном мнении «владычицы морей», роль посла в создании благоприятного имиджа державы, которую он представлял, в сглаживании напряженности являлась существенной. Особое значение личностный фактор приобретал в кризисные моменты. Предшественники Е.Е. Стааля служили в Лондоне сравнительно недолго: граф П.А. Шувалов в 1874–1879 гг., князь А.Б. Лобанов-Ростовский в 1879–1882 гг., барон А.П. Моренгейм в 1882–1884 гг. Стааль же благодаря длительности пребывания на посту имел возможность глубоко проникнуть в местные реалии.

Дипломатию, по мнению Егора Егоровича, должны отличать «баланс интересов, уважение к договорам, верность данному слову». Он «испытывал ностальгию по простым и прямым отношениям между государствами и людьми», хотя не считал себя «закоренелым ретроградом»⁸. Его образ мыслей и добросовестность в делах импонировали Александру III. Перед смертью монарх посоветовал наследнику (будущему императору Николаю II), учитывая состояние здоровья министра иностранных дел Н.К. Гирса, назначить на этот пост Е.Е. Стааля, но тот, сославшись на преклонный возраст, отклонил предложение⁹.

Годы пребывания в Лондоне выработали у дипломата убежденность в преимуществе и для России, и для Англии отказа от политики недоверия, он призывал стремиться к большему взаимопониманию¹⁰. В Лондоне такой подход высоко ценили. Когда в 1895 г. вставший во главе российского МИД А.Б. Лобанов-Ростовский задумал перевести Е.Е. Стааля в Вену, назначив на его место посла в Константинополе А.И. Нелидова, королева

⁶ См.: *Сергеев Е.Ю.* Большая игра. 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

⁷ *Постников А.В.* Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / ред. и пред. академика В.С. Мясникова. М., 2005. С. 5.

⁸ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 870. Д. 12. Л. 2, 4.

⁹ Там же. Оп. 588. Д. 8. Л. 128–130.

¹⁰ *Rosen R.* Forty years of diplomacy. New York, 1922. P. 103.

Виктория в личном письме Николаю II просила оставить старого посла в английской столице. Причины такого отношения, думается, убедительно объясняет оценка одного из современников, близко знавшего Стааля: «Это был необыкновенно любезный и непритязательный человек, весь как будто проникнутый желанием всех обворожить своей умной ласковостью... он прекрасно успевал в своей задаче — устранять все шероховатости между обоими странами, нисколько в то же время не жертвуя русскими интересами. Сглаживать как можно более личные отношения в дипломатии значит очень много, а этим умением г-н Стааль обладал в совершенстве»¹¹.

На посту в Лондоне Стааль руководствовался двумя подробными инструкциями от 8 (20) июня и 6 (18) июля 1884 г., которыми его снабдил Гирс. В первой содержались экспозе отношений с Англией и принципов политики России, а во второй — излагалась предыстория русско-английских переговоров с 1869 г., подробная информация о которых содержалась в архивах вручаемого ему посольства¹².

Из нее следовало, что в основе договоренностей, инициированных Лондоном в начале 1869 г., лежала идея создать между владениями двух государств буферную зону. Петербург не согласился с определением ее границ, хотя принял замысел в общем виде. Канцлер А.М. Горчаков предложил считать Афганистан нейтральной зоной, тогда как британский министр иностранных дел Дж.В. Кларендон настаивал на ее расширении на север за счет независимых ханств Южного Туркестана¹³. Дело осложнялось тем, что точно не были определены границы самого Афганистана. По образному выражению английского разведчика и историка П. Хопкирка, «тогда граница была всего лишь неопределенной линией на еще более сомнительной карте»¹⁴. Вопрос остался открытым, а осенью 1869 г. стороны условились: считать пределами Афганистана владения эмира Шер-Али хана; побудить его не распространять их; не допускать эмира Бухарского нарушать афганскую территорию. Северная граница Афганистана должна была также служить линией разграничения сфер влияния России и Англии.

В январе 1872 г. в Лондон направили П.А. Шувалова с посланием Александра II, побещавшего не включать Хиву в состав Российской империи и договориться о северной границе Афганистана. Свои представления об этих границах английское правительство изложило в ноте министра иностранных дел графа Дж. Гренвилла на имя посла в Петербурге лорда О. Лофтуса 5 (17) октября: Бадахшан с округом Вахан от озера Сарыкуль на востоке до слияния Кокчи с Оксусом (Аму-Дарьёй) образуют северную границу; левый берег Оксуса ниже Ходжа-Салеха не принадлежит эмиру; западная граница считается хорошо известной¹⁵. Хотя, по сведениям, собранным Туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом, Бадахшан и Вахан не принадлежат эмиру, Петербург решил уступить, в расчете на обязательство Лондона удерживать эмира от завоеваний.

Длительный обмен мнениями привел к заключению соглашения 1873 г. Его особенностью, по оценке историка Г.А. Хидоятова, являлось отсутствие специального документа, подписанного обеими сторонами, — имелись лишь тексты официальных депеш, которыми кабинеты обменялись в ходе переговоров, что давало простор для различных толкований¹⁶. «Соглашение 1873 г., в достаточной мере неопределенное и свидетельствовавшее о плохом знании географии, по словам Чичерина, развязало руки царизму в Туркестане».

¹¹ Головин К. Мои воспоминания. Т. II (1881–1894). СПб., 1910. С. 92–93.

¹² Correspondance diplomatique... Т. I. № 1. Р. 25–34; № 8. Р. 42–50.

¹³ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. Ч. I–II. СПб., 1886. Ч. I. С. 3–4.

¹⁴ Хопкирк П. Большая игра против России: азиатский синдром. М., 2004. С. 414.

¹⁵ Correspondance diplomatique... Т. I. № 8. Р. 43.

¹⁶ См.: Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969. С. 88–89.

Продвигаясь и останавливаясь вовремя, Россия сумела в 1870–1880-е годы «завершить округление своих среднеазиатских владений, избегнув столкновения с Англией»¹⁷.

После покорения Хивы (1873 г.) и вхождения Кокандского ханства в состав России (1876 г.) Англия вторглась в Афганистан (1878 г.). Петербург принял ответные меры – в мае 1881 г. был занят Ахалтекинский оазис и подписана конвенция с Персией, по которой ее северной границей признавалась река Атрек, а шах отказывался от вмешательства в дела туркмен Мерва и Теджена. Успехи русского оружия побудили Лондон в 1882 г. вступить в переговоры с Петербургом о границе между Персией и Туркестаном, чтобы избежать соприкосновения владений России и Афганистана. Послу в Лондоне Лобанову-Ростовскому поручалось заявить, что определение границ России и Персии касается только этих стран; а разграничение между Россией и Афганистаном сводится к определению черты между Ходжа-Салехом и Серахсом¹⁸. Такая позиция оказалась неприемлемой для Англии, и обмен мнениями прекратился.

После присоединения Мерва к России (январь 1884 г.) Лондон в специальной ноте упрекнул Петербург в нарушении принятых обязательств и просил сформулировать предложения, чтобы предупредить возможные осложнения¹⁹. В ответ, подчеркнув отсутствие обязательств не посылать войска в Мерв, Гирс согласился возобновить прерванные в 1882 г. переговоры. Форин офис предложил для определения пограничной черты создать смешанную комиссию, включив в нее делегата от Афганистана, но МИД допускал его присутствие лишь как эксперта. Комиссарам от двух правительств предстояло съехаться к концу октября 1884 г. в Серахсе на правом берегу Герируда (т.е. в пределах Персии) и начать разграничение до зимы.

В таком положении находились дела, когда Стааль прибыл в Лондон. Главный тезис инструкций от 8 (20) июня 1884 г. – Александр III был убежден, что две империи могут мирно жить в Азии, каждая в своей сфере влияния – определял характер деятельности посла. Поэтому основная задача Стааля заключалась в поддержании и развитии лояльных отношений с Англией.

Между тем англичане от имени Абдуррахман-хана предъявили претензии на оазис Пенде, позволявший контролировать путь из Герата в Мерв. Пользуясь тем, что пограничная черта по Оксусу не была установлена соглашением 1873 г., эмир, подстрекаемый Лондоном, в июне 1884 г. приказал занять оазис. Это вызвало спор об исходной точке разграничения: в Петербурге считали, что ею должен стать Ходжа-Салех, а в Лондоне – пункт на Герируде²⁰. МИД согласился с приоритетностью установить границу между реками Герируд и Мургаб, но отметил, что английская демаркационная черта разделяла земли, населенные племенем туркмен-сарыков с подчинением одной части Афганистану²¹. Кроме того, отсутствовала ясность формулировок, что допускало разнообразные толкования. В российском МИД задачу комиссаров видели только в съемке и описании местности, после предварительной договоренности между правительствами относительно зоны разграничения. Форин офис возлагал на комиссаров подготовку проекта соглашения, по которому оазис Пенде (лежащий между реками Мургаб и Кушкой и примыкающий к северной границе Афганистана) включался в его состав. Предложение Петербурга об установлении нейтральной зоны Лондон отверг.

Разрешение туркменам-сарыкам переселиться на правый берег Герируда у Старого Серахса и отправка туда двух казачьих сотен летом 1884 г. изменили положение дел²². Петербург предложил отложить заседания комиссии до января 1885 г. и, поскольку Лондон отказался сократить численность военного конвоя (превышавшего 1 тыс. человек),

¹⁷ Чичерин Г.В. Россия и азиатские народы // Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 93–95.

¹⁸ Афганское разграничение. Ч. I. С. 10–20.

¹⁹ Там же. Ч. II. № 2.

²⁰ См.: Хидояттов Г.А. Указ. соч. С. 103–107.

²¹ Афганское разграничение. Ч. II. № 19.

²² Correspondance diplomatique... Т. I. № 8. P. 50.

назначенного в распоряжение комиссара, снабдил своего равным по численности, но отказал англичанам в проходе по правому берегу Герируда. Слухи о военных приготовлениях афганцев, поощряемых приближением английского конвоя, заставили Петербург в начале октября 1884 г. занять Пули-Хатун на правом берегу Герируда (южнее Серакса, но далеко от границы с Афганистаном), предписав генерал-лейтенанту А.В. Комарову тщательно избегать вооруженного столкновения с афганцами. Было решено установить русские посты от пункта на Герируде до пункта на Мургабе и усилить состав войск Закаспийской области.

Переговоры «зависли», и в конце октября Стааль сожалел, что его усилия не могут изменить неопределенную ситуацию, чреватую, по его мнению, серьезными осложнениями²³. Согласие договориться о зоне разграничения англичане оговорили уловкой – предварительно посоветоваться с эмиром, что Петербург отверг. Проект зоны разграничения, основанный на имеющихся данных и картах, хотя неполных и неточных, препроводили послу в Петербурге (с 1879 г.) Э. Торнтону. В ответе, переданном через Стааля, выражалась готовность принять северную границу зоны, но нежелание заранее определять южную, что означало отказ от равносильных гарантий²⁴.

Особое совещание по этому вопросу 24 декабря 1884 г. (5 января 1885 г.) постановило предложить Англии согласовать разграничительную черту сфер влияния двух держав, которую комиссары провели бы на месте. При этом сочли возможным отодвинуть границу, начинавшуюся на Герируде, на север южнее Зульфagara вдоль цепи холмов, окаймлявших правый берег реки Кушки, и завершить у Ходжа-Салеха на Оксусе. Тогда оазис Пенде оставался за Россией, а расстояние до Герата составляло 120 верст. Заключение совещания 16 (28) января 1885 г. переслали Стаалю для передачи Гренвиллу²⁵.

Тем временем отряд, отправленный для занятия Зульфagara, прибыл туда в январе 1885 г. Это обеспокоило англичан, и 8 (20) февраля Торнтон передал в российский МИД записку с настоятельным предложением приостановить движение русских во избежание «столкновений и весьма серьезных последствий». В ответ Гирс напомнил, что афганцы, вопреки соглашению 1873 г., заняли страну, никогда им не принадлежавшую, тогда как русские не выходили за пределы туркменских степей.

14 (26) февраля 1885 г. Стааль направил в МИД записку с размышлениями о возможных вариантах хода переговоров²⁶. Он считал маловероятным, что движимый своими традиционными предубеждениями Сент-Джеймский кабинет просто примет предложения России о линии афганской границы, хотя это было бы наилучшим вариантом, учитывавшим не только русские, но и британские интересы. Другая гипотеза – правительство отклонит русские предложения, сославшись на комиссию или неприемлемость линии, что даст лишь видимость пользы для России. Но это, по крайней мере, полагал он, «не приведет к немедленной коллизии с Афганистаном» и «не посеет зерна более глубоких пертурбаций, способных привести к глобальным осложнениям, последствия которых непредсказуемы». Стааль считал английских министров достаточно осторожными, чтобы так рисковать. Наконец, третий вариант – Лондон примет одни предложения, отклонив другие, поскольку считает Пенде частью афганских владений. Посол убежден, что в этом случае Петербургу следует «со всей твердостью отстаивать свои предложения». В отправленном в тот же день личном письме Егор Егорович отмечал затруднительность своего положения в настоящий момент, но тем не менее был уверен: «Следует придерживаться твердых позиций, но в мягких перчатках, чтобы не допустить открытой ссоры»²⁷.

Предвидения дипломата оправдались: в ноте 1 (13) марта Лондон отказался принять означенную черту, предложив оставить оазис Пенде за Афганистаном, а комиссарам

²³ Ibid. № 49. P. 164.

²⁴ Афганское разграничение. Ч. II. № 43, 45.

²⁵ Там же. № 46.

²⁶ Correspondance diplomatique... Т. I. № 19. P. 158–160.

²⁷ Ibid. № 21. P. 102.

предоставить полную свободу действий на месте. 15 (27) марта послу поручили передать возражения Петербурга, считавшего неудобным разделять племя сарыков при таком варианте разграничения²⁸. Поскольку Гренвилл счел предложение неприемлемым, Стаалю предписали предложить новую зону разграничения, чтобы уменьшить поводы к разногласиям²⁹, но переговоры были прерваны Лондоном. В МИД больше всего опасались конфликта с Англией. Гирс в эти мартовские дни с тревогой писал Стаалю: «Надо избежать войны»; «мы на грани войны»³⁰.

Когда в Петербурге стало известно, что по линии от Зульфагара до Даш-Кёпри установлены русские посты, переговоры решили возобновить, сохраняя до их окончания status quo в спорных местах. Вместе с тем Торнтон предупредил, что, хотя начальникам русских отрядов приказано не переходить занятую линию, это правило не будет соблюдаться в случае наступления афганцев или возникновения беспорядков в Пенде. Комарову же приказали: если пендинские сарыки изгонят афганцев и позовут русских, занять эту местность для предупреждения кровопролития, но самим в акции не участвовать.

Лондон между тем нагнетал напряженность: в прессе была развязана антирусская кампания, отражавшая негодование общественного мнения. Стааль сообщал о выходках английских газет, о резких высказываниях в адрес Гирса на публичных лекциях, о требованиях осадить Россию. 15 (27) марта королева Виктория обратилась к парламенту с посланием о созыве резервистов и было восторжено предложение открыть правительству чрезвычайный кредит в 11,5 млн фт. на вооружения ввиду возможности неблагоприятного исхода переговоров³¹. На другой день в новой записке Торнтон излагался английский взгляд по поводу «слухов и неразумных угроз, недостойных двух сильных наций», и выражалась надежда на почетное для России, эмира и Англии соглашение. 18 (30) марта Петербург подтвердил намерение соблюдать права Лондона и эмира в расчете, что и «Англия будет с тем же уважением относиться к правам России», а оба правительства смогут устранить все, что мешает удовлетворительному разрешению вопроса³². Тем не менее русские войска на юге Закаспийской области усилили.

Отряд Комарова 15 (27) марта занял Ак-Тепе близ впадения Кушки в Мургаб. Афганцы перешли Мургаб и Кушку, встав на левом, т.е. русском, берегу с отрядом кавалерии, частью пехоты и восемью орудиями, а три дня спустя охватили с обоих флангов передовую линию русских постов. Категорическое требование Комарова, переданное день спустя через парламентаря, убрать афганские посты остались втуне, а выдвинутые на другой день войска были встречены ружейным и артиллерийским огнем. В ходе боя 18 (30) марта афганцы были рассеяны, а английские офицеры, не принимавшие в нем участия, но руководившие им под рукой, спешно ретировались. Генерал-лейтенант М.А. Терентьев, не только активно участвовавший в освоении Туркестана, но и имевший возможность позже изучать соответствующие документы в архивах, более красочно, чем официальный документ, описал эту сцену: «Когда все это растрепанное залпами афганское воинство бросилось наутек, проклиная англичан», их капитан прислал к Комарову «просить конвоя для охраны его от “братьев-афган”, но, не дождавшись казаков, ускакал, потеряв свой шлем пробковый... Так, все английские затеи и рассыпались прахом!»³³.

Сергеев уделил этому острому кризису в англо-русских отношениях всего четыре страницы³⁴, однозначно заняв проанглийскую точку зрения. Гораздо адекватнее в оценках Н.Н. Лисицына, которая констатирует, что «пендинский кризис отчетливо выявил провокационность действий английской стороны. Целями и задачами последней было

²⁸ Афганское разграничение. Ч. II. № 63.

²⁹ Там же. № 71.

³⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 4. Л. 17–20.

³¹ Correspondance diplomatique... Т. I. № 65. P. 201.

³² Афганское разграничение. Ч. II. № 65, 66.

³³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: в 3-х т. М., 2018. Т. I. С. 277.

³⁴ См.: Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 180–184.

обеспечение наиболее выгодных позиций по всему спектру геостратегических, политических и экономических интересов империи на среднеазиатском театре»³⁵.

Гирс писал Стаалю, что «в деле Кушки мы белы, как снег», и «мы не можем отступить, а Комаров исполнил свой долг». Вместе с тем он с удовлетворением констатировал: «Можем себя поздравить — мы избежали войны»³⁶. Александр III одобрил действия храброго генерала, которому за Кушку была пожалована шпага, украшенная бриллиантами. Стороны договорились приостановить военные действия на спорной территории, поскольку сведения о положении дел там доходили до Лондона на четвертый день, а до Петербурга лишь на восьмой, а до тех пор оазис Пенде признали нейтральной территорией, от вступления на которую обязаны воздерживаться и русские, и афганцы.

Полагая нежелательным длительный перерыв в переговорах, Стааль по собственной инициативе решил их возобновить³⁷. Он понимал, какую ответственность берет на себя, вступая в них без формального одобрения и сформулированных императорским кабинетом предложений. Но оправданием служила, по его мнению, острая фаза кризиса, вызванная событиями у Ак-Тепе: «я чувствую, что каждый потерянный час отдаляет возможность мирного исхода». Поэтому на свой страх и риск дипломат делает предложения от своего имени и надеется, таким образом, «подготовить почву для дискуссии к тому моменту, когда снизится накал политических страстей, что позволит возобновить официальные переговоры». Он полагал, что следовало предварительно отозвать русские отряды со спорной территории и пообещать совместно проверить факты, приведшие к конфликту у Кушки.

Депеша с изложением инициатив посла вызвала лишь частичное одобрение Александра III, написавшего на ней: «Я прекрасно понимаю его страстное желание сделать все возможное, чтобы найти выход из ситуации... и в этом смысле считаю демарш оправданным, за исключением предложения отозвать войска»³⁸. В Форин офис сомневались в достоверности русских сведений об инциденте и предложили передать вопрос на обсуждение главе третьей державы, например Германии, с чем Александр III категорически не согласился. По мнению Гирса, также следовало «исчерпать конфликт без арбитража»³⁹. Стаалю поручили заявить, что русский император признает себя единственным судьей в вопросе о соответствии действий генерала Комарова данным ему приказаниям, поэтому вопрос следует свести к недоразумению⁴⁰.

В ходе бесед с английскими дипломатами Стааль выяснил, что самым существенным условием соглашения они считали обеспечение за афганским эмиром Зульфагаром на Герируде, и в случае согласия России эмир готов отказаться от оазиса Пенде. Петербург признал возможным такой вариант. Придав соглашению форму конвенции, Лондон передал Стаалю проект пограничной черты⁴¹. Однако в МИД его не одобрили до предварительного уточнения черты на месте и решения спорного вопроса о захвате Шугнана и Рошана, для чего туда следовало направить новую пограничную комиссию.

Разногласия между кабинетами касались трех пунктов: более точного определения понятия Зульфагарского ущелья (прохода); пункта пересечения границей Мургаба; направление границы между Мургабом и Оксусом. Два последних пункта удалось быстро согласовать, но по первому возникли недоразумения. Согласившись в принципе уступить афганцам Зульфагар, в Петербурге полагали, что название относится лишь к части долины Герируда, где с января 1885 г. стоял русский пост. В Лондоне на основании более подробных съемок местности английскими офицерами и имевшихся карт понимали под

³⁵ Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е — 1907 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 25.

³⁶ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 4. Л. 24—25.

³⁷ Correspondance diplomatique... T. I. № 58. P. 196—199.

³⁸ Ibid. № 76. P. 207—208.

³⁹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 4. Л. 28—29.

⁴⁰ Афганское разграничение. Ч. II. № 82, 89, 96, 102.

⁴¹ Там же. № 110, 112, 118.

этим названием ущелье, тянущееся параллельно правому берегу Герируда, открывавшее доступ к долине реки из южной Туркмении. Петербург был готов признать за афганцами права только на западную часть ущелья⁴².

После смены кабинета в Лондоне место Дж. Гренвилла занял Р. Солсбери, заявивший Е.Е. Стаалю, что его предшественник обнадежил эмира уступкой всего ущелья, поэтому правительство королевы вынуждено настаивать на своем. Петербург не согласился на такой вариант. Но после съемки местности офицерами Кавказского округа уступил при условии сохранения восточных выходов из него за Россией. Стаалья снабдили соответствующей инструкцией⁴³, и дальнейшие переговоры касались только технических вопросов. 29 августа (10 сентября) 1885 г. обменом нот завершилось соглашение о разграничении афганских владений⁴⁴.

Спустя 10 лет, оценивая намерение Лондона пригласить афганского эмира, чтобы поднять свой престиж на Востоке, Стааль писал 17 (29) мая 1895 г. Лобанову: «Постоянно надвигающиеся границы могущественной Российской империи, стихийное движение вперед наших пионеров не способствовали этому престижу, на котором, в конце концов, зиждется британское могущество в Индии»⁴⁵. Вместе с тем дипломат оставался приверженцем идеи англо-русского сотрудничества. В письме Лобанову 28 декабря 1894 г. (9 января 1895 г.) он выражал мнение о необходимости «приступить к оформлению благоприятных результатов, достигнутых последними переговорами, имевшими целью разграничение обоюдных сфер влияния. Дружеский исход переговоров и установление в принципе главных условий сделки проложит путь к практическому осуществлению соглашения с этой державой»⁴⁶.

За свои труды Стааль удостоился высочайшей благодарности, а 10 лет спустя получил бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского после подписания соглашения о разграничении на Памире. Важное значение этого акта подчеркивалось в отчете МИД за 1895 г.: «На Памире происходило разграничение, продвинувшее сферу нашего влияния на расстояние нескольких десятков верст к Гиндукушу»⁴⁷. В ходе этих переговоров Стааль предложил использовать механизм смешанной комиссии по аналогии с афганским разграничением. Склонность дипломата к поиску компромиссных решений проявилась и при обсуждении инициированной в 1898 г. Лондоном попытки заключить общее соглашение с Россией по комплексу спорных вопросов. Стааль приветствовал такую перспективу, но по решению Николая II дело свелось к разграничению сфер железнодорожного влияния на Дальнем Востоке.

Лебединой песнью в карьере патриарха российской дипломатии стала Первая конференция мира 1899 г. в Гааге⁴⁸. Публикацию циркуляра 12 (24) августа с предложением державам собраться на конференцию для обсуждения возможности положить предел непрерывным вооружениям посол в Лондоне приветствовал, как и циркуляр 30 декабря 1898 г. (11 января 1899 г.) с программой конференции. Но он никак не ожидал, что МИД предложит ему возглавить российскую делегацию. Стааль, который, по его словам, «не ищет ни пальмовых ветвей, ни лавров», сомневался, что сможет успешно вести дело из-за преклонного возраста, отсутствия опыта участия в таких мероприятиях и необходимости быть в Лондоне, пока шли переговоры по дальневосточным делам.

⁴² Там же. № 128.

⁴³ Там же. № 146, 147.

⁴⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. № 37. М., 1952. С. 264–266.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1895 г. Д. 69. Л. 71.

⁴⁶ Там же. Л. 2–3 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 137. Оп. 475. 1895 г. Л. 140.

⁴⁸ См.: Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.

Однако министр иностранных дел В.Н. Ламздорф убедил многоопытного коллегу взвалить на себя эту нелегкую ношу⁴⁹, а Николай II в категорической форме распорядился назначить именно Стааля. Тогда по его просьбе в состав делегации, кроме известного профессора права Ф.Ф. Мартенса, включили хорошо знакомого Егору Егоровичу сотрудника министерства юстиции В.М. Гессена как секретаря для справок по юридическим вопросам. Идеализируя ситуацию, Мартенс полагал, что на конференции все министерства вместе будут представлять «единое русское правительство». Но поскольку такового не существовало, делегатам от военного, морского и финансового ведомств предстояло снимать разногласия, сносаясь с руководством в Петербурге, а последнее слово оставалось за царем. Хотя в МИД пытались придать цельность позиции России, все проблемы на месте предстояло решать Стаалю.

Прибыв в Петербург, старый дипломат признался Мартенсу в затруднительности своего положения: он плохо слышал и даже опасался, что «вернется из Гааги ногами вперед»⁵⁰. Вести прения на такой международной конференции ему предстояло впервые, и он попросил Мартенса написать для него две речи. Скромный Егор Егорович явно недооценивал свой огромный профессиональный и человеческий опыт. Однако это отмечено в рескрипте Николая II, где говорилось, что в течение 15 лет Стааль «успешно содействовал упрочению дружественных отношений между Россией и Великобританией и мирному разрешению возникавших политических вопросов», а «верное понимание истинных интересов России, наряду с высокими личными качествами, снискало ему всеобщее уважение». Это побудило возложить на патриарха дипломатии ответственную миссию, выполнение которой поспособствует решению задачи «близкой сердцу императора»⁵¹.

Инструкции предписывали главе делегации сообразовываться с позициями военного, морского и финансового ведомств, имея в виду, что сохранение нынешних численности вооруженных сил и видов вооружения на пять лет станет успехом. Полностью в его компетенции оставались вопросы третейского суда, посредничества и добрых услуг, международных следственных комиссий. Стаалю следовало добиться, чтобы разногласия на конференции не могли вредно отразиться на ее исходе.

Заседания конференции происходили в Лесном доме — дворце, построенном в 1647 г. 110 делегатов в порядке алфавита держав заняли места в высокой и светлой Оранской зале. Перед окнами в полукруге большого подковообразного стола разместились маленький прямоугольный — для секретарей. 6 (18) мая в два часа пополудни нидерландский министр иностранных дел В. Бофор открыл заседание. Стааля как представителя державы — инициатора конференции избрали ее президентом. Егор Егорович очень волновался — его руки и голос заметно дрожали, но он произнес собственную речь, а не заготовленный Мартенсом проект. Неоднократно прерывавшие ее общие рукоплескания свидетельствовали о хорошем впечатлении.

На открытии конференции присутствовали журналисты разных стран, но все дальнейшие прения постановили сохранять в тайне. На 8 (20) мая назначили следующее пленарное заседание для распределения делегатов по комиссиям. Организационная работа происходила на дому у Стааля, где собирались первые уполномоченные от держав. Сообщая об этом в МИД, Егор Егорович подчеркнул полезность таких предварительных обменов мнениями, чтобы «в спокойной частной беседе выяснялись различные взгляды и по возможности предотвращались опасные для правильного хода занятий конференции резкие столкновения между представителями держав»⁵².

В дальнейшем Стааль регулярно информировал центр о ходе работы. 7 (19) мая на совещании у Стааля решили сосредоточить прения по вопросам программы конференции в трех комиссиях, а общему собранию предоставить обсуждать и утверждать подготовленные проекты. I комиссия (с двумя подкомиссиями) дебатировала соглашение

⁴⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 568. Оп. 1. Д. 779. Л. 103 об., 107, 113–114.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 787. Д. 5. Л. 33.

⁵¹ Правительственный вестник. 1899. № 86.

⁵² АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. 1899 г. Д. 62. Т. 1. Л. 7.

о сохранении на известный срок нынешнего состава сухопутных и морских вооруженных сил, военных бюджетов, а также возможность их сокращения в будущем. II комиссия (также с двумя подкомиссиями) изучала применение к морским войнам начал Женевской конвенции 1864 г. и пересматривала декларацию о законах и обычаях войны, выработанную на конференции 1874 г. в Брюсселе. Наконец, на долю III комиссии оставался вопрос о мирных способах разрешения международных споров. Члены комиссий назначались по усмотрению глав делегаций из числа ее участников, причем первый и второй делегаты от каждого государства могли работать во всех трех комиссиях, а технические и научные — только в тех, в которых состояли, а также в пленарных заседаниях.

Кроме организационных дел, на этом заседании по инициативе нидерландского делегата затронули проблему неприкосновенности частной собственности на море во время войны. Поскольку в Главном морском штабе России признали обсуждение этого вопроса «в высшей степени вредным для России», его не включили в окончательную программу. К тому же стало известно о противодействии Англии, Франции и Италии его постановке. Поэтому при первой атаке Стаалю даже не пришлось ввязываться в бой — его принял на себя итальянский уполномоченный.

На пленарном заседании 8 (20) мая Стааль обозначил в общих чертах задачи конференции. Вновь это был его собственный текст, а не заготовка Мартенса. Последний остался недоволен, так как семь восьмых речи касались арбитража и лишь одна восьмая — разоружения. Такой перенос акцентов выглядел как отказ России от исходного замысла, полагал Мартенс, ранее утверждавший, что только арбитраж «вытянет» конференцию.

После длительных споров главы делегаций держав на совещании 11 (23) мая согласовали состав трех комиссий и назначили их председателей и вице-председателей. По словам Стааля, это потребовалось, «чтобы, без ущерба для дела, было по возможности удовлетворено национальное и личное самолюбие делегатов различных государств, — вопрос, который, несмотря на всю его мелочность, мог иметь немалое влияние на ход его прений»⁵³. Как видим, выдержка и мудрость опытного дипломата сразу оказались востребованными. В тот же день на третьем пленарном заседании решение единогласно одобрили. Кроме того, постановили давать прессе лишь краткие сообщения о работе комиссий с разрешения председателя, что вызвало острую дискуссию. Сообщая об этих перипетиях в Петербург, Стааль отметил, что, несмотря на меры, принятые к сохранению тайны, его вступительная речь была напечатана в местных газетах. По мнению дипломата, это не имело серьезного значения, а в «утечке», вероятно, повинны американские журналисты.

На обсуждении вопроса о неприкосновенности частной собственности на море настаивала Германия, которая, по мнению Стааля, извлекла бы из его положительного решения наибольшую выгоду, поскольку имела большой торговый флот, особенно на Балтике, и сравнительно меньший военный. России, не имевшей значительного торгового флота, это было невыгодно, особенно в случае войны с Германией. Поэтому Стааль воспротивился дебатированию этого вопроса и 7 (19) мая телеграфом запросил дополнительных инструкций МИД. Он направил в министерство две записки, изложив возможные варианты действий в зависимости от обстоятельств. В первой Егор Егорович сформулировал положения, которые хотел озвучить на заседании при формальной постановке вопроса. Во второй — изложил аргументы, которые намеревался использовать в частных беседах с делегатами великих держав, чтобы доказать недопустимость признавать неприкосновенность частной собственности на море.

В первом документе отказ обсуждать вопрос мотивировался одним из принципов, положенных Россией в основу всего замысла, — обязательность успеха конференции. Важнейшее условие для этого, полагал Стааль, точно определить содержание и цель занятий делегатов. «Только в том случае, когда правительства, приглашенные на конференцию, знают наперед, в чем будет заключаться объект их рассуждения, они могут подготовить

⁵³ Там же. Л. 39–39 об.

материалы, необходимые для зрелого решения, — утверждал он, — равно как снабдить своих уполномоченных точными инструкциями. Соглашение между государствами возможно только в том случае, когда дебаты протекают в определенных границах и касаются определенных вопросов».

Поскольку программу конференции державы приняли без изменений и дополнений, она и должна служить единственным основанием для работы. При этом Стааль ссылался на решение, принятое на втором пленарном заседании. «Ничто не может в такой степени повредить ее успеху, — писал он, — как неожиданное появление новых проектов и требований, способных внести смущение в ее среду, нарушить правильное течение ее занятий. Желание чрезвычайных успехов нередко является наилучшим средством к тому, чтобы сделать невозможными какие бы то ни было успехи вообще».

Поэтому, если представитель какой-либо державы официально поставит вопрос, Стааль заявит, что русские делегаты, не имея соответствующих инструкций, «будут лишены возможности присоединиться к какому бы то ни было решению по означенному вопросу, не предусмотренному принятой конференцией программой»⁵⁴. Эта строго формальная позиция позволяла избежать нежелательных дебатов и в дальнейшем не раз использовалась, кстати сказать, не только русскими делегатами.

Во второй записке Егор Егорович изложил возражения по сути проблемы. Основной его аргумент касался различия между войной на суше и на море. Поскольку война является мерой международного принуждения, то отказ признать неприкосновенность частной собственности на море Стааль вполне обоснованно рассматривал как такое средство. Если в войне на суше есть более действенные средства, например верховное право собственности над занятой территорией, то в морской войне почти единственным средством принуждения (кроме блокады портов) неприятеля является разорение его морской торговли. Признание неприкосновенности частной собственности на море, утверждал дипломат, обессилит морскую войну и делает ее невозможной, а это «изменит существенным образом установившееся соотношение военных сил государств: обезоружит одни и увеличит силу сопротивления других»⁵⁵. Между тем в задачу конференции входило изыскание средств, в равной степени приемлемых для всех государств.

Именно в этом тезисе — по возможности сохранить («заморозить») пока еще достаточно выгодное для России соотношение сил, сложившееся на международной арене, — и состояла суть замысла Петербурга при организации конференции, а все остальное служило лишь средством его реализации. Обе записки Стааля Николай II одобрил. На первой его резолюция гласила: «Совершенно верно», на второй — «Справедливо». Этими указаниями и руководствовался глава русской делегации при следующей попытке возбудить спорный вопрос в заседании 2-ой подкомиссии II комиссии, пересматривавшей статьи Брюссельской конвенции, в которых речь шла о неприкосновенности частной собственности на суше. Хотя и на этот раз ему удалось воспрепятствовать обсуждению проблемы, он не сомневался, что позже ее вновь поставят.

Успешный пересмотр Брюссельской конвенции, по оценке Стааля, явился первым положительным результатом трудов конференции. 8 (20) июня в общем заседании II комиссии проект декларации о законах и обычаях сухопутной войны приняли в первом чтении с редакционными изменениями. По предложению главы делегации Бельгии О. Бернара в проект внесли семь новых статей. Стааль согласился принять их, хотя они не были предусмотрены инструкциями, полученными военными представителями России. Поскольку статьи «не вызывают никаких возражений с политической точки зрения» и, по его мнению, «отвечают общему духу проектируемой конвенции», дипломат на этот раз не запрашивал специальных полномочий, чтобы не тормозить ход работ.

⁵⁴ Там же. Л. 107—108 об.

⁵⁵ Там же. Л. 110—112.

На общем заседании II комиссии вновь всплыл вопрос о неприкосновенности частной собственности на море. Делегация Соединенных Штатов направила Стаалю как председателю официальное письмо, предлагая обсудить его, если конференция признает себя компетентной. Такая форма обращения не позволяла ему отказать вынести проблему на рассмотрение II комиссии, но, опираясь на две свои записки, он намеревался в случае необходимости отстаивать изложенные в них соображения⁵⁶. Однако на последнем заседании II комиссии 23 июня (5 июля) постановили изучение этой сложной задачи отложить до новой конференции, при этом делегаты Великобритании и Франции воздержались от голосования, сославшись на отсутствие инструкций. Таким образом, вопрос был снят, хотя, по мнению Стааля, в случае его постановки на голосование легко мог бы быть решен в положительном смысле.

III комиссия под председательством француза Л. Буржуа провела девять заседаний. Стааль доложил в МИД, что внес в текст проекта конвенции редакционные поправки, «чтобы не возникло никаких сомнений в истинном ее значении». Кроме того, проект устава третейского суда он дополнил новым параграфом, с целью «облегчить для держав, которые пожелают прибегнуть к третейскому суду, трудный вопрос выбора судей». Чтобы избежать упреков в «самодеятельности», опытный дипломат не преминул подчеркнуть, что внесенные изменения «находятся в полном соответствии с взглядом, изложенным в высочайше утвержденной 26 апреля записке о международном третейском трибунале»⁵⁷.

II (23) мая редакционный комитет рассматривал постатейно русский проект о добрых услугах и посредничестве, причем делегаты четко ограничили свою задачу: облегчить III комиссии ее работу, но не предпринимать обсуждения и принятия решения. Камнем преткновения стала формулировка второй статьи, предусматривающей в случае серьезных несогласий или конфликта между державами обращаться к мирным способам прежде, чем к оружию. Русский проект устанавливал полную свободу государств не прибегать к посредничеству в тех случаях, когда это могло их стеснить, но обращаться к нему, если обстоятельства это допускали.

В комиссию представили три проекта: русский, английский и американский. Глава британской делегации Дж. Паунсфот предложил Е.Е. Стаалю принять за основу для обсуждения английский, а не русский. Несмотря на то, что, по мнению некоторых делегатов (в том числе Германии и Австро-Венгрии), русский был предпочтительнее английского, последний, по оценке Стааля, «имел много существенных недостатков» и отличался «крайней неопределенностью» редакции, Егор Егорович не настаивал на первенстве отечественного. Поясняя руководству МИД мотивы решения, он отметил, что, во-первых, английский проект «имеет немало практических достоинств, значительно облегчающих его осуществление», поскольку оставляет «широкий простор усмотрению заинтересованных государств». Во-вторых, многие положения об учреждении постоянного бюро, сформулированные в предложении Паунсфота, почти тождественны русским, и, кроме того, именно ему принадлежит приоритет в этом вопросе. Стааль подчеркнул, что в случае отказа принять за основу обсуждения английский проект вырисовывалась опасность исключительного и частного соглашения английского и американского делегатов.

Между тем американский проект, по оценке опытного дипломата, был крайне неудобен, потому что устанавливал избрание судей высшими судебными учреждениями государств помимо правительств. Также он предусматривал присвоение трибуналу административных функций, что создавало из него «независимое от правительства высшее международное судилище, которое легко могло бы приобрести и политический характер». Поэтому лучшим средством противодействовать протаскиванию американского варианта Стааль признал поддержку английского с условием внесения в него отдельных изменений. Для этого он вступил в приватные переговоры с Паунсфотом вне рамок

⁵⁶ Там же. Л. 524–524 об.

⁵⁷ Там же. Л. 71–72.

конференции и выработал формулировки, с которыми тот в принципе согласился. Решили вести обсуждение на основе проекта Паунсфота, а он обязался не возражать против русских поправок. Кроме того, Стааль познакомил некоторых делегатов с записками Гессена о посредничестве и третейском трибунале.

Десятидневные труды Гаагской конференции завершились 17 (29) июля. На ее торжественное закрытие собрались представители 26 государств — «ученые и политики, идеалисты и скептики, люди старых традиций и новых чаяний, люди пера и люди меча», — писал Гессен. Тихо, но внятно раздавался голос президента конференции, который говорил о росте влияния моральных идей в сфере политики, о неизбежном торжестве солидарности над рознью и международного мира над войной. «Что касается меня, — закончил Стааль, — то я подошел к пределу моей деятельности и к закату моей жизни; но я испытываю высшее наслаждение, когда я вижу открывающиеся предо мною новые горизонты человеческого блага, когда я могу устремить свои взоры в чистую лазурь грядущих времен»⁵⁸.

Вскоре после закрытия конференции Стааль намеревался просить об отставке, но руководство МИД и Николай II хотели, чтобы Егор Егорович оставался на посту как можно дольше⁵⁹. Он подчинился, но все чаще сетовал на пошатнувшееся здоровье.

Многолетние труды Е.Е. Стааля высоко оценили в отечестве — 30 августа (11 сентября) 1902 г. его удостоили высшего ордена Российской империи — Св. Андрея Первозванного. Радость старого дипломата была безмерной: в письмо на следующий день он уверял Ламздорфа, что об этой высокой награде «будет помнить до последнего вздоха»⁶⁰. 2 (15) октября посол вручил свои отзывные грамоты и признался, что «покидает Англию с самыми лучшими воспоминаниями», хотя силы его исчерпаны⁶¹. Уйдя отставку, он получил назначение членом Государственного Совета с правом посещать заседания по мере возможности. Однако силы его оставляли, зрение сильно ухудшилось — одно из последних писем Ламздорфу, датированное 1905 г., написано синим карандашом и не свойственными для Стааля крупными буквами. Свой век Егор Егорович доживал в Париже, где и скончался 9 (21) февраля 1907 г.

Родственник покойного и публикатор его дипломатической корреспонденции А. Мейендорф справедливо отметил, что Е.Е. Стааль не был выдающимся политиком, но карьерным дипломатом высокого уровня. В некрологе, опубликованном 25 февраля 1907 г. в *Times*, констатировалось: «Карьера привела его на один из самых высоких постов, хотя никогда он не играл решающей роли и не оказывал большого влияния на политику страны. Лишенный сильного агрессивного характера, он был достаточно умен и обладал возможностями, чтобы с честью выполнять деликатные и трудные задачи, которые ему доверяли».

Библиография

- Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. Ч. I–II. СПб., 1886.
- Гессен В.М. О вечном мире // Журнал министерства юстиции. 1899. № 4. С. 108–109.
- Головин К. Мои воспоминания. Т. II (1881–1894). СПб., 1910.
- Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е – 1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / ред. и пред. академика В.С. Мясникова. М., 2005. С. 5–19.
- Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.
- Сергеев Е.Ю. Большая игра. 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: в 3-х т. М., 2018.
- Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969.

⁵⁸ Гессен В.М. О вечном мире // Журнал министерства юстиции. 1899. № 4. С. 108–109.

⁵⁹ АВПРИ. Ф.340. Оп. 588. Д. 5. Л. 11–12.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 779. Л. 282–283 об.

⁶¹ Там же. Л. 284–285, 287 об.

Хопкирк П. Большая игра против России: азиатский синдром. М., 2004.

Чичерин Г.В. Россия и азиатские народы // Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

Correspondance diplomatique de M. de Staal (1884–1900). Publiee par le baron A. Meyendorff. T. 1–2. Paris, 1929.

Rosen R. Forty years of diplomacy. New York, 1922.

Soroka M. Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Alexander Benkendorff (1903–16). Farnham, 2011.

References

Afganskoe razgranichenie. Peregovory mezhdru Rossiej i Velikobritaniej 1872–1885 gg. [The Afghan demarcation. Negotiations between Russia and Great Britain 1872–1885]. Ch. I–II. Sankt-Peterburg, 1886. (In Russ.)

Chicherin G.V. Rossiya i aziatskie narody [Russia and Asian peoples] // Stat'i i rechi po voprosam mezhdunarodnoj politiki [Articles and speeches on international politics]. Moskva, 1961. (In Russ.)

Gessen V.M. O vechnom mire [About the eternal world] // Zhurnal ministerstva yusticii [Journal of the Ministry of Justice]. 1899. № 4. S. 108–109. (In Russ.)

Golovin K. Moi vospominaniya [My memories]. T. II (1881–1894). Sankt-Peterburg, 1910. (In Russ.)

Hidoyatov G.A. Iz istorii anglo-russkih otnoshenij v Srednej Azii [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia]. Tashkent, 1969. (In Russ.)

Hopkirk P. Bol'shaya igra protiv Rossii: aziatskij sindrom [The big game against Russia: asian syndrome]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Lisitsyna N.N. Zakaspijskij kraj v anglo-russkih otnosheniyah (1880-e – 1907 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Transcaspian region in Anglo-Russian relations (1880s – 1907): abstract of the dissertation for the degree of Candidate of I.N.]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Postnikov A.V. Skhvatka na “Kryshe mira”: politiki, razvedchiki, geografy v bor'be za Pamir v XIX veke / red. i pred. akademika V.S. Myasnikova [The fight on the “Roof of the world: politicians, scouts, geographers in the struggle for the Pamirs in the 19th century]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Rybachyonok I.S. Rossiya i Pervaya konferenciya mira 1899 goda v Gaage [Russia and the First Peace Conference of 1899 in The Hague]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Sergeev E.Y. Bol'shaya igra. 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii [Big game. 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Terent'ev M.A. Istoriya zavoevaniya Srednej Azii [History of the conquest of Central Asia]: v 3-kh t. Moskva, 2018. (In Russ.)

Correspondance diplomatique de M. de Staal (1884–1900). Publiee par le baron A. Meyendorff. T. 1–2. Paris, 1929.

Rosen R. Forty years of diplomacy. New York, 1922.

Soroka M. Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Alexander Benkendorff (1903–16). Farnham. 2011.

DOI: 10.31857/S013038640022422-2

© 2022 г. Г.А. Филатов

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КОЛУМБИИ

Рец. на книгу: ИСТОРИЯ КОЛУМБИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI века / отв. ред. А.А. Щелчков, З.В. Ивановский. М.: Наука, 2022. 740 с.

Филатов Георгий Андреевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: georgefilatov@gmail.com

Researcher ID: H-9107-2017

G.A. Filatov

PAGES OF COLOMBIAN HISTORY

Rec. ad op.: HISTORY OF COLOMBIA FROM ANCIENT TIMES TO THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY / eds A.A. Schelchkov, Z.V. Iwanowsky. Moscow: Nayka, 2022. 740 p.

Georgy Filatov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: georgefilatov@gmail.com

Researcher ID: H-9107-2017

Коллективный труд российских латиноамериканистов — первый на русском языке, посвященный истории Колумбии. Книга охватывает более чем двухтысячелетний период: от первого появления человека на ее территории до первых десятилетий XXI в. Монументальная работа позволяет читателю ознакомиться с главными событиями в истории страны во всей их сложности и многообразии.

Книга состоит из введения, 27 глав, идущих в хронологическом порядке, списка литературы, именного указателя и сведений об авторах. Ими являются ведущие российские специалисты по истории и политике Латинской Америки. Помимо представителей Института всеобщей истории РАН, в авторский коллектив вошли сотрудники Института Латинской Америки РАН, Института археологии РАН, исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Санкт-Петербургского государственного университета.

Книгу открывает глава, суммирующая наши знания о появлении человека и возникновении первых культур на территории современной Колумбии. Следующая повествует об испанском завоевании этих земель и организации колониальной власти. Подробно описывается возникновение нового общества и его место в глобаль-

ной Испанской империи Габсбургов. В XVIII в. им на смену пришли Бурбоны. О противоречиях в преобразованиях, предпринятых ими, рассказывается в следующей главе. Лейтмотивом этих реформ было стремление к централизации, однако именно они, по мнению авторов книги, заложили предпосылки для самостоятельного развития земель будущей независимой страны. Большое внимание уделено возникновению местной метисо-креольской элиты. Тому, как и почему она выступила против метрополии, посвящена следующая глава. Авторы рассматривают перипетии колониальной ситуации начала XIX в., на которые наложился общеиспанский кризис, вызванный наполеоновским вторжением. Крах центральной власти дал возможность колониальной элите сначала принять на себя функции управления колонией от имени свергнутого короля, а затем уже восстать против него.

В главах, посвященных войне за независимость, описываются не только сами боевые действия, но и трудности, с которыми столкнулось молодое государство: наиболее существенной оказалось отсутствие опыта административного управления. В результате благие, как казалось, меры привели к тяжелым последствиям. Например, радикальное сокращение или отмена колониальных налогов влекли за собой потерю

денежных поступлений в бюджет независимого государства. Сложным было и выстраивание отношений с соседними владениями испанской короны, переживавшими похожие проблемы. В книге подробно описаны процессы объединения и размежевания как внутри будущей Колумбии, так и с будущими соседними независимыми государствами: Эквадором и Венесуэлой.

В главах, посвященных дальнейшим событиям XIX в., подробно рассмотрено становление молодого государства. Авторы показывают, как путем проб и ошибок выработались оптимальные формы и способы организации общества и аппарата управления. Особо отмечается, что многие возникшие тогда практики до сих пор, спустя почти два века, определяют политическую ситуацию в Колумбии. В частности, именно в это время сформировались главные политические силы страны: либеральная и консервативная партии, именно они до недавнего времени почти безраздельно правили страной. Авторы обращают внимание на несостоятельность распространенных в историографии упрощенных представлений, согласно которым консерваторы выражали интересы только помещиков, клира и военных, а либералы — торговцев, среднего класса, адвокатов и лиц свободных профессий. На конкретных примерах демонстрируется, что поддержка той или иной силы не была жестко определена социальным происхождением, а связана с гораздо более сложным переплетением исторических обстоятельств, региональных интересов и взглядов конкретных людей. Попытки упрощения скорее вводят в заблуждение и мешают понять многообразие политических и идеологических отношений, возникших в Колумбии после смерти Боливару, сыгравшего ключевую роль в получении ею независимости.

На протяжении всего XIX в. шел поиск оптимальных для страны форм организации общества и власти. Был опробован широкий спектр вариантов. В сфере административного управления от крайней унитарной централизации до ее противоположности, конфедерации с широчайшей автономией провинций. В общественной жизни в это время пытались найти место религии в новом государстве: почти полная секуляризация сменялась возвращением церкви официального статуса. В книге отмечается, что эти метания во многом были обусловлены экономической ситуацией. Все политические группы, приходившие к власти, сталкивались в первую очередь с необходимостью решать острые экономические проблемы. Они были связаны как с особенностью исторического развития страны в колониальный период (экспортоориентирован-

ная экономика), так и с теми преобразованиями, которые произошли в ходе длительной войны за независимость (радикальное сокращение налогов, большой государственный долг).

Попытки решить эти и другие проблемы неизбежно нарушали интересы какой-либо части колумбийского общества, что приводило к постоянным конфликтам. Их количество в XIX в. позволило историкам назвать это время веком гражданских войн: число получения независимости в Колумбии их было девять. Это объясняется слабостью государственных институтов, в первую очередь армии, неспособной взять под полный контроль государство. Победенная сторона все равно сохраняла контроль над своими районами и через некоторое время оказывалась способной снова обратиться оружием против оппонентов. В соседних странах, где армия была доминирующей силой, господствовал каудилизм. В Колумбии же при многочисленных войнах профессиональные военные не всегда занимали ведущие роли. Довольно часто на первый план выходили политические лидеры как национального, так и регионального характера.

Отдельные главы повествуют о внешней политике Колумбии в XIX в. Ее специфику определяла, с одной стороны, внутривнутриполитическая нестабильность, а с другой — положение страны в мировом глобальном рынке. Государство оказалось на периферии международной экономической системы: малочисленное население и плохо связанная территория не стали привлекательным рынком сбыта товаров. Не смогла Колумбия занять и позицию значимого поставщика каких-либо ресурсов, за исключением кофе, который оказался основным экспортным товаром к концу века. В результате инвесторы не проявляли к Колумбии особого интереса, что объясняет отсутствие внимания крупных мировых держав к стране, в отличие от Аргентины, Чили или Бразилии. По этой же причине она не стала местом массовой эмиграции.

Едва ли не единственным исключением, когда крупные державы все же проявили интерес к Колумбии, стал проект строительства канала, соединяющего Атлантический и Тихий океаны. Первоначально его пыталась реализовать Франция, но после неудачи инициативу подхватили США. Для обеспечения своих прав над будущим каналом они смогли добиться отделения Панамы от Колумбии. Вашингтон организовал восстание, оплатив его и предоставив вооруженную защиту сепаратистам.

Несмотря на противоречивость и болезненность событий XIX в., в книге продемонстрировано, как в ходе многочисленных гражданских конфликтов, войн и восстаний появлялись

механизмы достижения компромиссов между противоборствующими политическими лагерями. Делается вывод, что во многом благодаря такому опыту в Колумбии возникла отличная от других стран Латинской Америки политическая система, которая на протяжении XX в., за небольшим исключением, сохраняла демократические принципы управления на основе соперничества двух партий: либеральной и консервативной.

Новый век начинается 1000-дневной гражданской войной, но ее окончание открыло длительный мирный период в истории Колумбии. В это время у власти чередовались представители консервативных и либеральных кругов. Авторы книги обращают внимание на то, что именно в эти годы страна смогла провести ряд реформ, которые способствовали экономическому развитию. Только к 1920-м годам, т.е. лишь через 100 лет после обретения независимости, Колумбия, наконец, рассталась с большинством пережитков колониальной эпохи, связанных в значительной мере с доминированием сельского хозяйства. Происходили ускоренный рост и обновление городов, они перестали походить на разросшиеся деревни. Авторы замечают, что не случайно в это время начинают заявлять о себе новые политические движения: коммунисты и социалисты. В книге описывается их возникновение, развитие и конфликты как внутри самого левого движения, так и с традиционными политическими силами. В первую очередь их опасались либералы, так как новые группы претендовали на тот же городской электорат, что и они.

Значительное место в книге отведено влиянию на Колумбию Великой депрессии. Авторы через специфику экономики страны, которая в меньшей степени зависела от внешнего спроса, объясняют, почему кризис, хотя и ставший для нее испытанием, был все же не таким тяжелым, как у соседей по континенту, Боливии и Чили. Тем не менее он заставил правительство либералов пересмотреть экономическую политику и сделать выбор в пользу протекционизма промышленности. Одновременно в книге продемонстрировано, как в это время традиционные партии начали воспринимать новые европейские идеи: консерваторы – фашистские, а либералы – левые, навеянные опытом революции в России. Отмечается, что благодаря этому последним удалось абсорбировать большую часть социалистического движения. Приходя к власти, политические группы старались реализовать на практике элементы этих доктрин. Так, либералы, правившие значительную часть 1930–1940-х годов, проводили масштабные социальные реформы. Сменившие их в 1945 г.

консерваторы попытались реализовать в 1950-х годах фашистский проект корпоративистского государства. В книге показано, как их политика привела к началу новой гражданской войны, продолжавшейся почти 10 лет, с 1948 по 1958 г. – в истории за этим периодом закрепилось название Виоленсия. События этого времени стали благодатной почвой для установления непродолжительного, но все же редкого для Колумбии диктаторского режима, во главе которого оказался генерал Рохас Пинилья.

Целый раздел книги посвящен последствиям 10-летней гражданской войны, приведшим к формированию Национального фронта. Он возник в результате переговоров между либералами и консерваторами, которые условились меняться у власти и распределять ключевые посты в руководстве страны по договоренности, что получило название паритетной системы. Фронт просуществовал до 1974 г., но даже после этого сложившийся порядок сохранялся до 1991 г. В книге представлен широкий разброс оценок этого периода в истории страны: от мягкой диктатуры до уникальной демократии. Вместе с тем, как бы ни оценивали это время исследователи, авторы книги приходят к выводу, что длительный период относительной политической стабильности положительно сказался на экономике. Происходила индустриализация – появление новых секторов в экономике и модернизация старых добывающих отраслей.

Отдельные главы посвящены демократическому транзиту. В книге продемонстрировано, что этот процесс шел постепенно на протяжении 1980-х годов, а конституция 1991 г. стала лишь его кульминацией. Новая политическая система столкнулась с рядом вызовов. Экономический рост обострил социальные противоречия, что стало благодатной почвой для очередной волны насилия. Рассмотрена в книге и проблема наркомафии, чрезвычайно окрепшей к началу 1990-х годов и претендовавшей на то, чтобы стать властью. Авторы показывают различные подходы, к которым для борьбы с ней обращались разные руководители страны в последнем десятилетии XX в.

Проблеме насилия в Колумбии второй половины прошлого века посвящена отдельная глава книги. Авторы раскрывают картину сложной спирали насилия, когда для борьбы с революционными партизанами начали возникать неправительственные вооруженные отряды – парамилитарес. Ни они, ни военные, ни левые не церемонились с гражданским населением. Своего пика насилие достигло в 1990-х годах, когда все эти группы оказались в сложных отношениях с наркобизнесом.

Последние главы посвящены истории Колумбии в первые десятилетия XXI в. В это время приоритетом стало снижение уровня насилия. Авторы книги показывают многосторонний подход к этой проблеме. С одной стороны, предпринимались попытки решить социальные предпосылки преступности, связанные с бедностью. Для этого создавались программы помощи малообеспеченным слоям населения. С другой — продолжалась борьба с вооруженными повстанцами. В работе подробно рассмотрены противоречия этой политики. Правительство прибегало к помощи парамилитарес (зачастую тесно связанных с наркобизнесом) для борьбы с левыми группировками. Несмотря на определенные успехи властей в 2000-е годы, полностью победить партизан не удалось. Итогом стали мирные переговоры в

2010-х годах, закончившие длительную войну подписанием мирных соглашений.

Несмотря на то, что значительная часть издания посвящена социально-политической истории, особое внимание уделено культуре Колумбии, ее развитию от колониального до современного периода.

Авторы книги опираются на богатый фактический материал, учитывают разнообразные мнения латиноамериканских историков, социологов, политологов, показывают специфику национальной традиции.

Работа может быть полезна широкому кругу читателей, интересующихся историей и политикой Колумбии, — исследователям, преподавателям, студентам.

DOI: 10.31857/S013038640022423-3

© 2022 г. **Б.Л. Хавкин**

ЛЕОПОЛЬД ФОН РАНКЕ: КЛЮЧЕВАЯ ЗАДАЧА ИСТОРИКА СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ «ПОКАЗАТЬ, КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ»

Рец. на книгу: В.Л. Черноперов, С.М. Усманов. ЛЕОПОЛЬД ФОН РАНКЕ – ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ: МОНОГРАФИЯ. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. 364 с.

Хавкин Борис Львович – доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: novistor@mail.ru

Scopus Author ID: 57197713554; Researcher ID: ABC-4513-2020

V.L. Khavkin

LEOPOLD VON RANKE: THE HISTORIAN'S KEY TASK IS TO SHOW "HOW THINGS ACTUALLY WERE"

Rec. ad op.: V.L. Chernoperov, S.M. Usmanov. LEOPOLD VON RANKE – LIFE AND CREATIVE HERITAGE: MONOGRAPH. Ivanovo: Ivanov State University, 2021. 364 p.

Boris Khavkin, Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: novistor@mail.ru

Scopus Author ID: 57197713554; Researcher ID: ABC-4513-2020

Монография докторов исторических наук, заведующего кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета В.Л. Черноперова и профессора той же кафедры С.М. Усманова посвящена жизни и творчеству выдающегося германского ученого Леопольда

фон Ранке (1795–1886), который считается «отцом» современного исторического исследования.

В.Л. Черноперов, ученик и последователь известного ивановского профессора-германиста И.Я. Биска, обнаружил в архиве своего учителя его краткие записи о Ранке. Найденный материал

подтолкнул его и его коллегу С.М. Усманова к глубокому изучению наследия классика германской историографии. Соавторы «попытались воплотить гумбольдтовский и ранкеанский принципы сотрудничества коллег по историческому цеху, а также взаимодействие учителя и ученика как обязательного элемента продвижения науки вперед» (с. 5).

Соавторы изучают особенности теоретических подходов Ранке и его вклад в развитие методики исторических исследований. Дело в том, что Ранке, чутко уловив интеллектуальные потребности общества, своим творчеством и образовательной деятельностью стал в значительной степени эталоном историка, сохраняющего исторические знания, формирующего историческое сознание современников, перебрасывающего мостик к будущим поколениям. Очевидно, что Ранке входит в когорту тех крупнейших историков, которые, действительно, в большой мере выполняют функцию сохранения исторической памяти.

Книгу открывают два точных эпиграфа: «Для достижения чего-то в истории существуют три требования: хорошее знание людей, мужество и честность» (Леопольд фон Ранке); «Ученый не обязательно должен всегда отвечать на вопросы, но он, безусловно, должен их правильно ставить. Иногда заслуга правильной постановки вопросов может оказаться даже более важной, чем нечеткий ответ» (академик Д.С. Лихачев).

Монография состоит из предисловия, введения, трех глав («Жизненный и творческий путь Леопольда фон Ранке», «Главные принципы научного творчества», «Ранке и ремесло историка»), заключения, именного указателя, избранной библиографии, резюме на немецком и английском языках; книга содержит иллюстративный материал. Отметим, что соавторы проявили немалое трудолюбие, проработав множество источников, и отнеслись очень уважительно к трудам исследователей наследия Ранке – как российских, так и зарубежных.

В.Л. Черноперов и С.М. Усманов отмечают: «Предложенная Леопольдом фон Ранке методика исторического и источниковедческого исследования была подлинным научным открытием, а его преподавательская деятельность позволила распространить новаторские методы по всему миру. К тому же он дал примеры литературного и композиционного мастерства. Если же оценивать его взгляды на всемирно-исторический процесс, то их не следует отрывать от господствовавшего в его время типа культуры» (с. 294).

Значение Ранке как исследователя и как учителя, основателя научной школы историзма одинаково велико. Первое впечатление от профессора Ранке было, по словам его ученика Г. фон Зибеля, удивление. Этот человек небольшого роста «имел громадную голову с выходящими волосами». Читал лекции «совершенно свободно» и сопровождал их «частыми и живыми жестами». Говорил быстро, прерывался как бы в поисках меткого выражения, а затем, увлек-

шись, «снова ускорял речь свою до того, что трудно было следить за ним». Ранке при подготовке к лекциям «предварительно всесторонне письменно прорабатывал тему, чем обеспечивал себе полное владение предметом для устного изложения» (с. 168–169).

Ранке считал, что историк должен обладать до известной степени и творческой фантазией, он обязан быть и ученым, и художником. Истинная история возникает из соединения методического исследования с философским воззрением и художественным воспроизведением.

Критический метод Ранке нигде им самим не изложен с достаточной определенностью. Основываясь в своих исследованиях всегда на архивных материалах, он и от учеников требовал критического отношения к источникам; напоминал им, что, приступая к изучению того или другого повествования, они не должны забывать, что последнее передает не самый факт, а лишь впечатление, произведенное им на повествователя. Ранке предоставлял своим ученикам полную свободу в выборе темы, исходя из того, что дело школы – не дрессировка индивидуальных сил, а развитие их.

Чтобы отделить субъективный элемент сообщения, необходимо принять в расчет индивидуальную природу сообщающего, взвесить обстоятельства, среди которых он жил. Ранке пришел к выводу, что субъективный элемент усиливается по мере того, как рассказ передается вторым, третьим и т.д. лицами. Критика должна стремиться дойти до первоисточника. Девизом историка был призыв «Zu den Quellen» – «К источникам!».

Концепцию Ранке характеризуют три главных постулата. Во-первых, индивидуальное в истории: объект истории – особенное и индивидуальное, а не общее. Неизменной натуре человека и неизменному разуму, которые были основой Просвещения, историзм противопоставляет индивидуального человека: история состоит из особых, индивидуальных и неповторимых событий. По этой причине в основе исторического исследования должна стоять «историческая индивидуальность».

Во-вторых, понимание в истории: индивидуальное не позволяет объяснить себя с помощью природных законов, а позволяет только понять (позже на базисе этого тезиса развернулась дискуссия о принципах «понимания – объяснения» в истории, в которой была предпринята попытка выявить различия между науками о природе и об обществе). Благодаря принципу понимания историзм развил и обосновал особый метод познания – метод «понимания», ключевой метод гуманитарных наук.

В-третьих, объективность в истории: историзм стремился реконструировать прошлое по принципу: ключевая задача историка состоит в том, чтобы «показать, как это было на самом деле» – «bloß sagen, wie es eigentlich gewesen». По словам британского историка Эдуарда Халлетта Карра, Ранке этим «не очень глубоким афоризмом приобрел потрясающий успех». Именно с ним «поколения

немецких, британских и даже французских историков шествовали в бой, произнося как заклинание эти магические слова “только показать, как, собственно, было дело”» (с. 172–173). Таким образом, целью историзма является достижение исторической объективности. Однако между учеными эпохи историзма не существовало единства по поводу путей достижения этой цели.

Либеральный берлинский историк Иоганн Густав Дройзен скептически отнесся к требованию Ранке, что историк должен «раствориться в прошлом и слиться с ним», отметив, что историк также является продуктом своей эпохи и что любая объективная история есть лишь субъективно схваченная и индивидуально написанная.

В.Л. Черноперов и С.М. Усманов напоминают, что за полтора столетия в нашей стране о Леопольде фон Ранке так и не было выпущено отдельного монографического исследования. Неужели из-за того, что Ранке в России не представлялся значительной фигурой в исторической науке? Разумеется, нет. Дело тут совсем в других проблемах и трудностях. И вот о них можно высказать несколько соображений, которые в целом не противоречат размышлениям авторов рецензируемой монографии.

Вероятно, в имперский период (до революционной катастрофы 1917 г.) российские историки, так сказать, не собрались с силами почитать великого германского профессора. Ведь писать о нем надо было с немецкой тщательностью и обстоятельностью. И это было очень сложно, учитывая громадные объемы созданной Л. фон Ранке своего рода исторической библиотеки. У русских почитателей Ранке сил хватало в основном на то, чтобы издать книгу германского профессора о монархиях Южной Европы XVI–XVII вв., историю Сербского восстания 1804–1813 гг., двухтомник о римских папах и всемирно известные лекции для баварского короля Максимилиана II (с. 295).

В советскую эпоху откликов о Ранке было не так уж мало. Но понятно, что переиздавать на русском языке (и языках народов СССР) труды «камердинера истории» отнюдь не подбало. Можно было (и нужно с точки зрения «правильного» ведения идеологической борьбы) давать ясную классовую и политическую оценку «идейных заблуждений» и «политических преступлений» германского профессора как «верного прислужника феодально-монархической реакции». Хотя и в работах советского периода иногда все же находилось место для признания некоторых заслуг Ранке в развитии исторической науки.

В.Л. Черноперов и С.М. Усманов подчеркивают, что «в постсоветский период российские историки по-настоящему пока так и не успели основательно переосмыслить наследие выдающегося германского историка. Слишком суетной стала их жизнь и деятельность. А ведь изучать наследие такого выдающегося и плодотворного историка, каким был Леопольд фон Ранке, можно, только отрешившись от суеты сует. Разумеется, в наши

дни – несмотря на свойственное многим нашим соотечественникам преклонение перед советским прошлым – российской исторической науке пора уже отрешиться от идеологических шаблонов прошедшего века и посмотреть на Леопольда фон Ранке вне политических штампов и идеологических шор. Иначе говоря, не как на реакционера, а как на весьма широко и свободно мыслящего, далекого от политических крайностей интеллектуала-христианина, высокопрофессионального ученого и притом – настоящего патриота своей страны. При всем том очевидно, что каждое новое поколение исследователей будет открывать в жизни немецкого историка и в его работах новые грани и оттенки для осмысления исторической реальности» (с. 295–296).

Можно согласиться с основными выводами, сделанными соавторами монографии в результате изучения творчества выдающегося немецкого историка. Изложим их в нашей редакции.

Леопольд фон Ранке своими работами дает нам, профессиональным исследователям истории, своего рода стимул к более усердным трудам в рамках своей дисциплины, своего ремесла. Такого рода научная строгость в эпоху постмодерна, в контексте все возрастающего влияния на историю самых различных дисциплин, особенно актуальна. Перед историками-профессионалами встает задача сохранения самостоятельности и независимости исторической науки. Наследие Ранке представляется в этом деле весьма полезным.

Немецкий профессор своей жизнью и трудами сегодня может стать в какой-то мере образцом для ученых в странах постсоветского пространства, переживающих сложный период развития. Историк, с одной стороны, должен (или даже добровольно желает) идти по строящемуся государственно-национально-патриотическому пути, с другой – стремится сохранить автономию и не желает превращаться из прораба в простого бездумного и послушно рабочего-слугу. Ранке, вопреки утверждениям его критиков, сумел сохранить свою индивидуальность, нравственную позицию, не сливаясь с всеми требованиями менявшейся конъюнктуры.

Леопольда фон Ранке сложно уложить в рамки разработанной В.Л. Черноперовым и С.М. Усмановым модели поведения западных интеллектуалов – «бессильные люди», «независимые эксперты», «аутсайдеры-нонконформисты». Ранке в таком случае занимает промежуточное положение между «бессильными людьми» (как это видно из его верного служения своими исследованиями и преподаванием Пруско-германскому государству) и «независимыми экспертами» (что проявлялось в постоянном подчеркивании ученым примата объективности, даже вопреки господствующим настроениям, и деятельности в статусных сообществах, отличавшихся широтой политических, интеллектуальных и интеллектуальных воззрений).

По мнению авторов, Леопольд фон Ранке своей жизнью и творчеством в определенной степени

способствовал формированию в последующие десятилетия двух типов западных интеллектуалов: в меньшей степени «бессильных людей», т.е. той части «интеллектуалов, которая вольно или невольно, оказавшись под пятой властвующей элиты, стала служить ее интересам, будучи бессильной предлагать и продвигать собственные проекты и решения общественных и политических проблем», и в гораздо большей степени «независимых экспертов», для которых характерно достаточно комфортное сочетание интеллектуальной известности с политической и общественно-практической деятельностью (с. 303–305).

«Впрочем, проблема влияния Ранке на западную интеллектуальную элиту XX–XXI вв. — тема возможного отдельного исследования, которое могло бы, вероятно, еще в большей степени показать значение для мировой исторической науки наследия германского историка. Во всяком случае, Леопольд фон Ранке остается и в наши дни примером настоящего историка. Это поистине Историк с большой буквы» (с. 305).

Монография обращена как к профессиональному сообществу историков, так и ко всем интересующимся историей исторической науки и, как сказано в аннотации, «интеллигентоведением». Книга будет полезна всем студентам-историкам, которые рассматривают принцип историзма в качестве методологической основы своих курсовых и выпускных квалификационных работ.

Библиография

Баранов Н.Н. Леопольд Ранке: историк и его метод // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. науч.

ст., посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 36–41.

Биск И.Я. История исторической мысли в новое время (Западная Европа: XVIII в. — 90-е годы XIX в.): учеб. пособие. Иваново, 1983.

Савельева И.М., Поletaev A.B. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2007. Вып. 18. С. 76–81.

Юсим А.М. Идея истории и формула Л. фон Ранке // Люди и тексты: исторический альманах. 2016. № 8. С. 172–185.

References

Baranov N.N. Leopold Ranke: istorik i ego metod [Leopold Ranke: a historian and his method] // Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya: sb. nauch. st., posvyashchennyj 70-letiyu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo [Russia and the world: a panorama of historical development: coll. scientific article dedicated to 70th Anniversary of the Faculty of History of the Ural State Education university A.M. Gorky]. Yekaterinburg, 2008. S. 36–41. (In Russ.)

Bisk I.Ya. Istoriya istoricheskoy mysli v novoe vremya (Zapadnaya Evropa: XVIII v. — 90-e gody XIX v.): ucheb. posobie [History of historical thought in modern times (Western Europe: 18th century — 90s of the 19th century): textbook, allowance]. Ivanovo, 1983. (In Russ.)

Savelyeva I.M., Poletaev A.V. Stanovlenie istoricheskogo metoda: Ranke, Marks, Drojzen [The Formation of the Historical Method: Ranke, Marx, Droyzen] // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii [Dialogue with Time: Almanac of Intellectual History]. 2007. Vyp. 18. S. 76–81. (In Russ.)

Yusim A.M. Ideya istorii i formula L. fon Ranke [The idea of history and the formula of L. von Ranke] // Lyudi i teksty: istoricheskij al'manah [People and texts: a historical almanac]. 2016. № 8. S. 172–185. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640022425-5

© 2022 г. **А.М. Филитов**

КАК ЗАКОНЧИЛАСЬ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И ЧТО ЗА ЭТИМ ПОСЛЕДОВАЛО. РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С НОВОЙ КНИГОЙ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

Рец. на книгу: ОКОНЧАНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОИХ И ИСТОРИКОВ. 1985–1991 / под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2021. 302 с.

Филитов Алексей Митрофанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

A.M. Filitov

HOW THE COLD WAR ENDED AND WHAT FOLLOWED. REFLECTIONS ON A NEW BOOK BY RUSSIAN AND INTERNATIONAL HISTORIANS

Rec. ad op.: THE END OF THE COLD WAR IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES AND HISTORIANS. 1985–1991 / eds O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities, 2021. 302 p.

Alexey Filitov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

30 с лишним лет со времени окончания холодной войны — срок, достаточный для сбалансированного и всестороннего исследования этого исторического явления. Именно такой анализ предлагают читателю пятнадцать авторов, представляющих широкий спектр национальных историографий, различных исследовательских подходов и тематических блоков сборника «Окончание холодной войны в восприятии современников и историков».

Формально речь идет о публикации материалов научной конференции, прошедшей в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ) в марте 2019 г. Однако, в отличие от традиционных сборников такого рода, в которых, как правило, соседствуют статьи разного масштаба и замысла, порой мало связанные друг с другом, в данном случае создан цельный, монолитный труд, объединенный общим замыслом — осветить важнейшие дискуссионные проблемы недавнего прошлого с позиций сегодняшнего дня. Не случайно его отдельные структурные элементы — не статьи (как это принято при издании материалов научных форумов), а главы (как в коллективной монографии). Они сведены в три исследовательских кластера, каждый из которых в принципе мог бы стать основой самостоятельной монографии.

Первый из них посвящен проблемам соотношения внутренних и внешних факторов в процессе «увядания» холодной войны и возможных альтернативных вариантов развития этого процесса. О.В. Павленко (РГУ) посвятила свое исследование проблеме взаимодействия различных «центров силы» в позднем Советском Союзе, лишь внешне казавшемся единой и монолитной системой. Автору удалось привлечь ряд ценных новых источников (наиболее интересные среди них — аналитические материалы КГБ СССР и дневниковые записи помощника министра иностранных дел Степанова-Мамаладзе). Перед читателем возникает довольно неприглядная картина происходящего в руководстве страны: взаимные обвинения, доходящие до прямого хамства (причем наиболее отличались как раз представители «прогрессивного», «западнического» крыла правящей элиты, от которых можно было бы ожидать соблюдения бо-

лее строгих этических норм), малообоснованные перетряски в Минобороны и МИДе, непоследовательность в принятии политических решений. Все это объясняет, почему международный конфликт Востока и Запада закончился для Советского Союза не самым оптимальным образом.

Эту мысль продолжает в следующей главе В.О. Печатнов (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ) — характерен сам ее заголовок «Как иначе могла закончиться холодная война?». Определенные издержки в советской внешней политике и дипломатии он диагностирует еще во времена Хрущева и Брежнева. Высоко оценивая договоренности начала 1970-х годов по снижению международной напряженности, В.О. Печатнов склонен возлагать ответственность за новый виток конфронтации на советское руководство: «Разрядка рассматривалась в Москве не как способ закрепления сложившегося статус-кво, а как возможность добиться дальнейших сдвигов соотношения сил в мире в свою пользу, потеснив “американский империализм” с его позиций» (с. 71). Парадоксальным образом Брежнев выглядит даже хуже, чем Сталин: «если сталинская политика при всей ее жестокости могла претендовать на некоторое оправдание в плане обеспечения реальных интересов безопасности границ СССР, то советское “геополитическое наступление” 1970-х годов в третьем мире имело с ними мало общего и, по сути, являлось порождением великодержавных амбиций, подогреваемых соперничеством холодной войны» (с. 74–75). При всем уважении к данному историку и авторам мемуаров, цитаты из которых подкрепляют указанную точку зрения, категоричность в ее формулировке вызывает некоторые сомнения. Положим, сандинистскую революцию в Никарагуа поддержал не только Советский Союз, но и такая неправительственная организация, как Социалистический интернационал, которой «великодержавные» мотивы приписать крайне сложно¹.

¹ *Rother B. Sozialdemokratie global. Willy Brandt und die Sozialistische Internationale in Lateinamerika. Frankfurt am Main, 2021.*

В чем с В.О. Печатновым можно согласиться безусловно, так это в крайне отрицательной оценке политики США в период перехода к миру после холодной войны. «США сделали явно недостаточно, чтобы помочь СССР закрепиться на прозападном, рыночно-демократическом пути развития», — отмечает он, в дальнейшем даже усиливая свой критический пафос: дело было не столько в недостаточности западной помощи, сколько в явной поддержке тех, кто хотел максимально ослабить глобального конкурента, каким считалась советская страна, а затем ее правопреемник — Российская Федерация. «“Шокотерапия” по рецептам МВФ привела к дискредитации рынка и демократии в российском обществе, а экспансия НАТО на восток — к изоляции России от европейской системы безопасности и росту в ней антизападных настроений». Автор не склонен преуменьшать роль внутренних факторов в развале советской системы и издержках построения новой России (более того, он считает, что за данное развитие событий «главная ответственность лежит на позднем советском и раннем постсоветском руководстве»), однако, по его мнению, «с учетом колоссальных трудностей российского транзита даже небольшой “довесок” эффективного западного участия мог бы склонить чашу весов в сторону его успеха» (с. 75–76). Мысль небесспорная, но она — хорошее противоядие против сверздeterminистского взгляда на историю, согласно которому все, что случилось, то и должно было случиться с фатальной неизбежностью.

Такой фатальной неизбежности в дезинтеграционных процессах, которые развертывались в позднем СССР, не усматривает и американский исследователь М. Крамер (Гарвардский центр по истории холодной войны). Он пишет, в частности: «...нет оснований считать, что проблемы, стоявшие перед Советским Союзом в 1985 г., были столь суровыми, что они требовали спешных и радикальных акций. ... Существовал националистический сепаратизм, но он не представлял даже отдаленную угрозу для советского строя. КГБ подавил незначительное диссидентское движение. Огромная масса интеллигенции ворчала как всегда, но получаемые ею массивные субсидии от государства обеспечивали ее общую лояльность. ... Советская экономика с начала 70-х годов обнаруживала менее быстрый рост в сравнении с более ранним периодом, но она к 1985 г. не была в состоянии кризиса... Подлинный экономический кризис начался в 1990–1991 гг., и он был вызван политикой Горбачева» (с. 106). Такие высказывания тем более примечательны, что еще недавно Крамер придерживался совсем иных взглядов. В ходе международной дискуссии, состоявшейся в 2011–2012 гг., он, опираясь в том числе на некие документы ЦРУ, рисовал картину повсеместного массового недовольства в советском социуме, закономерно при-

ведшего к его коллапсу². Отказ от этой мифологии можно только приветствовать.

Другой американский историк Д. Холлоуэй (Стэнфордский университет) убедительно опровергает еще один миф о том, что якобы перелом в сторону демонтажа холодной войны был обусловлен успешной американской тактикой шантажа в отношении СССР: то ли размещением в Европе першингов и крылатых ракет, то ли выдвижением программы милитаризации космоса — пресловутой «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Что касается последней, то, аргументирует автор, во-первых, эта «рейгановская идея не воплотилась в реальность», т.е. была блефом, а во-вторых, «в любом случае Советский Союз был способен дать на нее асимметричный ответ, который сохранил бы ситуацию взаимного сдерживания» (с. 90).

Количественные и качественные параметры этой системы «взаимного сдерживания» раскрывает А.Б. Безбородов (РГУ). Пожалуй, впервые в рамках столь компактного текста читатель получает столь полное представление об оборонном потенциале СССР и его трансформации за 30 с лишним лет существования новой России. Приведенные в главе факты свидетельствуют о том, что оборонно-промышленный комплекс Российской Федерации обеспечивает в полной мере сохранение стратегического паритета с США, что является важнейшим фактором, делающим невозможным развязывание глобального ядерного конфликта.

Вторую часть монографии открывает эссе видного австрийского историка Шт. Карнера (Университет Граца), где прослеживается цепь событий на австро-венгерской границе от начала демонтажа пограничных сооружений в мае 1989 г. до «панъевропейского пикника» 19 августа того же года и окончательного открытия границы 11 сентября. Автор справедливо считает эти события своего рода предвестником слома Берлинской стены. Хотелось бы лишь побольше узнать о перипетиях тайных переговоров между руководителями ФРГ и Венгрии, состоявшихся 25 августа 1989 г. Носили ли они столь сентиментальный характер, как это описывает автор? Или речь шла о холодной сделке в духе «реалполитик»: Будапешт получил западногерманские кредиты, а Бонн — очередной выигрыш в пропагандистской войне против ГДР?

«Венгерская тема» получает дальнейшее развитие в главе об эволюции «доктрины ограниченного суверенитета» («доктрины Брежнева»), которая легитимизировала вмешательство во внутренние дела стран социалистического содружества в случае успешного применения Западом «жесткой» или «мягкой» силы для изменения существующего там строя. Автор этой главы — А.В. Стыкалин (Институт славяноведения РАН), в частности, подробно

² *Kramer M.* The Unintended Revolution. Commentary on “Criticism as Crisis or Why the Soviet Union still Collapsed” // *Journal of Modern European History*. 2012. Vol. 10. № 1. P. 12–14.

прослеживает то, как менялись официальные советские оценки венгерских событий 1956 г. В фокусе его внимания оказываются также позиции в отношении «доктрины Брежнева» лидеров других стран — союзников СССР по Варшавскому пакту. Особенно пикантно выглядит неожиданный демарш руководителя Румынии Н. Чаушеску: будучи в свое время одним из самых ярких критиков этой доктрины, он в 1989 г. выступил за ее применение в отношении Польши в связи с утратой там коммунистами монополии на власть (с. 150).

Как советское руководство реагировало на сложные процессы, которые имели место в Югославии в конце 80-х — начале 90-х годов и привели в конечном счете к ее распаду, — сюжет исследования С.А. Романенко (РГГУ). Процессы эти начались с раскола в руководстве правящей партии — Союза коммунистов, однако, как следует из фактов, приводимых автором, этому критически важному моменту должного внимания не уделялось; считалось, что югославская армия, силовые структуры обладают достаточным потенциалом, чтобы обеспечить сохранение единства страны и ее социалистической модели. Думается, такие оценки сыграли свою роковую роль в отношении судеб не только Югославии, но и СССР, где раскол и падение авторитета КПСС решили компенсировать созданием ГКЧП. Результат в комментарии не нуждается. Хотелось бы отметить лишь одно досадное разночтение в авторском тексте: в начале главы датой принятия Парижской хартии для новой Европы называется 21 ноября 1990 г. (с. 174), а в ее конце — 21 декабря (с. 194). Верна, конечно, первая датировка.

Две главы монографии посвящены советской политике в германском вопросе накануне и после слома Берлинской стены. Что представляло собой советское военное присутствие в Германии и как произошел его демонтаж в условиях осуществления германского единства (по западному образцу) и обретения немцами суверенитета (в рамках НАТО) — эти проблемы исследует молодой российский историк, автор ряда ценных работ по современному бундесверу ФРГ Ф.О. Трунов (Институт научной информации по общественным наукам РАН). Можно согласиться с ним в том, что этот демонтаж мог бы проходить более плавно и на более выгодных для СССР (а затем России) условиях и что со стороны советского руководства были в этом отношении допущены определенные ошибки. Однако называть политику Горбачева на этом основании «антисоветской» (с. 133) — это, пожалуй, явный перебор. Не вполне ясен тезис автора насчет возможности «сохранения военного присутствия СССР в восточных землях объединенной Германии в реалиях 1990 г.» (с. 165). Если имеется в виду временное пребывание Западной группы войск (ЗГВ) на территории бывшей ГДР, то эта возможность была реализована: советские (а затем российские) военные контингенты оставались там до сентября 1994 г. Если же подразумевается их размещение там на постоянной

основе, то такой вариант был явно за гранью реального, не говоря о том, что его не приняли бы немцы. Советское (соответственно — российское) военное присутствие на территории государства, входящего в противостоящий военный блок, было бы лишено всякого смысла и было бы даже контрпродуктивно, имея в виду, в частности, практику шпионажа и вербовки агентуры со стороны западных спецслужб, имевшую место в отношении военнослужащих ЗГВ в период 1990—1994 гг. Считать, что такое урегулирование для ЗГВ «было бы похоже на функционирование группировки Вооруженных сил РФ в Калининградском полуострове (? — А.Ф.)» (с. 166) — это, мягко говоря, некорректно.

В другом аспекте развивает критику в адрес позднесоветского руководства специалист по истории российско-германских отношений Б.Л. Хавкин (РГГУ): «существовавшая в октябре 1989 г. уникальная для СССР возможность получить помощь от деловых кругов ФРГ — 500 млрд немецких марок безвозмездно и кредит на выгоднейших условиях на 1,25 трлн марок — была упущена. Также была упущена возможность получить 100—120 млрд марок от правительства ФРГ» (с. 173). Сам этот тезис и проистекающие из него аргументы отнюдь не новы. В основе их — содержание двух записок: директора Института экономики мировой социалистической системы О.Т. Богомолова на имя М.С. Горбачева (от 28 октября 1989 г.) и на имя его помощника А.С. Черняева (от 3 ноября того же года) с приложением перевода некоего доверительного документа, полученного сотрудником института В.И. Дашичевым во время его служебной командировки в ФРГ. Как и всякий исторический источник, данный документ требует критического анализа, и, к чести автора записок, он стал первым, кто такой анализ предпринял. В тексте, отправленном А.С. Черняеву, оговаривалось: «У меня нет полной уверенности в том, что за авторами проекта стоят реальные силы промышленных кругов ФРГ. Это можно будет выяснить только путем продолжения нашего зондажа на переговорах экспертов, которые немецкая сторона предлагает начать 7 декабря с.г. в Москве, ФРГ или на нейтральной почве»³.

К сожалению, вместо продолжения критического анализа проекта в посвященных ему публикациях⁴ появлялись все новые «открытия», порой оказывающиеся в противоречии с первоначальными версиями. Только один пример, в записке О.Т. Богомолова при характеристике проекта отмечено: «банки, как и правительственные круги,

³ Богомолов О. Неизвестные страницы истории // Экономические стратегии. 2011. № 9. С. 67.

⁴ Новые материалы по решению германского вопроса 1989—1990 гг. // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 94—116; Дашичев В.И. От Сталина до Путина. Воспоминания и размышления о прошлом, настоящем и будущем. М., 2015. С. 272—275.

пока к нему не привлекались»⁵. Б.Л. Хавкин пересказывает эту фразу по-своему: «Политические и правительственные круги ФРГ к этому плану пока не привлекались». Очевидно, для того, чтобы в число авторов добавить еще и председателя Немецкого банка А. Гергаузена, который, по мнению Б.Л. Хавкина, поплатился за это, погибнув от рук террористов из «Красных бригад» (с. 168). Источник такой сенсационной информации остается неизвестным. Немецкая юстиция выдвигала подозрения в адрес террористической организации «Фракция Красной армии» («Красные бригады» явно ни при чем, поскольку они действовали в Италии) и даже МГБ ГДР, так и не придя к какому-либо окончательному вердикту. Вряд ли российский историк в этом вопросе более компетентен.

Заметим, что, произвольно расширяя круг сторонников проекта, Б.Л. Хавкин не приводит высказывания О.Т. Богомолова, где тот выражает сомнения насчет «веса» его авторов и считает, что обо всем можно судить только после встречи «экспертов» в декабре. Между тем уже буквально через несколько дней после передачи «навверх» его информации рухнула Берлинская стена, начался прогрессирующий развал восточногерманского государства и ФРГ уже не нуждалась в советском факторе, чтобы этот процесс подтолкнуть. В этой обстановке призыв к советскому руководству — «сдайте ГДР и получите все, что хотите» (а именно в этом была суть проекта) — потерял свою актуальность: ГДР и так уже «сдалась». Западные марки пошли теперь на финансирование процесса объединения, а затем — интеграции «новых земель». Советское руководство в данном случае трезво оценило ситуацию и никак не прореагировало на мертворожденный проект. Никакой «упущенной возможности» в данном случае не было.

Вторую часть монографии завершает глава о культурной дипломатии США в отношении стран социалистического содружества, принадлежащая перу Н.А. Цветковой (Санкт-Петербургский университет). На наш взгляд, более логично она смотрелась бы в третьей части («Изменения в сознании людей по обе стороны Атлантики»), тем более что одна из глав там посвящена «научной и образовательной дипломатии США и СССР» (автор М.М. Сиротинская, Институт всеобщей истории РАН). Читателю был бы яснее контраст между примитивным «культуртрегерством», нацеленным на экспансию «американского образа жизни», и ориентацией на равноправное сотрудничество стран в сфере культуры, науки и образования. Советско-американские контакты на неформальном уровне исследованы российским журналистом А.Н. Ажгихиной главным образом на основе личных заметок и интервью. Среди участников этих контактов — представители самых разных «фокус-групп»: литераторы, киноведы, феминистки и даже любители эзотерики.

Если Н.А. Цветкова постулирует «триумф культурной дипломатии США», то исследование американского историка Д.С. Фоглсона (Рутгерский университет) позволяет сделать вывод о триумфе советской «народной дипломатии», успешно преодолевшей сопротивление противников разрядки. Вот как описывает автор события, разыгравшиеся в провинциальном калифорнийском городке Реддинг: «Когда в субботу 16 апреля (1988 г.) четверо советских гостей прибыли для участия в публичном форуме, перед зданием школы их встретила дюжина протестующих. Они напечатали заранее около 3000 экземпляров брошюр, которые раздавали собравшимся, и вдобавок развернули 30-футовый транспарант с серпом и молотом и надписью: “Берегись медвежьих объятий”. Когда форум начался, врач-косметолог, бывший в плену во время войны в Корее, встал и прервал вступительное слово заявлением, что считает программу, предусматривавшую вопросы в письменном виде, “фарсом”. Однако он был ошарашан аудиторией, после чего покинул зал. На протяжении последующих полутора часов дружелюбно настроенная аудитория из примерно 150 человек выслушивала ответы на свои вопросы от политолога из Москвы, студента художественного училища из Тбилиси, студента юридического факультета и вице-президента Комитета защиты мира Грузии. В конце советских ораторов приветствовали долгими аплодисментами, после чего они тепло попрощались с собравшимися» (с. 227–228; перевод мой. — А.Ф.).

Текст по стилю напоминает газетный репортаж, и это соответствует действительности. Д.С. Фоглсонг провел огромную работу, просмотрев материалы множества провинциальных американских газет и включив в свою главу представительную выборку опубликованных в них статей и заметок о контактах между представителями общественности США и СССР. Российский читатель впервые узнает о существовании таких органов печати, как Redding Record Searchlight (откуда взята цитированная выдержка), Carrollwood News или Hammond Times. Сформированный, таким образом, барометр общественного мнения «глубинной Америки» показал однозначный результат: «американские и советские граждане не были простыми свидетелями окончания холодной войны; они помогли этому случиться на уровне своих жилищ и общин» (с. 233).

Здесь представляется уместным поделиться и личным опытом участия если не в «народной», то «научной» дипломатии. Автор этих строк в период 1986–1990 гг. трижды посетил США в составе делегаций советских историков на форумах, посвященных началу, ходу и, естественно, окончанию холодной войны. «Архивная революция» в нашей стране тогда только-только начиналась, и наши американские коллеги имели основания быть разочарованными малым количеством новых первоисточников в наших докладах. Впрочем, если это разочарование и было, оно не выливалось в какие-то выражения недовольства или тем более в обвинения. Особой

⁵ Богомолов О. Неизвестные страницы истории. С. 65.

эйфории не ощущалось, но не было и взаимного отторжения. Что слегка настораживало — так это подспудно проявлявшееся у наших коллег представление, что дальнейшее развитие СССР пойдет по американскому образцу или вообще никуда не пойдет. Вспоминаю свой разговор с Джоном Гэддисом на полях конференции в Афинах (штат Огайо) осенью 1988 г.⁶ На мой совет по крайней мере ментально допустить, что демократизация в СССР может пойти по какому-то иному пути, чем американский или западноевропейский, и не питать иллюзий противоположного толка, последовало вежливое молчание с иронической улыбкой, как мне показалось, полуулыбкой: не нуждаемся мы в ваших советах, это вы должны слушать наши... Результат известен — его достаточно ярко описал В.О. Печатнов, о чем уже говорилось выше.

Еще один эпизод из сферы «научной дипломатии»: лето 1990 г., российских и американских историков, участников конференции, организованной Вашингтонским Институтом мира, принял заместитель государственного секретаря США Л. Иглбергер. Поскольку в ходе первой части конференции, которая состоялась в Москве, делегации были приняты министром иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, предусматривалось, что и в Вашингтоне их примет глава Госдепартамента; однако госсекретарь Бейкер был, как нам сообщили, в отъезде. Тем не менее уровень беседы был достаточно высокий, мы выслушали немало комплиментов по поводу гласности и перестройки, а также советов, как дальше развивать демократию, но тут один из моих коллег взял слово и высказался в духе крылатой фразы: «не учите меня жить, лучше помогите материально». В ответ последовало разъяснение: как раз сейчас в США, мол, трудно с финансами, и в этой связи хорошо бы вначале решить вопрос с советской задолженностью Америке. Ответ на недоуменный вопрос, о чем идет речь, последовал такой, которого никто не ожидал: «долги Керенского». Выходило, что не США должны помочь советскому «транзиту», а СССР должен помочь США в их «тяжелом» положении. Сидевший рядом со мной американский историк взял ручку, написал на листке бумаги крупными буквами, чтобы я увидел, короткое слово «shit» и весело убрал бумажку. Показательный штрих для характеристики поведения наших зарубежных коллег: можно назвать рассуждения представителя власти «дерьмом» — но в частном порядке и так, чтобы это не стало широко известным. Возможности и границы «научной дипломатии» оказались не слишком широкими — увы!

Вернемся, однако, к монографии, ставшей предметом нашего анализа. Он был бы неполон, если не сказать о главе, написанной В.И. Журавлевой

(РГУ), являющейся вместе с О.В. Павленко редактором издания. Как известно, научные прорывы происходят на стыке разных дисциплин; в данном случае можно говорить даже не о стыке, а о сплаве двух наук — американистики и имагологии, что отражается уже в названии главы: «Окончание “холодной войны образов”: визуальный поворот в советско-американских отношениях». Художественное кино, мультфильмы, политическая карикатура — основные объекты ее исследования. Эта тематика достаточно далека от научных интересов и компетенций автора этих строк, и потому попытка подробного разбора тезисов и аргументов, представленных В.И. Журавлевой, была бы вряд ли целесообразна. Остановилось лишь на одном образе, который даст возможность перейти к заключительной части нашего эссе, где хотелось бы поделиться с читателем некоторыми общими замечаниями о непреходящих стереотипах нашего исторического мышления и путях их преодоления.

Речь идет о карикатуре с обложки журнала «Крокодил» (№ 29 за 1990 г.), где изображены Горбачев и Буш в виде боксеров, которым судья (фигура с головой в виде земного шара, символизирующая благодарное человечество) поднимает руки как победителям, а на ринге распростерлось тело побежденного, вернее, побежденной, поскольку на туловище тела видна надпись «Холодная война», а это существительное женского рода. Рисунок, переизданный затем в виде отдельного плаката, назван коротко и ясно: «Нокаут» (с. 240). Образ может вызвать протест со стороны феминисток и/или любителей бокса: двое мужиков избili женщину — где же тут гендерная корректность и какой же тут спорт? Впрочем, как политический посыл все правильно: два лидера сверхдержав покончили с порочной реальностью прошлого, они настоящие победители... Но вот вопрос: как это сочетается с тезисом, что СССР проиграл, а США выиграли холодную войну? Между тем этот тезис нет-нет да и проскакивает у авторов книги. Причем любопытный нюанс — именно у российских. В главах, принадлежащих зарубежным ученым, он отсутствует. Более того, на той же странице, где напечатана эта карикатура, приводится ссылка на книгу бывшего посла США в Москве Дж.Ф. Мэтлока, название которой говорит само за себя: «Рейган и Горбачев. Как закончилась “холодная война”... и все выиграли» (М., 2005 г.)⁷. Сама В.И. Журавлева там же отмечает, что «победа в холодной войне была совместной». К сожалению, эта мысль не получает развития, и, очевидно, уместно более подробно на этой проблеме остановиться.

Говоря о победе или поражении, многие авторы умышленно или неумышленно путают три феномена и, соответственно, три понятия, хотя и связан-

⁶ Ёмкую характеристику взглядов этого историка и его места в американской историографии (очень высокого) дает в своей главе В.О. Печатнов (с. 65–66).

⁷ Речь идет о переводе англоязычного издания: *Matlock J.F. Reagan and Gorbachev. How the Cold War Ended.* New York, 2004.

ных друг с другом, но далеко не идентичных: окончание военной конфронтации на мировой арене (то, что и называлось холодной войной), окончание «социалистического эксперимента» на значительной части земного шара и, наконец, окончание существования Советского Союза — страны, наиболее полно воплотившей в своей истории этот эксперимент. В большинстве работ, написанных по свежим следам этих событий, дело представлялось таким образом, что крах социалистической модели и распад СССР предшествовали концу холодной войны и, собственно, стали предпосылкой и причиной этого конца. Против этой точки зрения говорит даже простая хронология: Советский Союз прекратил свое существование два года спустя после того, как Горбачев и Буш на Мальте провозгласили новую эру сотрудничества (а если брать за точку отсчета в процессе окончания холодной войны падение Берлинской стены, то интервал будет даже больше). Такая последовательность событий отражает простой исторический факт: никакие изменения в советском социуме в сторону отказа от догматики в сфере экономики, политики и идеологии не были бы возможны в условиях международной напряженности и конфликтности. Без коренных сдвигов на мировой арене 1986—1987 гг. (грубо говоря — от Рейкьявика до Договора о ракетах средней дальности), без демонтажа «образа врага» не было бы ни перестройки, ни гласности. Замечу, кстати, то, как закончилась холодная война, у многих, включая данного автора, не ослабило, а укрепило доверие к власти и веру в социализм: вот теперь-то, используя средства, высвободившиеся от гонки вооружений и от поддержки непопулярных режимов, он покажет свое преимущество над прогнившей капиталистической системой с ее кризисами, безработицей и прочими пороками... Действительность быстро рассеяла эти иллюзии. В статье, которую я написал для американского журнала *Diplomatic History*⁸ на излете 1990 г., уже не фигурировала идея соревнования двух систем (исход его был очевиден), а выдвигалась гипотеза, что в результате победы *над* (курсив мой. — А. Ф.) холодной войной формируется некая новая «мировая цивилизация», основные характеристики которой определялись как «рынок» в сфере экономики и «демократия» в сфере политики⁹. Речь шла о косвенной полемике с тезисом Ф. Фукуямы о «конце истории», что было коротко отмечено редактором-составителем сборника, сформированного из статей двух номеров *Diplomatic History*: «Филитов и в какой-то мере Ла

Фибер¹⁰ видят в окончании холодной войны возвращение к истории, а не ее конец»¹¹.

К сожалению, это «возвращение» оказалось отнюдь не триумфальным. Жертвами социально-политического «транзита» (используя терминологию В.О. Печатнова) стали не только большинство советских граждан, но и сам Советский Союз. Версий о причинах такого развития событий множество. Не впадая в искушение саморекламы, укажу на свое участие в большой международной дискуссии о причинах распада СССР, начатой немецким историком Й. Баберовски (в ней также участвовали его коллеги М. Хильдемайер и М. Крамер, о чем уже говорилось выше)¹². Свою статью, представленную на этом круглом столе, я опубликовал в несколько расширенном виде в журнале историков стран СНГ¹³. В том же номере журнала помещена статья А.В. Шубина¹⁴, в которой, в частности, убедительно разоблачается версия о якобы роковом для СССР факторе снижения цен на нефть — излюбленный довод тех, кто говорит о «поражении СССР в холодной войне»¹⁵. А.В. Шубин обоснованно говорит о «поражении, которого не было»¹⁶. В этом наши мнения совпали, во многом другом — разошлись. Это относится и к оценке роли КПСС: с точки зрения автора этих строк, реформированная партия могла стать локомотивом более гармоничного развития страны, А.В. Шубин не склонен видеть здесь жизнеспособную альтернативу, его больше интересует деятельность неформальных и спонтанных движений «снизу». Разумеется, ни та ни другая точка зрения не может претендовать на истину в последней

¹⁰ Речь идет о выдающемся американском историке, который одним из первых выступил против западной мифологии о холодной войне; именно он во время своего визита в Москву предложил мне поучаствовать в международном форуме, посвященном ее окончанию. Его недавний уход из жизни — большая потеря для исторической науки.

¹¹ The End of the Cold War. P. 4.

¹² *Baberowski J.* Criticism as Crisis, or Why the Soviet Union Still Collapsed // *Journal of Modern European History*. 2011. Vol. 9. № 2. P. 148–166; *Hildemeier M.* “Well said is half a lie”. Observations on Jörg Baberowski’s “Criticism as Crisis, or why the Soviet Union still Collapsed” // *Journal of Modern European History*. 2011. Vol. 9. № 3. P. 289–297; *Filitov A.* The End of the Cold War and the Dissolution of the USSR // *Journal of Modern European History*. 2011. Vol. 9. № 3. P. 298–307; *Kramer M.* Op. cit. P. 5–18; *Baberowski J.* “Badly Said is Badly Lied”. Reply to my Critics // *Journal of Modern European History*. 2012. Vol. 10. № 1. P. 19–23.

¹³ *Филитов А.М.* Конец холодной войны и распад СССР. Проблема закономерности и альтернативности // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2011. С. 245–254.

¹⁴ *Шубин А.В.* К дискуссии о причинах перестройки // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2011. С. 227–244.

¹⁵ Там же. С. 240–244.

¹⁶ Там же. С. 240.

⁸ Victory in the Postwar Era: Despite the Cold War or Because of It? // “*Diplomatic History*”. 1992. Vol. 16. № 1. P. 52–60; Перепечатано в сборнике: *The End of the Cold War. Its Meaning and Implications* / ed. M. Hogan. New York, 1992. P. 77–86.

⁹ The End of the Cold War. P. 80.

инстанции. Свои статьи по тематике соотношения холодной войны и развала СССР я завершал призывом к продолжению дискуссии. Увы, призыв этот не был услышан. Хотелось бы надеяться, что это случится на этот раз.

Библиография / References

- Дашичев В.И.* От Сталина до Путина. Воспоминания и размышления о прошлом, настоящем и будущем. М., 2015.
- Новые материалы по решению германского вопроса 1989–1990 гг. // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 94–116.
- Филитов А.М.* Конец холодной войны и распад СССР. Проблема закономерности и альтернативности // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2011. С. 245–254.
- Шубин А.В.* К дискуссии о причинах перестройки // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2011. С. 227–244.
- Dashichev V.I.* Ot Stalina do Putina. Vospominaniia i razmyshleniia o proshlom, nastoiashchem i budushchem [From Stalin to Putin. Memories and reflections on the past, present and future]. Moskva, 2015. S. 272–275. (In Russ.)
- Filitov A.M.* Konets kholodnoi voiny i raspad SSSR. Problema zakonornosti i al'ternativnosti [The end of the Cold War and the collapse of the USSR. The problem of regularity and alternativeness] // Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG [Historical space. Problems of the history of the CIS countries]. 2011. S. 245–254. (In Russ.)
- Novye materialy po resheniiu germanskogo voprosa 1989–1990 gg. [New materials on the solution of the German question 1989–1990] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2011. № 6. S. 94–116. (In Russ.)
- Shubin A.V.* K diskussii o prichinakh perestroika [To the discussion about the causes of perestroika] // Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG [Historical space. Problems of the history of the CIS countries]. 2011. S. 227–244. (In Russ.)
- Baberowski J.* “Badly Said is Badly Lied”. Reply to my Critics // Journal of Modern European History. 2012. Vol. 10. № 1. P. 19–23.
- Baberowski J.* Criticism as Crisis, or Why the Soviet Union Still Collapsed // Journal of Modern European History. 2011. Vol. 9. № 2. P. 148–166.
- Filitov A.* The End of the Cold War and the Dissolution of the USSR // Journal of Modern European History. 2011. Vol. 9. № 3. P. 298–307.
- Filitov A.* The End of the Cold War. Its Meaning and Implications / ed. M. Hogan. New York, 1992. P. 77–86.
- Filitov A.* Victory in the Postwar Era: Despite the Cold War or Because of It? // “Diplomatic History”. 1992. Vol. 16. № 1. P. 52–60.
- Hildemeier M.* “Well said is half a lie”. Observations on Jörg Baberowski’s “Criticism as Crisis, or why the Soviet Union still Collapsed” // Journal of Modern European History. 2011. Vol. 9. № 3. P. 289–297.
- Kramer M.* The Unintended Revolution. Commentary on “Criticism as Crisis or Why the Soviet Union still Collapsed” // Journal of Modern European History. 2012. Vol. 10. № 1. P. 5–18.
- Matlock J.F.* Reagan and Gorbachev. How the Cold War Ended. New York, 2004.
- Rother B.* Sozialdemokratie global. Willy Brandt und die Sozialistische Internationale in Lateinamerika. Campus Verlag, Frankfurt am Main, 2021.

© 2022 г. В.И. Шлыков, П.В. Шлыков

СУДЬБА ОСМАНИСТА В РОССИИ: ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА М.С. МЕЙЕРА (1936–2022)

Шлыков Вячеслав Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: v.shlykov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5255-2331

Шлыков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: shlykov@mail.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014

V.I. Shlykov, P.V. Shlykov

THE DESTINY OF AN OTTOMAN HISTORIAN IN RUSSIA: IN MEMORY OF PROFESSOR MIKHAIL MEYER (1936–2022)

Vyacheslav Shlykov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: v.shlykov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5255-2331

Pavel Shlykov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: shlykov@mail.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014

Весной 2022 г. мировая османистика и туркология понесли тяжелую и невосполнимую утрату. 19 апреля 2022 г. оборвался жизненный путь выдающегося российского историка-османиста, президента Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ, заслуженного профессора МГУ д.и.н. Михаила Серафимовича Мейера. Вспоминая, как недавно мы праздновали его 85-летний юбилей и наблюдали прямую фигуру с гордо поднятой головой и задорно смеющимися глазами, в сознании плохо укладывается мысль о смерти, усиливая остроту печали.

М.С. Мейер широко известен не только в России и Турции, но и во многих других странах, где активно работают центры по изучению Османской Турции. Как только печальные новости о его кончине появились на лентах российских и турецких новостных агентств, весь османско-туркологический сегмент Facebook наполнился трогательными соболезнованиями и воспоминаниями о профессоре М.С. Мейере – талантливом администраторе науки,

блестящем лекторе и крупном ученом-исследователе, перу которого принадлежат ставшие классическими работы по истории Османской империи Нового времени.

Российская османистика, насчитывающая уже более трех столетий, никогда не была массовой отраслью востоковедной науки. Ею занимались лишь энтузиасты, поскольку работать в этой сфере всегда было крайне непросто: во-первых, требовалась серьезная лингвистическая подготовка и историческая эрудиция, а во-вторых, политическая интуиция ввиду того, что османистика исторически балансировала на грани науки и политики. Последнее мешало академическим исследованиям и порождало феномен публицистической османистики. Этот жанр жив и востребован в наши дни, служа воспроизведению исконного параллелизма популярной и научной османистики. Яркий политико-этнографический описательный материал неизменно вызывает широкий интерес российского читателя, но при этом уводит в сторону от исторических реалий, заставляет скользить по поверхности явлений, не углубляясь во внутренние причины, специфику и закономерности 600-летней истории Османского государства.

В российской науке османистика издавна была традиционной востоковедной дисциплиной¹. Россия и Османская империя — два государства, развивавшиеся во многом по параллельным траекториям: исторический материал давал богатую пищу для исследовательских аналогий. Обе державы объединяли огромные пространства и разные народы, включая их в единый государственный организм: обе выстраивали особую модель сосуществования разных религий, прежде всего ислама и христианства. Развиваясь, каждая в своем геополитическом ареале, Российская и Османская империи во второй половине XVII в. пришли к непосредственному территориальному соприкосновению. Борьба за территориальное размежевание вылилась в континуум вражды и войн. 12 русско-турецких войн — ни Россия, ни Османская империя ни с кем больше столько не воевали — привели к культивированию по отношению друг к другу «образа врага», но в то же время обе державы были обречены на взаимный интерес и внимание. Со времени первого русского посольства к османскому султану в 1497 г. в России аккумулировались разнообразные знания о южном соседе: посольские донесения, переводная литература, сведения различных лиц, побывавших на турецкой территории, — от купцов и паломников до разведчиков и пленников. Османская империя интересовала политиков и военных, что порождало не только обширную публицистическую литературу, но и закладывало фундамент научной османистики, базировавшейся на изучении османских источников и интересе к внутренним проблемам Османского государства.

Во второй половине XIX в. в Петербурге сложилась школа османских исследований, славным представителем которой стал В.Д. Смирнов (1846–1922) — первая величина в российской и западной туркологии после Йозефа фон Хаммер-Пургшталя (1774–1856), по определению академика В.А. Гордлевского (1876–1956)². После Октябрьской революции в османо-туркологических исследованиях наступили тяжелые времена. На первый план вышли прикладные задачи (подготовка кадров для восточных республик, разработка новых алфавитов для тюркских языков), новые научные кадры в османистике почти не готовились. Произошел разрыв поколений: еще продолжали трудиться востоковеды дореволюционной школы, но были прерваны старые научные традиции, а наука оказалась в прокрустовом ложе новых идеологических установок. В годы Великой Отечественной войны востоковедные исследования приобрели еще большую зависимость от политической конъюнктуры и текущих государственных приоритетов на Востоке. Именно в этот период в востоковедную науку пришел М.С. Мейер, избрав себе не очень популярное и трудное поприще — изучение истории Османской империи.

¹ См.: Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Твентиной (1910–1973). М., 2010. С. 15–26.

² Гордлевский В.А. Памяти В.Д. Смирнова (1846–1922) // Гордлевский В.А. Избранные произведения. Т. IV. М., 1968. С. 408–414.

Михаил Серафимович родился 30 августа 1936 г. в Москве на Красной Пресне. Его отец – Серафим Михайлович Ерофеев (1904–1974) – трудился на заводе ЗИЛ, мать – Минна Яновна Мейерс (1903–1998) – работала на текстильной фабрике Трехгорной мануфактуры. Родители быстро расстались, и именно мать, о которой М.С. Мейер всегда вспоминал с особой теплотой, сыграла ключевую роль в его жизни. У Минны Яновны была непростая судьба. Во время революции 1905–1907 гг. ее отца расстреляли как участника протестных выступлений, а с началом Первой мировой она вместе с матерью и пятью своими сестрами вынуждена была бежать из родной Лифляндской губернии (современная Латвия) в Петроград, где Минна Яновна была официально зарегистрирована как Нина Ивановна Мейер. Спасаясь от голода в послереволюционные годы, семья переехала на Алтай, где Н.И. Мейер занималась партработой в Бийске, но вскоре вынуждена была перебраться в Москву, где окончила техникум для ткачей в Орехово-Зуеве и устроилась на старейшее московское текстильное предприятие – Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры. От матери М.С. Мейер унаследовал не только фамилию, но и многие черты характера – целеустремленность, широту взглядов на мир и чрезвычайно позитивное восприятие жизни.

М.С. Мейер учился в мужской образцовой школе № 101, которая в то время боролась за звание лучшей школы центрального округа столицы. Ее возглавлял неординарный человек – ветеран-фронтовик, потомственный педагог и создатель одной из первых математических школ Москвы Аркадий Маркович Белицкий (1911–1965). Благодаря харизме и энтузиазму А.М. Белицкого многие выпускники школы пошли в науку и сделали успешную академическую карьеру, а трепетное отношение к своим ученикам сделало его кумиром для школьников, которые через всю свою жизнь пронесли трогательное отношение к А.М. Белицкому. Сам М.С. Мейер вместе со своими школьными товарищами каждый декабрь навещал могилу А.М. Белицкого на Ваганьковском кладбище, чтобы положить свежие цветы на гранитное надгробие любимого учителя.

В школьные годы все свободное время М.С. Мейер старался проводить в юношеском отделении Ленинской библиотеки, где любил часами читать. Поэтому его приход в Московский университет выглядел естественным и абсолютно логичным. Поступив на восточное отделение исторического факультета Московского университета в 1955 г., уже на втором курсе М.С. Мейер стал одним из первых студентов созданного летом 1956 г. Института восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки МГУ), с которым оказался неразрывно связан весь его дальнейший жизненный и творческий путь. В те годы общественный интерес к Ближнему и Среднему Востоку в Советском Союзе находился на пике. Руководство СССР открыто поддерживало режимы «социалистической ориентации», а советская молодежь с юношеским энтузиазмом стремилась отправиться на помощь народу Египта, молодой лидер которого полковник Гамаль Абдель Насер национализировал Суэцкий канал и принял на себя удар «империалистического Запада» в ходе «Тройственной агрессии» 1956 г. Именно эти настроения, по признанию самого М.С. Мейера, стали побудительным мотивом его решения поступить на восточное отделение исторического факультета МГУ. Однако желанию стать арабистом не суждено было осуществиться, поскольку его распределили в группу турецкого языка. По прошествии многих лет он любил вспоминать этот эпизод, напутствуя студентов-первокурсников: «В годы студенчества, когда мы взбунтовались против изучения турецкого языка, нам ответили – разве вы не хотите стать новыми Бартольдами?... Пример академика Василия Владимировича Бартольда, знавшего и турецкий, и арабский, и персидский, и многие другие языки, настолько воодушевил, что мы выучили турецкий и стали туркологами».

Действительно, тюркологию можно считать одной из отправных точек в развитии отечественного востоковедения. Существовавшие издревле тюрко-славянские связи порождали необходимость у живущих по соседству народов накапливать знания друг о друге. В России, несмотря на традиционное тяготение к Европе, всегда ощущалось

и учитывалось тесное соседство с миром Востока. Не случайно университетская тюркология зародилась в Казани, для русского населения которой Восток в буквальном смысле слова начинался на соседних улицах — в татарской слободе. Осознание многообразия тюркского мира породило в российском востоковедном дискурсе непонятный многим иностранцам терминологический дуализм «тюркологии» как более широкой сферы, охватывающей изучение всей группы тюркских народов, и «туркологии» как более узкой предметной области, относящейся к той группе тюркских народов, этнической родиной которых выступила Малая Азия, а история связана с Османской империей и Турецкой Республикой³.

В студенческие годы М.С. Мейера тюркологов было не очень много, но, как правило, это были большие энтузиасты, заинтересованные и преданные своему делу люди. Они добросовестно занимались избранной профессией, несмотря на то что зачастую от них требовались не столько знания, сколько умение противостоять «чуждым взглядам» и уложить весь имеющийся материал в определенную схему. Накладывало свой отпечаток и то обстоятельство, что в 1940–1950-е годы советско-турецкие отношения переживали трудные времена. В прошлое ушел воодушевленный интерес к опыту кемалистов по строительству «Новой Турции», в публикациях стала доминировать озабоченность из-за распространения в Турции расистских идей и радикально-националистических настроений, правящий в Турции режим в публикациях советских исследователей все чаще именовался «фашистским» и «проимпериалистическим», а сама страна — «вотчиной Уолл-стрита» и «американского империализма»⁴. Изучение же Османской империи вообще считалось неактуальным, интерес поощрялся лишь к проблемам национально-освободительных движений и классовой борьбе, а спущенные «сверху» идеологические установки диссонировали с прежними традициями углубленного исследования истории и культуры стран Азии, свойственными старому российскому востоковедению.

Молодому студенту-тюркологу М.С. Мейеру повезло с учителями. Среди его наставников был и основатель московской школы османистов-тюркологов академик В.А. Гордлевский, щедро делившийся своими познаниями о Турции и турецком языке, и профессор А.Ф. Миллер, один из наиболее ярких и эрудированных советских тюркологов. Именно личность А.Ф. Миллера, считавшего, что к изучению османской истории нужно подходить комплексно, и умевшего в любых условиях сохранять достоинство, собирать вокруг себя пусть немногих, но единомышленников, заражать их своей пылкостью, стремлением добросовестно служить избранной специальности, имела решающее значение для профессионального становления М.С. Мейера.

Уже через пять лет после окончания университета, в 1965 г. М.С. Мейер успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную анализу народных выступлений в городах Османской империи в конце XVII — начале XVIII в. Тема общественных отношений станет одной из центральных для М.С. Мейера. Причем география его исследований не ограничивалась Турцией. В 1960-е годы его также занимали вопросы развития стран Африки, прежде всего ЮАР⁵.

В 1970-е годы исследовательские интересы М.С. Мейера сфокусировались на проблемах общественно-политического развития Османской империи рубежа Средних веков и Нового времени. Вышли работы, посвященные влиянию «революции цен» на

³ Орешкова С.Ф. Некоторые размышления о развитии тюркологии и османистики // *Turcica et Ottomanica*: сборник в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006. С. 15.

⁴ Крымский В. Пантюркисты — фашистская агентура // *Большевик*. 1944. № 10–11. С. 79–85; Аюбян Г. Турция — вотчина американского империализма // *Пропагандист и агитатор*. 1951. № 14. С. 23–31; Самыловский И.В. Турция — вотчина Уолл-стрита. М., 1952.

⁵ Мейер М.С. Положение африканского рабочего класса в ЮАР // *Народы Азии и Африки*. 1964. № 6. С. 19–31; *Его же*. Влияние отходничества на формирование и положение рабочего класса в ЮАР // *Рабочий класс стран Азии и Африки*. М., 1966. С. 154–209.

Османскую империю⁶, вопросам аграрных отношений на средневековом Ближнем Востоке⁷, проблемам экономической жизни и развитию османских городов⁸. Наиболее продуктивным в научном плане стал период 1980-х годов, когда М.С. Мейер опубликовал результаты исследований османского земельного владения тимара⁹, религиозно-благотворительного института вакфов¹⁰, социальной стратификации османского общества¹¹, особенностей демографических процессов в Османской империи¹². Все эти публикации свидетельствуют о становлении М.С. Мейера как серьезного ученого-османиста, работающего с турецкими первоисточниками, чувствующего и знающего османское средневековье и Новое время.

В общей сложности из-под пера М.С. Мейера вышло более 160 работ¹³, самая известная из которых – фундаментальное исследование асинхронной трансформации османского государства и общества в XVIII в.¹⁴ В монографии, давно вошедшей в золотой фонд отечественной османистики, скрупулезно проанализирован ключевой период на историческом пути превращения Османской империи из крупнейшей и влиятельнейшей державы Старого Света в периферийный элемент мировой капиталистической системы. На основе подробного разбора кризисной ситуации XVIII в. М.С. Мейеру удалось раскрыть причины нелинейной эволюции и факторы формирования в XIX в. механизма «зависимого развития», воздействие которого отразилось на становлении республиканской Турции. Предложенная в работе альтернативная интерпретация турецкой истории позволила глубже понять судьбы народов, длительное время находившихся под властью Порты.

В 1990-е годы наступил новый этап в жизни и университетской карьере М.С. Мейера, когда проявился его потенциал не только кабинетного ученого, но и успешного организатора науки. В 1990 г. он возглавил кафедру истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА, а в 1994 г. стал директором Института стран Азии и Африки МГУ. При активном участии М.С. Мейера в ИСАА были созданы кафедра истории и культуры Японии, кафедра иудаики, кафедра Центральной Азии и Кавказа, а также налажены устойчивые научные связи ИСАА с университетами Японии, КНР, Тайваня, Вьетнама, Республики Корея, ФРГ, США, Канады, Турции, Израиля и других стран Азии и Европы.

В 2010-е годы, покинув пост директора ИСАА и став почетным президентом института (2013 г.), М.С. Мейер продолжил активную научную и просветительскую деятельность, читал публичные лекции в вузах России, стран ближнего и дальнего зарубежья, выступал с научными докладами на университетских, межвузовских и общероссийских

⁶ Мейер М.С. Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю // Народы Азии и Африки. 1975. № 1. С. 96–107.

⁷ Мейер М.С., Орешкова С.Ф. Некоторые типологические черты османского феодализма (к постановке проблемы) // История и филология Турции. М., 1976. С. 25–30; Мейер М.С. Некоторые черты аграрных отношений в Османской империи // Историография стран Азии и Африки (проблемы феодализма). М., 1977. С. 279–293.

⁸ Мейер М.С. К характеристике экономической жизни городов Османской империи в XVIII в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978. С. 242–275.

⁹ Мейер М.С. К вопросу о происхождении тимара // Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1980. С. 110–120.

¹⁰ Мейер М.С. Роль вакфов в развитии Османской империи в XV–XVI вв. // Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980. С. 4–21.

¹¹ Мейер М.С. К характеристике правящего класса в Османской империи // Средневековый Восток. М., 1980. С. 180–189; *Его же*. Реформы в Османской империи и улемы (первая половина XVIII в.) // Ислам и страны Ближнего и Среднего Востока. М., 1982. С. 59–75.

¹² Мейер М.С. Особенности демографических процессов в Османской империи XV–XVI вв. и их социально-экономические последствия // Демографические процессы на Балканах в средние века. Калинин, 1984. С. 3–27.

¹³ Подробнее о трудах М.С. Мейера см.: Шлыков В.И., Шлыков П.В. По заветам академика В.В. Бартольда... // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2021. № 3. С. 3–18.

¹⁴ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.

научных конференциях. Большое внимание уделял своей деятельности в качестве сопредседателя комитета историков Российско-турецкого форума общественности. Одним из последних масштабных общественно-просветительских проектов М.С. Мейера стала российско-турецкая летняя школа османского языка в городе Айвалык, которая регулярно проводилась в июле—августе до пандемии COVID-19 при организационной поддержке его ближайшего друга и соратника проф. Ильбера Ортайлы, одного из самых известных турецких историков. В работе школы с большим энтузиазмом принимали участие студенты-туркологи разных отделений ИСАА (исторического, филологического и экономического), а само проведение «Летней школы османского языка профессора Ильбера Ортайлы» в Айвалыке вызывало большой интерес СМИ и местных властей. На торжественной церемонии открытия школы традиционно выступали мэры городов Балыкесир и Айвалык, а работу школы широко освещали турецкие газеты и телеканалы.

Вплоть до самых последних дней М.С. Мейер продолжал преподавать, считая передачу знаний новым поколениям туркологов важнейшим делом своей жизни. Он всегда отдавал много сил кропотливой индивидуальной работе со студентами и аспирантами. За более чем полвека преподавательской деятельности в стенах Московского университета он вырастил целую плеяду османистов и туркологов, работающих сейчас в ведущих востоковедных центрах России, под его руководством написано более сотни дипломных и магистерских работ, подготовлено и защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций. Многие из его воспитанников стали признанными специалистами по истории Ближнего и Среднего Востока, успешными дипломатами, видными журналистами, политиками и государственными деятелями. Для многих поколений российских востоковедов высочайший профессионализм и жизненная энергия М.С. Мейера, его энтузиазм и неисчерпаемые творческие замыслы стали мощным стимулом профессионального становления и служения науке.

В наших сердцах Михаил Серафимович навсегда останется взыскательным наставником и старшим товарищем с невероятным сочетанием жизнелюбия, неординарности суждений, пронизательности и доброты.

Библиография

Акопян Г. Турция – вотчина американского империализма // Пропагандист и агитатор. 1951. № 14. С. 23–31.

Гордлевский В.А. Памяти В.Д. Смирнова (1846–1922) // Гордлевский В.А. Избранные произведения. Т. IV. М., 1968. С. 408–414.

Крымский В. Пантюркисты – фашистская агентура // Большевик. 1944. № 10–11. С. 79–85.

Мейер М.С. Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю // Народы Азии и Африки. 1975. № 1. С. 96–107.

Мейер М.С. Влияние отходничества на формирование и положение рабочего класса в ЮАР // Рабочий класс стран Азии и Африки. М., 1966. С. 154–209.

Мейер М.С. К вопросу о происхождении тимара // Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1980. С. 110–120.

Мейер М.С. К характеристике правящего класса в Османской империи // Средневековый Восток. М., 1980. С. 180–189.

Мейер М.С. К характеристике экономической жизни городов Османской империи в XVIII в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978. С. 242–275.

Мейер М.С. Некоторые черты аграрных отношений в Османской империи // Историография стран Азии и Африки (проблемы феодализма). М., 1977. С. 279–293.

Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.

Мейер М.С. Особенности демографических процессов в Османской империи XV–XVI вв. и их социально-экономические последствия // Демографические процессы на Балканах в средние века. Калинин, 1984. С. 3–27.

Мейер М.С. Положение африканского рабочего класса в ЮАР // Народы Азии и Африки. 1964. № 6. С. 19–31.

Мейер М.С. Реформы в Османской империи и улемы (первая половина XVIII в.) // Ислам и страны Ближнего и Среднего Востока. М., 1982. С. 59–75.

- Мейер М.С.* Роль вакфов в развитии городов Османской империи в XV–XVI вв. // Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980. С. 4–21.
- Мейер М.С., Орешкова С.Ф.* Некоторые типологические черты османского феодализма (к постановке проблемы) // История и филология Турции. М., 1976. С. 25–30.
- Орешкова С.Ф.* Некоторые размышления о развитии тюркологии и османистики // Turcica et Ottomanica: сборник в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006. С. 15.
- Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010.
- Самыловский И.* Турция – вотчина Уолл-стрита. М., 1952.
- Шлыков В.И., Шлыков П.В.* По заветам академика В.В. Бартольда... // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2021. № 3. С. 3–18.

References

- Akopyan G.* Turciya – votchina amerikanskogo imperializma [Turkey – the patrimony of American imperialism] // Propagandist i agitator [Propagandist and agitator]. 1951. № 14. S. 23–31. (In Russ.)
- Gordlevskij V.A.* Pamyati V.D. Smirnova [In memory of V.D. Smirnov] (1846–1922) // Gordlevskij V.A. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. T. IV. Moskva, 1968. S. 408–414. (In Russ.)
- Krymskij V.* Pantyrkisty – fashistskaya agentura [Pan-Turkists – fascist agents] // Bol'shevik [Bolshevik]. 1944. № 10–11. S.79–85. (In Russ.)
- Mejer M.S.* Vliyaniye “revolyucii cen” v Evrope na Osmanskuyu imperiyu [The influence of the “price revolution” in Europe on the Ottoman Empire] // Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]. 1975. № 1. S. 96–107. (In Russ.)
- Mejer M.S.* Vliyaniye otkhodnichestva na formirovaniye i polozheniye rabocheho klassa v YUAR [The influence of otkhodnichestvo on the formation and position of the working class in South Africa] // Rabochij klass stran Azii i Afriki [The working class of Asian and African countries]. Moskva, 1966. S. 154–209. (In Russ.)
- Mejer M.S.* K voprosu o proiskhozhdenii timara [On the question of the origin of timar] // Formy zemel'noj sobstvennosti i vladeniya na Blizhnem i Srednem Vostoke [Forms of land ownership and ownership in the Near and Middle East]. Moskva, 1980. S. 110–120. (In Russ.)
- Mejer M.S.* K harakteristike pravyyashchego klassa v Osmanskoj imperii [On the characteristics of the ruling class in the Ottoman Empire] // Srednevekovyj Vostok [Middle East]. Moskva, 1980. S. 180–189. (In Russ.)
- Mejer M.S.* K harakteristike ekonomicheskoy zhizni gorodov Osmanskoj imperii v XVIII v. [On the characteristics of the economic life of the cities of the Ottoman Empire in the 18th century] // Problemy genezisa kapitalizma [Problems of the genesis of capitalism]. Moskva, 1978. S. 242–275. (In Russ.)
- Mejer M.S.* Nekotorye cherty agrarnyh otnoshenij v Osmanskoj imperii [Some features of agrarian relations in the Ottoman Empire] // Istoriografiya stran Azii i Afriki (problemy feodalizma) [Historiography of Asian and African countries (problems of feudalism)]. Moskva, 1977. S. 279–293. (In Russ.)
- Mejer M.S.* Osmanskaya imperiya v XVIII veke. Cherty strukturnogo krizisa [The Ottoman Empire in the 18th century. Features of the structural crisis]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Mejer M.S.* Osobennosti demograficheskikh processov v Osmanskoj imperii XV–XVI vv. i ih social'no-ekonomicheskie posledstviya [Features of demographic processes in the Ottoman Empire of the 15th–16th centuries and their socio-economic consequences] // Demograficheskie processy na Balkanah v srednie veka [Demographic processes in the Balkans in the Middle Ages]. Kalinin, 1984. S. 3–27. (In Russ.)
- Mejer M.S.* Polozheniye afrikanskogo rabocheho klassa v YuAR [The situation of the African working class in South Africa] // Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]. 1964. № 6. S. 19–31. (In Russ.)
- Mejer M.S.* Reformy v Osmanskoj imperii i ulemy (pervaya polovina XVIII v.) [Reforms in the Ottoman Empire and ulema (the first half of the 18th century)] // Islam i strany Blizhnego i Srednego Vostoka [Islam and the countries of the Near and Middle East]. Moskva, 1982. S. 59–75. (In Russ.)
- Mejer M.S.* Rol' vakfov v razvitii gorodov Osmanskoj imperii v XV–XVI vv. [The role of the Waqfs in the development of the Ottoman cities in the 15th–16th centuries] // Obshchestvo i gosudarstvo na Balkanah v srednie veka [Society and the state in the Balkans in the Middle Ages]. Kalinin, 1980. S. 4–21. (In Russ.)
- Mejer M.S., Oreshkova S.F.* Nekotorye tipologicheskie cherty osmanskogo feodalizma (k postanovke problemy) [Some typological features of Ottoman feudalism (towards the formulation of the problem)] // Istoriya i filologiya Turcii [History and Philology of Turkey]. Moskva, 1976. S. 25–30. (In Russ.)
- Oreshkova S.F.* Nekotorye razmyshleniya o razvitii tyurkologii i osmanistiki [Some reflections on the development of Turkology and Ottoman Studies] // Turcica et Ottomanica: sbornik v chest' 70-letiya M.S. Mejera [Turcica et Ottomanica: collection in honor of the 70th anniversary of M.S. Meyer]. Moskva, 2006. S. 15. (In Russ.)

Osmanskij mir i osmanistika. Sbornik statej k 100-letiju so dnya rozhdeniya A.S. Tveritinovoj (1910–1973) [The Ottoman World and Ottoman Studies. Collection of articles on the centenary of the birth of A.S. Tveritina (1910–1973)]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Samylovskij I. Turciya – votchina Uoll-strita [Turkey – patrimony of Wall-street]. Moskva, 1952. (In Russ.)

Shlykov V.I., Shlykov P.V. Po zavetam akademika V.V. Bartol'da... [Following the Behests of Academician V.V. Bartold...] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie [Bulletin of the Moscow University. Episode 13. Oriental studies]. 2021. № 3. S. 3–18. (In Russ.)

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 10.10.2022 г.
Дата выхода в свет: 24.10.2022 г.
Тираж 295 экз.

70•100¹/₁₆
Зак. 11/5а.

Уч.-изд. л. 23.4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

18+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»
Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110133 от 04.02.1993
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

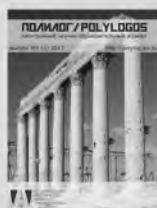
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
  - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история
культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).